

УЗЪ ДАВНЯГО ПЛОМЧАТА

А. СМЕРНОВЪ

СІРЪ ИЛАРЪ ДЕРЖИНА

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

1101—1000000

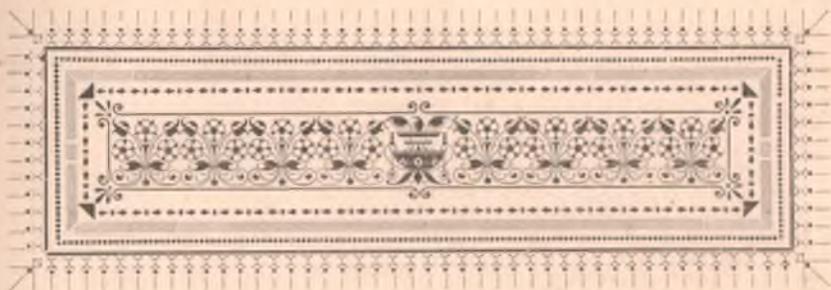
185433-1

41(2) Рос = Рус/6
С 50

43 | ОМСКАЯ
Ц Б им. Ленина

МУК "Централизованная
система муниципальных
библиотек г. Омска"

185433 - 1

АНЬ Ромуальдъ Маевскій проснулся въ наиприятнѣйшемъ расположеніи духа. Онъ видѣлъ прекрасный сонъ. Приходитъ, будто къ нему жидъ-арендаторъ Гершко и вкрадчиво, такъ говоритъ:

— А что, пшенички можно купить у васъ, панс-добродѣю?

— Пшеницы мало, самимъ нужна, отвѣчаетъ ему панъ Ромуальдъ.

— А я бы далъ хоросую цѣну...

— Мало, тебѣ говорятъ!...

— Ой, кто-же сказалъ вамъ, что мало!... и жидъ трясеть головой.— Пшеницы куца у васъ!... Я самъ видѣлъ...

— Такъ посмотри, дуракъ!— И панъ ведетъ Гершко къ амбару.

Онъ отворяетъ дверь п... Jesus-Maria!— Огромный прочный амбаръ (панъ Ромуальдъ построилъ его въ прошломъ году) просто ломится отъ пшеницы. Да тутъ урожай трехъ годовъ!...

— Я дамъ вамъ хоросую цѣпу, говоритъ Гершко и улыбается. — Вотъ получите пока въ задатоцекъ... — И онъ суетъ пану въ руки мѣшокъ... — Затѣмъ и амбаръ, и пшеница, и Гершко куда-то вдругъ исчезаютъ... И видитъ панъ Ромуальдъ: сидитъ за столомъ онъ, а передъ нимъ груда червонцевъ. Онъ насчиталъ уже двѣнадцать столбиковъ, но двадцати въ каждомъ, — а груда еще чуть-чуть уменьшилась...

— Ну, и устрою-жь я ширь! говоритъ панъ Ромуальдъ и радостно потираетъ руки. — Венгерскимъ весь дворъ залью!... — Но тутъ онъ просыпается.

— Гм!... думаетъ панъ Ромуальдъ. — Кабы да сонъ въ руку!... Пшеницы-то, точно осталось довольно... Недурно, еслибъ продать ее Гершку червонцевъ за пятьдесятъ... Деньги-то очень нужны... Не дать вотъ только, христонпродавецъ!...

Но тутъ панъ Ромуальдъ вспомнилъ, что есть и еще кой-что продать. Деньги будутъ! Да, наконецъ, и Казиміръ Заремба. Старикъ богаче жиды, — и, въ случаѣ, тамъ, чего-либо, можно и его взять за бока. Дастъ навѣрное!...

Панъ Ромуальдъ сладко такъ потянулся и зажмурилъ глаза, точно котъ послѣ сливокъ. — Но, вдругъ, за стѣной, тамъ, въ сосѣдней комнатѣ, послышался плачь ребенка... Панъ Ромуальдъ улыбнулся такъ вкусно, такъ хорошо, что даже у него усы шевельнулись... Этотъ слабый и тихій плачь былъ для него лучше музыки, и наполнилъ его душу восторгомъ!...

Прошло двадцать лѣтъ, какъ панъ Ромуальдъ женился. Жена пошлакъ ему добрая, кроткая, изъ небогатаго рода Трембицкихъ. Положимъ, онъ не взялъ за ней почти никакого приданаго. (Нельзя же считать такимъ тысячи двѣ-три злотыхъ*), что отказалъ ей дѣдъ). Зато Богъ надѣлилъ ее любящимъ сердцемъ, а мать научила хозяйству. И вотъ изъ панн Ядвиги вышла такая жена и хозяйка, какихъ поискать во всей Польшѣ! — Да и къ чему тутъ приданое! Панъ Ро-

*) Злѣтый (złoty) 15 коп.

муальдъ Маевскій былъ далеко не бѣденъ. Его имѣнiе было однимъ изъ лучшихъ, не исключая имѣнiй Проскуровъ, Залѣскихъ, Бержинскихъ и Головинскихъ, его сосѣдей. Его пшеница была извѣстна по всюду... А скоть, а кожи, а сало? Не мало червонцевъ онъ выручалъ отъ заѣзжавшихъ на ярмарку запорожцевъ. Случалось, конечно, иной разъ, что панъ Ромуальдъ нуждался въ презрѣнномъ металлѣ. — Но, вѣдь и то опять, — съ кѣмъ-же не бывываетъ такихъ случайностей! Но это длилось не долго. Сжали на поляхъ хлѣбъ, обмолотили его, — и изъ амбаровъ пана Маевского ручьями лились пшеница и рожь въ мѣшки скупщиковъ, а въ дубовый сундукъ, окованный весь желѣзомъ, съ крѣпкимъ замкомъ, что стоялъ подъ кроватью, — лились червонцы и золотые. И панъ Ромуальдъ хозяйничалъ, ѣздилъ въ гости и самъ принималъ гостей, пани Ядвига тоже. Жили они счастливо, хорошо. Одно вотъ только не ладно. На третiй годъ брака у нихъ родилась дочь. Панъ Ромуальдъ поморщился: ему хотѣлось такъ сына, наследника! — Пани Ядвига души не чаяла въ дочери, но отецъ нельзя сказать, чтобы отецъ любилъ Зою, которой недавно минуло семнадцать лѣтъ. — И съ съ той поры дѣтей у нихъ не было. Всегда веселый, живой, панъ Ромуальдъ сталъ все чаще и чаще задумываться. Его имѣнiе процвѣтало; урожай были прекрасные; скоть родился и выращивался на славу; не мало было добра въ сундукахъ. Но кому-же все это достанется? Дочери? И изъ нея выйдетъ прекрасная жена и хозяйка... Но всетаки, лучше-бы сына... сына!... — И панъ Ромуальдъ крутилъ задумчиво темпорусый усъ... — Но, вотъ, наконецъ, Богъ услышалъ его молитвы и послалъ ему съ недѣлю тому назадъ, наследника. — Панъ Ромуальдъ, на первыхъ порахъ, совсѣмъ ошалѣлъ отъ радости! Онъ былъ-бы радъ, съ утра и до ночи, все пѣть и смѣяться, еслибъ не боялся только нарушить покой ребенка и матери. И вотъ цѣлый день онъ ходилъ на цыпочкахъ и запретилъ всѣмъ въ домѣ говорить громко. — Цѣлый день, начиная съ огромной двора, гдѣ помѣщалось человѣкъ полтора, и до послѣдняго уголка, двора, гдѣ жили кучера и кошохи, слышался только шопотъ. Старый,

сѣдой Панасъ любимый кучеръ пана Маевского, вдругъ опѣмѣлъ точно, иль простудился и потерялъ голосъ. А вѣдь, недавно еще, онъ чуть не на всю деревню оралъ на Хорька—колюха и призывалъ на него гсѣ муки ада за его сонливость и лѣнь... И такъ всё въ домѣ, начиная съ хозяйина, ходили на цыпочкахъ и говорили чуть слышнымъ шопотомъ. Панъ Ромуальдъ неслышно, какъ тѣнь, бродилъ по комнатамъ и только грозилъ на всё стороны пальцемъ. Ему все казалось, что въ домѣ еще не достаточно тихо. То горничная Палашка пѣтъ-пѣтъ да и хихикнетъ въ кулакъ,— и панъ Ромуальдъ окинетъ ее такимъ взглядомъ, что дѣвка буквально приростетъ къ полу... То дверь заскрипитъ гдѣ-то: стукнетъ рама окна... И панъ Ромуальдъ весь какъ-то съежится и замашетъ руками... Но вотъ опять тишина... мухи только летаютъ съ жужжаньемъ по комнатамъ... Панъ Ромуальдъ негодовалъ и на мухъ и выживалъ ихъ всевозможными способами... — Панъ Ромуальдъ бродилъ, какъ тѣнь, и съ лица его, полнаго, съ легкимъ загаромъ, съ усамн, темнорусымн, съ просѣдью,— не сходить радостная улыбка. Да не улыбка—мало! Весь панъ Ромуальдъ сіяетъ; весь онъ переполненъ восторгомъ!... — И дворня весела и довольна. Положимъ, запрещено ей теперь, чуть не подъ страхомъ казни, смѣяться и пѣть,— но все таки... Панъ Ромуальдъ всегда для нея былъ добрымъ, хорошимъ паномъ. На мелкія шалости и проступки дворовыхъ всегда онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, по только отнюдь не спускалъ ничего серьезнаго. Лѣньность и нерадѣнье онъ строго преслѣдовалъ. Бить своихъ хлоповъ, водить ихъ за разныя провинности на конюшню, какъ это водилось въ то время у другихъ пановъ,—пану Маевскому и въ голову ни разу не приходило... Но, впрочемъ, иной разъ, въ несчастный осенній день, когда панъ вставалъ лѣвой ногой съ постели,—случалось лѣнливымъ и неисправнымъ заполучить затрещину, оплеуху... Но эти затрещины, и оплеухи какъ-то и въ счетъ не ставились. Панъ Ромуальдъ былъ, всетаки, „добрый, хорошій панъ“. Онъ не морилъ своихъ хлоповъ голодомъ, не изнурялъ непосильной работой. И хлопы были довольны. Они лю-

били пана Маевского и не боялись его. Только одиѣ Палашки да Гапки дрожали передъ его грознымъ взглядомъ, передъ нахмуренными бровями...—Но въ эти три дня панъ Ромуальдъ не отпустилъ ни одной пощечины, ни разу ни на кого не прикрикнулъ. Онъ улыбался только и улыбался; а съ нимъ улыбалась вся дворня: всѣ эти Михалки, Тарасы, Панасы; всѣ эти Гапки, Дарки, Малашки...

Да, панъ Ромуальдъ былъ счастливъ, какъ никогда въ жизни!.. Бродя, точно тѣнь, по комнатамъ, онъ останавливался, иной разъ, передъ дверью спальни жены и чуть-чуть легонько пріотворялъ ее. (Дверь была смазана масломъ, и не скрипѣла). Въ щелку сперва просовывался носъ пана Маевского; за нимъ слѣдовали усы...—Въ небольшой комнаткѣ, съ окнами, наглухо закрытыми занавѣсками, пахло слегка лекарствами. Изъ угла кротко глядѣлъ ликъ Богоматери; рядомъ съ нимъ образъ св. Ядвиги... Слабо мерцалъ огонекъ въ лампадкѣ и озарялъ лики святыхъ... Кровать подъ бѣлымъ кисейнымъ пологомъ; на грудѣ подушекъ—лицо, блѣдное и красивое... Подъ бокомъ, въ розовомъ одѣяльцѣ, общитомъ дорогимъ кружевомъ, что-то барахтается и чуть-чуть пищитъ... Дверь открывается, и въ нее лѣзетъ лицо пана Маевского.

— Не спишь, Ядвися? шепчетъ чуть слышно онъ.—Стасикъ не спитъ?

— Нѣтъ, отвѣчаетъ мать и поворачиваетъ къ нему голову.— Войди, Ромусъ!

И панъ Ромуальдъ входитъ. Онъ опускается на колѣни передъ кроватью и протянулъ руки къ розовому одѣяльцу, и подвигаетъ къ себѣ сына—наслѣдника. Онъ раскрываетъ его и смотритъ, смотритъ... Не можетъ глазъ отвести панъ Маевскій съ этого существа, крошечнаго, худенькаго и слабаго! Въ этомъ кругленькомъ, красномъ лицѣ онъ почему-то находитъ разительное сходство съ матерью; въ глазкахъ—сходство съ ея глазами...

— О, какъ похожъ на тебя онъ, Ядвися! говоритъ онъ и припадаетъ къ щечкамъ ребенка.

Мать улыбается.

Крошка наследникъ родился 8 мая, и панъ Ромуальдъ съ панн Ядвигой рѣшили назвать его Станиславомъ *). И, Боже мой, сколько плаховъ, надеждъ, мечтаній было въ эти три дня! Они уже рѣшили, какъ будутъ воспитывать Стася; какъ отдадутъ его въ школу къ іезуитамъ, или піарамъ; какъ кончить онъ курсъ тамъ; какъ будетъ жить при дворѣ пана Потоцкаго (а можетъ, и королевскомъ дворѣ, — чѣмъ знать!); какъ выростетъ онъ, выйдетъ въ люди... Да, только эта уютная комнатка, съ слабо мерцающей лампадой, да подушка пани Ядвиги знали, сколько здѣсь было надеждъ и плаховъ!..

А Стась лежалъ себѣ на постели, маленькій, кругленькій, съ красными, пухлыми щечками, съ ямочками на нихъ; съ пухлыми ручками и ножонками. Глазки его смотрѣли куда-то неопредѣленно въ пространство и не выражали рѣшительно ничего. А отецъ, счастливый, довольный отецъ, цѣловаль эти глазки, щечки, ножонки и думаль: „да, наконецъ... наконецъ-то!..“ — Но вотъ онъ поднималь голову, и на лицѣ его выражалось безпокойство.

— Ядвие! ты спать, вѣдь, хочешь! говорилъ онъ. — И Стаськъ тоже...

— О, нѣтъ, ничего! Онъ давече хорошо спаль... Я тоже...

Но панъ Ромуальдъ улыбался. Онъ крѣпко цѣловаль руку жены, цѣловаль пухленькія ручки сына и уходиль, осторожно пріотворивъ дверь.

И вотъ панъ Ромуальдъ проснулся. Подъ впечатлѣніемъ сна, подъ впечатлѣніемъ этой отрадной музыки, что слышалась тамъ, за стѣной, — онъ чувствовалъ себя превосходно. Радостный, улыбающійся, векочиль онъ съ постели (жесткой, набитой мочалой, — панъ Ромуальдъ не любиль перинъ) и молодецки, какъ передъ баломъ, вдругъ закрутилъ взъерошенные усы. Потомъ натянулъ на себя старій жупанъ изъ грубого домашняго канифаса, и вышелъ изъ

*) 8 мая—день св. Станислава (Świętego Stanisława) покровителя Польши.

дома. — Яркіе лучи майскаго солнышка ударили ему прямо въ глаза. Онъ ихъ зажмурилъ немного; открылъ потомъ... Чудный живительный воздухъ полился волной въ его грудь. Панъ Ромуальдъ оглянулся...

Копюшни, амбары, баня; колодезь, съ висѣвшимъ надъ нимъ ведромъ; собака, большая, лохматая, передъ колодцемъ, — вотъ что ему бросилось вдругъ въ глаза. Завидѣвъ хозяина, песъ вскочилъ и со всѣхъ ногъ, виляя хвостомъ, съ радостнымъ визгомъ, бросился вдругъ къ нему. Панъ Ромуальдъ ласково погладилъ собаку; но когда та вздумала было, отъ избытка чувствъ, громко залаять, — онъ строго нахмурилъ брови и погрозилъ пальцемъ. Песъ смиренно поджалъ хвостъ и съ изумленіемъ поглядѣлъ на хозяина. Но, впрочемъ, онъ тутъ-же вспомнилъ, что въ эти три дня онъ (строго соблюдая свою обязанность) не разъ пробовалъ громко лаять, но получалъ взбучку отъ стараго Панааса. А разъ даже надѣли на него намордникъ, который его ужасно стѣснялъ. Вѣрный принялся выть, — и опять получилъ трепку. Но, впрочемъ, намордникъ съ него сняли. — „Ну, чудеса-же твориться стали! думалъ старикъ. — Ни лаять, ни выть, ни поиграть нельзя!“ — И онъ, поджавъ хвостъ и опустивъ уши, отошелъ отъ хозяина.

Панъ Ромуальдъ стоялъ на крыльцѣ, слегка прикрывъ рукою глаза отъ солнца. Изъ сада неслось громкое чириканье и щебетанье... Вонъ старый Панаасъ вывелъ лошадь, прекраснаго каряго жеребца, съ лоснящейся, точно шелкъ, шерстью. Панъ Ромуальдъ кивнулъ головой въ отвѣтъ на низкій поклонъ стараго кучера... Пробѣжала дѣвчонка изъ двора, съ огромнымъ горшкомъ въ рукахъ. Она направилась въ ледникъ. Замѣтивъ пана, дѣвчонка едва не выронила свою пошу; но, вдругъ, вспомнивъ что-то, веселое улыбнулась и поклонилась въ поясъ. Отвѣтилъ и ей панъ Ромуальдъ... — И все онъ стоялъ на крыльцѣ, и радостный, улыбающійся, какъ и это майское утро, — смотрѣлъ въ даль куда-то... А тамъ, вдоль берега узкой рѣчки, видѣлся длинный рядъ чистыхъ и бѣлыхъ хатъ. Весело и привѣтливо такъ выглядывали онѣ на свѣтъ Божій своими оконцами, новѣнькія и

чистенькія, съ кровлями, крытыми очеретомъ, съ вишневыми садиками... И панъ Ромуальдъ глядѣлъ на свою деревню и улыбался. На сердцѣ у него было такъ весело, такъ отрадно!.. Вотъ и дымокъ вьется изъ трубъ синими струйками... Вышла баба съ ведромъ въ рукѣ и направилась къ рѣчкѣ. На бабѣ новая пестрая плахта, чистенькая такая; да и сама баба выглядитъ полной такой, здоровой, веселой... За бабой вышелъ мужикъ. Бѣлая свитка, *бриль* *) на боку, въ зубахъ люлька... А тамъ, на широкомъ лугу, пасется стадо коровъ... Легкій утренній вѣтерокъ доноситъ сюда звукъ бубенчиковъ... Смотритъ панъ Ромуальдъ и все улыбается, улыбается... Коровы сытыя и здоровыя; не мало, видно, онѣ даютъ молока въ день. И эти коровы не его — хлоповъ... Но вотъ вдругъ улыбка совсѣмъ растянула лицо пана Маевского, и онъ хихикаетъ... Рыженькій, съ бѣлыми пятнышками, теленокъ, вертѣвшійся все около матки, вдругъ задралъ кверху хвостикъ и курць-галопомъ помчался по лугу... Долго носился онъ взадъ и впередъ; носился до тѣхъ поръ... Но тутъ панъ Ромуальдъ прыснулъ со смѣху... Теленокъ запнулся за что-то и вдругъ полетѣлъ кверху пожками... Но вотъ онъ замѣтилъ мальчика, лѣтъ 12, въ курткѣ, обшитой красными галунами. Это былъ комнатный казачекъ Борька. Онъ вышелъ, слегка позѣвывавъ, изъ людской. Панъ Ромуальдъ поманилъ его пальцемъ.

— Ты это куда отправился? А? заговорилъ онъ, напрасно стараясь придать голосу строгій тонъ. Но улыбка никакъ не сходилла съ его лица. И Борька, струхнувшій было немного, вдругъ ободрился.

— Никуда-съ! бойко отвѣтилъ онъ.

— Какъ никуда-съ? Вѣрно шалить опять? Знаю твои проказы! Ты думаешь, я не видалъ вчера, какъ ты въ саду по деревьямъ лазилъ? Смотри, замѣчу еще разъ, — выпорю!.. Что ты деревья всѣ обломать хочешь?

Но хитрый мальчишка не потерялся.

*) *Бриль* — соломенная шляпа.

— Я, пане, за галкой лазилъ на яблоню, говорилъ опъ.—Галку согнать хотѣлъ...

— Какую галку? Зачѣмъ?

— Кричала очень она... А яблоня та какъ разъ передъ окномъ пани... Пани спала... Вотъ я и думалъ...

— Врешь, пострѣснокъ!—И панъ Ромуальдъ взялъ его слегка за ухо.

— Никакъ пѣтъ-сь, пане... Каменьями я въ нее все бросаю, — она не летитъ... Вотъ я и полѣзъ на дерево... А то развѣ я сталь-бы лазить!..

Панъ Ромуальдъ погрозилъ пальцемъ.

— То-то, смотри у меня! Ну, а теперь ты куда шель?

— На рѣчку, пане, помыться.

— Аа... Ну, такъ ступай. А потомъ... Знаешь свою обязанность? Полѣзай на крышу, смотри, не ѣдетъ-ли кто. Увидишь гостей,—скажи. Да не ори, какъ всегда, слышишь? Боже тебя сохрани! Пани больна. Приди и съажи тихонько...

— Слушаю-сь! Какъ можно орать!.. Развѣ не знаю я...

— Ну, ступай!—И панъ Ромуальдъ отпустилъ казачку подзатыльникъ. Мальчикъ хихикнулъ и со всѣхъ ногъ побѣжалъ къ рѣчкѣ, а панъ Ромуальдъ вернулся въ кемпаты.

Домъ былъ большой и просторный. Въ немъ помѣщалось не менѣе восьми комнатъ. Но обстановка была самая скромная, чтобъ не сказать — бѣдная. Въ самой большой комнатѣ, куда вошелъ теперь панъ Ромуальдъ, и гдѣ собирались у него гости, было пять оконъ. Два изъ нихъ выходили въ отличный фруктовый садъ, со множествомъ вишенъ, яблонь и грушъ. Вънѣ тамъ сквозь нихъ блеститъ что-то... Это полузапущенный прудъ, съ перекинутымъ черезъ него мостикомъ... Вънѣ тамъ виднѣются клумбы съ цвѣтами. Запахъ левкоевъ, розъ, резеды наполняютъ воздухъ. Гдѣ-то на вишнѣ трещитъ, заливаются цѣлый хоръ... Изъ трехъ другихъ открывался прекрасный видъ на усадьбу пана Маевского. Еще праѣдовская усадьба (раззо-

репная и выжженная до тла въ страшныя времена хмельничины), отличалась крайне живописнымъ мѣстоположеніемъ. За бѣлыми хатками, чуть не совѣмъ потонувшими въ зелени, видѣлась рѣчка. Узенькой и извилистой лентой серебрилась она и пропадала гдѣ-то вдали. За рѣчкой тянулись поля; а тамъ, дальше, — синѣли горы...

Бѣленныя стѣны. На нихъ кой-гдѣ развѣшаны недорогіе эстампы; большой столъ у стѣны (за нимъ обѣдало, иной разъ, человекъ 20 — 40 гостей), съ дюжину крѣпкихъ дубовыхъ стульевъ, съ кожаными подушками, обитыми мѣдными гвоздиками; зеркало небольшое въ простѣнкѣ, — вотъ и вся обстановка комнаты. За нею слѣдовала другая, гостиная. Въ ней принимали обыкновенно почетныхъ гостей. Она отличалась отъ первой только своими размѣрами (въ ней было всего два окна), да кожаными прочнымъ диваномъ*).

Панъ Ромуальдъ вошелъ въ первую комнату. Тамъ ужъ видѣлась у открытаго въ садъ окна фигура какая-то, вся въ бѣломъ, высокая, слегка сторбленная. Тихо, почти неслышно, вошелъ панъ Ромуальдъ, по фигура тотчасъ-же обернулась. Это былъ старикъ, лѣтъ 60, съ краснымъ, слегка одутловатымъ, бритымъ лицомъ и маленькими черными глазками, обладающими способностью ни на минуту не останавливаться на одномъ предметѣ. Они, какъ мышенки, выгляды-

*) Домашняя обстановка въ Польшѣ въ XVIII ст., вообще, отличалась скромностью. Современникъ (Янъ-Дукланъ Охотскій), между прочимъ, рассказываетъ: „...Но въ Киевскомъ воеводствѣ были знатные дома; тѣ жили болѣе открыто, по барски. Тамъ содержали домашній оркестръ, надворныхъ улановъ и многочисленную прислугу. Мѣстились магнаты однако въ обширныхъ деревянныхъ строеніяхъ, безъ всякихъ богатыхъ украшеній, при весьма небольшой мебелировкѣ. Нѣсколько данцигскихъ кресель, обитыхъ позолоченнымъ сафьяномъ, два три орѣховыхъ бюро, табуреты, обтянутыя зеленой клетчатой холстинкой, и по два небольшихъ зеркальца, въ орѣховыхъ рамкахъ, — вотъ все, что украшало комнаты... Первый двухъэтажный каменный домъ, названный „дворцомъ“ (*палацомъ*), построилъ возвратившійся изъ-за границы Каэтанъ Гижицкій въ Краснополѣ (онъ тамъ-же и умеръ хорунжимъ киевскимъ, съ 1 на 2 сентября 1775 г.). Планъ этой постройки онъ привезъ изъ Франціи. Въ первый разъ тогда у насъ увидѣли и паркетъ“. — (Записки Яна-Дуклана Охотскаго, изданныя Крашевскимъ).

вали изъ подъ сѣдыхъ бровей и бѣгали изъ стороны въ сторону. Топзура на гладко остриженной головѣ и бѣлый длинный кафтанъ, — *сутана*, — указывали доминиканца. И точно, то былъ домашній священникъ (каплагъ) Маевскихъ, доминиканскій монахъ, ксеендзъ Бенедиктъ *).

— А что ужъ и на ногахъ, пане! Давно? изумился старикъи всталъ.

— Давненько! — Панъ Ромуальдъ, весь радостный и сияющій подошелъ къ монаху и принялъ благословеніе, поцѣловавъ его сморщенную, сухую руку.

— Ну, что, какъ пани Ядвига? Ты былъ у нея?

— Все хорошо, все слава Богу! — И панъ Ромуальдъ радостно потеръ себѣ руки, и улыбка опять растянута у него весь ротъ. — Я подходилъ къ двери давече, заглянулъ въ щелку... Спать, крѣпко спать, и мать и ребенокъ. Она чувствуетъ себя хорошо. Сынъ тоже кажется совершенно здоровенькимъ...

О. Бенедиктъ набожно поднялъ глаза къ небу и зашевелилъ четками.

— Да, Богъ услышалъ наши молитвы, панъ Ромуальдъ, говорилъ ошъ. — Вѣдь и я тоже... Ты знаешь, какъ я молился? Мнѣ тоже давно хотѣлось, чтобъ у тебя былъ сынъ... Такое имѣние, богатство.

О. Бенедиктъ вздохнулъ. Черные глазки его на мгновенье мелькнули по сияющему лицу Маевского и потомъ юркнули вдругъ куда-то въ уголь.

*) Помѣщики, даже и не особенно богатые, въ Польшѣ имѣли своихъ домашнихъ священниковъ (капеллановъ). Лица эти играли очень большую роль. Они были духовными отцами всего семейства, ихъ просвѣщенными руководителями въ жизни; наставниками и воспитателями ихъ дѣтей, совѣтниками въ свѣтскихъ дѣлахъ, домашними секретарями и пр. — Вообще, духовенства въ Польшѣ было чрезвычайно много. Такъ, до паденія іезуитовъ, однихъ монастырей тамъ было 973. Изъ нихъ самое большое количество приходилось на долю доминиканцевъ (161), потомъ іезуитовъ (154), затѣмъ — бернардиновъ (132), базилианъ на Руси (118) и францисканцевъ (86). Остальные были распределены между другими орденами, мужскими и женскими. — (*Костомаровъ*. „Последніе годы Рѣчи Посполитой“).

— Ну, а крестить когда? спросилъ онъ.

— Да, думаю, черезъ недѣлку... Надо, вѣдь, приготовиться: въ городъ съѣздить еще, закупить тамъ кой-что... Да и Ядя еще не совсѣмъ поправилась... Да, этакъ черезъ недѣлку.

— Что-жь, окрестимъ... съ помощью Божіей... — И о. Бенедиктъ опять вздохнулъ и зашевелилъ четками. — Ты очень-то не хлопочи тамъ, говорилъ онъ. — Въ городъ вотъ развѣ съѣздишь. А здѣсь я управлюсь... Со всѣмъ управлюсь, распоряджусь... Будь спокоенъ!

Панъ Ромуальдъ слегка поморщился.

— Благодарю васъ, святой отецъ!.. Вы, вѣдь, всегда... всегда... И онъ опять поцѣловалъ старнику руку. — Миѣ даже совѣстно!..

— Полно! Не въ первый разъ. Все сдѣлаемъ, приготовимъ. И окрестимъ... Да...

Наступило молчаніе.

— А что, отче святой, обратился вдругъ панъ Ромуальдъ къ монаху и какъ-то особенно подмигнулъ. — Обѣдь-то еще скоро. Не перехватить-ли крошечку? А?

О. Бенедиктъ опять возвелъ глаза къ небу и шевельнулъ четками. — „Не хлѣбомъ единымъ бываетъ живъ человѣкъ!“ хотѣлъ онъ видно сказать, но, впрочемъ, непрекословно послѣдовалъ за паномъ Маевскимъ.

Массивная дверь кладовой отворилась и опять затворилась за ними. Оттуда послышалось бульканье, точно лили что изъ бутылки; затѣмъ кто-то крикнулъ. И воцарилось молчаніе.

А казачекъ Борька, вымывшись на рѣчкѣ, побѣжалъ на свой обычный воскресный постъ — на крышу. Онъ, впрочемъ, не столько вымылся, сколько размазалъ грязь на лицѣ. Да ему и не до мытья было... Стадо домашнихъ утокъ плавало въ рѣчкѣ, и Борька не утерпѣлъ, чтобъ не пошвырять въ нихъ камнями... Но вотъ Борька на крышѣ. Онъ сѣлъ на трубу и зорко глядитъ въ даль: не покажется ли тамъ облачко пыли. Но пѣтъ, ничего не видно... Мальчишкѣ на-

дошло смотрѣть... На крышѣ, съ громкимъ чириканьемъ, прыгали воробы. Нельзя-же оставить и ихъ безъ вниманія. Борька наколупалъ изъ старой трубы кучу кусочковъ глины и сталъ швырять въ птичекъ. Но вотъ вдругъ, въ самый разгаръ этой забавы, до слуха Борьки явственно долетѣлъ стукъ колесъ. Борька взглянулъ, — и чуть кубаремъ не полетѣлъ съ крыши. Старенькая коляска ужъ переѣхала мостъ и подъѣзжала къ самой усадьбѣ...

Панъ Ромуальдъ съ ксендзомъ только что вышли изъ кладовой. Они чавкали и вытирали губы. О. Бенедиктъ держалъ въ рукѣ кусокъ калача; панъ Ромуальдъ — чуть не аршинную колбасу.

— Гости, пане, пріѣхали! гости! вдругъ заоралъ Борька, влетая стрѣлою въ сѣни. Онъ весь запыхался, точно бѣжалъ безъ отдыха десять верстъ.

Панъ Ромуальдъ поперхнулся.

— Что ты орешь, дуракъ! зашишѣлъ онъ. — Какіе гости?

— Никакъ панъ Заремба... И пани съ нимъ...

— Аа!..

II.

Гости въ домѣ Маевскихъ были не въ рѣдкость. Не проходило ни одного почти воскреснаго, праздничнаго дня, чтобъ къ нимъ не заглянулъ кто нибудь изъ сосѣдей. Иной разъ пріѣзжали и дальніе паны, жившіе верстъ за 30, за 40 отъ Маювки, со всѣми чадами и домочадцами. — Будничный день пана Маевского былъ рабочимъ, трудовымъ днемъ. Съ ранняго утра и до поздняго вечера, панъ Ромуальдъ былъ на ногахъ. Хозяйскій, опытный глазъ его всюду заглядывалъ (кромѣ кухни развѣ и дѣвичьей, состоявшихъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ пани Ядвиги и ея помощницы, и экономки, панны Барбары, извѣстной, впрочемъ, въ дворнѣ больше подъ именемъ „старой панны“). Заглядывалъ панъ Ромуальдъ и въ хлѣвъ, и въ конюшню,

и въ огородъ, и въ поле. Ему помогать, иной разъ, — очень любилъ помогать, — о. Бенедиктъ. Но панъ Ромуальдъ не долюблялъ этой подмоги, — почему, будетъ извѣстно дальше. — За то день воскресный панъ Ромуальдъ всецѣло посвящалъ отдыху. Стряхнувъ съ себя бремя заботъ, онъ, или съ пани Ядвигой и Зосей, уѣзжалъ въ гости, или самъ принималъ гостей. Въ послѣднемъ случаѣ, казачекъ Борька, еще съ раняго утра, отправлялся на дежурство, на крышу. Замѣтивъ вдали облачко пыли, приближавшихся къ Маювкѣ коляску, или всадниковъ, — Борька сбѣгалъ внизъ и на весь дворъ оралъ: „гости! гости!“ — И вотъ въ домѣ поднимались страшная суматоха и бѣготня. То тамъ, то сямъ хлопали двери; слышался топотъ босыхъ ногъ, звонъ ключей и стукъ выдвигаемыхъ и задвигаемыхъ ящичковъ. Панъ Ромуальдъ моментально сбрасывалъ съ себя старый жупанъ и торопливо надѣвалъ праздничное платье; пани Ядвига и Зоя — тоже. Онѣ бѣгали взадъ и впередъ, по комнатамъ, покрикивали на горничныхъ, торопили ихъ...

Но сегодня было не то. Услышавъ о прїѣздѣ гостей, и именно пана Зарембы съ женой, панъ Ромуальдъ даже слегка поморщился. Старый хорунжій, Заремба, обладалъ страшнымъ басомъ. То, какъ въ пустую бочку глухо гудѣлъ онъ, — то громомъ раскатывался по комнатамъ и слышался чуть не въ самомъ концѣ деревни... — Случалось, порой, старый дидусъ Остапъ (ему въ прошломъ году минуло 90), сидитъ себѣ на завалинкѣ у своей хатки, грѣетъ на солнышкѣ старыя кости и поныхиваетъ дымкомъ изъ люльки... Остапъ мечтаетъ о чемъ-то: быть можетъ, о славныхъ дѣлахъ Хмельницкаго. И вдругъ старикъ вздрагиваетъ; люлька выпадаетъ изъ его рта. Въ воздухѣ точно громъ грянулъ и раскатился по всей усадьбѣ: ха! ха! ха!..

— Тыфу ты! сплевываетъ Остапъ. — То панъ Заремба къ нашему пану въ гости прїихавъ... Нехай ему...

— Эхъ, не во время! думалъ панъ Ромуальдъ, бросая недоѣденную колбасу. — Ядя еще не поправилаась... Стаенкъ... Ну, да ладно, я попрошу его... Долженъ-же онъ понять...

Но вдругъ кислая мина у пана Маевского смѣнилась улыбкой. Ему пришла въ голову мысль, что старикъ кетати прѣхалъ. Черезъ недѣлю крестина. Не лишнее было-бы перехватить у него сотенки двѣ-три червонныхъ... Старикъ не откажетъ...

— О. Бенедиктъ...—началь онъ,—и умолкъ: кесндзь скрылся, нечезъ куда-то... Въ домѣ была тишина... Явственно слышалось, какъ большая синяя муха билась о стекло оконца въ сѣняхъ... Но вотъ хлопнула гдѣ-то дверь, послышался топотъ ногъ,—и затѣмъ все опять смолкло...—Панъ Ромуальдъ торопливо, на цыпочкахъ, побѣжалъ къ себѣ въ спальную, одѣваться. Борька былъ уже тамъ. Онъ стоялъ у окна и, вода по стеклу ладонью, пытался поймать муху. Но та все ускользала...—А, наконецъ!

И казачекъ, съ торжествующею улыбкой, моментально оборвалъ у нея крылья. Но въ эту минуту вошелъ панъ Ромуальдъ.

— Опять ты мухъ давишь, шельмецъ! сердито заговорилъ онъ.

— Никакъ нѣтъ-съ... Я только...

— Молчи! Одѣваться... Живо!..

И вотъ панъ Ромуальдъ, при помощи Борьки, надѣлъ на себя шелковый темно-малиновый кунтушъ, съ золочеными пуговицами, подпоясалъ его серебрянымъ поясомъ, прицѣпилъ съ боку саблю,—и, прежде чѣмъ данцигская коляска пана Зарембы доѣхала до крыльца усадьбы,—стоялъ уже франтомъ и молодцомъ, советѣмъ готовымъ къ пріему.

А въ это время подъ лѣстницей, въ крошечной комнаткѣ, въ которой въ пору было-бы жить развѣ большой собакъ,—тоже приготавлились. Мужчина громаднаго роста, дюжій, широкоплечій, съ краснымъ лицомъ и громадищными усами,—натягивалъ на себя *чекчеры*. Это былъ пидскій гайдукъ, Михаль Дембинскій *). Весь красивый.

*) Въ XVIII ст. каждый, даже небогатый, польскій помѣщикъ считалъ своимъ долгомъ держать хотя одного *гайдука*. Это были лакеи огромнаго роста, крѣпко и стройно сложенные и, непременно, съ громадными усами.—Гайдуки носили *чекчеры* (панталоны) очень узкіе отъ пояса до ногъ, а сзади, отъ

точно сырая говядина, съ налитыми кровью глазами, — онъ хлопоталъ надъ этой проклятой узкой одеждой и никакъ не могъ справиться, вотъ ужъ пять лѣтъ, — и ругался вполголоса... Но, вотъ, наконецъ, конечно, — и Дембинскій вздохнулъ свободно. Онъ разогнулся немного, выпрямился, — и жестоко стукнулся головой о потолочную балку...

— Тиру! — Кучеръ натянулъ возжи, и старая данцигская коляска остановилась передъ крыльцомъ. Изъ нея вылъзъ старикъ, лѣтъ 65, низенькій, плотный и корешастый, съ коротко остриженной, сѣдой головой, воловьей шеей и длинными сѣдыми усами. На немъ былъ свѣтло-зеленый кунтушъ, подпоясанный серебряннымъ поясомъ, сабли и сафьянные красные сапоги со шпорами. — Панъ Казиміръ Заремба (это былъ онъ) вылъзъ и протянулъ руку особѣ, торчавшей, какъ шестъ, въ коляскѣ.

— Пани Гертруда, прошу, со сладенькой улыбкой проговорилъ онъ.

Пани Гертруда по крайней мѣрѣ головы на двѣ превышала мужа. Это была особа, лѣтъ 35 — 40, тощая и худая, съ длиннымъ, желтымъ лицомъ и тоненькими, костлявыми ручками. Но одѣта она была крайне щеголевато, роскошно, пожалуй. На ней былъ атласный голубой кунтушъ; на длинной, костлявой шеѣ — жемчужное ожерелье; на рукахъ браслеты, съ крупными бриліантами; на пальцахъ — безчисленное количество колецъ. Вообще пани Гертруда сіяла вся съ головы до ногъ...

колѣвъ, эти чекеры застегивались большими серебряными, или вызолоченными крючками, выпуклой работы. На ногахъ — шнурованные полусапожки, черного, желтаго, или краснаго цвѣта; *чекмень* по всѣмъ швамъ вышиваются шнурами. Длинные ихъ волоса собирались сзади въ косу, а спереди висѣли длинными косичками, какъ еврейскіе пейсы. Шляпы носили они круглыя, съ широкими полями. Но, главное, были необходимы длинные усы. Очень трудной задачей было сшить ловко костюмъ гайдука, а потому въ гайдуки старались выбирать людей очень стройныхъ. Такихъ гайдуковъ бывало у иныхъ по нѣскольку десятковъ. Подражая имъ, и бѣднѣйшіе помѣщики старались имѣть хотя одного гайдука". — („Записки Яна-Дуклана Охотскаго“).

Панъ Ромуальдъ (онъ ужь давно стоялъ на крыльцѣ и молча наблюдалъ за церемоніей высадки), торопливо подбѣжалъ къ гостямъ.

— О, найшановный *), наймильшій пане Казиміре! заговорилъ онъ, крѣпко пожимая старику руку. — Какой счастливой звѣздѣ обязанъ я вашимъ прїѣздомъ?..

— Да вотъ... услышали... хригѣль панъ Заремба и некоеа взглянулъ на жену. Въ ея присутствїи, старый хорунжій, отличный боецъ и рубака, былъ тише воды, ниже травы. — Сына Господь Богъ послалъ, — поздравляю! — И онъ обнялъ пана Маевского.

— Поздравляю васъ! поздравляю! говорила пани Гертруда и протянула руку. Панъ Ромуальдъ почтительно ее сжалъ въ своихъ.

— Пожалуйте! Милости просимъ! говорилъ онъ.

И всѣ направились въ комнаты.

— Ну, что, какъ жена ваша? Какъ моя милая Ядичка? Здорова-ли? Какъ себя чувствуетъ? щебетала, какъ ласточка, пани Гертруда. — Вѣдь я такъ люблю ее, такъ люблю, мой пане наймильшій!.. Мы съ ней воспитывались вмѣстѣ въ монастырѣ... Вы помните?.. О, да, конечно!.. Изъ всѣхъ подругъ (ихъ было у меня страшно много: меня всѣ любили!) Ядю любила я больше всѣхъ... Такая милая, добрая, кроткая!..

Панъ Ромуальдъ, весь сіяющій, такъ и разинулъ ротъ передъ этой громкою трескотней. Онъ слова не могъ вымолвить. Панъ Заремба стоялъ немного въ сторонкѣ, закусивъ подъ усами улыбку.

— Ядю я обожала, боготворила!.. сыпалась трель. — Милая, добрая, ненаглядная. — Помню, вотъ, какъ сейчасъ... мы были маленькія еще, вотъ такія... — И пани Гертруда подняла руку на аршинъ отъ полу. — Мы учили молитву... Память у Яди была слаба... О, это былъ единственный недостатокъ!.. Она не могла все запомнить... Отче нашъ, иже еси на небеси, да святится имя Твое, да прїидеть царствїе Твое,

*) Многоуважаемый.

да будетъ воля Твоя, яко на небесехъ и на землѣ... Такъ вотъ... Все вѣрно, все вѣрно, но пропускала: да будетъ воля Твоя, — а тамъ опять: хлѣбъ нашъ насущный...

— Ну, а ребенокъ! Наслѣдникъ? Сынъ? щебетала она. — Какъ онъ? Здоровъ?.. — Но впрочемъ, простите, — я васъ оставляю, мой наймильшій пане... Я навѣщу Ядвигу. — И пани Гертруда исчезла, какъ метеоръ.

Съ минуту, по крайней мѣрѣ, стоялъ панъ Ромуальдъ съ разинутымъ ротомъ, совсѣмъ ошеломленный этимъ трещаньемъ. Но вотъ онъ очнулся.

— Въ гостиницу, панъ Казиміръ! говорилъ онъ и взялъ за плечо гостя. — прошу покорно!

— Но я на минутку, вѣдь... я только поздравить... узнать о здоровьѣ матери и ребенка... Я тороплюсь... отговаривался панъ Заремба. — Тамъ у меня дома.

— Ну, полноте, мой шановный! Войдите, войдите, пожалуйста! — И онъ опять взялъ его слегка за плечо. — Знаете у меня эти дни... Сынъ, панъ Казиміръ, — сынъ... наслѣдникъ!.. Нельзя не выпить намъ, ну, хоть по одному стакану венгерскаго...

Панъ Казиміръ сдавался.

— Да... Но жена... говорилъ онъ. — Жена просила вернуться пораньше... Я знаю, вѣдь этотъ „одинъ стаканъ“. Два... пять... десять... двадцать... Все время, пане... Миѣ некогда!..

— Ну, полноте, мой шановный! Мы выпьемъ лишь по стакану, по *одному* стакану, и потолкуемъ... О многомъ мы потолкуемъ, панъ!

Съ трудомъ удалось провести пана Зарембу въ гостиницу. Онъ сталъ въ дверяхъ, — и дальше ни шагу.

— Пане наймильшій! умоляющимъ голосомъ говорилъ Маевскій. — Саблю... саблю снимите... Позвольте, вотъ я ее въ уголь...

Но панъ Заремба опять уперся.

— О, пѣтъ, пѣтъ!.. говорилъ онъ. — Сабля меня не стѣснитъ!..

Прошло еще пять минутъ въ упрасиваніяхъ и уговариваніяхъ.

Наконецъ сабля была снята, и панъ Казиміръ Заремба грузно рухнулся на диванъ.

Дверь отворилась, и въ ней показался Михаилъ Дембинскій. Весь красный, какъ ракъ, съ раздутыми на лбу жилами, держаль онъ подносъ. На немъ возвышалась пара бутылокъ и два аппетитныхъ, здоровыхъ кубка. Поставивъ подносъ на столъ, гайдукъ приклонился къ косяку двери, сильно пыхтя и отдуваясь.

Панъ Ромуальдъ налилъ кубки.

— Ну, за здоровье наследника! провозгласилъ панъ Заремба и выпилъ вино до капли. — Пусть будетъ онъ славнымъ, хорошимъ паномъ, какъ и отецъ... Такимъ-же славнымъ воякой!..

— Увольте! вдругъ замахаль руками панъ Ромуальдъ. — Такихъ воякъ, какъ мой найшаповный, — нѣтъ и не будетъ въ Польшѣ!..

Заремба закрутилъ усъ.

— Не будемъ спорить! говорилъ онъ. — Но... выпьемъ еще за здоровье сына пана Масевского. Вивать!.. — Голосъ Зарембы крѣпчалъ, и панъ Ромуальдъ слегка помарщивался.

Прошло съ полчаса, и въ бутылкахъ не оставалось ни капли. Гайдукъ подхватилъ подносъ и исчезъ. Черезъ минуту вернулся онъ уже съ четырьмя бутылками и съ кубками, вдвое болѣе первыхъ.

— Ну, какъ у васъ тамъ, въ Ольшевкѣ? говорилъ панъ Ромуальдъ, осушая девятый кубокъ и отирая усы.

Заремба сердито крикнулъ и стукнулъ кулакомъ по столу.

— Эхъ, лучше не говорите! прохрипѣлъ онъ. — Все этотъ проклятый Бжозовскій.

— А что?

— Да вы не слышали развѣ? — Вѣдь это врагъ мой, заклятый врагъ!.. Онъ вѣчно миѣ гадилъ... Еще когда служилъ я въ военной службѣ... Ну, да что тутъ!.. Вы помните, мости-пане, какъ въ прошломъ году лайдакъ тотъ потравилъ мое поле?

— Да, какъ не помнить! — И панъ Ромуальдъ опять налилъ кубки. — Еще вы у него за то два поля стравили!..

— Во-отъ!.. Ну, а теперь... Теперь вы знаете, что онъ придумалъ?

— Что?

— Онъ хлоповъ у меня сталъ переманивать, — вотъ что! — И панъ Заремба опять такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что кубки и бутылки запрыгали по столу и зазвенѣли. Его красное лицо превратилось вдругъ въ совершенно багровое; глаза засверкали. — Въдъ такъ поступать можетъ не родовитый шляхтичъ, а... а... — Заремба не могъ подыскать слова. — Не позже, вотъ, какъ на прошлой недѣлѣ, переманили онъ у меня коваля Гнатку и огородника Стаха... На Стаха мнѣ наплевать, положимъ, — даромъ только хлѣбъ ѣлъ — ну, а вотъ Гнатка... Такихъ ковалей я еще никогда не видывалъ!..

— Да какъ-же онъ смѣлъ?

— Какъ смѣлъ!.. И тотъ-то, дуракъ!.. Что ему жить у меня худо было? Голодомъ я ихъ, что-ли, морю?..

Панъ Ромуальдъ закусилъ губы. Во всемъ повѣтъ ни кому не жилось такъ скверно, какъ хлопамъ пана Зарембы. Объ этомъ всѣ знали. Но онъ, разумѣется, промолчалъ.

— Конечно, про меня Богъ знаетъ, что, тамъ, болтаютъ, въ повѣтъ! говорилъ панъ Заремба, точно угадывая его мысль. — Что, будто, у меня не житье людямъ, а мука, — да мнѣ наплевать на это!.. Нѣтъ, тутъ, съ одной стороны, мости-пане, неблагодарность, глубокая, черная неблагодарность... Ну, а съ другой — величайшая подлость!.. И вотъ я рѣшилъ, на этихъ же дняхъ, собрать *corpus defensivum* *) изъ шляхты и вмѣсто двухъ хлоповъ отобрать у этого подлеца цѣ-

*) Если помѣщикъ хотѣлъ чѣмъ-нибудь насолить сосѣду, оттягать у него его собственность, то онъ собиралъ изъ своихъ хлоповъ и подначальной ему шляхты (мелкихъ дворянъ), такъ называемыхъ *corpus defensivum*, и дѣлалъ набѣгъ на сосѣда. Тотъ тоже вооружался. И вотъ затѣвалась схватка, — кто одолѣетъ. „Насоливши хорошенько другъ другу, проливши достаточно крови, — обѣ стороны мирились. И это называлось: кончать дѣло *per boni officia*. И тутъ-то шли пиры и радости примиренія“!.. (Костомаровъ. „Последнія годы Рѣчи Посполитой“).

лыхъ двадцать... Положимъ, мнѣ это будетъ стоить не дешево... У меня шляхта такъ пьетъ, какъ никто въ мѣрѣ!.. Одной горѣлки да пива съ десятокъ бочекъ потребуется... А тамъ еще деньгами... Да мнѣ наплевать, мости-пане... Свое я возьму!..

— А шляхта пана Бжозовскаго не одолѣеть?.. робко какъ-то замѣтилъ панъ Ромуальдь.—Мнѣ кажется у него...

— Шляхта пана Бжозовскаго! гаркнулъ Заремба и заворочалъ бѣлками.—Да развѣ не знаете вы, мости-пане, какая у него шляхта?— Не одолѣеть!.. насмѣшливо говорилъ онъ.—Одинъ мой уберетъ четверыхъ Бжозовскихъ... Вѣдь это не рыцари—комары!..

— Ну, а потомъ: *per bona officia*? улыбнулся панъ Ромуальдь.

— Съ Бжозовскимъ?! опять загремѣлъ Заремба.—Никогда въ жизни!... Да я скорѣй сведу дружбу съ жидомъ, съ моимъ шинкаремъ Янкелемъ, чѣмъ... Я скорѣй...

Но тутъ панъ Заремба умолкъ. Дверь отворилась, и въ гостинную вошелъ о. Бенедиктъ. Онъ круглый годъ ходилъ въ войлочныхъ туфляхъ,—и потому всегда и вездѣ появлялся неслышно, какъ тѣнь.

Заремба встала и подошла къ о. Бенедикту.

— Давненько мы не видались съ вами, почтенный отецъ, говорилъ онъ... Какъ ваше здоровье?

О. Бенедиктъ вздохнулъ и сѣлъ на диванъ.

— Плохо. очень плохо! отвѣчалъ ксендзъ и зашевелилъ четками.—Годы... старость пришла... Что станешь дѣлать!.. Недуги разные: то болитъ, это болитъ... Господь меня наказалъ за мои грѣхи!..

— У васъ-то грѣхи!.. Полноте, отче достопочтенный!.. Да ваша святая жизнь...

— Молчите, панъ! перебилъ старикъ.—Никто не святъ, какъ только одинъ Богъ!.. Всѣ мы погрязли въ грѣхахъ, какъ въ тинѣ... А я... я...—О. Бенедиктъ вздохнулъ и поднялъ глаза къ небу.

— О чемъ у васъ тутъ разговоръ былъ? вдругъ обратился онъ къ пану Зарембѣ.

— Да вотъ въ чемъ дѣло, отецъ... Ну, разсудите вы, сдѣлайте милость!.. Развѣ не правъ я?—И панъ Заремба разсказаль, въ чемъ дѣло. О. Бенедиктъ молча слушалъ его, не возражая.

— Да, говорилъ онъ,—конечно... Таковъ обычай: око за око, зубъ за зубъ... Но, впрочемъ, въ этихъ дѣлахъ вашихъ я не совѣтникъ... Только не одобряю... не одобряю!—И о. Бенедиктъ покачалъ головой.—Мнѣ кажется, лучше-бы помириться...

— Съ Бжозовскимъ! рывнуль Заремба.—Съ этимъ... Да знаете вы, достопочтенный отецъ,—онъ негодай!..

— Позвольте! мягко остановилъ его ксендзъ.—Бжозовскій мнѣ хорошо извѣстенъ... Такой человѣкъ не можетъ быть негодеемъ... Да, панъ Заремба!..

— Гм... Что касается тамъ религій... смущенно заговорилъ панъ Казиміръ.—Конечно, не спорю... Но въ частныхъ дѣлахъ...

— Они никто въ сравненіи съ *дѣломъ въры!* строго-торжественно замѣтилъ о. Бенедиктъ.—*Sapienti sat!* *).

Наступило молчаніе. Панъ Заремба крутилъ сѣдые усы. Маевскій мигнулъ гайдуку, и тотъ, убравъ пустыя бутылки, черезъ минуту замѣнилъ ихъ новыми.

— Стаканчикъ, о. Бенедиктъ! Позвольте!—обратился къ нему панъ Ромуальдъ.

— Благодарю, пане.

— Одинъ!—И панъ Ромуальдъ налилъ.

— А вы не слышали, святой отецъ, о молодомъ Грабовскомъ? вдругъ обратился къ ксендзу Заремба.

Въ тусклыхъ глазахъ монаха сверкнуль огонекъ.

— Да, слышалъ... глухо проговорилъ онъ.

— И что-же?.. Что-же?.. злобно, ехидно какъ-то допрашиваль его панъ Заремба.

— Какой Грабовскій? спрашиваль панъ Ромуальдъ.—Не сынъ-ли стараго Яна?

*) Умному достаточно. умный пойметъ.

- Да, онъ.
- Такъ они вернулись изъ-за границы?
- Вернулись, съ мѣсяцъ назадъ. Вы не слышали развѣ?
- Нѣтъ, не слыхаль.

Съ Бжозовскимъ?! опять загремѣлъ Заремба...

— Такъ вотъ вы спросите-ка объ немъ о. Бенедикта. Пусть онъ разскажетъ...

— Да судить его Господь Богъ и наша святая церковь!.. глухо проговорилъ ксендзь.

— Какъ?! вскочилъ вдругъ панъ Ромуальдъ. — Тотъ самый маленькій Болесъ, котораго я на рукахъ нянчилъ, котораго за уши я дираль?.. Да полноте, о. Бенедиктъ! Быть не можетъ.

О. Бенедиктъ вздохнулъ. Въ глазахъ его все еще сверкалъ огонекъ, и огонекъ недобрый; губы слегка дрожали.

— Да въ чемъ-же дѣло-то? въ чемъ?.. Разкажите вы, Бога ради!.. Маленькій Болесъ... Вѣдь я не видалъ его десять лѣтъ... Онъ такъ хорошо учился въ іезуитской коллегіи...

— А вотъ послушали-бы вы, мости-пане, что говоритъ онъ теперь! крикнулъ Заремба и залпомъ выпилъ стаканъ. — О. Бенедиктъ! Разкажите все лучше!

Но старикъ только махнулъ рукой.

— Да что же онъ говорилъ!

— Что? — Языкъ не поворачивается у меня сказать!.. Онъ говорилъ, что все воспитаніе наше въ іезуитскихъ школахъ ведетъ только къ тому, что мы лишаемся здраваго смысла, глупѣемъ, тупѣемъ... А?..

Панъ Ромуальдъ молчалъ.

— Онъ говорилъ... Но, вѣтъ, я не въ силахъ... — И панъ Заремба налилъ стаканъ. — Недѣли двѣ, полторы назадъ, онъ былъ у Ястуржембекихъ... Вы знаете, мости-пане, это семейство? Въ него ужъ давно тоже проникъ этотъ модный французскій духъ, — духъ безвѣрія... Немудрено: тамъ губернерь французъ и гувернантка французженка... Такъ вотъ, онъ тамъ говорилъ... Господи, что говорилъ онъ!.. Морозъ у меня подиралъ по кожѣ!..

О. Бенедиктъ даже заткнулъ уши и замоталъ отчаянно головой.

— Молчите, панъ Казиміръ! Молчите, ради Христа! говорилъ онъ. — Я не могу слушать!..

— Въ прошлое воскресенье, продолжалъ Заремба, все болѣе и болѣе одушевляясь, мы были въ церкви. Былъ тамъ и онъ... Когда читали евангеліе, всѣ встали, надѣли шапки и выдернули на половину сабли изъ ноженъ... Онъ шапку надѣлъ, но сабли не выдернулъ *)... Вы понимаете?

*) Обычай, существовавшій въ Польшѣ. Во время чтенія ксендзомъ евангелія, всѣ мужчины въ костелѣ вставали съ мѣстъ, надѣвали шапки и напо-

Панъ Ромуальдъ молчалъ. Его все время сияющее лицо вдругъ затуманилось. Блѣдность смѣнила румянецъ.

— Но это не можетъ быть!.. Это, вѣдь, слѣнота какая-то... Ересь... Юноша сбился съ пути... Прямая обязанность вѣхъ насъ — опять направить его, убѣдить...

— А панъ не слыхалъ о древѣ, не приносящемъ добрыхъ плодовъ? глухо заговорилъ вдругъ ксендзь. — Забылъ онъ, что дѣлають съ этимъ деревомъ? — Его срубають и бросаютъ въ огонь!..

Тихій, слегка синоватый голосъ монаха теперь какъ-то грозно звучалъ. Губы у старика дрожали, руки тряслись. Но вотъ онъ не выдержалъ, всталъ и петвердой походкой вышелъ изъ комнаты.

Панъ Ромуальдъ сидѣлъ, грустно понутивъ голову. Панъ Заремба сердито кусалъ усы.

— Болесь... Маленькій Болесь... думалъ Маевскій. — Да какъ-же это?.. Но нѣтъ... Заремба навѣрно преувеличиваетъ... А Бенедиктъ... Ну, Бенедикта я хорошо знаю!.. Однако не лишнее будетъ тамъ навести справки: что ложь, и что правда...

— Оставимъ это, панъ Ромуальдъ, заговорилъ вдругъ Заремба. — Все это ужасно грустно и... возмутительно!.. — И онъ налилъ стаканы. — Выпьемъ за вашего сына — наслѣдника...

— Вивать! отвѣтилъ панъ Ромуальдъ и ужъ теперь твердымъ голосомъ.

Пани Гертруда пробыла не болѣе четверти часа въ спальнѣ своей подруги, но въ это время она такъ много наговорила и встрѣчала, что у блѣдной больной даже голову заломило. Во первыхъ, она осыпала „свою милую, ненаглядную Ядою“ цѣлымъ дождемъ поцѣлуевъ, — и пани Ядвига съ трудомъ удерживалась, чтобъ не морщиться. Затѣмъ она подхватила на руки дремавшего Стасика и сдѣлала съ нимъ нѣсколько туровъ по комнатѣ. Стасикъ протестовалъ противъ такого вольнаго обращенія и голосомъ, и рученками, и по-

ловину выдергивали сабли изъ ноженъ. Это, какъ знакъ, что они всегда готовы въ походъ, на защиту католической вѣры.

жонками. Онъ плакалъ, барахтался; мать смотрѣла на него съ тревогой, а пани Гертруда осыпала его поцѣлуями и клялась всеми святыми, что въ жизнь еще не видала такого прелестнаго мальчика, такого ангела, херувима!..—Сначала пани Гертруда нашла Стасика похожимъ, точно двѣ капли воды, на отца; потомъ измѣнила свое заключеніе и нашла, что онъ похожъ на отца только губами, а такъ, вообще, — весь въ мать... И пани Гертруда носилась съ ребенкомъ по комнатѣ, баюкала его и смѣялась, и говорила и говорила... Ребенокъ плакалъ, а пани Ядвига морщилась.—Но, вотъ, наконецъ, Стасикъ опять уложенъ въ свою постельку; онъ успокоился, задремалъ... Пани Гертруда усѣлась на стулъ подлѣ кровати и шопотомъ, впрочемъ, такимъ, что онъ слышался чуть не во всехъ комнатахъ, стала вываливать передъ пани Ядвигой огромнѣйшую корзину новостей... Въ какихъ нибудь пять минутъ она напказала столько, что не опишешь и въ цѣломъ томѣ... „Панъ А. (ты знаешь, какой онъ картежникъ!) опять проигрался страшно: не то пятьсотъ, не то пять тысячъ червонцевъ... Панъ В. (дѣла у него ужъ давно плохи!) не могъ уплатить всехъ долговъ, и ему, говорятъ, грозить опіею имѣнія... Если не дорого, то мы купимъ... Я говорила ужъ Казимиру... У пани Д. опять неприятность съ мужемъ... (Ты знаешь, какая она франтиха? Дрянъ! Лѣзетъ въ графини, а родомъ... Все говорятъ, что дѣдъ ея былъ просто нищій, изъ загоновой шляхты графа NN!). Такъ вотъ: накупила брилліантовъ въ Варшавѣ, представили счетъ, — а мужъ и платить не хочетъ... — Къ старому Яну Грабовскому пріѣхалъ изъ-за границы сынъ... Ты помнишь: Болесь?“ — Но тутъ рѣчь пани Гертруды вдругъ полплаась такимъ неудержимымъ потокомъ, что маленькій Стасикъ проснулся опять и заплакалъ, а бѣдная мать чуть не заткнула уши. — И громы и молніи метала пани Гертруда на голову пріѣзжаго пана. Онъ былъ, по ея словамъ, и безбожникъ и негодяй, и выродокъ просто какой-то... Да развѣ въ семьѣ Грабовскихъ бывали когда такіе?—Сохрани Богъ!

У бѣдной пани Ядвиги голова пошла кругомъ... Но вотъ ей

пришла счастливая мысль, предложить гостѣ кофе и закусить. Пани Гертруда долго не соглашалась.

— Сыта я, по горло сыта, Ядичка! говорила она.— Но Ядичка позвонила и приказала вошедшей горничной проводить пани въ столовую и позвать барышню.

— Ну, такъ прощай, ангель мой! до свиданія! говорила гостья, обнимая и цѣлуя подругу.— Ты, можетъ, устала? Успутъ хочешь?— Ну, отдохни, отдохни, сокровище! Я послѣ зайду, пожалуй, проститься... Ты не уснешь?.. А Стасикъ спитъ?— О, да, спитъ, херувимчикъ! Прощай, прощай, Ядичка!..

Пани Гертруда выпорхнула изъ спальни, — и точно гора съ плечъ свалилась вдругъ у больной, и она вздохнула свободно.

Въ столовой, довольно большой и просторной комнатѣ, въ три окна, со стѣнами подъ дубъ, съ буфетомъ, изъ-за стеклянныхъ дверей котораго глядѣла масса фарфоровой и хрустальной посуды, блестя серебряныя тарелки и кубки, — уже былъ накрытъ столъ. На бѣлоснѣжной скатерти красовался серебряный спиртовой кофейникъ; стояла масса домашнихъ печеній въ лоткахъ. Закуски: колбасы, сыръ, яйца, грибы и грибочки, разные маринады. Тутъ-же видѣлись двѣ три бутылки домашнихъ паливокъ: сливянка, вишневка, малиновая; бутылка дорогого *Лакрима-Кристи*. Пани Гертруду встрѣтила дѣвушка лѣтъ 17, очень хорошенькая, похожая, какъ двѣ капли, на пани Ядвигу. Это была дочь Маевскихъ, Зося.

— Рада васъ видѣть, панна! говорила она, цѣлуясь съ гостьей.— Давно васъ не видѣла!..

— Да, очень давно... Очень, милочка!.. А вы все хорошѣете и хорошѣете... Боже!.. И пани Гертруда разглядывала свѣжее, полное личико дѣвушки, точно не видѣла ее десять лѣтъ. — Вы положительно отобѣете всѣхъ жениховъ въ нашемъ повѣтъ!.. *).

— А, вотъ и панна Барбара! Рада васъ видѣть, здравствуйте! кивнула головой гостья. — Ну, что, какъ зубы? Болятъ? Ахъ, жѣ-

*) *Повѣтъ* (powiat)—уѣздъ.

лость какая! Флюсь? Опять флюсь? Самое лучшее, — я говорила ужь вамъ не разъ, — винная ягода въ молокъ... Пробовали? — Ну, и еще разъ, еще, — поможетъ навѣрное!..

Панна Барбара, извѣстная въ дворнѣ подъ именемъ „старой панны“, была маленькая, худенькая женщина, съ желтоватымъ, сморщеннымъ въ кулачекъ, лицомъ, и съ вѣчно распухшей, подвязанною щекой. Трудно было сказать, сколько паниѣ Барбарѣ лѣтъ. Судя по ея жиденькимъ волосамъ, въ которыхъ, тамъ и сямъ, просвѣчивала сѣдинка, по этимъ морщинкамъ (гусинымъ лапкамъ), — такъ ей можно было дать лѣтъ 45, если не больше. Но панна Барбара была бы глубоко оскорблена, еслибъ ей дали столько. Она еще молодилась, любила ленточки, бантики, кружева...

— Да, жалко васъ, жалко, панна! говорила гостья, искоса поглядывая на ключницу. — Вѣчно хворать, и въ такихъ молодыхъ лѣтахъ!.. Вѣдь вамъ, я думаю, еще и 30 нѣтъ?.. Панъ Станиславъ...

Но гостья вдругъ замолчала. Панна Барбара сердито двинула чашкой; ея тонкія губы еще болѣе сжались; а Зося съ укоромъ взглянула на пани Гертруду.

— Что новаго, пани? заговорила она. — Я ужь вторую недѣлю никуда не выѣзжаю изъ дому. Все некогда...

— Новаго? Куча новаго, милочка! Вотъ вамъ...—И пани Гертруда начала съ трескомъ вываливать свою корзину. Зося даже ротикъ разинула отъ изумленія, а панна Барбара, суетясь у стола искоса поглядывала на гостью своими мышиными глазками.

— А о Грабовскомъ вы не слыхали, Зося? вдругъ точно выпалила гостья.

— О панѣ Янѣ?

— О Болеславѣ Грабовскомъ, что возвратился недавно изъ-за границы?

— Нѣтъ.

— Аа!—И пани Гертруда вдругъ сжала губки. Лицо ея приняло таинственное выраженіе. И это подстрекнуло Зося.

— А что-же, пани Гертруда? Что? интересовалась она.

— Да какъ вамъ сказать... перѣшительно точно говорила пани Гертруда.— *Un jeune homme bien élevé* Да... *très bien élevé*... Слишкомъ...

— Какъ такъ?

— Да такъ... Высказываетъ онъ мысли... такія... Ну, однимъ словомъ, не думаю, чтобъ его стали принимать гдѣ нибудь въ обществѣ... Кромѣ, разумѣется, Ястржембскихъ... Мы не дозрѣли еще до *такихъ* понятій!— И злая улыбка мелькнула на губахъ пани Гертруды.

— Ни вамъ моя дорогая, — о, сохрани Богъ! — говорила она, — и никакой другой паниѣ онъ въ женихи не годится... Да онъ и самъ, кажется, не одобряетъ нашихъ дѣвицъ... Находить ихъ слишкомъ еще мало развитыми, необразованными... Онъ не танцуетъ, не играетъ въ карты... — Но, впрочемъ, оставимъ это!.. — Такъ вы все дома, моя дорогая? Все по хозяйству?

— О, да, пани... Теперь у меня куча хлопотъ!.. Конечно, панина Барбара незамѣнима... Но, все-таки, надо и мнѣ... — Черезъ недѣлю крестины брата... — Однако, что-жъ вы советѣмъ ничего не кушаете?

— Я сыта, милочка... Сыта по горло!

— Рюмочку лакрима-крети? — Вѣдь оно легкое, и слабое...

— И въ ротъ никогда не беру!

— Наливки?

Пани Гертруда отказывалась рѣшительно отъ всего, — но ничего не оставила безъ вниманія: и закусила и выпила.

— Однако, пора! вдругъ спохватилась она. — Прощайте, мой ангель! Я засидѣлась... А мама спитъ? Узнайте, милочка!

Зоя ушла и сейчасъ-же вернулась.

— Спать!

— Ну, я ее не буду тревожить...

Панъ Казиміръ, красный, какъ сырая говядина (онъ выпилъ не менѣе десяти бутылокъ), но, впрочемъ, что называется, ни въ одномъ

глазу,—вѣжливо подсадилъ пани Гертруду въ коляску и сѣлъ въ нее самъ. Кучеръ дернулъ возжами, и лошади тронулись. Вотъ сѣхала она со двора,—а пани Гертруда все еще кланялась и посылала воздушные поцѣлуй стоявшимъ на крыльцѣ Зосѣ и пану Маевскому. Тѣ тоже кланялись, Наконецъ коляска скрылась за поворотомъ...

— Тьфу! Точно гора съ плечъ! крикнулъ панъ Ромуальдъ и пошелъ къ женѣ.

— Не спишь, Ядя? говорилъ онъ, чуть-чуть пріотворивъ дверь спальни.

— Нѣтъ.

Панъ Ромуальдъ вошелъ. Въ комнатѣ все такъ-же горѣла лампадка; пахло лекарствами... Пани Ядвига лежала блѣдная на подушкахъ. Она теперь выглядѣла еще блѣднѣе, чѣмъ давече. Панъ Ромуальдъ испугался.

— Ядичка, что съ тобой?

— Да вотъ, голова болитъ...—И она рассказала ему о посѣщеніи пани Гертруды.

— Соррока!.. прохрипѣлъ панъ Ромуальдъ и дернулъ себя за усы.—Такъ вы говорили и о Грабовскомъ?

— Да.

— Но это, вѣдь, ложь!.. Понимаешь ты: ложь! Этого быть не можетъ!.. Я знаю Болеся...

— Да, ужь, конечно, приврали...

— Приврали! твердо рѣшилъ панъ Ромуальдъ.

III.

О. Бенедиктъ проснулся еще до восхода солнца. Слегка позѣвывая и покряхтывая, спустилъ онъ ноги съ кровати, надѣлъ сутану и отворилъ окно.

Чистый и свѣжій воздухъ, пропитанный ароматомъ цвѣтовъ изъ сада, хлынулъ волною въ комнату... Легонкій вѣтерокъ, подхватилъ съ полу бумажку какую-то и унесъ ее въ уголь; зашелестилъ листьями большой толстой рукошеи на полкѣ... — Изъ окна открывался видъ чуть не на всю деревню. Надъ рѣчкой поднимался легкій туманъ; изъ трубъ ужъ клубился кой-гдѣ синій дымокъ: крестьяне вставали... Вдали замычала гдѣ-то корова; ей подхватила другая, третья, четвертая; послышалось звяканье колокольчиковъ; треснулъ бичъ... И вотъ старій, сѣдой Онисько-пастухъ, прямой и высокій, какъ жердь, погналъ стадо на лугъ... — О. Бенедиктъ умылся и подошелъ къ окну... Долго стоялъ онъ, вдыхая всею грудью свѣжій и чистый воздухъ и глядя куда-то въ даль... Вонъ облачко, бѣлое облачко на небѣ, стало вдругъ розовѣть; вотъ окрасилось оно золотистымъ цвѣтомъ; все ярче, ярче, — распалось, и изъ него выплылъ золотой шаръ... Яркіе лучи брызнули цѣлымъ снопомъ... Какъ жарко загорѣлся золоченый крестъ маленькой православной церкви!.. О. Бенедиктъ зажмурилъ глаза, отвернулся... Онъ взялъ со столика у кровати книжку въ кожаномъ переплетѣ, четки, и, опустясь на колѣни передъ образами, началъ молиться...

Комнатка о. Бенедикта смотрѣла совѣмъ монастырской кельей. Маленькая, съ однимъ окномъ, съ выбѣленными стѣнами, съ полками, заваленными толстыми книгами и тетрадами, съ образами въ углу, — она и теперь даже, вся залитая солнечными лучами, выглядывала какъ-то мрачно и хмуро... Передній уголь былъ занятъ божинцей, здѣсь день и ночь теплилось пять-шесть лампадокъ... Живописные образы были менѣе чѣмъ посредственная, — грубоватая. Но больше всего бросалось въ глаза великолѣпное распятіе изъ слоновой кости на крестѣ чернаго дерева. Передъ нимъ горѣла серебряная лампадка...

А солнышко весело свѣтило на небѣ; лило потоки лучей въ комнату, золотило бѣлую рясу монаха, его сѣдые, короткіе волосы... Съ луга неслись звуки бубенчиковъ; въ саду заливался пернатый хоръ, — а о. Бенедиктъ все молился... Потъ крупными каплями выступалъ на

его морщинистомъ лбу, сбѣгаль по изможденнымъ щекамъ и падалъ, порой, на листы молитвенника.—Въ домѣ тоже проснулся... Слышались, тамъ и сямъ, шаги, топотъ босыхъ ногъ, стукъ и скрипъ двери... Гдѣ-то на дворѣ заржала лошадь; хлопнуль бичъ, и послышался сдержанный гнѣвный окрикъ... А о. Бенедиктъ все молился... Но, вотъ, наконецъ, онъ съ трудомъ поднялся съ колѣнъ, охнуль, распрямилъ сторбленную спину, перекрестился еще разъ, взявъ шляпу и вышелъ изъ комнаты.

Тихо, неслышно, какъ тѣнь, шелъ старикъ по двору, слегка опираясь на палку. Его голова поникла на грудь; о. Бенедиктъ, какъ будто, нигдѣ и ничего не видѣлъ, — но это такъ только казалось. Его небольшіе черные глазки зорко глядѣли изъ подъ нависшихъ бровей и широкихъ полей поярковой шляпы, — и отъ нихъ не укрылось-бы ничего. — И это прекрасно знали дворовые. Вчера панъ Ромуальдъ уѣхалъ за покупками въ городъ, и въ домѣ полновластнымъ хозяиномъ оставался о. Бенедиктъ. Старика дворня боялась и не любила. То, чего никогда не замѣтилъ-бы зоркій хозяйскій глазъ, мимо чего прошелъ-бы панъ Ромуальдъ, не обративъ никакого вниманія, — то замѣчалъ о. Бенедиктъ. Онъ вѣчно находилъ разные недостатки и упущенія и жаловался Маевскому. Панъ Ромуальдъ молча выслушивалъ, морщился изрѣдка, и обѣщалъ старику все поправить, разыскать съ виновныхъ. Но онъ никогда не сдерживалъ своего обѣщанія. Онъ очень хорошо понималъ, что старикъ часто видѣлъ слона тамъ, гдѣ даже и простой мухи не было; онъ придирался просто къ дворовымъ, и придирался онъ потому, что они за исключеніемъ двухъ-трехъ чловѣкъ, все были „еретики“, схизматики. О. Бенедиктъ былъ ярымъ и нетерпимымъ католикомъ.

— Э, полноте, о. Бенедиктъ! говорилъ панъ Маевскій.—Какое мнѣ дѣло, въ какую церковь ходятъ мои дворовые: въ русскую, или въ костель... лишь-бы работали они хорошо, да слушались моихъ приказаній... Глядите-ка, вонъ, у пана Потоцкаго... Его-ли не любить народъ? Его-ли имѣнія не процвѣтаютъ?—А почему? Да по-

тому, что ему все равно, куда ходить его хлопы: въ нашъ-ли костель, или въ свою церковь...

— Папъ самъ склоняется къ ереси... начиналъ, было, о. Бенедиктъ.

— Пустое, святой отецъ!

О. Бенедиктъ махалъ только рукой и отступался. Но онъ, разумѣется, никогда не могъ раздѣлять мнѣній папа Маевского, несправедлѣлъ дворию и всегда готовъ былъ напакостить ей въ чемъ-бы то ни было...

И вотъ о. Бенедиктъ идетъ по двору своей неспѣшной походкой и зорко, украдкой, поглядываетъ по сторонамъ. У конюшни собралось, было, нѣсколько ребятишекъ. Они затѣвали игру какую-то... Слышался смѣхъ, крики... Но вотъ одинъ пѣзъ компаніи замѣтилъ вдругъ сгорбленную фигуру монаха, — и все мальчуганы скрылись, точно спугнутые воробы... Конюхъ Дашило, замѣтивъ о. Бенедикта, снявъ бриль и поклонился старику въ поясъ. Но тотъ не обратилъ на него никакого вниманія, и шель себя дальше, опираясь слегка на палку. Попадались бабы и мужики (ребятишки вездѣ разсыпались въ стороны) и низко кланялись, — но о. Бенедиктъ точно и не замѣчалъ никого...

И вотъ онъ идетъ по берегу узенькой рѣчки... Утки гогочутъ у берега, плаваютъ и ныряютъ... Рѣчка советѣмъ тиха, неподвижна, какъ зеркало... Солнышко ярко въ ней отражается, золотить ее... Широкіе, темно-зеленые листья кувшинокъ лежатъ, тамъ и сямъ, на водѣ; межъ ними блестятъ, какъ золото, желтенькіе цвѣточки... Тихо, утки только покрякиваютъ, да изрѣдка завозится въ осокѣ у берега окунь, или плотичка... А вошь и костель. — Ярко блеститъ на солнышкѣ крестъ. — Вотъ домикъ кеендза-пробоца *), съ бѣлыми ставнями, съ бѣлыми занавѣсками въ окнахъ... А вотъ и самъ кеендзъ-пробоць. о. Геронимъ... Старикъ еще издали разглядѣлъ эту маленькую, худенькую фигурку, въ старой, помятой широкополой шляпѣ. Онъ прямо идетъ на ветрѣчу о. Бенедикту. Пробоць лѣтъ 45, но на лицѣ его

*) Пробоць—настоятель прихода.

такъ много глубокихъ морщинъ; глаза такіе грустные и печальные... Да, видно, не мало горя перенесъ этотъ человѣкъ въ жизни!..

— Подышать воздухомъ? спрашиваетъ кеендзъ-пробоць.

— Нѣтъ, я по дѣлу... Некогда!.. отвѣчаетъ о. Бенедиктъ и, слегка поклонившись, проходить дальше.

По губамъ пробоца пробѣгаетъ полу-грустная, полунасмѣшливая улыбка.

Но вотъ о. Бенедиктъ доходитъ до одной хаты, почти на самомъ концѣ деревни. Эта хата ужъ не изъ тѣхъ, въ которыхъ живутъ малороссы, хлопы пана Масвекаго. Нѣтъ, — она выгидитъ очень бѣдно... Тростникъ на крышѣ прогнилъ; да и сама крыша ветхая, старая, требуетъ тоже починки. Тускло глядитъ на свѣтъ Божій кривое оконце съ полуразбитыми стеклами. — О. Бенедиктъ сгибается въ три погребели и пролѣзаетъ въ дверь... Бѣдностью, нищетою вѣетъ отъ всей обстановки; всюду соръ, грязь... Въ углу, въ какихъ-то лохмотьяхъ, барахтается ребенокъ, пищить... Худая, блѣдная женщина идетъ на встрѣчу монаху и низко склоняетъ голову...

— Ну, что, Олеся? говорить онъ. — Стахъ еще не верпулся?

— Нѣтъ, ойче мой добродѣю...

— Онъ загулялъ? А?

— Да, загулялъ видно... — И женщина еще ниже опускаетъ голову. — Вчера долженъ былъ вернуться...

— Гадко... да, гадко онъ дѣлаетъ! говорить о. Бенедиктъ. — Господь Богъ накажетъ его за такую жизнь!.. — Ну, а денегъ онъ не оставилъ?

— Нѣтъ.

— Какъ нѣтъ? Да что-же я говорилъ! Вѣдь завтра я долженъ собрать всѣ. — Ты понимаешь: *всѣ*... Отправить отцамъ — тринитарамъ *)... И у тебя нѣтъ?

— Только двѣнадцать грошей...

*) Орденъ, сбиравшій пожертвованія на выкупъ христіанъ (католиковъ) изъ бусурманской неволи.

— Двѣнадцать!.. Когда нуженъ злотый!.. О, Господи, что же это будетъ такое!—вдругъ застоналъ о. Бенедиктъ.—Имъ лучше пропить, промотать деньги, чѣмъ отдать ихъ на церковь... На выкупъ вѣрныхъ католиковъ изъ бусурманской неволн... Немного, кажется, злотый въ мѣсяць,—и того нѣтъ!..

— Мы задолжали нынче...

— Что?

— Задолжали мы... Мой Стахъ...

— Твой Стахъ кутила и мотъ,—вотъ что! грозно заговорилъ о. Бенедиктъ.—Не хлопъ онъ какой, тамъ, несчастный, а шляхтичъ... И злотаго нѣтъ въ мѣсяць!.. Ну, погоди-же, накажеть его Господь!..

— Ойче-добродѣю!..—Въ голосѣ женщины зазвучалъ ужасъ.— Не проклиняйте!..

— Не проклиная, а говорю правду... Ну, что же, давай хоть двѣнадцать грошей...

Она порылась въ углу, достала оттуда нѣсколько мѣдныхъ монетокъ и подала ихъ дрожащей рукой о. Бенедикту. Тотъ опустил ихъ въ карманъ.

— А мужъ прїѣдетъ,—скажи! говорилъ онъ.—Я попеняю ему... Богъ знаетъ, что дѣлаетъ у васъ этотъ пробощъ!.. Теперь, навѣрно, и половины мнѣ не собрать... Всѣ промотались, позадолжали!.. О, Боже!..—О. Бенедиктъ поднялъ глаза къ небу, зашевелилъ четками.— Ну, прощай!.. Господь да помилуетъ и спасеть тебя!..

Она припала съ благоговѣнїемъ къ его рукѣ. О. Бенедиктъ благословилъ ее и вышелъ.

Онъ завернулъ еще въ четыре-пять хатъ... Вездѣ бѣдность... Порой, встрѣчали его хозяева-шляхтичи, въ грубыхъ посконныхъ свиткахъ, дерюжныхъ рубахахъ, но съ саблями у бедра, какъ знакъ ихъ дворянства...

Мрачный, сердитый, шелъ о. Бенедиктъ домой. Въ карманѣ его брнчали нѣсколько мѣдяковъ... На встрѣчу ему опять попался кеендзь-пробощъ.

— Laudetur Jesus...

— Позвольте! остановилъ его вдругъ о. Бенедиктъ.—Вѣдь это, наконецъ, изъ рукъ вонъ что такое!..

— А что? спросилъ пробоощъ.

— Вы знаете о моихъ сборахъ на тришитаровъ?

— Да.

— По злотому въ мѣсяць,—немного, кажется!.. Я побывалъ въ шести хатахъ и собралъ всего два злотыхъ... А!..

— Бѣдность, о. Бенедиктъ...

— Что вы сказали?

— Бѣдность.

— Не бѣдность,—распущенность, вотъ что?.. Чего же вы смотрите? Чему учите паству?.. А?..

Ксендзь-пробоощъ пожалъ плечами.

— Шляхта бѣдна! говорилъ.—Средствъ никакихъ нѣтъ... работать тоже нехочется,—шляхетское достоинство не позволяетъ!.. пояснилъ онъ съ горькой улыбкой.—Какъ быть? Что дѣлать!.. А вѣдь семья у каждаго, дѣти... Тѣмъ и живутъ только, что попадетъ отъ пана Маевского... Крохами и питаются... Я-то причемъ же тутъ?.. Что могу сдѣлать?..

О. Бенедиктъ только махнулъ рукой, и вдругъ повернулъ спину и зашагалъ къ дому. Ксендзь-пробоощъ тоже пошелъ домой. Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ, близъ костела, и жилъ очень бѣдненько. Любкой изъ хлопковъ пана Маевского, изъ малороссовъ, обладать куда большимъ достаткомъ, нежели о. Иеронимъ. Зато его хатка, состоявшая изъ кухни и двухъ крошечныхъ комнатокъ, отличалась необыкновенною чистотой и опрятностью. На ярко-выбѣленныхъ стѣнахъ не замѣчалось не одинаго пятнышка; на вымазанномъ глиной полу, казалось, не было ни соринки. Столъ, двѣ-три скамейки, кровать въ углу, полочка съ книгами,—вотъ и вся обстановка хатки ксендза-пробооща... Такой-же опрятностью отличалась и кухня.

Ксендзу отворила старуха, вся сморщенная, какъ грибокъ. На

видъ ей казалось лѣтъ 70, если не больше. Это была Марыня, единственная служанка ксендза. Она замѣняла ему и кухарку, и ключницу, и экономку.

— А, вы вернулись, отецъ? Такъ скоро? удивилась она.

— Да, я зашелъ только провѣдать Анну... Ей очень плохо...

— Не умерла еще?

— Нѣтъ. Но врядь-ли доживетъ до завтра... А, впрочемъ, все въ рукахъ Божіихъ...—Никто не былъ?

— Ну, какъ никто! Былъ опять этотъ... Какъ его...—Марыня закашлялась.

— Антекъ?

— Извѣстно, онъ. —Кому больше!.. И неужели опять вы ему... денегъ дадите?..

Ксендзь улыбнулся.

— Даль-бы, Марыня, да у самого только два злотыхъ осталось...

— Такъ что-же, одинъ и отдайте!..—И Марыня опять закашлялась, замахала руками. —Пусть онъ, тамъ... пусть выпьетъ за ваше здоровье!...—черезъ силу проговорила она.

— Марыня! съ кроткимъ упрекомъ заговорилъ ксендзь.— Не осуждай, и не осуждена будешь... Забыла, что я тебѣ говорилъ?..

— Ну, согрѣшила, отецъ,—простите!.. Да не могу я, — понимаете,—не могу!.. Вѣдь этотъ грѣхъ я по сту разъ на день дѣлаю!.. Какъ не судить... Вы посмотрите-ка на себя... Вѣдь вамъ скоро на улицу будетъ выходить не въ чемъ!.. Вѣдь вы чуть не все, что получаете, отдаете имъ... этимъ...

— Марыня!..

— Да развѣ не правду я говорю! Вѣдь вы этакъ съ голоду умереть можете, ойче мой добродѣю!.. Да!.. Что вы ѣдите?.. А помните, прошлую осень, вы проходили безъ теплыхъ чулокъ, въ сапогахъ, съ прорванными подошвами?.. Забыли, какую вы тогда горячку схватили?..

— Богъ спасъ однако...

— Да, Богъ... А кому, вы отдали тогда эти пятнадцать золотыхъ, что сапоги хотѣли кушить...

— Марыня!..

— Не замолчу!.. — Антеку, все тому-жь Антеку... Пьяницѣ, негодяю...

— Молчи, тебѣ говорятъ!.. Не забывай, что у Аптека есть семья... Пятеро ребятишекъ... Они-то не виноваты, что Антекъ пьетъ... Это болѣзнь, вѣдь... Богъ иецѣлить его; направить когда нибудь на путь истинный...

— Плетью-бы вотъ его лучше направить!.. проворчала старуха подъ носъ.— Вы не давайте ему, ойче мой добродѣю; голубчикъ мой, не давайте, какъ онъ придетъ!.. заговорила она вдругъ жалобнымъ голосомъ.

— А закусить ты мнѣ дашь чего нибудь? переѣнилъ разговоръ пробощъ.

— Хоть разорвите меня на части, ни крошечки въ домѣ вѣтъ!.. Кормите всѣхъ голодныхъ, ну, и сидите голодомъ!..

— И посижу, — что-жь дѣлать! слегка улыбнулася пробощъ и прошелъ въ свою комнату.

Въ кухнѣ послышался стукъ посуды; зазвенѣлъ ножикъ, — и вслѣдъ затѣмъ, Марыня внесла горшочекъ, со вчерашнимъ еще, слегка подогрѣтымъ борщомъ.

— Ну, вотъ и нашлось, Богъ послалъ! говорилъ, улыбаясь, пробощъ.

— Да, на сегодня только. А завтра — сидите голодомъ!.. Ну, попомните вы мое слово: если дадите хоть грошъ этому... завтра безъ крохи хлѣба останетесь...

— И останусь!..

Старуха вышла, сердито хлопнувъ дверями, и долго еще ворчала, тамъ, въ кухнѣ и гремѣла посудой. А пробощъ усѣлся за борщъ, подѣмываясь и улыбаясь... Но вотъ въ кухнѣ скрипнула дверь; вошелъ кто-то.

— О. Іеронимъ дома? послышался хриплый голосъ.

— Дома! крикнулъ пробощъ и всталъ.— Войди, Антекъ!.. Марыня, пусти,—я дома!..

Въ кухнѣ опять раздалось глухое ворчаніе и громъ посуды, а въ комнату вошелъ какой-то субъектъ и робко сталъ на порогѣ.

— Садись, Антекъ!

И Антекъ сѣлъ. Это былъ человѣкъ высокаго роста, плотный и коренастый, съ опухшимъ отъ постоянного пьянства лицомъ. Онъ оборванъ до нельзя. Холщевая свитка была во многихъ мѣстахъ заплатана и разорвана; такіе-же шаровары засунуты въ рваные сапоги, съ выглядывавшими изъ нихъ пальцами. Голова Антека была страшно всклокочена; зато косматые усы его были лихо закручены, и съ боку висѣла шляхетская *карабеля* *).

— Простите, святой отецъ, хрипло заговорилъ Антекъ. — Я васъ опять осмѣлюсь побезпокоить... Но это... Слово говорю! — И онъ приложилъ къ сердцу грязную руку.— Это въ послѣдній разъ!

Пробощъ вздохнулъ.

— Я это уже много разъ слышалъ, говорилъ онъ.

— Слово говорю!.. Шляхетское слово, святой отецъ! — И Антекъ вдругъ присаннлся.— Вы не вѣрите?

— Ну?

— Мнѣ крайне и крайне нужно двѣнадцать золотыхъ... Я вамъ отдамъ ихъ... Позвольте... Да, я отдамъ ихъ черезъ недѣлю...

— Откуда-жь ты ихъ возьмешь?

— Откуда?— Да развѣ шляхтичъ не можетъ достать себѣ денегъ? Онъ на войнѣ ихъ возьметъ...

— На какой-же?

— А на такой... Я думаю перейти скоро къ другому пану на службу... Да, только вотъ надо одѣться... У пана Маевского нельзя жить шляхтичу... *Благородному шляхтичу!* подчеркнул онъ.—

*) Сабля.

У него житье только хлопамъ однимъ, *быдлу* *)... Да... Онъ вовсе не воинъ, не рыцарь!.. Я думаю перейти къ пану Зарембѣ. — Онъ часто ведетъ *наязды* **), и дастъ мнѣ возможность честнымъ и благороднымъ трудомъ заработать деньги...

— Это ты что-же называешь честнымъ трудомъ?

— Какъ что, отецъ? — И Антекъ вытаращилъ глаза на пробоща. — Да на воинъ, ойче, въ наяздахъ...

— Въ дракахъ этихъ? Безчинствахъ? Да?.. И это ты называешь *честнымъ* трудомъ?

Антекъ даже ротъ разинулъ отъ удивленія.

— А ойче мой добродѣю какъ называется это? спросилъ онъ.

— Разбоемъ и грабежомъ! спокойно отвѣчалъ пробощъ. — Честный трудъ это тотъ, которымъ люди въ потъ лица добываютъ хлѣбъ свой, не причиняя вреда другимъ... Ну, а если тотъ панъ, у котораго служишь ты, дастъ тебѣ два-три червонца, накормить и напоить до пьяна и скажетъ: ступай, Антекъ, къ пану такому-то, бейся съ его шляхтой, на сколько силъ хватить, — а если возможно, то и пограбь (развѣ вы не снимаете съ пораженныхъ противниковъ платья и сапоговъ)? Что-жь это — *честный* трудъ?

Антекъ сидѣлъ по прежнему, ошалѣлый, съ раскрытымъ ртомъ, и точно не понималъ: во слѣ онъ это, или на яву слышитъ. Но вотъ онъ, какъ будто, понялъ.

— А панъ-отецъ назоветъ честнымъ трудомъ: землю пахать, что-ли? спросилъ онъ, и презрительная улыбка искривила его ротъ.

— Да, землю пахать, землю рыть, лѣсъ рубить... невозмутимо говорилъ пробощъ. — Все это честный и благородный трудъ, не унижающій человѣка... Апостолы рыбу ловили, а были не хуже шляхты... А? вѣдь не хуже?..

— Апостолы... да... гм... конечно... бормоталъ Антекъ. — Но чтобъ теперь шляхтичъ... благородный шляхтичъ, — и онъ опять

*) Быдло (bydlo) презрительное названіе простого народа. Буквально: скоть.

**) Наяздъ (najązd). См. *corpus defensivum*.

гордо выпрямился, — чтобъ онъ унился до труда... пахать землю... Ойче-добродѣю... помилуйте! Да у меня тамъ, въ хатѣ найдутся граммы Ягеллоновъ... Еще они мнѣ дали право на благородство, избавили отъ унижительнаго труда... Я бѣдный, я нищій, — но я горжусь этимъ! Да!.. — И онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я благородень! И не унижусь до быдла!.. Вы обижаете меня, ойче... Простите, побезпокойтѣ!.. — И онъ направился къ двери.

Кесндзь-пробоцъ только вздохнулъ.

— Вернись, Антекъ! сказалъ онъ.

Антекъ вернулея.

— Прости... я не хотѣлъ оскорблять тебя... Что я говорю теперь, я говорилъ и въ церкви, *для всѣхъ*... Но.. но. — И такъ тебѣ нужны деньги?.. Зачѣмъ?

— На многое... мы задолжали... Жена...

— На хлѣбъ?

— Н... да, и на хлѣбъ... замаяся немного Антекъ. — Конечно, черезъ недѣлю...

— Но, видишь... У меня только два золотыхъ... Вотъ они. Ты изъ нихъ можешь одинъ взять и купить дѣтямъ хлѣба... Но только купишь сейчасъ... *непретънно*...

— Да, я куплю... пробормоталъ Антекъ и взялъ одинъ золотый. Куда вдругъ исчезли его шляхетство и гоноръ!..

— И *непретънно*?

— Да... Слово гонору!..

— Ну, хорошо... Я завтра узнаю... Ступай!

Антекъ поклонился и вышелъ.

Кесндзь-пробоцъ долго ходилъ по комнатѣ, грустный, печальный...

— Ну, вотъ, и открой имъ глаза! думалъ онъ. — Да, открой!.. Наставь *на путь истинный*!.. О, Господи! вразуми и просвѣти ихъ!..

Вошла Марьяня.

— Сейчасъ отъ пана Маевского къ вамъ приходили, говорила она — Завтра крестятъ ребенка... Звали васъ...

— Хорошо! разсѣянно отвѣчалъ пробощъ.

— Вы крестить будете?

— Что?

— Вы, говорю, будете крестить мальчика?

— Нѣтъ.

— О. Бенедиктъ, значить?.. Гм... Можно-бы и васъ позвать... Все перепало-бы хоть толику... О. Бенедиктъ... Тотъ, вѣдь, въ теплѣ живеть, сытъ, всемъ доволенъ... А, вонъ, у васъ... — Да, о. Бенедиктъ-то золотые собираетъ съ нищихъ на тринитаровъ... Тамъ христіанъ выкупать какихъ-то отъ бусурманъ... Онъ лучше-бы эти золотые имъ на хлѣбъ оставилъ...

— Марыня! строго заговорилъ пробощъ. — *Кого* осуждаешь ты? Забыла санъ о. Бенедикта? — Онъ человѣкъ, глубоко вѣрующій и благочестивый, и самъ готовъ отдать все.

— Оно и видно...

— Молчи!.. — И если ты слово... хотя одно слово скажешь, — я наложу на тебя *покуту!*.. *)

Старуха мгновенно струсила и умолкла.

— Ступай! Оставь меня! говорилъ пробощъ. — Миѣ надо еще заняться...

Марыня ушла, а онъ съ часъ, если не больше, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, такой-же грустный, печальный. Но вотъ онъ ушелъ въ свою спаленку, заперся тамъ и палъ на колѣни передъ распятіемъ.

IV.

Маленькій Стасъ проснулся.

Солнечный лучъ пробился сквозь заправѣску окна и упалъ ему прямо на личико. Ребенокъ зажмурилъ глазки, заплакалъ. Пани Ядвига спала. Но съ первымъ крикомъ его, она открыла глаза.

*) То-же, что *эпитимія*.

— Что съ тобой, моя крошка? Что ты, сокровище? — А, солнышко тебя беспокоитъ! — И она плотнѣ задернула занавѣску. — Спи, ангель мой, спи!

Но Стасику не хотѣлось спать. Онъ лежалъ на подушкѣ, закутанный розовымъ шелковымъ отѣяльцемъ, обшитымъ дорогимъ кружевомъ. Изъ подъ него выставлялась только одна головка, красное личико. Стасикъ таращилъ глазенки. Онъ видѣлъ рѣшительно все въ комнатѣ: видѣлъ чуть-чуть мерцающую лампадку передъ иконами; видѣлъ въ углу паучка, усердно плетущаго свою сѣть, — но видѣлъ все вверхъ ногами, и ничего, разумѣется, не понималъ. — Но вотъ дверь слегка отворилась, просунулась голова пана Маевского.

— Ты не спишь, Ядичка?

— Нѣтъ.

— Тамъ все готово... Всѣ собрались. Можно и начинать, пожалуйста?

— Да.

Панъ Ромуальдъ подошелъ къ кровати, нагнулся надъ сыномъ. Стасикъ еще шире открылъ глазенки и забарахтался. Но вотъ все вниманіе его привлекла одна изъ большихъ золотыхъ пуговицъ на кунтушѣ отца; съ трудомъ освободилъ онъ рученку изъ подъ отѣяльца и потянулся къ ней... Вотъ-вотъ немощко еще, — и онъ крѣпко ухватилъ пальчиками эту большую блестящую штуку... Панъ Ромуальдъ боялсядохнуть, шевельнуться. — Онъ такъ и застылъ въ наклоненной позѣ. Усы у него шевелились; въ глазахъ сверкали слезинки... Да, глубоко былъ-бы счастливъ Стасикъ, еслибъ онъ могъ понимать, что творилось теперь въ сердцѣ отца! Но Стасикъ не понималъ.

— Ядичка! прошепталъ вдругъ панъ Ромуальдъ.

— Что?

— Не пускаетъ!.. Смотри-ка, какъ ухватился крѣпко!

— Да. — По лицу пани Ядвиги пробѣжала улыбка.

— Сильный-же будетъ хлопчикъ!.. О, милый, мой ненаглядный!.. — И панъ Ромуальдъ не спускалъ глазъ съ личика сына. Онъ

такъ и осыпаль-бы его поцѣлуями, но онъ боялся помѣшать ему... А Стасикъ не спускалъ глазъ съ пуговицы и крѣпко держалъ ее ручкой... Но вотъ освободилъ онъ и другую изъ подъ одѣяльца, — цапъ! — И еще одна пуговица оказалась въ его полной власти. Положеніе пана Маевского сдѣлалось затруднительнымъ. Онъ минутъ пять стоялъ, низко нагнувшись, и у него слегка запекалывало въ спишь, кровь прилила къ лицу. Но маленькій деспотъ и знать ничего не хотѣлъ.

— Да отойди, разогнись, Ромусь!.. Смотри, какъ ты покрасѣлъ!.. говорила пани Ядвига. — Вѣдь этакъ онъ тебя до завтра не выпустить...

Панъ Ромуальдъ испугался даже.

— Что ты! что ты! зашепталъ онъ. — А какъ заплачетъ?..

Но вотъ Стасикъ разжалъ ручонки. Еще минута, — и панъ Ромуальдъ разогнулъ-бы спину, отеръ со лба выступившій на немъ потъ. Но не тутъ-то было! Пуговица была свободна, но одинъ усъ пана Маевского, тщательно имъ расчесанный давеча, падушанный, — вдругъ очутился во власти Стасика, и онъ схватился за него ручкой.

— Ну, часъ отъ часу не легче! смѣялась пани Ядвига. — Рѣшительно онъ тебя не хочетъ пускать!..

И панъ Ромуальдъ стоялъ въ неловкой, тяжелой позѣ, съ краснымъ, но широко улыбающимся лицомъ, и былъ глубоко счастливъ.

— Постои-ка, я знаю, чѣмъ его подманить! говорила пани Ядвига и поднесла къ самымъ глазамъ Стасика руку. На палецъ сверкало золотое кольцо. Средство подѣйствовало. Стасикъ выпустилъ усъ и схватился за палецъ.

— Ну, плуть-же мальчишка! говорилъ панъ Ромуальдъ, выпрямляясь и вытирая платкомъ лицо. — Даже въ потъ бросило!.. Съ такой поры надъ отцемъ волю взялъ... Что-жъ будетъ дальше!.. — И онъ, радостный, улыбающійся, вышелъ изъ спальни.

Но Стасикъ не долго смотрѣлъ на кольцо. Ему помѣщали. Пришла паниа Барбара и осторожно взяла его на руки. Стасикъ вдругъ забарахтался и ручонками и пожонками и заплакалъ. Ему не понравилось,

видно, лицо „старой панны“, ея тонкія, плотносжатія губы, мышечные глазки. И онъ плакалъ, барахтался до тѣхъ поръ, пока его не внесли въ залу. Тутъ онъ умолкъ; глазки у него разбѣжались...

Въ залѣ было какъ-то особенно весело и свѣтло. Въ раскрытыя настежь окна потоками лился свѣжій, душистый воздухъ; лились солнечные лучи. Лица гостей (а ихъ было человѣкъ сорокъ) глядѣли торжественно; платья блестѣли свѣжестью, повизной. Брильянты въ ухахъ и на шеяхъ дамъ, на пуговицахъ у кунтушей и шейныхъ булавахъ мужчинъ, — горѣли тысячами огней и сверкали всеми цвѣтами радуги. — Здѣсь былъ и панъ Казиміръ Заремба, въ великолѣпномъ темно-голубомъ бархатномъ кунтушѣ, вышитомъ серебромъ. Въ эфесѣ сабли стараго вонна блестѣлъ крупный смарагдъ. Была и пани Гертруда. Описывать нарядъ ея мы не беремся. Довольно сказать, что даже пани Бержинская, дама далеко не изъ бѣдныхъ, первая модница во всемъ повѣтѣ, — и та поглядывала не безъ зависти на бархатъ пани Герруды, (прикидывая въ умъ его цѣну), и блескъ ея крупныхъ брильянтовъ и изумрудовъ... Были Проскуры, сосѣди пана Маевского. Отецъ, крѣпкій, высокій старикъ, съ сѣдыми усами, и гордымъ, высокообраннымъ взглядомъ, — и два сына, Брониславъ и Антонъ, молодые люди, лѣтъ 23—24, занимающіеся въ *палестрѣ* *). Залѣскій, панъ Станиславъ, дюжій мужчина, лѣтъ 50, съ красной, воловьей шеей; жена его, пани Елена, маленькая, субтильная домочка, съ остренькимъ, птичьимъ носикомъ, — и цѣлый сонмъ дочерей, — пять, или шесть, — похожихъ, кромѣ младшей, Стефци, одна на другую, какъ двѣ капли воды. Были Бержинскіе, мужъ и жена; Головишскіе, панъ Станиславъ Жигота, Викентій Заблоцкій, панъ Мечиславъ Трембинскій, тестъ пана Маевского. Панъ Матвѣй Брохвичъ, Брониславъ Войничъ, Маврикій Войткевичъ и много, много другихъ.. — Немудрено, что Стасикъ умолкъ, успокоился, и глазки у него разбѣжались. Здѣсь было такъ много свѣту и блеску!.. — Но вотъ подошла

*) Институтъ адвокатовъ.

къ нему красивая, полная женщина, лѣтъ 40, пани Катажина Войткеничъ, его будущая крестная мать, и протянула руки... Стасикъ отдался безпрекословно въ ея полное распоряженіе: его прельстили блестящія изумрудныя серьги. Подошелъ, съ правой стороны, держа съ одною рукой за эфесъ сабли, другою покручивая сивый усъ, его будущій крестный отецъ, панъ Станиславъ Залѣскій. Стасикъ былъ совершенно свокоенъ и велъ себя превосходно: не плакалъ, не барахтался и не кричалъ. Но подошедшій о. Бенедиктъ испортилъ все дѣло. Богъ знаетъ, что не понравилось въ старикѣ Стасику, — можетъ быть, мрачное и суровое лицо (оно и теперь было такъ-же мрачно, сурово, какъ и всегда), или что другое, — но только Стасикъ вдругъ отчаянно забарахтался, закричалъ... Долго его не могли успокоить... Кричалъ онъ и въ то время, когда о. Бенедиктъ поливалъ ему водою голову накрестъ и говорилъ: „*Станиславе! я тебе хщэ въ Имя Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь!* *) — Кричалъ и въ то время, какъ его мазали муромъ, — и только тогда успокоился, когда его крестная мать взяла его опять къ себѣ и сунула ему въ ручки прельстившую его такъ сережку...

И маленькій Стасъ былъ водворенъ на лонѣ католической церкви. Гости обступили со всѣхъ сторонъ счастливаго пана Маевского, поздравляли его. Многіе прошли въ спальную пани Ядвиги. — И панъ Маевскій, весь сіяющій съ головы до ногъ, кланялся и улыбался на всѣ стороны, цѣловался и обнимался, жаль руки. Его даже въ потъ вдругъ ударило, и тщательно расчесанные усы какъ-то изъерошились и торчали теперь во всѣ стороны.

А въ то время, когда въ залѣ проеходилъ крестинный обрядъ, въ столовой шла немовѣрная суетня. Съ десятокъ дворовыхъ дивчатъ, подъ личнымъ наблюденіемъ панны Барбары, накрывали огромный столъ. Еще чуть не до солнышка поднялась панна и битыхъ часа два-три гремѣла ключами, открывая сундуки и доставая оттуда по-

*) Станиславъ! Я тебя крещу во Имя Отца и Сына и Духа Святаго. Аминь.

суду и серебро, мирно лежавшія подъ спудомъ и появлявшіяся на свѣтъ Божій только въ торжественныхъ случаяхъ. Панъ Ромуальдъ, какъ и большинство помѣщиковъ того времени, въ будни не допускалъ никакой роскоши въ сервировкѣ. Ъли съ обыкновенныхъ тарелокъ оловянными и деревянными ложками. Но зато въ важныхъ, исключительныхъ случаяхъ, доставались изъ сундуковъ и шкафовъ великолѣпнѣйшія фарфоровыя и фаянсовыя тарелки, старинныя серебряныя, золоченыя и золотыя даже кубки и чаши; ножики, ложки, превосходный богемскій хрусталь...— Но вотъ столъ накрытъ. Прифранченныя, по случаю праздника, но боеногія, впрочемъ, дивчата отправлены опять въ дѣвичью. Пана Барбара отошла къ двери, взглянула на сервировку, сперва такъ, а потомъ въ полусжатый кулакъ, приставленный къ глазу, и улыбнулась. Она осталась вполне довольна. Видь, былъ, дѣйствительно, великолѣпный! Солнышно ярко свѣтило въ окна, и эти серебряныя ножи, кубки, чаши и вазы сверкали ослѣпительнымъ блескомъ... Роль паны Барбары на этотъ разъ кончилась, и она уступила мѣсто другому спеціалисту, — гайдуку Михалу Дембинскому. Онъ явился, блестя новымъ, съ иголки, платьемъ, расшитымъ шурками, въ красныхъ сафьянныхъ сапожкахъ. Съ часъ провозился бѣдный Дембинскій со своей новой ливреей (она еще больше старой, жала, тѣснила его) и чувствовалъ теперь себя, точно рыба на сковородкѣ. Красный, сердитый, вошелъ онъ въ столовую, весь нагруженный бутылками. Ужъ Богъ вѣсть, какъ ухитрился онъ захватить ихъ такую массу!.. За нимъ шло съ дюжину хлопцевъ, тоже очень прилично одѣтыхъ, и тоже съ бутылками, и въ рукахъ и подъ мышками.

— Стой!.. скомандовалъ панъ Дембинскій (его иначе и не называли въ двориѣ, какъ „панъ“).— И шествіе остановилось.

— Ставь вотъ сюда... сюда!..— И онъ сталъ рукою указывать, гдѣ ставить бутылки, а другою крутилъ и дергалъ громадишшіе усы, изъ пары которыхъ вышло-бы паръ пять-шесть, если не больше, порядочныхъ пашекъ.

— Ну, хорошо... ладно... какъ слѣдуетъ! одобрилъ Дембинскій. — Теперь ты, Хома, обратился онъ къ одному изъ хлопцевъ, — и ты, Павлюкъ, со Степаномъ, — на мѣсто... Туда! — И онъ указалъ подъ столъ. — Да только смотри у меня, вражьи дѣти, дѣло исправно дѣлать!

— Знаемъ, пане, не въ первый разъ! отвѣтили дружно хлопцы.

— Чуть, тамъ, не дошилъ кто, — доливать.

— Знаемъ.

— Ладно! — Ты, Сенька, бѣги въ людскую да пошлай сюда еще штукъ десять-пятнадцать хлопцевъ... А вы по мѣстамъ. — Маршъ!

И тутъ случилось нѣчто особенное. Человѣкъ шесть хлопцевъ вооружились цѣлой батареей бутылокъ и скрылись съ ними подъ столъ. Дембинскій еще разъ окшнулъ опытнымъ взглядомъ всю сервировку, и, въ особенности, расположеніе и число винныхъ бутылокъ, — и вышелъ.

— Ну, что, спрашивалъ его панъ Ромуальдъ. — Все готово?

— Все, пане.

— А вы на мѣстахъ тамъ? Эй! окликнулъ онъ, заглянувъ въ столовую.

— На мѣстахъ, пане! послышалось изъ подъ скатерти.

И вотъ дверь въ столовую распахнулась, и открылось блестящее, парадное шествіе. Впереди всѣхъ шелъ панъ Станиславъ Залѣскій и велъ подъ руку Зосю. За нимъ слѣдовалъ панъ Заремба, подъ руку съ паней Бержинскою; затѣмъ шелъ Головинскій съ паней Гертрудой и т. д. и т. д. Чуть не въ самомъ хвостѣ виднѣлась фигурка кзедза-пробоща. Въ старенькой, мѣстами лоспящейся по швамъ, сутагѣ, бѣдный о. Іерошимъ боязливо какъ-то оглядывался по сторонамъ, очевидно, чувствуя себя не на мѣстѣ въ этомъ блестящемъ обществѣ. О. Бенедиктъ давно ужъ прошелъ впередъ, едва кивнувъ головой на низкій поклонъ пробоща. Шествіе длилось добрыхъ десять минутъ. Наконецъ всѣ ушлись.

Кончили первое блюдо, и панъ Ромуальдъ незамѣтно подмигнулъ

Дембинскому. Тотъ тоже подмигнуть расторопнымъ хлопцамъ; они бросились со всёхъ ногъ съ бутылками и въ одинъ мнгъ наполнили бокалы и кубки гостей.

Панъ Ромуальдъ всталъ.

— Я предлагаю тостъ за вельможнаго пана Станислава Залѣскаго! заговорилъ онъ, поднимая кубокъ, — полковника гвардіи его величества короля; храбраго и отважнаго воина, незнавшаго никогда страха, доблестнаго гражданина и всёми искренно и глубоко уважаемаго товарища... Вивать!..

— Вивать! крикнули гости, всё поднимаясь съ мѣсть. — Здоровье пана Станислава Залѣскаго! Вивать! — И осушили кубки.

Панъ Станиславъ кланялся на всё стороны.

Затѣмъ панъ Ромуальдъ шлъ за здоровье пана Зарембы, Бержинскаго, Головинскаго, пана Проскуры, однимъ словомъ, за всёхъ присутствовавшихъ за столомъ. При каждомъ тостѣ гости вставали съ мѣсть, кричали „вивать!“ и осушали кубки. Кто забывалъ выпить кубокъ до дна и держалъ его поднятымъ кверху, тому расторопный хлопецъ, стоявшій за стуломъ съ бутылкой, сейчасъ-же доливалъ его и гость принужденъ былъ допить. Иной опускалъ руку съ недопитымъ кубкомъ внизъ, — и тотчасъ-же изъ подъ стола высовывалась рука съ бутылкой и доливала.

За вторымъ блюдомъ панъ Ромуальдъ замѣнилъ маленькій кубокъ большимъ и шлъ изъ него за здоровье сосѣда. „*W рэнце пана!*“ *) говорилъ онъ, передавая ему пустой кубокъ. Гость вставалъ и шлъ за здоровье пана Маевского. Всё тоже вставали и шли. Затѣмъ панъ Ромуальдъ шлъ за здоровье другого гостя и тоже отдавалъ ему пустой кубокъ, и т. д. и т. д. Проворные хлопцы просто изъ силъ выбились, наливая и доливая вино. Изъ подъ стола то и дѣло высовывались красныя, потныя рожи и руки съ бутылками, и доливали и доливали. Шумъ и гамъ стояли ужасные...

*) W рэнце пана — буквально: въ руки пана.

Тосты слѣдовали за тостами. Венгерское и токайское лилось ручьями. Лица мужчинъ раскраснѣлись. Шли ужасно, до безобразія, много, но всё были почти совершенно трезвы.

Разговоры на разныхъ концахъ стола шли, разумѣется, самые оживленные. Говорили всё въ голосъ, и трудно было что-нибудь разобрать. Польская рѣчь смѣшивалась съ французской, но и та и другая совершенно ступшевывались передъ латинской. Цитаты и изрѣченія разныя на этомъ языкѣ слышались всюду. Въ тѣ времена рѣдкій полякъ, получившій образованіе у іезуитовъ или піаровъ, не зналъ порядочно по латыни. Языкъ этотъ былъ въ модѣ въ тогдашнемъ обществѣ, какъ въ настоящее время—французскій.

— *Terra mutatur, non mutat mores!* *) слышалось на одномъ концѣ стола.

— Какъ такъ? Позвольте!..

— *Concordia res parvae crescunt, — discordia maximae dilabuntur!*..**).

— *Errare humanum est!*..***).

— Да, *virtutis honorem nulla oblivio delebit* ****), святой отецъ! гремѣлъ голосъ пана Зарембы. Онъ сидѣлъ рядомъ съ о. Бенедиктомъ. Съ краю отъ нихъ робко примѣтился о. Иеронимъ. Онъ мало ѣлъ, рѣшительно ничего не пилъ, и во все время не проронилъ ни одного слова.

— *Si virtutem coletis, aditus in coelum vobis patebit!*..*****) отвѣчалъ пану Зарембѣ о. Бенедиктъ и поднялъ глаза къ небу.

— Онъ не пришелъ? Не будетъ? шептала Казиміръ, склоняясь къ уху монаха.— Этошь... этошь...

— Не знаю... Панъ Ромуальдъ видѣлся съ нимъ вчера. Едва-

*) Земля измѣняется, но не измѣняетъ нравовъ.

***) Согласіемъ возвышаются малыя вещи (дѣла), несогласіемъ—разъединяются большія.

****) Человѣку свойственно заблуждаться.

*****) Почтенная доблесть никогда не будетъ забвенна.

*****) Если почтена доблесть, вамъ открытъ доступъ къ небу.

ли не прїѣдетъ вечеромъ...—И о. Бенедиктъ вдругъ весь какъ-то съѣжился. Въ глазахъ его засверкалъ огонекъ; губы сжались.

— Но что-же это такое, святой отецъ?.. Неужели его будутъ у насъ принимать въ обществѣ?.. Да это, вѣдь, невозможно!..—И панъ Казиміръ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что стаканы и тарелки запрыгали и зазвенѣли.

О. Бенедиктъ только пожалъ плечами.

— Помилуйте, такой скряга! говорилъ пану Маевскому панъ Головинскій.—Не только хлопковъ,—семью свою морить голодомъ... А сундуки у него просто ломаются, ломаются!.. Этакое безстыдство!.. *Nullum vitium tetrus est, quam avaritia, praesertim in hominibus divitias possidentibus!* *) заключилъ панъ Головинскій.

Но вотъ обѣдъ, наконецъ, кончился, и всѣ изъ душевной столовой направились въ садъ и разбрелись по аллеикамъ. Впрочемъ, не всѣ,—молодежь только. Пожилые, степенные люди остались въ столовой, продолжая бражничать. Но вотъ вошелъ Дембнискій и что-то шепнулъ пану Маевскому. Тотъ смутился.

— Ничего хватить! нерѣшительно пробормоталъ онъ.

Оказалось, что изъ трехъ бочекъ вина, купленныхъ вчера въ городѣ, двѣ были совершенно пусты, а въ третьей чуть-чуть оставалось на допынкѣ.

Но панъ Ромуальдъ смутился еще больше, когда замѣтилъ изъ окна подъѣзжавшаго къ дому всадника. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ 24, высокій и стройный, съ блѣднымъ, слегка загорѣлымъ лицомъ и небольшими темнорусыми усиками. Зеленый бархатный кунтушъ плотно облегалъ его красивую фигуру, съ широкой грудью и плечами; съ боку висѣла сабля. Это былъ панъ Болеславъ Грабовскій, недавно возвратившійся изъ-за границы и ужъ успѣвшій надѣлать такъ много шуму во всемъ повѣтѣ.—Панъ Болеславъ ловко

*) Никакой порокъ такъ не противенъ, какъ корыстолюбіе, особенно въ людяхъ богатыхъ.

сырыгнулъ съ коня и бросилъ поводья какому-то мальчику. Черезъ минуту онъ ужъ входилъ въ столовую.

Если-бы въ комнату залетѣла бомба, она, пожалуй, произвела-бы не большее впечатлѣніе, чѣмъ появленіе молодаго Грабовскаго. Все повскакали съ мѣсть. Панъ Казиміръ Заремба покраснѣлъ, какъ кумачъ. Одною рукою онъ схватился за длинный сѣдой усъ, другую опустилъ на эфесъ сабли. Панъ Головинскій, Бержинскій, Проскура, Залѣскій, — тоже кто покраснѣлъ, кто поблѣднѣлъ. О. Бенедиктъ отвернулся и сталъ смотрѣть изъ окна. Одинъ только ксеидзь-пробощъ былъ совершенно спокоенъ. — Но впрочемъ, это, только одну минуту. Затѣмъ все оправилось и продолжали прерванный разговоръ.

— Да, мой пане коханий, говорилъ Станиславъ Залѣскій пану Бержинскому, — *magna est vis philosophiae, quum medetur animis, inanes sollicitudines detrahit, cupiditatibus liberat!..**). Я на себя испыталъ... Когда и взялся за Аристотеля...

Отъ Болеслава не укрылось произведенное имъ впечатлѣніе, и по губамъ у него пробѣжала насмѣшливая улыбка. Панъ Ромуальдъ крикнулъ и, все еще немного смущенный, пошелъ на встрѣчу гостю.

— А, здравствуй, Болесъ! говорилъ онъ, пожимая руку Грабовскому. — Что не прѣхалъ къ обѣду? Я дожидался... Отець... Ему не лучше?..

— Не лучше, панъ Ромуальдъ. — Онъ кляняся вамъ и велѣлъ поздравить... Раньше не могъ, — задержали... А что наши Ядвига? Здорова-ли? Маленькій Стасъ?

— Благодарю, милый... Все хорошо, — здоровы... — Позвольте представить, — обратился панъ Ромуальдъ къ гостямъ. — Сынъ пана Яна Грабовскаго, — Болеславъ.

Панъ Болеславъ поклонился, слегка щелкнулъ шпорами. Гости сухо раскланялись.

— Я ужъ знакомъ съ молодымъ паномъ, рѣзко заговорилъ За-

*) Велика сила философіи: она врачуетъ духъ, удаляетъ пустыя заботы, избавляетъ отъ страстей.

ремба. — Видѣлъ его у Ястржембскихъ, и даже знакомъ кое съ какими его идеями... Понялъ изъ разговоръ...

Болеславъ опять поклонился, но промолчалъ.

— Весьма прискорбно, конечно, продолжалъ Заремба, — что такой высоко-развитой и даровитый панъ, знакомый съ Вольтеромъ и другими передовыми людьми Франціи, — пріѣхалъ въ страну варваровъ и вандаловъ... Онъ не найдетъ здѣсь себѣ подходящаго общества... Его не поймутъ...

Легкая краска вспыхнула въ лицѣ Болеслава.

— Панъ... Прошу извинить: не знаю имени...

— Панъ Казиміръ Заремба, бывший хорунжій гвардіи его величества короля! гордо отвѣчалъ панъ Казиміръ и выпятилъ грудь впередъ.

— Да, такъ панъ Казиміръ Заремба, должно быть, забылъ, что я вернулся въ свое *отечество*, подчеркнул Болеславъ. — И я...

— Перестаньте, панѣве, не ссорьтесь! вмѣшался панъ Ромуальдъ. — Зачѣмъ ссоры!..

— Панъ слишкомъ молодъ, чтобы съ нимъ ссориться! говорилъ Заремба. — Не ссорюсь, а говорю правду... Да, не могу молчать... Молодой панъ вернулся изъ-за границы, нахватавшись тамъ кое-какихъ вершковъ у безбожниковъ вольтеріанцевъ, — и проводитъ здѣсь ихъ идеи... Идеи эти *вредны!* Онѣ производятъ смуту въ обществѣ!..

— Да, это правда! поддержалъ панъ Бержинскій. — Я самъ слыхалъ... Панъ нападаетъ на школы іезуитовъ... Онъ говоритъ, что въ нихъ учатъ низкопоклонству предъ высшими, высокоумію передъ низшими... И наши отцы и дѣды... и мы все... да, *мы* воспитывались у іезуитовъ... Такъ что-жь, значить, и мы низкопоклонны съ одними, высокоумны съ другими? Да?..

Панъ Болеславъ только пожалъ плечами.

— *Quod dixi—dixi**); говорилъ онъ, — я отъ своихъ словъ не

*) Что сказано—сказано.

отказываюсь... Я проводилъ не свои, а *человѣческія* идеи... Но что-жь дѣлать... Французы не даромъ-же говорятъ, что *nul n'est prophète en son pays*... Я не прошу и не требую никого раздѣлять эти идеи... Но, что касается до того, что онѣ производятъ смуту въ обществѣ, — я сомнѣваюсь... Мнѣ кажется, что поступки панства...

— Посту-упки!.. зарѣвелъ вдругъ Заремба и опять весь побегровѣлъ. — Какіе?..

— Да хоть поступки пана Зарембы, невозмутимо продолжалъ Болеславъ. — И многихъ другихъ пановъ... Они, по моему, безобразны!..

— Ка-акъ?! — Панъ Заремба чуть не задохся. Весь красный, стоялъ онъ съ разинутымъ ртомъ и слова не могъ промолвить отъ ярости. Рука его первою прыгала по эфесу сабли.

Гости вскочили.

— Панъ Болеславъ Грабовскій сейчасъ-же намъ объяснить эти слова!.. заговорилъ Станиславъ Залѣскій. — Или... — И онъ брякнулъ саблею объ полъ.

— Да, объяснить, сейчасъ-же, сію минуту! говорилъ панъ Бержинскій, — и тоже брякнулъ.

— Оставьте, панове!.. Оставьте, прошу васъ!.. кинулся панъ Ромуальдъ. — Не ссорьтесь... Не омрачайте этого дня!... Оставьте, Болеславъ!... — И онъ слегка взялъ за плечо Болеслава.

— Позвольте, пане, — и тотъ отстранилъ его руку. — Я долженъ-же объясниться... Я называлъ поступки пана Зарембы и многихъ другихъ безобразными, говорилъ онъ. — Я иначе и назвать не могу ихъ... Рѣчь шла о выборахъ депутатовъ...

— Говорите-же!... зарѣвелъ Заремба.

Я былъ свидѣтелемъ безобразій на сеймикѣ, продолжалъ Болеславъ, не обращая вниманія на Зарембу. — Третьяго дня я былъ въ N... Близъ костела доминиканцевъ собралось челоуѣкъ двѣсти шляхты... Не буду описывать ихъ безобразій... Крикъ, гамъ, ругательства, драка... Они все были пьяны... На травѣ стояли пустыя и только что

начатыя бочки съ водкой и пивомъ... А тамъ, въ костелѣ, шла месса; раздавались звуки органа... — Пусть я „безбожникъ“, по вашему, горько вдругъ усмѣхнулся панъ Болеславъ. — Но тамъ, во Франціи, гдѣ нахватался я „вредныхъ идей“, — и въ мысляхъ не допустили бы подобнаго святотатства!.. Но, впрочемъ, оставимъ это!.. — Въ шумѣ и гамѣ пьяницъ я разобралъ слова: „вивать панъ Казиміръ Заремба!“ — и сталъ прислушиваться. Наконецъ понялъ, что рѣчь шла о выборѣ пана Зазембы въ трибуналъ, депутатомъ, и что эта орда, безобразная, пьяная, богохульная, нанята имъ, чтобы стоять за него на сеймикѣ... Это были купленные голоса...

— Такъ что-жь тутъ такого!.. заоралъ Заремба. — Ну, да, я хотѣлъ попасть въ депутаты, — и моя шляхта стояла горой за меня... Что-жь тутъ такого?..

— А, панъ *ничего* не видить?.. — Я продолжаю... Саженьяхъ во ста отъ этой пьяной аравы, размѣстилась другая, не менѣе пьяная, и тоже возлѣ костела... Тамъ поминали имя Демчинскаго... Не знаю его...

— Ну, такъ я знаю... опять заоралъ Заремба. — Демчинскій тоже хотѣлъ быть депутатомъ... Но уши выше лба не растутъ... Забраковали!..

— Да, слышалъ, продолжалъ Болеславъ. — Сила соломѣ ломить, и принципъ: *capiat qui capere possit**), примѣнимый въ нашемъ вѣкѣ только у дикарей, — примѣняется еще и въ моемъ отечествѣ!..

— Да, шляхта паны Зарембы одержала блистательную побѣду! горько продолжалъ онъ. — Я видѣлъ, какъ эти шайки схватились не на животъ, а на смерть... Кровь, стоны, вопли, ругательства... Сколько убитыхъ, раненыхъ, искалѣченныхъ!.. Побѣдители *грабили* побѣжденных... Они обирали деньги у нихъ; снимали оружіе, платье... Но это не все еще... Изъ костела вышелъ священникъ, сѣдой почтенный старикъ, съ крестомъ въ рукахъ... Онъ умолялъ шляхту оставить это кровопролитіе, разойтись... Они вышли у него изъ рукъ крестъ:

*) Захватывай, кто можетъ захватывать

кто-то ударилъ его, — и бѣдный ксендзь едва унесъ ноги!.. — Что-жь, панъ Заремба... панове? Какъ назовете вы это?.. Не вопіющимъ-ли безобразіемъ?..

— Нѣтъ, правомъ сильнаго! рывкнулъ Заремба. — И наши отцы и дѣды такъ поступали... Не намъ измѣнять!

— Безобразно!.. пробормоталъ панъ Проскура. — Но что-жь, — люди пьяные... не понимаютъ!..

— Да кто-жь напоилъ ихъ, пане? Кто ихъ заставилъ такъ безобразничать?.. горячился панъ Болеславъ. — Въ нашъ просвѣщенный, гуманный вѣкъ развѣ можно это дозволить?.. Кто-жь виновать тутъ?.. Эта-ли пьяная, безобразная шляхта?.. (Она считаетъ за униженіе заниматься работами, промыслами, торговлей, и не считаетъ за униженіе лакействовать и продавать себя всякому, кто дастъ ей грошъ)!.. Да, шляхта-ли тутъ виновата, или тѣ, кто подкупилъ, напоилъ ее?..

Ксендзь-прѣбощъ не спускалъ глазъ съ молодого Грабовскаго. Онъ все время смотрѣлъ на него, и смотрѣлъ грустно, печально... — „Слишкомъ горячъ!.. думалъ онъ. — Слишкомъ... Бѣдный!.. Ему не сносить головы!..

О. Бенедиктъ, тотъ, подъ шумокъ, давно исчезъ изъ столовой. Одинъ видъ Грабовскаго былъ ужъ ему противенъ...

— Да, кто виновать тутъ, панове? Кто?.. говорилъ Болеславъ, и ярко сверкающими глазами оглядывалъ всѣхъ гостей. Паны притихли и успокоились. Только одинъ Заремба ворчалъ что-то подъ носъ о „молодыхъ щенкахъ, и о яйцахъ, которыя учатъ куриць“..

— Такъ что-же, панове? бросился вдругъ къ гостямъ панъ Мавекій. — Иль вы забыли, какое у кубковъ дно?.. Не пьете!.. — Вина, Дембинскій!..

И опять началась попойка.

— А ты поди, прогуляйся!.. шепнулъ панъ Ромуальдъ Грабовскому, и какъ-то особенно подмигнулъ. — Видишь, какъ разгорѣлся!.. О, молодость, молодость!..

Болеславъ пожалъ плечами и вышелъ.

V.

Прошло десять лѣтъ. Въ усадьбѣ пана Маевского все шло своимъ обычнымъ порядкомъ. Какъ и всегда, чуть не съ восходомъ солнца, поднимался хозяйинъ и хлопоталъ, хлопоталъ. Какъ и всегда, каждый праздникъ, казачекъ отиравался на крышу и, завидѣвъ оттуда облачко пыли, сбѣгалъ внизъ и громогласно пѣвѣщалъ: „гости ѣдутъ“!— И въ домѣ поднималась немовѣрная суетня. Панъ Ромуальдъ облекался въ свой праздничный кунтушъ; пани Ядвига-тоже. Гостей приглашали въ гостинную. Гайдукъ Михаилъ Дембинскій (съ замѣтной уже сѣдиной въ громадныхъ усахъ) подавалъ венгерское. И начинались оживленные разговоры. Но только разговоры эти теперь не перескакивали съ предмета на предметъ, какъ прежде. Нѣтъ, вертѣлись они около одного пункта, около одной злобы дня, отъ которой дрожало и трепетало все польско-еврейское населеніе края... Рѣчь шла о страшныхъ, кровавыхъ подвигахъ гайдамаковъ... Слышалось, то и дѣло: въ такомъ-то имѣніи все разграбили и сожгли; *губернатора* *) звѣрски замучили; повѣсили двухъ кеедзовъ... Въ такомъ-то перерѣзали всѣхъ поляковъ до одного; не пощадили ни стариковъ, ни дѣтей, ни женщинъ...—Да, эти искры, зароненныя давнымъ давно еще до «батьки Богдана»,—все разгорались и разгорались и грозили превратиться въ огромный пожаръ. Пламя бунта охватывало все больше и больше весь край... Поникли гордые головы пановъ; сердца ихъ сжались страхомъ, тоской...—И вотъ теперь въ гостинной пана Маевского не раздавалось ужъ больше хвастливыхъ рѣчей. Ни панъ Головинскій, ни панъ Залѣскій не покручивали гордо усомъ и не постукивали саблями объ полъ, вспоминая о своихъ славныхъ подвигахъ... Нѣтъ, и тотъ и другой призадумались. Даже самъ панъ Заремба (а онъ-ли ужъ не прославился на войнѣ, а больше «наяздами» на сосѣдей)! и тотъ теперь, зачастую, по цѣлымъ часамъ, сидѣлъ мрачный, нахмуренный, и только дергалъ себя за усы да пускалъ

*) *Губернаторомъ* звали управляющаго имѣніемъ.

клубы дыма изъ огромной пѣпиковой трубки, съ серебрянымъ колпачкомъ.

Быль чудный юльскій вечеръ. Легонькій вѣтерокъ чуть-чуть шелестилъ листочками на деревьяхъ. Въ раскрытое настежь окно лился волнами теплый, душистый воздухъ изъ сада...—Панъ Ромуальдъ сидѣлъ за стаканомъ кофе.—Прошло десять лѣтъ, но эти годы почти нисколько не измѣнили его. Онъ все глядѣлъ такимъ-же здоровымъ, цвѣтущимъ. Только въ усахъ еще замѣтнѣй серебрилась сѣдинка, и на высокомъ, открытомъ лбу прорѣзались двѣ-ти морщины.

Но не то было съ папомъ Грабовскимъ. Онъ тутъ-же сидѣлъ въ комнатѣ и поглядывалъ изъ окна, задумчиво слѣдя за бѣлыми облачками, катившимися по темно-синему небу. Грабовскій измѣнился ужасно. Онъ постарѣлъ, похудѣлъ; глаза у него какъ-то ввалились, — и изъ здороваго, цвѣтущаго юноши онъ превратился въ худого, болѣзненнаго мужчину. Да, впрочемъ и немудрено было. Онъ такъ много пережилъ, испыталъ въ эти годы!.. Старикъ отецъ умеръ, лѣтъ пять назадъ, и умеръ, почти проклиная сына и называя его безбожникомъ и ренегатомъ. Скоропостижная смерть отъ удара помѣшала ему привести въ исполненіе свою мысль: лишить единственнаго сына наслѣдства и оставить все о. о. піарамъ и іезуитамъ... И вотъ панъ Болеславъ сталъ владѣльцемъ большого имѣнія и капитала въ нѣсколько сотъ тысячъ злотыхъ. Не будь онъ Грабовскимъ, онъ былъ-бы однимъ изъ самыхъ богатыхъ и выгодныхъ жениховъ во всемъ повѣтъ. Но его репутація пала, и, сохрани Богъ, чтобъ кому нибудь пришло въ голову выдать на него свою дочь!.. Нѣтъ, лучше выдать ее за татарина, за жида, чѣмъ за него, безбожника, отступника, ренегата!.. Его избѣгали, точно чумы; и долго пришлось-бы рассказывать о разныхъ подкопахъ, какіе вели противъ него сосѣди; о тѣхъ ямахъ, какія они усердно рыли ему, о подставленіи ножекъ... И это, естественно, огорчало, и глубоко огорчало папа Грабовскаго. — Но вотъ онъ не выдержалъ, наконецъ, и озлобился противъ своихъ злобныхъ сосѣдей. Онъ плюнулъ, махнулъ рукой и поселился почти без-

выѣздно въ своемъ имѣніи, какъ отшельникъ. Изрѣдка только навѣщалъ онъ пана Маевского и проводилъ у него денекъ въ дружной и задушевной бесѣдѣ.—Панъ Ромуальдъ начиналъ понимать его, — и, наконецъ, совершенно понялъ и полюбилъ, какъ родного. Не разъ ухмылялся онъ, правда, надъ горячностью Болеслава, надъ его, порой, чуть не дѣтскими выходками. Но онъ не могъ не признать въ немъ любящаго, добраго сердца и вѣчной готовности сдѣлать все, что только возможно, для ближняго. Онъ понималъ, что Болеславъ не былъ измѣнникомъ, ренегатомъ, какъ называли его сосѣди. Нѣтъ, онъ любилъ, горячо любилъ свою родину, — не такъ какъ *эти*, — и всѣмъ сердцемъ болѣлъ за нее. Но его возмущали до глубины души фарисейство и ханжество его соотечественниковъ, ихъ подличанье и униженіе передъ сильными, и гордое высокомеріе передъ низшими, слабыми...

— Да, онъ, точно, пророкъ у себя въ отечествѣ! не разъ говаривалъ панъ Маевскій, и горькая улыбка пробѣгала по губамъ его.— И нѣтъ ему хвалы и не будетъ!.. Но я только одно скажу, — и онъ вдругъ гордо поднималъ голову; его рука сжималась крѣпко въ кулакъ, — я за такого „измѣнника“, „ренегата“ не пожалѣлъ-бы десятковъ двухъ-трехъ нашихъ *пламенныхъ* патріотовъ... Да только не стоять они, не стоять его!..

И сосѣди коснулись на пана Маевского. Они начинали подозрѣвать его въ единомысліи съ этимъ безбожникомъ. Но, впрочемъ, знакомства съ нимъ пока не думали прекращать, и, какъ прежде, ѣли его хлѣбъ-соль и пили старый *венгжинъ*, *) а порой, и перехватывали «на самый короткій срокъ» десятка два-три червонныхъ.

И панъ Болеславъ жилъ у себя въ имѣніи, много читалъ, занимался хозяйствомъ. Изрѣдка уѣзжалъ за границу, въ Лондонъ, въ Парижъ, но вскорѣ опять возвращался и еще съ большимъ рвеніемъ принимался хозяйничать. Крестьяне его благоденствовали, и день и ночь молили Бога за пана...

*) Венгерское вино.

— Да, наши карты плохи! задумчиво говорилъ панъ Ромуальдь. — Въдь если все такъ пойдеть, — сохрани насъ Господи и помилуй, — отъ Польской Украйны не останется и камня на камнѣ!.. Кровь льется потоками; мѣстечки, села пылають!.. Теперь гайдамаки ужъ не скрываются больше: не пробираются къ намъ воровскимъ манеромъ... Они сознали свою силу и гордо подняли головы... Да, скверно, Болесь, ужасно скверно!..

Но панъ Болеславъ только пожалъ плечами.

— А кто-жь виновать въ этомъ? Кто? съ горечью говорилъ онъ. — Не мы-ли сами? Не наши-ли достославные предки?.. Грѣхи вѣковъ не такъ-то легко поправить, — и никогда не слѣдуетъ забывать, что существуетъ законъ историческаго возмездія... Не мы-ли сами столѣтъ тому назадъ усердно рыли для себя яму? Не мы-ли съ такимъ нилкимъ рвеніемъ, старались ополячить весь край, и *ad majorem*

Но это было давно...

Dei gloriam *) крестили въ католицизмъ малорусскихъ дѣтей?.. И какъ крестили?— Мечемъ и огнемъ!.. Святые отцы ужь слишкомъ переусердствовали и слишкомъ много пролили неповиной крови!.. Вѣдь мучили и пытали, силою заставляли креститься!.. Не даромъ-же панъ Квасневскій выгналъ разъ изъ села іезуитовъ нагайками **)... Вѣрный католикъ выгналъ своихъ духовныхъ отцовъ... Ужь слишкомъ, должно быть, они тамъ безобразничали!..

— Да, мой шановный панъ Ромуальдъ, и Болеславъ вдругъ тяжело вздохнулъ.— Мы сами одни во всемъ виноваты... Достопочтенные дѣды наши пролили много крови... И вотъ теперъ внуки ихъ сами въ ней захлебнулись...

— Не предки тутъ виноваты, Болесъ,— исторія...

— Да. Но исторію-то кто-жь дѣлалъ? Кто породилъ страшныя времена хмельничныя, а теперъ гайдамаковъ?

— Но это было давно...

— А паязды нашихъ отважныхъ пановъ на запорожскіе хуторы и паланки? Давно это было? Давно ихъ раззоряли, сжигали, а жителей уводили въ плѣнъ, а потомъ вѣшали во дворахъ своихъ замковъ, сажали на колъ ***)? Давно эти подвиги были, панъ Ромуальдъ? Не вчера-ли?..—Что-жь дѣлать, если хлопы поняли, что значить: око за око, зубъ за зубъ!..

— Да, но теперъ-то что-жь дѣлать Белесъ? Теперъ-то?..

*) Къ вящей славы Божіей.

**) Историческій фактъ.

***) Еще до появленія гайдамаковъ, польская молодежь устраивала такіе наѣзды (*pajzdy*), упражняя свои воинскія познанія. Въ промежуткахъ между ловлями и охотами, между придворными турнирами (*gonitwy*), пиршествами и танцевальными вечерами, устраивались болѣе серьезныя охоты—охоты на людей. Онѣ состояли въ томъ, что отрядъ польской молодежи, съ легкимъ, а иногда и тяжелымъ вооруженіемъ, отправлялся въ запорожскую глушь. Выжигалъ хуторы, паланки и зимовники; вытапывалъ изъ хлѣба, угонялъ скоть, табуны лошадей, убивалъ и уводилъ въ плѣнъ запорожскихъ казаковъ.—Съ приличной торжественностью, отрядъ возвращался въ свои имѣнія, при звукахъ трубъ и литавръ, входили въ замки, ведя связанныхъ плѣнниковъ, какъ римскіе полководцы вводили въ Римъ побѣжденныхъ царей

— Теперь? А вы за себя боитесь?..

— О нѣтъ! Чего-жь мнѣ бояться? Здѣсь у меня все спокойно, и гайдамаки еще далеко... Да еслибъ они и пришли сюда... Не думаю,

Молодые побѣдители награждались общими рукоплесканиями старыхъ пановъ; улыбками прекрасныхъ паннъ, а грубые плѣнники, безъ всякаго суда, отправлялись на висѣлицу, или на колъ. Все это было въ порядкѣ вещей въ то дикое, безчеловѣчное время... Загудѣли рожки, затрещали литавры; пушки палятъ неистово; все валить на мѣсто казни, чтобъ посмотрѣть, какъ сажаютъ на колъ челоуѣка, или затягиваютъ его шею веревкой. Грубые запорожцы-хлопы должны были и умирать грубо. Но чтобъ не ударить лицомъ въ грязь передъ „вражьими ляхами“, иной добрый молодецъ, умирая на колу, попросить, чтобъ ему дали въ послѣдній разъ покурить люльки,—и люльку давали,—и онъ курилъ и обводилъ страшными глазами своихъ враговъ.— Подобные наѣзды и захваты людей были не рѣдки, и начались довольно рано въ польской сторонѣ. Еще лѣтъ за 30 до *уманской рѣзни*, поляки захватили въ Брацлавѣ и другихъ своихъ городахъ, всѣхъ запорожскихъ казаковъ, заѣхавшихъ туда, для торга рыбой, и всѣхъ ихъ перевѣшали. Запорожцы требовали отъ Польши удовлетворенія, и не получили. Лѣтъ за 20 до уманской рѣзни, отрядъ польской кавалеріи, переправившись черезъ рѣку Синюху,—устроилъ свою дикую охоту на земляхъ Бугогардовской паланки, захватилъ у Мертвоводья казачью усадьбу, сжегъ полковничій зимовникъ, основалъ тамъ свое воинское поселеніе, и оттуда дѣлалъ безпрестанные набѣги на окрестности, убивалъ людей, уводилъ скотъ. Съ 1733 г., со времени возвращенія запорожцевъ подъ русскую державу по 1750 г., поляки только и дѣлали, что вѣшали запорожцевъ, какими судьбами они бы ни попадались къ нимъ въ руки. Когда русскія войска, подъ начальствомъ Миниха и Ласси, возвращались изъ Днѣпровскаго похода, противъ турокъ и проходили черезъ Польшу, раненые и измученные дорогой казаки, тоже попавшіе съ этими войсками въ Польшу, были тамъ безчеловѣчно умерщвляемы. Въ 1738 г. казачій отрядъ, въ числѣ 102 челоуѣкъ, зашедшій въ Умань, для покупки хлѣба,—былъ приглашенъ въ домъ уманскаго коменданта Антона Табана „на кушанье“. Тамъ у этихъ казаковъ обманомъ отняли оружіе и лошадей и публично перевѣшали всѣхъ на рынкѣ. Имущество ихъ было заграблено комендантомъ. Другая партія, возвращавшаяся изъ того-же похода, въ числѣ 18 челоуѣкъ, остановились въ мѣстечкѣ Стебловѣ, для покупки припасовъ. Поляки окружили ихъ, схватили и отвели въ Немировъ, какъ военноплѣнныхъ. Немировскій губернаторъ всѣхъ ихъ перевѣшалъ. Въ слѣдующемъ году губернаторы: смилянскій, чигиринскій и богуславскій предали смерти, первый 7 казаковъ, второй—тоже 7, третій 2, опять таки по собственному произволу. Такихъ убійствъ, въ теченіе 17 лѣтъ, было 202 случая,—и все это погибали запорожцы. А сколько тайныхъ, а жертвъ *назадъ* овъ!..

(Мордовцевъ. „Гайдамачина“).

чтобъ причинили мнѣ особенный вредъ... Я никогда не притѣснялъ моихъ хлопотъ, и они меня не дадутъ въ обиду... Я за себя спокоенъ...

— А за другихъ вамъ нечего беспокоиться. Они не стоятъ того!.. Пускай, что съяли, то и жнутъ!..

— Болесь!..

— Да... И что-жь они могутъ подѣлать?..—Въ Варшавѣ и знать ничего не хотятъ о гайдамачинѣ и считаютъ все слухи о пей сильно преувеличенными. Да и когда-жь думать имъ объ этихъ „шалостяхъ подлыхъ гультаевъ“?—Балы у нихъ тамъ идутъ за балами, попойки... Войско...—Панъ Болеславъ засмѣялся.—О войскѣ, вѣдь, просто совѣстно говорить!..—Жалкая кучка разнаго сброда, и въ пей около половины начальниковъ, офицеровъ!.. И весь этотъ сбродъ не стоитъ и мѣднаго гроша... Онъ годенъ не для войны, не для правильной самозащиты,—а только для криковъ: вивать, да залповъ за тостами,.. Офицеры... Да развѣ найдете и въ сотнѣ ихъ хоть одинъ настоящій воинъ и патриотъ, какъ было во времена Жолкъвскаго? Куда они годны?—Блестѣтъ золотымъ шитьемъ на мундирахъ, бряцать шпорами, да лихо плясать мазурку съ прекрасными паннами... Только!..

— Ну, а надворная кавалерія?

— Она?—На три четверти изъ малороссовъ,—и надежда на нихъ такая-же, какъ и на вешій ледъ...—Нѣтъ, дорогой мой панъ, тутъ ничего не подѣлаешь... Намъ остается только смотрѣть и ждать... Ждать самого худшаго .. Развѣ еще уповать на Бога... Да только захочетъ-ли Опъ за насъ заступиться?..

— Нѣтъ, лучше оставимъ все это, Ромуальдъ!—рѣзко проговорилъ онъ.

— Болесь!..

Панъ Ромуальдъ замолчалъ. Дверь скрипнула, отворилась, и на порогѣ ея показался о. Бенедиктъ.—Старикъ въ эти годы почти нисколько не измѣнился. Все тотъ-же, мрачный, нахмуренный, съ глазками, хмуру глядѣвшими изъ подъ нависшихъ, густыхъ бровей.

Только на гладко выбритомъ лицѣ его прибавилось нѣсколько новыхъ морщинъ, да станъ еще болѣе сгорбился.

Замѣтивъ Грабовскаго, о. Бенедиктъ поморщился. При каждой встрѣчѣ съ этимъ «безбожникомъ», его всегда подмывало повернуться и выйти изъ комнаты. Но онъ удержался и на этотъ разъ. Панъ Болеславъ поклонился ксеендзу, и закусилъ улыбку, когда тотъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ его поклона. Онъ уже давно привыкъ къ презрительнымъ выходкамъ старика и пересталъ обращать на нихъ вниманіе. Только, порой, (что-жъ дѣлать,—и панъ Болеславъ былъ не прочь сошкольничать!) любилъ онъ его слегка подразнить...

— Что скажете, достопочтенный отецъ? обратился къ старику Маевскій.

— Миѣ надо поговорить съ паномъ...—И о. Бенедиктъ, тяжело дыша, опустился на кресло. Онъ былъ чѣмъ-то замѣтно взволнованъ.

— Быть можетъ, я помѣшаю святому отцу, замѣтилъ Грабовскій.—Я могу выйти...

Но ксеендзъ не удостоилъ его даже отвѣтомъ.

— Въ чемъ дѣло, о. Бенедиктъ? говорилъ Маевскій.

— Да въ томъ-же, пане, что и всегда.

Опять, видно, что-нибудь насчетъ Стася?—И панъ Ромуальдъ ухмыльнулся.—Ну, говорите, въ чемъ суть... Что онъ тамъ напроказилъ?..

О. Бенедиктъ нахмурился.

— Пану смѣшно, а миѣ совѣмъ не до смѣху! говорилъ онъ.—Вѣдь эти выходки... эти... Я, наконецъ, буду вынужденъ отказаться отъ воспитанія вашего сына...

— Да что-жъ онъ сдѣлалъ?

— Я вамъ не разъ говорилъ, что эти поблажки не доведутъ до добра... Вѣдь такъ совѣмъ можно испортить ребенка, и сдѣлать изъ него негодяя... Я вамъ совѣтовалъ бросить эту методу (въ ней смысла

нѣтъ, пане, ни капли смысла!) и взятыя за старую, по какой воспитывали и нашихъ отцовъ и дѣдовъ...

— То есть, я долженъ съѣчь его?..

— Да, съѣчь, панъ Ромуальдъ. И это давно-бы слѣдовало... Розга вреда не сдѣлаетъ, а напротивъ...

— Но въ чемъ-же онъ напроказилъ?

— Да, если это назвать „проказами“ ... Нѣтъ, панъ, — наемѣшка а не проказа; не дѣтская шалость — глумленье надъ старикомъ — священникомъ...

— Ахъ, Боже мой! испугался даже панъ Ромуальдъ. — Да въ чемъ же дѣло? Скажите!..

— Я табакерку взялъ давече, нюхнулъ щепотку. — и расчихался... Онъ перцу туда мнѣ подсыпалъ!..

— Перцу? — Ахъ, негодяй! — Панъ Ромуальдъ съ трудомъ удерживался отъ хохоту. — Я накажу его, о. Бенедиктъ.

Но старикъ понялъ и надулся, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Конечно, вы находите все это пустяками, нестоящими вниманія... обиженно говорилъ онъ..

— Помилуйте! Пустяками!.. Да я за перецъ ему надеру уши... Но что-же еще, о. Бенедиктъ?

— Вамъ мало этого? — Ну, извольте... Онъ задасть, иной разъ, мнѣ вопросы... Конечно, я понимаю... Мальчуганъ пользуется безусловной свободой... Бываетъ Богъ знаетъ, гдѣ... слушается...

— Но гдѣ-жь онъ можетъ бывать, о. Бенедиктъ?

— А это вамъ неизвѣстно? — Да, вотъ, напримѣръ, у здѣшняго попа... — И старикъ взглянулъ на пана Маевского, ожидая увидѣть на его лицѣ ужасъ, по меньшей мѣрѣ. Но тотъ даже не моргнулъ бровью.

— Ну, что-жь изъ этого? говорилъ онъ. — И пускай ходитъ. Тамъ дѣти есть, — онъ играетъ...

— А панъ не боится — за его душу?..

— За душу? — О. Бенедиктъ! Господь съ вами! Что говорите вы!..

— Да, не боится, что онъ можетъ заразиться тамъ ересью?..

Есть ужъ плоды... Онъ сталъ задавать мнѣ такіе вопросы...

— Чтожь, значить доводы схизматическіе убѣдительнѣе, чѣмъ *ваши* католическіе аргументы, святой отецъ, вмѣшался Грабовскій.— И это, мнѣ кажется, не говорить въ вашу пользу...

Старикъ побагровѣлъ и злобно метнулъ глазами. Но, впрочемъ, тотчасъ-же удержался и презрительно отвернулся отъ Болеслава.

— Я вамъ совѣтоваль-бы хорошенько приглядывать за ребенкомъ, зловѣщимъ шопотомъ обратился опять онъ къ Маевскому, — и повинмательнѣе слѣдить за его знакомствами, а иначе... Я...

О. Бенедиктъ вдругъ поднялся и выпрямился во весь ростъ. Глаза у него загорѣлись...

— Я вамъ приказываю это даже! глухо, но твердо говорилъ онъ.— Въ силу мнѣ данной отъ Бога власти... Мой долгъ слѣдить за душами ввѣренной въ мои руки паствы и заботиться объ ихъ спасеніи... Вы понимаете, панъ Ромуальдъ?.. — Я не могу допустить... и *не допущу* гибели ни одной изъ нихъ!..—Онъ повернулся и вышелъ изъ комнаты.

Панъ Ромуальдъ только пожалъ плечами. Болеславъ насмѣшливо улыбался и крутилъ усь...

А маленькій Стась подрасталъ... Давно-ли, кажется, крошечный, слабый лежалъ онъ на розовомъ одѣяльцѣ, подлѣ пани Ядвиги, и шевелилъ лапками, какъ тараканъ! Давно-ли о. Бенедиктъ окрестилъ его?—Но этому минуло десять лѣтъ. И вотъ теперь Стась довольно высокій, не по годамъ, ребенокъ. Порой, онъ какъ-то грустенъ, задумчивъ; готовъ цѣлый день сидѣть гдѣ-нибудь въ уголку, за книжкой; порой, лихорадочно оживленъ, и ни минуты не посидитъ на мѣстѣ. О. Бенедиктъ разводитъ только руками и жалуется на него отцу чуть-ли не каждый день; совѣтуетъ съчь его.— Но развѣ панъ Ромуальдъ подниметь руку на сына?—Вѣдь онъ въ немъ души не чаеть!.. Положимъ, поблажки ему не даютъ понапрасну. Его оставляютъ безъ завтрака, безъ обѣда — Но съчь... За что-же? За то,

что онъ спряталъ молитвенникъ у о. Бенедикта, закладку вынулъ изъ книги?.. Да, перцу въ табакъ подсыпаль... И это случилось ужъ во второй разъ. Папъ Ромуальдъ и въ тотъ разъ, и въ этотъ надраль ему больно уши и поставилъ на часъ на колѣни въ уголь...—Но это все чисто дѣтскія шалости, и онъ скоро пройдутъ... А такъ, вообще, Стась славный, хорошій мальчикъ, и общій любимецъ и матери и отца. На видъ онъ кажется худенькимъ, слабымъ, болѣзненнымъ. Но это только на видъ. Стась совершенно здоровъ и никогда ни на что не жалуется...

А много съ нимъ было заботъ отцу, и особенно въ первые годы! Стась росъ такимъ слабенькимъ, хилымъ... Не проходило недѣли, чтобъ онъ не былъ боленъ.—И папъ Ромуальдъ дрожалъ, трепеталъ за ребенка... Не разъ случалось, что онъ съ отчаяніемъ опускалъ руки и во всемъ полагался только на Бога: «что будетъ, то будетъ»!..—Но Стась неожиданно поправился, почти воскресалъ изъ мертвыхъ,—и поправился безъ докторовъ, безъ лекарствъ... Да, впрочемъ, въ то время Польша и не могла похвастаться докторами. Ихъ было, во первыхъ, одинъ-два, — обчелся; а во вторыхъ, и тѣ ничего не смыслили въ медицинѣ. Помѣщикамъ, даже магнатамъ, случалось довольствоваться загожими доморощенными врачами, вродѣ разныхъ жидковъ и венгерцевъ, свободно и безпрепятственно путешествующихъ по краю, съ разными элексирами и приворотными корешками...

Но вотъ, наконецъ, Стасикъ началъ ходить, съ трудомъ еще, правда, держась на неокрѣвшихъ ножкахъ; сталъ лепетать... И первыя слова, послѣ „папы“ и „мамы“, были слова молитвы. — Онъ съ этихъ поръ, поступилъ ужъ „въ науку“, подѣ наблюдение къ о. Бенедикту, и тотъ принялся учить его грамотѣ. Но Стасикъ, порой, былъ упрямъ и лѣнивъ и не хотѣлъ слушаться старика... Тотъ вздумалъ пустить въ ходъ розгу, — но папъ Ромуальдъ разъ навсегда запретилъ сѣченье...

— Онъ очень нервенъ и слабъ, говорилъ онъ, — и розга ему повредить...

О. Бенедиктъ только пожалъ плечами.

— Но какъ-же, пане, протестоваль онъ. — И насъ, вѣдь, бывало сѣкли... Да какъ еще, Боже мой!.. Не говорили про нервы и слабость... И развѣ мы не вышли людьми? — Нельзя-же безъ наказаній...

— Найдутся другіе, и кромѣ розги... Ну, безъ обѣда оставьте его, поставьте на часъ, на другой въ уголь... Уши ему надерите (но только не сильно, конечно), вихорь...

И старый ксеендзъ пользовался дарованнымъ ему правомъ. Онъ дралъ Стася за уши, чуть не каждый день, — да не слегка только. Онъ какъ-то особенно и пребольно зुकручиваль ему ухо, — такъ что мальчикъ ораль благимъ матомъ и бѣжалъ къ отцу съ жалобой. Начиналось слѣдствіе, — а за нимъ непріятности, иной разъ довольно крупныя, съ о. Бенедиктомъ. — И такъ изо дня въ день шло учење... Старикъ-ксеендзъ злился, ворчалъ и говорилъ, что безъ розги ничего не подѣлаешь; а Стась, порой, усердно училъ уроки, порой, лѣнился, былъ какъ-то разсѣянъ и отвѣчалъ невпопадъ; а порой, и подшучиваль надъ своимъ учителемъ и выводилъ его окончательно изъ терпѣнія. — Панъ Ромуальдъ не бралъ ни гувернера, ни гувернантки.

— Да и зачѣмъ? говорилъ онъ. — Хорошихъ, вѣдь, трудно найти, а плохихъ мнѣ не надо и даромъ... Вонъ, напримѣръ, у пана Огинскаго... Развѣ не тѣ-же пнянки?.. Слѣдятъ за каждымъ шагомъ дѣтей; кутають ихъ и въ тепло и въ холодъ; заботятся, какъ-бы ихъ вѣтеръ не опахнулъ, муха на нихъ не сѣла... И въ результатъ, — простуда, при первомъ удобномъ случаѣ... Нѣтъ, слишкомъ они берегутъ дѣтей и только на каждомъ шагу стѣсняють ихъ!.. Я не хочу, чтобъ изъ Стася вышелъ оранжерейный цвѣтокъ... Пускай онъ растетъ на свободѣ и пріучается и къ теплу, и къ холоду... Вонъ, какъ спартапцы воспитывали дѣтей...

— Но, Ромусъ, порой замѣчала пани Ядвига. — Нельзя-же и безъ приемотря... Ребенокъ къ рѣвѣ убѣжать можетъ, упасть откуда нибудь... Сохрани богъ!..

— Зачѣмъ?—Я разъ навсегда скажу ему: Стасикъ! ты не ходи туда-то, не дѣлай этого!—И онъ послушаетъ... Долженъ!..

И Стасикъ росъ на свободѣ на вольномъ воздухѣ, точно птичка, почти совѣмъ безъ приемотру...—Осень и зима были ему тяжелы, почти ненавистны... Его будили въ пять съ половиной часовъ утра, давали стаканъ молока съ булкой,—и тотчасъ-же засаживали за ученью...—Иной разъ Стась и самъ просыпался. Его будилъ старческій, завывающій голосъ о. Бенедикта. Старикъ постоянно вставалъ съ разсвѣтомъ и часа по два, по три молился...

Вѣтеръ востъ и стонетъ на улицѣ; въ окна стучить проливной дождь... Въ открытый ставень глядитъ осеннее утро; небо пасмурно, хмуро; по немъ, тамъ и сямъ, плывутъ вереницами облака... Стась проснулся, открылъ глаза... Тамъ, за стѣной, какъ разъ за его кроватю, слышатея звуки, жалобные и грустные, точно кто плачетъ... И Стась начинаетъ слушать...

О. Бенедиктъ читаетъ 50 псаломъ... Никто въ домѣ, не исключая и пана Маевского, не могъ слушать, безъ содраганія, этихъ мрачныхъ словъ, этихъ рыдающихъ звуковъ... Старикъ каждый день читалъ этотъ псаломъ, и читалъ съ особеннымъ чувствомъ. Онъ, кажется, душу влагалъ въ него. И вотъ за стѣной слышится „Miserere“...

— „Miserere mei Domine... (голосъ о. Бенедикта дрожитъ; въ немъ такъ и звучатъ слезы) secundum magnam misericordiam Tuam“ *)!..

Тяжелый, болѣзненный вздохъ... Пауза... И вотъ опять все громче и жалобнѣе звучитъ:

— „Et secundum multitudinem miserationum Tuarum dele iniquitatem meam“ **)...

Стась вздрагиваетъ и закрываетъ голову одѣяломъ. Но и туда проникаютъ плачевные, молящіе звуки:

*) Помилуй меня, Боже, по великой милости твоей.

**) И по множеству щедротъ Твоихъ, очисти беззаконія мои.

— *Ecce enim in iniquitatibus conceptus sum, et in peccatis concepti me mater mea*“ *)...

И долго молится, плачетъ о. Бенедиктъ. Но вотъ, наконецъ, и послѣдній стихъ покаяннаго гимна:

— „*Tunc acceptatis sacrificium justitiae oblationes: et holocausta tunc imponent super altare Tuum vitulas... Gloria Patri et Filio et Spiritui Sancto*„ **)...

О. Бенедиктъ умолкъ. Онъ кончилъ молиться... Вотъ-вотъ сей-часъ скрипнетъ дверь, и онъ покажется на порогѣ, суровый, мрачный, какъ и всегда, съ еще не высохшими глазами, весь въ бѣломъ, какъ привидѣніе... И Стасъ торопливо вскакиваетъ съ постели... И вотъ онъ въ комнатѣ о. Бенедикта. Книги, бумага, чернильница, перья... Старикъ надѣваетъ очки.

— *In nomine Patris et Filii* ***)... какъ и всегда, говорить онъ,— и вдругъ строго взглядываетъ на Стася. Тотъ почему-то смущается.

— Ну, что, училъ ты урокъ сегодня? говорить старикъ.

— Училъ.

— Отвѣчай-же!

Вѣтеръ шумитъ; дождь колотитъ, стучитъ въ окно... На улицѣ полумракъ еще, — солнышко не взошло. — Да и взойдетъ-ли оно въ этотъ день? — И только въ комнатѣ ярко горять лампадки и свѣчи предъ образами.

— Что-жь ты молчишь? говорить о. Бенедиктъ.

Стасъ зѣваетъ, — и вдругъ начинаеть тереть заспанные глаза. Они такъ и слипаются; онъ спать хочетъ. Въ его головѣ туманъ какой-то, и тамъ, въ разбивку, безъ всякой опредѣленной связи, мелькаютъ слова и тексты изъ катихизиса. Стасъ чуть-ли не позабылъ урокъ.

*) Вотъ я въ беззаконіи зачатъ, и во грѣхъ родила меня мать моя.

**) Тогда благоугодны будутъ Тебѣ жертвы правды, возношеніе и все-сожженіе; тогда возложить на алтарь Твой тельцовъ. Слава Отцу и Сыну и Св. Духу.

***) Во имя Отца и Сына...

Да, правда, онъ ничего въ немъ не понялъ.—И вотъ о. Бенедиктъ начинаетъ читать нотацію. Онъ говоритъ въ ней о лѣни, матери вѣхъ пороковъ, о нерадѣннн, непослушаннн,—и затѣмъ объясняетъ новый урокъ на завтра. Но объясняетъ онъ какъ-то темно, туманно, и ужасно не любитъ распросовъ... Затѣмъ идетъ урокъ ариѳметики. И здѣсь какъ-то темно и туманно.—Но вотъ занятія кончились, и Стасикъ вздохнулъ свободно. Обѣдъ; за нимъ небольшой отдыхъ... А тамъ уроки на завтра...—Скука, тоска; на улицѣ дождь, какъ изъ ведра, льетъ,—и носу нельзя показать на дворъ... Хотѣлось-бы почитать,—но надо учить уроки... А завтра опять то-же. И такъ изо дня въ день... Зимю не веселѣе, чѣмъ осенью. Развѣ, порой, выскочитъ Стасъ на дворъ, поиграть въ городки, въ снѣжки, съ дворовыми ребятишками. Но строгій о. Бенедиктъ не позволяетъ ему по долгу зашгриваться... —Но вотъ прошла мрачная, дождливая осень; прошла и зима, съ ея морозами и мятелями... Весна на дворѣ. Солнышко ярко и весело свѣтитъ; какъ снѣгомъ, осыпаны яблони, груши въ саду цвѣтами; аромать отъ нихъ волнами льется въ окно... Занятія Стася окончились, и онъ свободенъ до осени... И онъ на улицѣ цѣлый день, съ восхода солнца и до заката. Его даже не ждуть обѣдать. Онъ самъ забѣжитъ домой и на скоро чего нибудь перехватитъ; сунетъ въ карманъ пирогъ, хлѣба ломтика два-три, соли, картофелю,—и опять на улицу... И лучше ужъ не нищи его въ это время и не зови: Стасъ точно въ воду канетъ... И гдѣ только, гдѣ ни бываетъ онъ!... Онъ и въ лѣсу съ дворовыми ребятишками,—и лазитъ тамъ по деревьямъ; и въ полѣ, и у себя въ саду... И только строго онъ не исполняетъ приказъ отца: не купаться въ глубокихъ мѣстахъ на рѣчкѣ, и не плавать по нимъ ни въ лодкѣ, ни на плотѣ... —И ребятишки всею слѣдуютъ за барченкомъ,—онъ ихъ вожатый и коноводъ. Они играютъ въ солдаты... Избранный дружно и единогласно начальникомъ, — Стасикъ учитъ свою команду ружейнымъ приемамъ и маршировкѣ. И ребятишки любятъ его, горячо любятъ. Онъ не задираетъ носъ, какъ прочіе барчуки. Нѣтъ, никогда и никто изо всей Маявки не могъ по-

жаловаться на Стасика. Онъ никогда никого не обидѣлъ и не ударилъ... Да, былъ, правда, разъ, одинъ случай, — и Стасикъ долго не могъ забыть его. Въ тѣ времена у польскихъ помѣщиковъ барчука рано начинали приучать къ военному дѣлу. Изъ нихъ, еще чуть не съ пеленокъ, исподволь, но маленьку, подготавливали будущиxъ воиновъ. Вздумалъ и панъ Маевскій дать сыну урокъ-другой фехтованья. Ни сабли, ни шпаги, конечно, ребенку нельзя было дать. И вотъ ему дали палку и заставили биться съ такимъ-же, какъ онъ, мальчуганомъ, дворовымъ парнишкой, Васей. — Сперва дѣло шло ничего, какъ слѣдуетъ. Только Вася конфузился и не умѣло отражалъ удары. Но вотъ Стась увлекся, съ азартомъ началъ на противника, — и ловкимъ ударомъ по головѣ нанесъ ему рану. Тотъ застоналъ, заплакалъ; полилась кровь... Стась сперва точно окаменѣлъ, — и вдругъ зарыдалъ, какъ истый ребенокъ, бросился обнимать, цѣловать Васю... Панъ Ромуальдъ ухмыльнулся и покрутилъ усы...

— Ну, не скажу, чтобъ изъ тебя вышелъ хорошій воинъ! говорилъ онъ. — Фи, срамъ! Расхныкался, какъ дѣвчонка!.. — И онъ ушелъ со двора, въ душѣ совершенно довольный, впрочемъ, что въ Стасикѣ не оказалось кровожадныхъ наклонностей. И Стась, съ той поры, не бралъ въ руки палки. Не по душѣ пришлось ему и верховая ѣзда, которой тоже учили польскихъ дѣтей...

— Ну, ладно, время еще не ушло! говорилъ панъ Ромуальдъ. — Успѣеть!.. — Да если и не выйдетъ онъ воиномъ и рубакой, — бѣды не будетъ большой... Не вѣзмъ-же честнымъ, хорошимъ людямъ обязательно умѣть владѣть саблей!..

VI.

Солнышко ярко восходило. День обѣщаль быть теплымъ и яснымъ; на небѣ не видѣлось ни малѣйшаго облачка. Стась проснулся. Его разбудилъ лучъ, пробившійся въ прорѣзъ ставня, и ударилъ ему прямо въ глаза. — Ужъ года два Стась обходился безъ помощи няньки и казачка. Панъ Ромуальдъ не баловалъ его въ этомъ. Онъ самъ одѣ-

валя, самъ мысля.—Комнатка Стася была очень маленькая, но чистенькая и уютная. Въ ней не было беспорядка, какой, вообще, замѣчается въ дѣтскихъ,—панъ Ромуальдъ строго слѣдилъ и за этимъ. Надъ самой кроватью его висѣлъ портретъ пани Ядвиги, недурно рисованный акварелью. Столъ у окна, стулъ; въ углу полочка, и на ней, въ величайшемъ порядкѣ, разложены книжки Стася, его игрушки. Въ другомъ углу: барабанъ, труба, ружье и большая лошадь-качалка, съ уздечкой, сѣдломъ, стременами.

Стукнулъ засовъ у ставня, онъ распахнулся,—и въ комнату ворвалось цѣлое море свѣта... Мальчикъ зажмурился, быстро вскочилъ съ кровати, одѣлся и распахнулъ окно...—Тамъ, на дворѣ, давно ужъ началась обычная дѣятельность. Лѣтомъ въ усадьбѣ Маевского вставали за часъ до восхода солнца.—Вонъ старый кучеръ Панаасъ (онъ все еще былъ живъ и здоровъ и, по прежнему, бодро сидѣлъ на козлахъ) провелъ лошадей съ купанья. Еще не просохшая шерсть на нихъ такъ и лоснилась, такъ и блестяла на солнцѣ... Вонъ Ганка (изъ худенькой замарашки дѣвчонки теперь превратившаяся въ здоровенную, краснощекую дѣвку)—пробѣжала на ледникъ, съ блюдомъ подъ мышкой... Панъ Ромуальдъ, въ домашнемъ кунтушѣ изъ носѣленной холстины, толковалъ со старымъ Остапомъ—садовникомъ,—и тотъ молча слушалъ его, почтительно склонивъ сѣдую, обнаженную голову...—Солнце такъ ярко свѣтило, птички такъ звонко пѣли и заливались въ кустахъ,—но Стасю было что-то не весело... Накоро вымывшись и прочитавъ „Отче нашъ“, мальчикъ прошелъ въ столовую.—Тамъ хлопотала и суетилась надъ огромнымъ кофейникомъ пани Барбара. Височки ея еще больше порѣдѣли и посѣдѣли, но эти бантики, ленточки украшали ее, какъ и прежде. „Стара пани“ такъ и не вышла замужъ. За то питомица ея, Зося, ужъ года три назадъ, сдѣлалась пани Балущкой, женою одного изъ сосѣдей Маевского, тоже помѣщика, и не изъ бѣдныхъ.

Стась молча уѣлся за столъ и принялся за свое молоко съ хлѣбомъ. Онъ былъ что-то грустенъ, задумчивъ.

— Головка, что-ли, болить? вдругь обратилась къ нему панна Барбара.

— Нѣтъ, не болить...

— Такъ что-жь ты такой, точно въ воду опущенный? — И поглядѣль, вонь...

— Я ничего... такъ...

Стасъ дошилъ кружку и вышелъ изъ комнаты. Панна Барбара проводила его глазами.

— Да, знаю я... бормотала она. — Опять, видно, вчера шалилъ, безобразничалъ... Головорѣзь этакій!.. Вотъ миѣ-бы въ руки его, — сдѣлался-бы у меня шелковый!.. — И она злобно сжала свои тонкія губы. — Но, вотъ, вдругь лицо ея приняло умиленное, подобострастное выраженіе. Вошелъ о. Бенедиктъ, — и панна Барбара, съ опущенной головой и глазами, подошла къ нему...

— На вѣки вѣкувъ... пробормоталъ ксендзь и тотчасъ-же принялся за яйца въ смятку и кофе, а панна Барбара опять загремѣла посудой...

Скучный, задумчивый, шелъ Стасъ по берегу рѣки... Тихо и неподвижно лежала она въ своихъ зеленѣющихъ берегахъ, поросшихъ ракитой и ивнякомъ... Въ другой разъ онъ непременно остановился-бы, набралъ-бы, полную гореть камушковъ и сталъ-бы пускать ихъ, одинъ за другимъ, слѣдя за этими кругами, расходившимися по гладкой, зеркальной поверхности... Онъ посмотрѣль-бы на окуньковъ и плотничекъ, то и дѣло выскакивавшихъ изъ воды и блестящихъ на солнцѣ серебристою чешуей... Быть можетъ, онъ побѣжалъ-бы домой, захватилъ тамъ удочку, червей накопалъ и уѣлся-бы тутъ въ тѣни, подъ кустомъ ракиты, не сводя глазъ съ неподвижнаго поплавка... Быть можетъ, парвалъ-бы онъ цѣлый букетъ бѣлыхъ и желтыхъ кувшинокъ и поставилъ-бы ихъ у себя дома въ стаканъ съ водою... Но Стасъ ничего не видѣль, не слышалъ... Онъ такъ-же задумчиво шелъ по берегу, и его зеленые сафьяновые сапоги, порой, утопали по щиколотку въ нагрѣтомъ солнцемъ пескѣ...

— Панычу! послышался вдругъ чей-то тоненькій, звонкій голосъ.

Стась педнялъ голову. Въ тѣни густой, развѣсистой ивы, сидѣлъ Охримка, сынъ повара, другъ и пріятель Стася и вѣрный и неизмѣнный участникъ во всѣхъ его играхъ. Онъ не спускалъ своихъ черныхъ, плутоватыхъ глазокъ съ подюжины поплавокъ и весело улыбался.

— Гляди-тка, панычу! говорилъ онъ. — Не больше часу снизу, а сколько, вонъ, паловиль-то... Гляди-тка!.. — Онъ сдернулъ ветошку съ желзнаго небольшого ведерка, стоявшаго тутъ-же подлѣ него въ травѣ, и показалъ Стасю. Въ водѣ тамъ плескалось десятка два-три окуньковъ и плотичекъ...

— Аа... Хорошо клюеть? — И на задумчивомъ и бѣдномъ личикѣ Стася вдругъ мелькнула улыбка.

— Стра-ахъ, какъ клюеть!.. Только ты успѣвай вытаскивать!.. Да, вонъ, она, вонъ, — смотри!.. шопотомъ говорилъ онъ и указалъ глазами на шевелившійся поплавокъ. — Во-одить!.. Плотца это, — вѣрно... Кому больше! — А, стой!.. — Онъ дернулъ съ размаху удочку, и на песокъ затрепеталась, блестя серебристою чешуей, плотичка. — А вонъ и другой поплавокъ вдругъ, сразу, весь ушелъ въ воду, — и Охримка вытащилъ окуня.

— Клевъ, братъ, такой, что чудо! говорилъ онъ, заботливо снимая рыбу съ крючковъ. — Садись-ка со мной, панычу, — половимъ!

Но улыбка, мелькнувшая было на лицѣ Стася, исчезла, и оно опять стало грустно, задумчиво.

— Да что съ тобой, Стасинька? говорилъ Охримка. — Аль кто обидѣлъ тебя?.. Не тотъ-ли опять... *бѣлый*-то?.. — И онъ вдругъ испуганно оглянулся по сторонамъ. — Что, выскѣкъ тебя онъ, что-ли?..

— Не смѣеть онъ съчъ меня!.. Никогда не смѣеть!.. вдругъ поднялъ головку Стась, и въ гласахъ его блеснулъ огонекъ. — Онъ и за уши-то не смѣеть меня...

— Ой-ли?.. не довѣрялъ Охримка.

— Не смѣеть!.. Никто меня не обидѣлъ... Никто!.. А такъ я...

Просто такъ себѣ, — скучно... — И Стась вдругъ повернулся спиной и опять зашагалъ по берегу.

Охримка мотнулъ головой и, нажививъ на крючки червяковъ, поплевалъ на нихъ и закинулъ удочки въ воду.

Глухой, дребезжащій ударъ пронесся и замеръ въ воздухѣ... Еще и еще... Звонили къ заутренѣ въ маленькой православной церкви... Вонъ колоколья ея, съ потускнѣвшимъ золоченымъ крестомъ, выглядываетъ изъ-за деревьевъ ограды... Священникъ о. Илья, дряхлый, сѣдой старикъ, прошелъ, опираясь на суковатую палку, и скрылся въ воротахъ... Прошла старуха какая-то; пять-шесть бабъ; Михалка — сторожъ, въ изодранной и засмоленной свиткѣ. — А Стась все шелъ себѣ, шелъ впередъ, — и вдругъ очутился въ церковной оградѣ...

Онъ оглянулся... Со вѣхъ сторонъ протянули длинныя и густыя вѣтви, зеленые дубы и клены... Тамъ, между ними, вдали, виднѣлись какіе-то, поросшіе травой и цвѣтами, холмики; на нихъ почернѣвшіе и покривившіеся кресты... На ветхой, низенькой колокольнѣ бродили и ворковали голуби; ласточки, то и дѣло, вылетали откуда-то изъ подъ стропиль, и гонялись за мухами и за мошками... Въ раскрытое настежъ окно, съ желѣзной рѣшеткой, пробивался синеватый дымокъ отъ ладана, слышался старческой, дребезжащій голосъ дьячка... Стась отворилъ дверь и очутился въ церкви... Но онъ недолго въ ней пробылъ; постоялъ, постоялъ и потихоньку выбрался за дверь. И ни прихода его, ни ухода никто въ церкви и не замѣтилъ...

И вотъ Стась ужъ въ садикѣ у о. Ильи. Онъ здѣсь частенько бываетъ. Такъ хорошо въ немъ, такъ много тѣни!.. Яблони, груши здѣсь разрослись чуть не сплошною стѣной, — и, подь осень, вѣтви ихъ гнутся совсѣмъ, ломаются отъ плодовъ... Много цвѣтовъ; есть и ручеекъ маленькій, и Стась много разъ ужъ устраивалъ на немъ плотины и ставилъ мельницы, вмѣстѣ съ внукомъ о. Ильи, Колей. Они съ нимъ были большіе друзья. Не менѣе друженъ онъ былъ и съ Варей, его десятилѣтней сестренкой. — И вотъ Стась въ бесѣдкѣ.

опутанной хмѣлемъ, и машинально слѣдить глазами за наукомъ, раскинувшимся въ углу паутину... Это большой паукъ, изъ рода *крестовиковъ*. Онъ неподвижно сидитъ въ паутинѣ и поджидаетъ жертвы, — а солнечный лучъ, пробившись сквозь щель въ стѣнѣ, золотитъ его крѣпкія и липкія стѣни... Въ бесѣдкѣ, на столікѣ, на полу, лежали разбросанныя игрушки: кукла, съ кудельной косой, и выведенными углемъ глазами, носомъ и ртомъ; глиняный пѣтушокъ, лошадка; крошечныя грабли и лейка. Но самихъ владѣльцевъ этихъ игрушекъ не было. Они, должно быть, еще крѣпко спали... — И долго сидѣлъ Стасъ въ бесѣдкѣ, думалъ о чемъ-то... Но вотъ до него донесся изъ раскрытаго окна хатки о. Илья стукъ ножей и тарелокъ; запахло чѣмъ-то вкуснымъ такимъ, печенымъ... Это о. Илья вернулся, должно быть, изъ церкви и съѣлъ съ попадѣей завтракать... Вотъ кто-то вздохнулъ, глубоко, тяжело такъ...

— О, Господи Іисусе Христе! послышался дрожащій старческой голосъ. — Спаси и помилуй насъ грѣшныхъ!..

— Да ѣшь, что-ли, о. Илья! Ты только все по тарелкѣ бродишь!..

— Не хочется, мать моя!.. — И о. Илья опять тяжело вздохнулъ.

— А что такъ?

— Да, вотъ, дѣла-то... Охъ, больно плохи дѣла!.. Знать, прогнѣвили мы Господа Бога... Ты слышала, Анна Петровна: опять они появились въ здѣшнихъ мѣстахъ...

— Кто они-то?

— Да гайдамаки...

— Царица небесная!.. Полно, что ты!.. — И попадья всплеснула руками. — Да быть не можетъ!..

— Вѣрно тебѣ говорю!.. Слышала ты о панѣ Джевецкомъ?.. — Рукой подать отсюда живетъ... Богатый и гордый панъ...

— Еще-бы миѣ не слышать! Такого аспида, кравовійцы на всей Украинѣ днемъ съ фонаремъ не сыщешь...

— Не осуждай, Анна Петровна, — не намъ судить!.. строго замѣтилъ священникъ. — Никто изъ насъ не безгрѣшенъ... — А если

панъ Броиславъ и много лиль на вѣку православной христіанекой крови, — такъ онъ ужь теперь самъ отвѣтитъ за все, тамъ, передъ престоломъ Всевышняго...

— Какъ?.. Развѣ онъ...

— Убить, Анна Петровна... звѣрки убить... замучень!.. — И въ голосъ старика зазвучала грусть. — Господь да помилуетъ и спасетъ его душу!.. Не мало грѣховъ проститъ ему Богъ за его страдальческую кончину.. Вѣдь что они дѣлали съ нимъ, — волосъ дыбомъ становится!.. Это не люди, — звѣри какіе-то, волки жадные!..

— Ну, и Господь съ нимъ! вздохнула матушка-попадья. — А по моему, все-жь хоть однимъ кровопийцей меньше...

— Не осуждай, говорю!.. Грѣхъ осуждать такъ!.. — Звѣри, звѣри, — не люди!.. Они не только его, старика, убили, — они замучили и дѣтей, чистыхъ, непорочныхъ младенцевъ!.. Сынокъ у папа Джевцакаго былъ, — мальчикъ лѣтъ 9... Такъ, вѣдь, они его...

О. Илья вдругъ умолкъ и высунулъ изъ окна голову.

-- Что ты?

— Да тамъ никакъ плачетъ кто-то, въ бесѣдкѣ...

— Ну, полно, кому тамъ быть! Видно послышалось...

Но, вѣтъ, о. Ильѣ не послышалось... Закрывъ руками лице. Стасъ горько плакалъ, и слезы ручьемъ текли сквозь его пальцы: грудь такъ и вздрагивала отъ рыданій... — Боже мой... панъ Джевцакій — убить!.. — Онъ рѣдко когда бывалъ у нихъ въ домѣ, — и Стасъ не любилъ его, даже боялся просто... Злое лице, съ громадными щетинистыми усами; глаза, налитые кровью... Но сынъ его, Михасъ, частенько бывалъ у нихъ съ губернаторомъ, и Стасъ горячо любилъ тихаго, блѣднолицаго, кроткаго мальчика... Они убѣгали съ нимъ въ лѣсъ, потихоньку отъ губернатора — и тамъ Михасъ ему говорилъ, какъ трудно ему, тяжело живется!.. Отецъ не любитъ его (да онъ и не былъ его роднымъ отцомъ — отчимомъ) и часто бьетъ и сѣчетъ... И Михасъ плакалъ и показывалъ Стасю синебагровыя полосы и рубцы на своихъ худенькихъ, тонкихъ рученкахъ... Одна

только мать горячо любила его... А онъ... онъ жизнь за нее-бы отдалъ!.. И сколько разъ Михась рассказывалъ съ увлеченіемъ (лицо его разгоралось, глаза блестѣли)—какъ выростеть онъ большой и потихоньку уйдуть съ матерью отъ Джевецкаго... Какъ онъ достанетъ откуда-нибудь много такъ, много денегъ, и купить для матери домъ большой, съ садомъ и цѣлую кучу дорогихъ платьевъ!.. — И вотъ этотъ Михась—убить... змученъ... За что? кѣмъ?.. — Какими-то гайдамаками...—Гости, бывшіе у пана Маевского, все говорили и говорили о гайдамакахъ, — и Стась, разумѣется, тоже слыхалъ кое-что... Не разъ онъ обращался къ отцу, съ распросами, но тотъ отвѣчалъ: „Зачѣмъ это тебѣ знать, Стасикъ? — Лучше поди, поиграй... Книжку возьми съ картинками... Хочешь, я дамъ тебѣ?.. — А гайдамаки, мой милый... Дай Богъ, чтобы, когда ты выростешь, даже и слово-то это забыли!.. Иди, Стасикъ!“ —И Стась уходилъ грустный, задумчивый, отказавшись и отъ книжки съ картинками... Разъ обратился онъ съ этимъ вопросомъ къ старику-ксендзу — но тотъ такъ строго, сурово взглянулъ на него, что Стась замолчалъ и только понурилъ голову...—Такъ ничего и не узналъ онъ объ этихъ таинственныхъ гайдамакахъ... И они представлялись ему чудовищными какими-то, чѣмъ-то вродѣ драконовъ, о которыхъ читалъ онъ въ одной изъ своихъ книжекъ съ картинками. Они пьютъ человѣческую кровь, и изъ ихъ пастей пышетъ пламя и вылетаетъ клубами дымъ... Но только, вѣдь, это выдумки одни, сказки, какъ говорилъ отецъ: драконовъ нѣтъ и никогда не было...—И Стась рыдалъ, горько рыдалъ...—Но вотъ на плечо его вдругъ опустилась чья-то рука. Онъ поднялъ мокрое отъ слезъ лицо. Передъ нимъ стоялъ старый священникъ, о. Илья.

— Дитя мое, что ты, Господь съ тобой? заботливо говорилъ онъ— О чемъ ты плачешь?.. Ты здѣсь давно?.. Я не видалъ, какъ пришелъ ты... Зачѣмъ ты не зашелъ ко мнѣ въ хату?

— Полно-же, успокойся, Стасишка!... Ты о чемъ? Тебя кто обидѣлъ?..

Но Стась только вежлиивать.

— Ну, полно-же, полно, милый!... Пойдемъ со мной!... Тамъ пирожки у насъ есть со сливами... Помнишь, какъ-то разъ кушалъ ихъ, и хвалилъ все? Пойдемъ! — И онъ взявъ мальчика за руку и потихоньку повелъ его къ дому. Тотъ не противился.

— Стасинька! Боже мой!... встрѣтила его на порогѣ низенькая,

Ну, полно же, полно, милый!..

худая старушка, попадья Анна Петровна. — Такъ это ты тамъ плакалъ въ бесѣдкѣ?... О чемъ, голубчикъ ты мой? о чемъ?...

И мальчика усадили за столъ; поставили передъ нимъ цѣлое блюдо горячихъ, только что вынутыхъ изъ печи, пирожковъ со сливами... Но Стась оттолкнулъ его... Пришелъ и Коля, румяный, толстенькій мальчикъ, и съ удивленіемъ вытаращилъ глаза на Стася. Пришла Варя.

— Полно, мой милый, Христось съ тобой!... На-ка, вотъ, выпей лучше водицы холодненькой... Легче будетъ!... Вишь, и головка какъ

разгорѣлась!... — И о. Илья соваль мальчику кружку съ водой. Но тотъ оттолкнулъ и ее.

Но вотъ Стась поднялъ голову. Слѣзы ручьемъ текли у него по щекамъ...

— Дѣдушка!... говорилъ онъ, и голосъ его дрожалъ, захлебывался отъ рыданій. — Скажи мнѣ... скажи: зачѣмъ они убили Михѣся?...

— А, такъ вотъ оно что!... пробормоталъ священникъ, и лицо у него омрачилось. — Такъ ты все слышалъ, тамъ... Да? — И я-то, старый дуракъ... Да развѣ я зналъ, что онъ тамъ, въ бесѣдкѣ!...

— За что же... за что они убили его?... рыдалъ Стась. — Что сдѣлалъ онъ имъ худого? И кто убилъ?... Они... гайдамаки?

— Да... прошепталъ священникъ.

— Но кто-жь они, дѣдушка?... Кто они?... Я спрашивалъ и у папы, и у о. Бенедикта... Они не хотѣли ничего отвѣчать... Ты говорилъ, вонъ, — я слышалъ давече, — это не люди, звѣри какіе-то...

— Видишь-ли, милый мой... робко какъ-то заговорить священникъ. — Они разбойники, злые люди...

— Да... Но зачѣмъ-же имъ позволяютъ мучить и убивать дѣтей?... Зачѣмъ имъ позволили убить Михѣся?... Онъ былъ такой славный, хорошій мальчикъ... Онъ такъ любилъ свою маму... Ну, папъ Джевецкій, — тотъ злой; тотъ самъ былъ Михѣся. — Я пана Джевецкаго самъ-бы убилъ... Да!.. — И Стась вдругъ крѣпко сжалъ кулачки. — А, вотъ, Михѣся за что?...

Старикъ молчалъ, грустно понутивъ голову.

— Еслибъ я былъ большой, съ жаромъ говорилъ Стась, — развѣ-бы я позволилъ мучить и убивать дѣтей?... Развѣ позволилъ-бы... развѣ позволилъ я этимъ разбойникамъ... гайдамакамъ... — Такъ вотъ они кто: они злые люди, и убиваютъ бѣдныхъ и слабыхъ дѣтей!... Чего-же мой пана смотреть?... Вѣдь у него есть сабля, — есть пистолеты... Зачѣмъ-же онъ не возьметъ ихъ и не прогонитъ отсюда этихъ разбойниковъ?... Ну, а папъ Залѣскій, мой крестный

отець?... Панъ Заремба?... Вѣдь и у нихъ есть сабли, ружья и пистолеты... Зачѣмъ-же, дѣдушка? а?... Зачѣмъ?...

Но о. Илья только вздохнулъ.

— Вотъ видишь, дитя мое... началъ онъ. Но Стась перебилъ его.

— Господи, что-жъ это... что-жъ такое!... съ стчаяньемъ говорилъ онъ. — Зачѣмъ я не сильный и не большой, а такой маленькій, слабый!... Я взялъ-бы саблю, ружье... сѣлъ на коня... Я-бы... — Но тутъ онъ опять закрылъ руками лицо и зарыдалъ, зарыдалъ...

VII.

Въ домѣ пана Грабовскаго было много большихъ, свѣтлыхъ комнатъ, но едва-ли не самой большой изъ нихъ былъ его кабинетъ. Огромный письменный столъ стоялъ въ широкомъ простѣнкѣ, между двухъ оконъ... Изъ нихъ открывался видъ на озерко, съ посящимися надъ нимъ чайками, и ихъ рѣзкій, пронзительный крикъ весь день оглашалъ его берега, заросшіе высокимъ, густымъ камышомъ... За озеркомъ бѣлѣли хатки маленькой деревушки; видѣлся господскій домъ, съ громаднымъ фруктовымъ садомъ; а тамъ, дальше, изъ-за деревьевъ, ярко сверкалъ на солнцѣ крестъ каменнаго костела...

Вдоль стѣнъ кабинета тянулись шкафы, биткомъ набитые книгами; на полкахъ и полочкахъ, тамъ и сямъ, видѣлись физическіе приборы и инструменты; банки съ образцами хлѣбныхъ сѣмянъ. Съ полдюжины ружей и пистолетовъ развѣшаны были на одной изъ стѣнъ, на коврѣ, какъ разъ надъ кроватью. Каминъ (о нихъ въ тѣ времена въ Польшѣ и не слыхали почти) занималъ не малую часть кабинета. Порой, въ долгіе зимніе вечера, панъ Болеславъ любилъ сидѣть передъ нимъ, съ книгой въ рукѣ, протянувъ ноги на массивную бронзирванную рѣшетку, за которой ярко пылалъ цѣлый костеръ дровъ... — На улицѣ холодно; вѣтеръ, морозъ трещить; иней покрывъ стекла оконъ, и ярко сверкаетъ, переливается радужными

цвѣтами... А здѣсь, въ кабинетѣ, свѣтло такъ, тепло и уютно!... Сидитъ панъ Болеславъ, склоняясь надъ огнемъ, весь погруженный въ чтеніе... И это, навѣрно, что нибудь по исторіи (одна изъ самыхъ любимыхъ его наукъ), или сухой и скучный, но для него интересный, трактатъ по сельско-хозяйственной части, по агрономіи.

Болеславъ почти не спалъ эту ночь. Душно было какъ-то въ его кабинетѣ, не смотря на раскрытія пастежь окна, — и онъ все ворочался съ боку на бокъ и не могъ сомкнуть глазъ. Онъ всталъ еще до восхода солнца, зарядилъ ружье и, кликнувъ свою лягавую собаку, Медора, — отправился съ ней бродить въ камышахъ. И долго бродилъ онъ, да такъ и вернулся ни съ чѣмъ: ему не попалось нигдѣ ни одной утки. — И вотъ онъ сидѣлъ у шпешеннаго стола и читалъ только что полученное письмо изъ Парижа. Тутъ-же предъ нимъ стоялъ подносъ съ завтракомъ: яйца въ смятку, сыръ, кусокъ холодной дичины и бутылка съ легкимъ французскимъ виномъ. Вдругъ онъ обернулся. Тамъ, за стѣной, послышались чьи-то шаги, дѣтскіе, торопливые, — и въ кабинетъ вбѣжалъ Стасъ. Онъ запыхался страшно, усталъ; по его раскраснѣвшемуся лицу текли крупныя капли пота... — Грабовскій вскочилъ; сердце у него забилося...

— Стасикъ!.. Откуда ты?.. Что случилось?.. испуганно вскричалъ онъ. — Ты плакалъ?.. — Да, плакалъ... Глаза у тебя мокры отъ слезъ... Голубчикъ мой, что съ тобой?.. — Онъ схватилъ на руки мальчика и усадилъ его къ себѣ на колѣни. Тотъ крѣпко обнялъ его руками за шею, прижался къ нему...

— Обидѣлъ тебя кто нибудь? А?.. Стасикъ! Скажи-же!.. — И онъ гладилъ его темнорусые влажные волосы. — Ну, посмотри на меня, подними головку!..

— Они всѣ гадкіе... гадкіе, дядя Болесъ! вдругъ вскричалъ мальчикъ дрожащимъ, прерывистымъ голосомъ и поднялъ на Болеслава сверкающіе глаза, еще не высохшіе отъ слезъ. — Я не люблю ихъ!.. И папу я не люблю, и папа Проскуру и Головинскаго, и Зарембу... Я никого не люблю ихъ...

— Господь съ тобой!.. Что говоришь ты!..

— Я только тебя люблю, дядя Болесь!.. Да, крѣпко, крѣпко люблю!.. — И онъ опять обнялъ его; прижался щекою къ его щекѣ.
— Ты милый, добрый хорошій!.. А они трусы, дяди... боятся!.. У нихъ есть сабли, ружья и пистолеты... Зачѣмъ-же... А ты, вѣдь, не трусь, дядя?.. Нѣтъ?.. Ты не позволишь имъ убивать дѣтей?.. Они Михаса убили, зарѣзали!.. безсвязно бормоталъ Стась, и вдругъ горько заплакалъ.

Грабовекій былъ пзумлень и не на штуку испуганъ... — «Уж не горячка-ли это?.. Не бредь-ли?... мелкнула у него мысль. — Онъ приложилъ руку къ головѣ мальчика. Она пылала.

— Милый мой, что съ тобой? говорилъ онъ. Головка болитъ у тебя?.. Ты боленъ?..

— Да нѣтъ-же, здоровъ я!.. Ты развѣ не понимаешь?..

— Ни капли!..

— Такъ слушай-же, дядя Болесь... — И Стась разсказалъ Болеславу что слышалъ онъ отъ старика священника. Тотъ молча слушалъ его. Лицо его было хмуро.

— А, такъ ты вотъ о чемъ! — грустно говорилъ онъ. — Теперь я все понимаю... Набѣгъ опять новый... на папа Джевецкаго... Близко... Да, чаша все наполняется и наполняется!..

— Михаса убили они, говоришь ты? И тебѣ жаль? Ты очень любишь его?

— О, — очень!.. — И Стась опять залился слезами.

— И я его зналъ, Стась. Онъ былъ славный, хорошій мальчикъ, такой-же, какъ ты... Только... — Но полно, не плачь, мой милый!.. Слезами, вѣдь, не поможешь!.. Ты хочешь знать, кто эти разбойники-гайдамаки?..

— Да... — мальчикъ поднялъ глаза.

— Ну, такъ послушай-же, что я скажу тебѣ... Ты вѣдь, поймешь меня: ты умный мальчикъ... Слушай! — Давно это было, очень давно, ни ты еще не родился, ни папа твой... Дѣдушки даже не было...

Въ Польской Украинѣ, какъ и теперь, жили поляки и малороссы... Ты знаешь, что малороссы другой вѣры, чѣмъ мы?..

— Да, знаю. О. Бенедиктъ мнѣ рассказывалъ.

— Гм... да... Такъ вотъ... Господь заповѣдалъ намъ всеѣмъ любить своихъ ближнихъ, какой бы вѣры они не держались... Вѣдь всеѣ они молятся одному Богу и славятъ Его, только каждый по своему... Онъ заповѣдалъ любить не только христіанъ, но и язычниковъ... любить всеѣхъ, кто носитъ на себѣ образъ и подобіе человѣка... Ты понимаешь?..

— Да, дядя...

— Ну, а въ тѣ времена (давно это было!) не понимали этого... Мало еще тогда учились поляки, и были грубы, не развиты... Имъ казалось, что только ихъ вѣра одна и правая на землѣ, — а всеѣ другія достойны только презрѣнія... Всеѣхъ иновѣрцевъ ненавидѣли, презирали... Они забыли, что самъ Господь Иисусъ Христосъ и ѣлъ и пилъ съ мытарями и грѣшниками, и рассказывалъ евреямъ притчу о сострадательномъ самарянинѣ. Ты, вѣдь, знаешь ее изъ священной исторіи.

— Да.

— И вотъ поляки тѣснили и обижали своихъ иновѣрцевъ, хлопковъ... Они не считали ихъ даже людьми, а просто рабочимъ скотомъ, и думали, что католикъ только одинъ и можетъ быть человѣкомъ... (Неразвиты были, грубы, темны, говорилъ я). Чтобъ больше еще угодить Богу, они старались обращать въ католицизмъ малороссовъ, а когда тѣ противились, — они прибѣгали къ силѣ...

.....

.....

Стасъ молча слушалъ Грабовскаго и то блѣднѣлъ, то краснѣлъ. Слезы высохли у него на глазахъ, и въ нихъ то виднѣлась печаль, грусть, задумчивость, то, порой, они вдругъ загорались.

— О, нѣтъ, дядя, нѣтъ!.. вскричалъ онъ. — Но что-жь дѣлать?.. Мы...

— Что дѣлать? — Ты говорилъ, что и папа твой и Заремба, и

А, такъ ты вошь о чемы!

Головинскій—вѣтъ трусы, бояться...—Нѣтъ, не бояться они, Стась: они не могутъ собраться съ силами!.. Эти разбойники очень хитры, осторожны... Они налетаютъ, какъ саранча, оттуда, откуда ихъ вовсе не ожидали... Но ты не тревожься и не горюй, мальчикъ!.. Мы принимаемъ мѣры: собираемъ народъ, вооружаемъ его; строимъ и укрѣпляемъ замки... Никто, какъ Богъ,—Онъ сохранитъ и спасетъ насъ... Мы отразимъ силу силой, прогонимъ и умиримъ разбойниковъ... И ужь не будутъ больше они рѣзать дѣтей, стариковъ и женщинъ...

— Амен!.. какъ на молитвѣ набожно прошепталъ Стась.

— Да, амен!..—И нашъ Болеславъ умолкъ.—„Мы отразимъ силу силой, прогонимъ и умиримъ разбойниковъ“... мелькнуло у него въ головѣ.—„Полно,—это слова только!.. А дѣло... будетъ ли?.. Это, вѣдь, такъ, чтобъ успокоить и утѣшить ребенка“...

Но вотъ онъ провелъ рукой по лбу, тряхнулъ головой.

— Да, ты не бойся, Стась, говорилъ онъ.—Все будетъ опять хорошо и спокойно... Только не забывай, что говорилъ я: зло порождаетъ зло... Не забывай, что истина, справедливость и любовь къ ближнему—вотъ что намъ надо и чѣмъ мы должны жить, и свѣтъ, свѣтъ и свѣтъ,—ученье!.. Когда ты будешь большой,—все измѣнится... Дѣти будутъ краснѣть за дѣла отцовъ, стыдиться ихъ слѣпоты и невѣжества, и тогда...

Грабовскій опять умолкъ и вдругъ круто измѣнилъ разговоръ.

— А знаешь, Стась, весело заговорилъ онъ,—я покажу тебѣ кое что. Тебѣ, навѣрно, понравится. Посмотри-ка!—Онъ выдвинулъ ящикъ стола и досталъ оттуда пачку журналовъ.

— Я это на той недѣлѣ еще получилъ изъ Лондона. Тутъ все рассказы о разныхъ животныхъ, о птицахъ, о насѣкомыхъ... Ты это любишь,—я знаю... Смотри-ка, сколько картинокъ,—и что за картинки,—прекрасно! Какъ чудно онѣ раскрашены!.. Вотъ это... Ты знаешь, кто?

— Да, знаю,—слонъ.

— А ты слыхалъ, читалъ о слонѣ? Хочешь, я расскажу тебѣ кое что?—И онъ, не дожидаясь согласія, сталъ говорить о характерѣ,

правѣ, привычкахъ слона; объ его умѣ и замѣчательномъ добродушіи. Грабовскій разсказывалъ мастерски, и Стась съ удовольствіемъ его слушалъ. И вотъ лицо мальчика стало проясняться, и на губахъ его показалась улыбка.

— Давно-бы мнѣ догадаться... Вотъ такъ-то... думалъ Грабовскій.—А то я... Эхъ!..—Возьми-ка, Стась, эти картинки да разсмотри ихъ...—И онъ бросилъ ему на столъ цѣлую кнѹ гравюръ, великолѣпно раскрашенныхъ.—Ихъ стоитъ пересмотрѣть... Тутъ на-сѣкомыя: бабочки, мухи, жуки,—точно живыя, и только не шевелятся, не ползаютъ!.. Ты здѣсь, навѣрно, узнаешь многихъ...

И Стась смотрѣлъ этихъ бабочекъ, мухъ, откладывая одинъ за другимъ рисуики. Но вотъ онъ остановился.

— Тутъ пчелы, дядя, говорилъ онъ.—Какъ славно онъ нарисованы!.. Да, какъ живыя!..—А, знаешь, какой чудный медъ я ѣлъ вчера у стараго Павлюка?..

— У Павлюка?.. У какого?..

— Да у того, что живетъ въ хуторкѣ, за лѣсомъ...

Панъ Болѣславъ вдругъ поблѣднѣлъ.

-- И ты... ты знаешь его?.. Давно?.. пробормоталъ онъ.

— Давно, дядя, еще съ весны... Ты послушай...—И онъ разсказалъ Грабовскому, какъ познакомился съ Павлюкомъ. Онъ былъ въ лѣсу съ Охримкой и Василемъ,—по тѣ отетали, и онъ очутился одинъ.—Вдругъ слышитъ лай тамъ гдѣ-то, между деревьями. (Онъ не боялся собакъ,—онъ его все знали въ Маювкѣ). И вотъ, вдругъ, собака... „большая, большая, дядя, какъ твой Медоръ, чужая совсѣмъ незнакомая“. Она бросается на меня, валить съ ногъ и впивается въ руку зубами...

— О, какъ-же я, дядя, перепугался!.. заплакалъ и закричалъ... говорилъ Стась.—Вдругъ, вижу: старикъ выходитъ изъ-за деревьевъ... Я не пугался еще больше... Вѣдь это тотъ страшный дѣдъ, о которомъ мнѣ разсказывали ребята... Они говорили, что онъ давно ужъ проклятъ людьми и Богомъ и продалъ душу нечистому... Что, будто, онъ пьетъ

кровь у дѣтей, живыми съѣдаетъ ихъ... У насъ въ Маювѣ боятся его, пуще огня, и взрослые и ребята... Но только все это ложь, дядя, все ложь!.. горячо говорилъ Стась.—Павлюкъ совѣмъ не такой: онъ ласковый, добрый, хорошій!..

— Ну, дальше!.. Что-жь дальше?..

— Онъ отогналъ собаку и подошелъ ко мнѣ... Ахъ, дядя, какой онъ мнѣ показался страшный!.. Такой высокій, высокій, худой, какъ палка... На головѣ только одинъ чубъ виситъ, а тамъ она—совѣмъ лысая... Брови, точно щетина; глаза ввалились. —и, вотъ, такіе усы!.. (И Стась отмѣрилъ чуть не аршинъ). — „Ты кто, мальчикъ? Откуда? говоритъ онъ. —и какъ ты сюда попалъ?“ — Молчу я, слова сказать не могу, точно у меня застряло что въ горлѣ... А онъ глядитъ на меня совѣмъ не строго, не грозно... И я разсказалъ ему, какъ попалъ въ лѣсъ. — „А, такъ ты сынъ того... пана Маевского?—Знаю я твоего отца: онъ добрый, хорошій панъ. Пойдемъ, мальчикъ!“ — Онъ взялъ меня за руку и повелъ. Пришли мы въ хату... Такая маленькая и низкая: онъ головой чуть не касается потолка... „А покажи-ка мнѣ руку, мальчикъ! говоритъ онъ. —Что, больно она покусала?“ — Я показалъ. Старикъ приложилъ къ ранкѣ травы какой-то и завязалъ тряпкой. Потомъ на лавку меня посадилъ, по головѣ погладилъ. . „Да, знаю я, говоритъ пана Маевского; и молодого Грабовскаго тоже знаю“...

— Какъ? удивился панъ Болеславъ.—Онъ и меня знаетъ? Онъ такъ и сказалъ?

— Да... „Вотъ если-бы, говоритъ, все были такіе, какъ эти!“ — Меду принесъ мнѣ, лепешекъ... „На, говоритъ, поѣшь!.. Ну, а теперь и ступай съ Богомъ, да только не сказывай никому, что у меня былъ... Меня, вѣдь, все тамъ у васъ считаютъ за звѣря лютаго, людоѣда... Да, правда, я много людей съѣлъ на своемъ вѣку,—но только дурныхъ, злыхъ людей,—а хорошихъ я никогда не трогалъ“... — Я разсмѣялся. — Ну, это ты врешь, дѣдушка, говорю. — Людей ты не ѣлъ... Не правда!..

Грабовскій всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Гм... Странно .. странно!.. бормоталъ онъ.—Положимъ, что и они люди,—не все человѣческое угасло въ нихъ... Но этотъ...— И ты у него бывалъ? Часто?..

— Да, разъ пять-шесть былъ... Вотъ и вчера тоже... Медомъ кормилъ меня... „Ѣшь, говоритъ, мальчикъ, Ѣшь, пока еще я здѣсь,— а то и меду не будетъ, и пчелы все разлетятся“...—А ты развѣ куда уѣзжаешь, дѣдушка?—„Да, говоритъ, уѣзжаю... Я ужъ съ дѣсятокъ лѣтъ здѣсь живу, кончу потолокъ да стѣны; съ пчелишками все вожусь... Да, вотъ, и моя подошла пора... Ѣду“!..—Куда?— „А этого тебѣ знать не надо... Ты только послушай, мальчикъ... Ты будь такой-же, какъ твой отецъ,—не обижай, не притѣняй никого... (И опять меня по головѣ погладилъ). И будь спокоенъ: ни я, ни другіе, — никто и пальцемъ васъ не задѣнетъ“!..

— Аа!.. протянулъ Грабовскій и опять заходилъ по комнатѣ. На лбу его появилась складка; брови были нахмурены. Онъ думалъ о чемъ-то, серьезно думалъ...

— А знаешь что, мой голубчикъ, заговорилъ онъ вдругъ, останавливаясь передъ Стасемъ... Пойдемъ-ка мы съ тобой къ этому Павлюку?.. А?..

— Пойдемъ, дядя Болесь, пойдемъ!.. Сейчасъ?..

— Да, сейчасъ.

Грабовскій взялъ шляпу, трость и они вышли на улицу.

Про стараго Павлюка ходили страшные слухи. Много чего говорили о немъ въ Маювкѣ, но говорили часто совѣмъ ужъ несообразное. То онъ отрекся отъ Бога и Его святыхъ заповѣдей, и продалъ чорту свою многогрѣшную душу; и чортъ помогаетъ ему изводить людъ христіанскій, напускать на него болѣзни, портить его... То,—онъ ужъ такой страшный грѣшникъ, что даже земля его не беретъ, и смерть не хочетъ къ нему приступить... Другіе прямо считали его „вовкулакомъ“, сосущимъ кровь изъ невинныхъ младенцевъ...—Быль, правда, въ Маювкѣ одинъ человѣкъ, который-бы могъ разсказать кое

что про стараго Павлюка. Но дядя Матвѣй, лѣтъ двадцать лежалъ ужь разбитый параличемъ, не говорилъ ни слова, и только мычалъ... Онъ разсказалъ-бы, что очень, очень давно, когда онъ мальчишкой еще бѣгалъ по улицамъ,—Павлюкъ былъ рослымъ, здоровымъ, красивымъ паробкомъ и жилъ тамъ-же на хуторѣ, что и теперь. Но только онъ тогда жилъ не одинъ. Была у него женка, Домася, красавица, чернобровая, съ длинною темнорусой косою; былъ маленькій сынъ Ивасъ. И какъ-же любилъ Домасю Павлюкъ, какъ онъ лелѣялъ, берегъ ее! Какъ онъ любилъ сынишку!.. И жили они хорошо, словно сыръ въ маслѣ катались. Павлюкъ былъ лихой, ретивый работникъ. Работа кишѣла въ его рукахъ! Онъ много сѣялъ и собиралъ хлѣба: зеленыхъ арбузовъ и дынь... Въ его небольшомъ, но густомъ садикѣ много росло ябловъ, вишенъ и сливъ... И церковь Божію не забывалъ Павлюкъ: ходилъ туда каждое воскресенье, хоть церковь и отстояла отъ его хутора верстъ на пятнадцать...—Но, вотъ, разъ какъ-то, вернувшись подъ утро домой, Павлюкъ нашелъ свою хату разграбленной, а жену и сына—убитыми. И это сдѣлали *ляхи*!.. Что сталося потомъ съ Павлюкомъ,—никто не зналъ. Но въ тотъ-же день онъ исчезъ неизвѣстно куда изъ хутора. И больше объ немъ никто ничего не слышалъ.

Прошло лѣтъ двадцать... Хата стояла пустою и наглухо заколоченной. Никто и носу не смѣлъ показать въ тѣхъ мѣстахъ: тамъ, говорятъ, появлялся духъ бѣдной Домаси... Но вотъ чуть не по всей Польской Украинѣ пронеслись слухи о какой-то шайкѣ страшныхъ разбойниковъ. Они нападали на усадьбы пановъ-помѣщиковъ, грабили ихъ, жгли, а владѣльцевъ звѣреки мучили и убивали, не щадя ни пола, ни возраста. И во главѣ этой шайки стоялъ, говорятъ, какой-то высокій, черноволосый мужчина, съ глубокимъ шрамомъ на правой щекѣ. Такой-же шрамъ видали и у Павлюка. Не онъ-ли ужь это метилъ за смерть своей жинки и сына?—Но, впрочемъ, этому мало вѣрили.—Помѣщиковъ охватилъ ужасъ. Они набирали вооруженныхъ людей и посылали ихъ въ поиски за разбойниками; обѣщали огромныя

деньги тому, кто доставить ихъ атамана, живого, или мертваго. Но все было напрасно... Разбойники ускользали, точно ужи, а ихъ атамана, какъ говорятъ, ни нулей нельзя было взять, ни саблей...

Разъ какъ-то ночью Максимъ — коваль возвращался домой изъ шинка, и весело распѣвалъ пѣсни. Дорога его шла какъ разъ близъ хутора Павлюка... Вдругъ видитъ онъ въ хатѣ огонь... Максимъ не былъ трусомъ. Онъ прочиталъ: „да воскреснетъ Богъ“, отплюнулъ, отчурался, — но огонь все такъ-же мелькалъ между деревьями. Коваль добрался до хаты, глянулъ: доски разобраны, дверь открыта, и въ окнѣ горитъ огонекъ. Онъ заглянулъ туда...

— Ну, вотъ побой меня Богъ на семь самомъ мѣстѣ, коль это не былъ Павлюкъ!.. рассказываетъ онъ. — Но только теперь худой — прехудой онъ, какъ щенка... И шрамъ на правой щекѣ...

Павлюкъ вернулся. Но никто не узналъ-бы его, еслибы не этотъ шрамъ. Старикъ глядѣлъ немымъ волкомъ, и знать никого не хотѣлъ. Забрелъ-было въ хату къ нему Андрей-столяръ, когда-то его хорошій знакомый, но Павлюкъ такъ принялъ его, что тотъ едва уволокъ ноги. И Павлюка стали все избѣгать и бояться. Пошли про него по Маявкѣ слухи, одинъ другого страшнѣй и нелѣпѣй. Но вотъ появились и гайдамаки... И старій Павлюкъ опять исчезъ. Онъ, говорятъ, разбойничалъ въ шайкахъ извѣстныхъ Чуприны и Чортовуса, и былъ тамъ всехъ злѣе и кровожаднѣе... Прошло еще года два, — и Павлюкъ снова вернулся. Онъ поселился въ своей хатѣ, развелъ пчель, — и живетъ, не показываясь никому, какъ медвѣдь въ берлогѣ... И его все бояться, все избѣгаютъ... Ребятамъ онъ страшенъ, пуще огня, а старики крестятся и плюютъ, проходя за версту отъ его хаты.

И вотъ панъ Грабовскій и Стасъ шли теперь къ этому страшному старику. Вонъ тамъ, на концѣ лѣса, хатка бѣлѣтъ. „Онъ“ въ ней живетъ... Передъ хаткою полсадиничекъ; въ немъ конопля; съ десятокъ крупныхъ подсолнечниковъ...

— Ты меня подожди здѣсь, говорилъ Грабовскій. — Миѣ надо поговорить съ нимъ... Я скоро вернусь...

Стась въ изумленіи остановился... Болеславъ отворилъ дверь и вошелъ въ хату.

Она была очень стара и ветха; стѣны покривились, покосились; глиняный полъ потрескался... Столъ у стѣны, скамья; кровать изъ дубовыхъ досокъ, грубо сколоченная,—и болѣе въ хатѣ ничего не было. Въ печкѣ горѣлъ огонекъ, и на немъ что-то шипѣло на сковородкѣ... Высокій, худой старикъ, съ сѣдыми усами, повернулъ голову и въ величайшемъ изумленіи уставился на Грабовскаго.

— Ты кто такой?.. Чего надо?.. сурово зарычалъ онъ и, съ гнѣвнымъ жестомъ, шагнулъ впередъ. Но Болеславъ недвижно стоялъ на порогѣ.

— Я Болеславъ Грабовскій, говорилъ онъ.— И ты меня знаешь. Павлюкъ...

— Аа!..—Павлюкъ отступилъ. Морщины на его лбу разгладились, и даже что-то вродѣ улыбки мелькнуло вдругъ у него на губахъ.

— Но что-жь отъ меня нужно пану? спросилъ онъ чисто по польски.

— Миѣ захотѣлось взглянуть на тебя. Павлюкъ...

— Взглянуть?.. Да что-жь, я звѣрь какой, что-ли, чудо заморское?..

— О, нѣтъ, нѣтъ... Не сердись!.. Вотъ видишь, я много слышалъ про тебя дурного... Да какое дурное,—страшнаго... Ты, говорить, такой великій злодѣй, какого еще и земля не носила... Ну, вотъ, миѣ и вздумалось самому взглянуть на тебя: точно-ли ты такъ страшень...

— Гм... Панъ, надо быть, не изъ робкихъ, прѣсормоталъ Павлюкъ.

— Да что-жь миѣ бояться, что-ли, тебя? зачѣмъ?—Вѣдь ты не убьешь-же меня, надѣюсь, не съѣшь живьемъ... Пользы тебѣ отъ того никакой не будетъ...

— Однако, дай-ка присѣсть,—усталъ!—И Грабовскій опустился на лавку. Старикъ покосился на него только, но ничего не сказалъ.

Ты кто такой? . Чего надо? .

— Ну, вотъ, и вижу я, продолжалъ Грабовскій, — что ты такой-же, какъ всѣ, и съ виду совѣмъ не страшень... А Стась, вонъ (онъ, кажется, твой другъ и пріятель?) — такъ тотъ говорилъ, что ты и вовсе даже не злой, а добрый, хорошій... Что, не совралъ онъ, Павлюкъ? Нѣтъ?..

Павлюкъ, молча и съ изумленіемъ, глядѣлъ на Грабовскаго. Онъ никогда еще не слыхалъ такихъ рѣчей ни отъ одного пана. И ничего злого не было въ его смугломъ и страшно худомъ лицѣ; въ немъ было только одно изумленіе. Онъ покрутилъ усъ и слегка улыбнулся.

— Нѣтъ, пане, мальчикъ совралъ! говорилъ онъ. — Не вѣрь ему!.. — Точно, было когда-то, и я не былъ золь... Но это, вѣдь, такъ давно, давно, пане, — я даже и думать совѣмъ забылъ... Да!..

Онъ помолчалъ немного и опять покрутилъ усъ.

— А знаешь, пане Грабовскій, продолжалъ онъ. — Не будь ты только полякъ, — вѣдь мы бы съ тобой поладили... Вѣрно!.. Ты добрый, хорошій панъ; ты не сосешь кровь изъ своихъ хлоповъ и не дерешь съ нихъ послѣдней шкуры, какъ тѣ, другіе... Ну, и ты правду сказалъ, что я тебя знаю... Точно, я много слыхалъ о тебѣ хорошаго: тебя всѣ хвалятъ... Потому, я вижу, — ты не изъ робкихъ, не трусъ... Ко мнѣ-бы никто не смѣлъ сюда показать носу; никто-бы не смѣлъ говорить, какъ ты...

— Чего-жь мнѣ бояться?

— Чего? — И старикъ пристально взглянулъ на Грабовскаго. — Да не ты-ли сейчасъ самъ сказалъ, что меня считаютъ великимъ злодѣемъ, грѣшникомъ, какого еще земля не носила?..

— Да мало-ли что тамъ болтають!.. Что-жь, такъ и вѣрить всему?.. Вѣдь ты не злодѣй? Нѣтъ?..

Павлюкъ ничего не отвѣтилъ. Мрачный, какъ туча, стоялъ онъ и только крутилъ усъ. Но вотъ онъ поднялъ глаза.

— Нѣтъ, пане, я не злодѣй!.. говорилъ онъ. — Такіе-ли бываютъ злодѣи!.. Вотъ елибъ такъ было... Ты слушай меня!.. — И вдругъ

глаза у него засверкали изъ подъ косматыхъ бровей, и голосъ, съ хрипомъ какимъ-то, съ трудомъ, выходилъ изъ гортани.

— Вотъ если-бы человѣкъ жилъ... жилъ мирно, тихо, спокойно, никого не обижая, не притѣняя; и если-бы къ нему, къ этому человѣку, другіе подкрались ночью, какъ волки жадные и трусливые... Жену-бы зарѣзали у него, сына... Вотъ это злодѣи!.. И нѣтъ оправданья имъ ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ!.. Да!.. А я какой-же злодѣи!.. Я только за ту кровь, чистую, неповинную, — поганую проливалъ!.. Но все еще не унылся... Нѣтъ!..

Грабовскій невольно поотодвинулся. Дрожь пробѣжала у него по спинѣ. Старикъ былъ страшенъ въ эти минуты. Глаза у него разгорѣлись и сверкали, какъ угольки; усы оцетинились и точно поднялись кверху.

— Постои, Павлюкъ!.. заговорилъ вдругъ Грабовскій. — Я слышалъ эту исторію... И мнѣ жаль тебя, глубоко жаль!.. Ну, да, убили жену, тамъ, сына... Злодѣи!.. Но тѣ-то чѣмъ виноваты, другіе-то?.. Ты, говорятъ, вѣдь, всѣхъ безъ разбору рѣзалъ; и стариковъ и дѣтей...

— Нѣтъ, это не правда, пане, — не всѣхъ... Я никогда и пальцемъ не тронулъ добрыхъ, хорошихъ пановъ... Да только много-ли ихъ, этихъ хорошихъ? Ну, а другихъ... И рѣзалъ и буду рѣзать!.. — И снова сверкнули его глаза. — Довольно валялся я на печи, отдыхалъ все... Опять пора за работу взяться... Еще не совѣзмъ пропала сила у Павлюка; сабля не притупилась...

Грабовскій взглянулъ на него почти съ ужасомъ.

— Бога ты не боишься!.. пробормоталъ онъ.

Павлюкъ удивился, точно:

— Я? Не боюсь? Да что, я грѣшу, что-ли, по твоему?.. Развѣ не самъ Богъ такъ хочетъ, чтобъ мы въ конецъ зруйивали *) людскую землю, и чтобъ въ Украинѣ латинскимъ духомъ не пахло?..

Грабовскій пожалъ плечами.

*) Разрушили.

— Такъ ты за вѣру сражаешься, не изъ мести? спросилъ онъ. Старикъ, какъ будто, онѣшилъ.

— Ну, это тамъ все равно! махнулъ онъ рукой. — За вѣру, аль не за вѣру, — а буду рѣзать проклятыхъ ляховъ... Тебя, вотъ, только не трону: ты добрый, хорошій панъ.

— Спасибо!.. горько усмѣхнулся Грабовскій.

— Ну, и Маевского пана тоже...

— И такъ ты пойдешь... Опять пойдешь съ гайдамаками?..

— Да... Довольно лежать на печи, — будетъ!..

Грабовскій глубоко вздохнулъ и всталъ.

— Ну, ладно... Прощай, Павлюкъ! грустно говорилъ онъ. — мнѣ больше не о чемъ говорить съ тобой!.. Вѣдь ты въ Бога вѣруешь... Много ты нагрѣшилъ; много невинной ты крови пролилъ... И о душѣ-бы надо подумать... Смотри!..

Но Павлюкъ усмѣхнулся только. И вдругъ сурово взглянулъ на Грабовскаго.

— Ты о душѣ мнѣ не толкуй, пане, говорилъ онъ. — Я ужь о ней самъ позабочусь... Да!.. А отвѣчать придется, — отвѣчу во всемъ передъ Богомъ... Ну, а теперь ступай, пане, — будетъ!..

Грабовскій вышелъ, разстроенный и взволнованный. Онъ оглянулся. Стася не было.

— Стась! крикнулъ онъ. — Гдѣ ты?

Но Стась скрылся, исчезъ куда-то...

VIII.

Чудное лѣто стояло тотъ годъ въ Маювкѣ! Дни были ясные, теплые. Изрѣдка выпадали жаркіе даже; солнце палило немилосердно. Но къ вечеру зной смѣнялся легкой прохладой. На голубомъ небѣ сбирались тучки, и благодатный дождикъ освѣжалъ воздухъ... Хлѣбъ

колосятся на славу. И рожь и пшеница еще въ половинѣ лѣта давали надежду на превосходящій урожай. И эта надежда исполнилась: хлѣбъ уродился такой, какого ужь давно не видали. Яблони, груши, вишни въ садахъ, какъ въ молокъ потонули въ цвѣту ранней весной, даже зелени не было видно, — а въ серединѣ лѣта гнулись и чуть не ломались онѣ подъ тяжестью крупныхъ, сочныхъ плодовъ... — Но вотъ полевая работа кончилась; кончился сборъ плодовъ. Свезли съ поля послѣдній снопокъ; сняли съ деревьевъ яблоки, груши, вишни, — и опять осень, темная и холодная, смѣнила теплое лѣто...

Утро... Въ окна стучитъ мелкій и частый дождикъ; вѣтеръ шумитъ и воетъ, качаетъ деревья въ саду; ихъ вѣтви, почти оголенные, хлещутъ по стекламъ оконъ... Но тихо въ домѣ пана Маевекаго. Только въ залѣ съ трескомъ пылаетъ въ печи огонь... Панъ Ромуальдъ, въ домашнемъ суконномъ жупанѣ, ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, съ трубною въ рукѣ. Онъ веселъ, доволенъ; улыбка не сходитъ съ его лица. И еще-бы... Во первыхъ, амбары его чуть не ломятся отъ превосходной пшеницы и ржи, а во вторыхъ... во вторыхъ, — и пшеница и рожь ужь проданы, и за хорошую цѣну. Вчера получилъ онъ задатокъ, сегодня получить и остальное, — сумму кругленькую, порядочную. Хватить и на уплату старыхъ долговъ (а ихъ накопилось порядкомъ!) да и останется еще кое-что... — И панъ Ромуальдъ ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ, улыбаясь и потирая руки... Порою онъ подойдетъ къ окну и взглянетъ сквозь мокрую, запотѣвшія стекла въ садъ... Но тамъ теперь мрачно такъ, скучно и грязно!.. Деревья стоятъ совсѣмъ обнаженные, — кой-гдѣ развѣ торчатъ на вѣткѣ еще уцѣлѣвшій листочекъ; а вонъ кучи ихъ красныхъ и пожелтѣвшихъ, лежатъ на мокрой, грязной землѣ, на дорожкахъ... Грязь вездѣ, лужи... Панъ Ромуальдъ отвернулся и опять ходитъ и ходитъ... — Но вотъ вдругъ улыбка исчезла съ его лица; на лбу появилась складка; брови нахмурились... Панъ Ромуальдъ пустилъ цѣлый клубъ дыму и задумчиво покрутилъ усы... Онъ вспомнилъ, какъ двѣ недѣли тому назадъ, шла рѣчь о Стаѣ съ пани Ядвигой...

— Довольно хлопцу гулять! говорилъ онъ. — Довольно шалить съ ребятишками!.. Пора ужъ его везти и къ о.о. шарамъ, или іезуитамъ... Положимъ, онъ тамъ немного пріобрѣтетъ премудрости... Вѣдь это ученье ихъ... Панъ Ромуальдъ поморщился и махнулъ рукой. — Помню и я... Чему я отъ нихъ научился? — Или вершки одни, или туманъ какой-то непроницаемый. — И ничего въ немъ не видишь, не разберешь!.. Ну, да хоть что-нибудь; лучше, чѣмъ ничего... А о. Бенедикту съ нимъ, все равно ничего не подѣлать, не справиться... Жалуются на него чуть-ли не каждый день... Надоѣлъ даже!.. — Да, отвезу, Ядичка... Въ Кіевъ хоть, что-ли, къ о.о. шарамъ...

— Ахъ, Ромусъ, Ромусъ!.. — И пани Ядвига грустно понурила голову; въ ея темныхъ глазахъ вдругъ заблестѣли слезинки. Мысль о разлукѣ съ сыномъ все какъ-то не приходила ей въ голову; а если и приходила, то пани Ядвига старалась ее отогнать. Конечно, не постоянно-же Стасъ будетъ жить съ ними; вѣдь надо и въ школу его отдать, — все такъ дѣлають. Но школа эта представлялась ей чѣмъ-то еще очень далекимъ... И вотъ вдругъ... Пани Ядвига смутилась...

— Какъ знаешь, Ромусъ... какъ знаешь... грустно говорила она. — Но только подумай: вѣдь десять лѣтъ онъ былъ на моихъ глазахъ... А тутъ... — И голосъ у нея дрогнулъ; въ глазахъ опять блеснули слезинки.

Панъ Ромуальдъ сдвинулъ брови и pokrutilъ усы.

— А мнѣ его не жаль развѣ? говорилъ онъ. — Не жаль?.. Но что-жъ дѣлать, Ядичка, — надо!.. Положимъ, онъ малъ еще, — только десятый годъ; да и меня, вѣдь, девяти лѣтъ отдали въ школу къ іезуитамъ... Нѣтъ, ужъ пускай поучится... Онъ умный и добрый мальчикъ, и я увѣренъ, что изъ него человѣкъ выйдетъ. — Да пусть становится помаленьку на свои ноги... Вѣдь мы сегодня, живы здоровы, со средствами... Ну, а завтра... — И панъ Ромуальдъ замолчалъ.

— Ахъ, Ромусъ, зачѣмъ-же такія мысли?..

— Зачѣмъ? — Да надо о всемъ подумать, голубчикъ... А времена теперь такія тяжелыя, сама знаешь... Никто не можетъ ручаться за завтрашній день...

— И такъ ты совсѣмъ рѣшилъ?

— Да. На той-же недѣлѣ я отвезу его въ Кіевъ... — Ядичка... — Онъ положилъ ей на плечо руку. — Ну, перестань!.. Зачѣмъ-же плакать!.. Не на вѣкъ, вѣдь, мы съ нимъ расстаемся... На Рождество онъ пріѣдетъ сюда. А тамъ опять — къ Пасхѣ...

И вотъ панъ Ромуальдъ задумался. Вспомнилъ онъ и разговоръ со Стасемъ. Услышавъ объ этой поѣздкѣ въ Кіевъ къ о.о. шіарамъ, — мальчикъ сперва поблѣднѣлъ; потомъ вдругъ бросился къ отцу на грудь и громко заплакалъ. Панъ Ромуальдъ растерялся даже. Долго онъ успокаивалъ Стася, все говорилъ, что тамъ ему въ школѣ хорошо будетъ. — „Только ты самъ будь умный, послушный мальчикъ, и учишь, учишь — главное!“ — Стась цѣлый день ходилъ какой-то мрачный, задумчивый, и даже ни разу не принимался за свои книжки. — А, между тѣмъ, въ домѣ шли понемногу приготовленія къ „дальней“ дорогѣ. Панъ Ромуальдъ чуть не весь вѣкъ прожилъ въ своей Маювкѣ, и ужъ давно не ѣзжалъ никуда дальше, какъ за сто, за полтора ста верстъ. Немудрено, что эта поѣздка въ Кіевъ представлялась ему чѣмъ-то ужасно длиннымъ, и онъ готовился къ ней, точно къ кругосвѣтному плаванію. Перво на перво панъ Ромуальдъ заглянулъ въ сарай и осмотрѣлъ тамъ дорожную колымагу. Она была очень стара и ветха, и онъ приказалъ отвезти ее въ кузнецу, для починки. Затѣмъ, тамъ, вещи разныя Стасю: платье, бѣлье; кой что пришлось починить, кой что вновь сдѣлать... Нельзя-же сразу, — все время...

Вѣтеръ шумѣлъ и гудѣлъ на улицѣ; дождь барабанилъ по стекламъ... Панъ Ромуальдъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и курилъ трубку за трубкой...

— Э, да чего тамъ откладывать! заговорилъ онъ. — Только вотъ получу деньги съ Мойши, — и ѣду. Сегодня-же ѣду вечеромъ... Ка-

жется, все готово... Дорога не близкая, — сколько еще протащишься... Не одинъ день... Грязь, слякоть, корчмы!.. — И панъ Ромуальдъ поморщился. Вспомнилъ онъ эти корчмы. Случалось ему тамъ почевать раза два, три... Грязь, вонь ужасная; тараканы, блохи, клопы; полу-голые, грязные жиденята...

— Эй, кто тамъ? Люди! крикнулъ панъ Ромуальдъ.

Въ комнату вбѣжалъ казачекъ.

— Починена колымага?

— Починена, пане.

— И привезли?

— Привезли.

— Гм... Хорошо... Поди и скажи Панасу, чтобъ къ вечеру лошадей: черного съ каримъ... Слышишь? Да чтобъ овса захватить, сѣна побольше...

— Слушаю.

— Погоди... Стой!.. Скажи... Да нѣтъ, — пусть лучше онъ самъ придетъ...

Казачекъ скрылся. Черезъ минуту пришелъ Панасъ. Молча отвѣсилъ онъ низкій поклонъ пану и сталъ въ дверяхъ, держа въ обѣихъ рукахъ высокую мѣховую шапку.

— Сегодня мы ѣдемъ, Панасъ, говорилъ Маевскій. — Надолго, недѣли такъ на двѣ, на три...

— Слушаю, пане. Можно...

— Въ Кіевъ.

Старикъ удивился, какъ будто. Онъ посмотрѣлъ на пана изъ подъ сѣдыхъ, нависшихъ бровей. Но, впрочемъ, тотчасъ-же отвѣчалъ:

— Можно...

— Я сына туда въ школу везу... Такъ ты ужь, тамъ, все какъ слѣдуетъ...

— Слушаю.

— Сѣна возьми побольше, овса... Въ корчмахъ, вѣдь, тамъ лупятъ немилосердно...

— Какъ можно, пане!

— А колымага какъ? Ничего? Выстоитъ?

— Выстоитъ... Если, конечно, не шибко ѣхать... Дороги теперь, пане, — грязь... — Выстоитъ, ничего! увѣренно повторилъ онъ.

— Ну, то-то смотри.

Панъ Ромуальдъ помолчалъ.

— А какъ тамъ... эти... Не слышно? спросилъ онъ.

— Чего?

— Гайдамаки?

— Богъ милостивъ, пане!..

— А говорятъ?

— Говорять... Да мало-ли, тамъ, толкуютъ... Брехня, можетъ...

— Ну?..

— Павлюкъ, говорятъ, опять ножъ за *халяву* *) засунулъ... Разбойничаеть по близости...

— Гм... — Панъ Ромуальдъ сдвинулъ брови. Онъ за себя не боялся, — за Стася. Еще напугаютъ до полусмерти, — сохрани Богъ!..

— И не врутъ? спросилъ онъ.

— Да Господь вѣдасть!.. А надо полагать, ---нѣтъ, потому хата у него пуста, досками забита...

Панъ Ромуальдъ покрутилъ усы и заходилъ по комнатѣ.

— Ну, ладно, тамъ какъ-нибудь говорилъ онъ. — Проѣдемъ!.. Я пистолеты возьму, ружье... — Такъ къ вечеру чтобъ все было готово... Слышишь?

— Слушаю, пане... Можно...

— Ступай!

Панасъ вышелъ.

*) Голенище.

— Гости, пане! гости прїѣхали! закричалъ вдругъ казачекъ, вбѣгая въ комнату.

Панъ Ромуальдъ поморщился.

— А! пробормоталъ онъ.— Вотъ принесла нелегкая!.. Вѣдь никакая ихъ погода не держитъ!..— И онъ побѣжалъ къ себѣ въ спальную, одѣваться.

Ворота закрипѣли на петляхъ и распахнулись. Во дворъ вѣхала колымага. Въ ней, подъ огромнымъ дождевымъ зонтикомъ, сидѣлъ панъ Заремба, въ медвѣжьей шубѣ и мѣховой шапкѣ; а рядомъ съ нимъ помѣщалась его супруга. И насколько панъ Сигизмундъ еще болѣе растолстѣлъ, покраснѣлъ въ эти годы, — настолько пани Гертруда похудѣла и пожелтѣла. За колымагой ѣхали пять гайдуковъ верхомъ, съ саблями у бедра и ружьями за плечами. Ни одинъ панъ въ то время не пускался въ дорогу безъ провожатыхъ, — такъ напугали ихъ гайдамаки!..

Гдѣ-то на чердакѣ отворилось окно, и изъ него выглянули усы Михала Дембинскаго. Они шевельнулись, точно у таракана. Гайдукъ выругалъ почему-то прїѣзжихъ и погрозилъ кулакомъ.

— Стасинька!.. Какъ ты сюда попалъ? всплеснула руками Марыня, кухарка ксендза-пробоща. — Да ты до нитки промокъ... Въ грязи весь!.. Ну, неужели-же ты пѣшкомъ?.. Господи!..

— Нѣтъ, я прїѣхалъ, Марыня... Меня мужикъ какой-то довезъ... говорилъ Стась.— Его зеленый жупанъ, подбитый бѣличьимъ мѣхомъ, промокъ такъ, — хоть выжми; съ шапки текла вода...

— Я торопился, Марыня... бѣгомъ бѣжалъ... Потомъ этого мужика встрѣтилъ... Я уѣзжаю сегодня въ Кіевъ, учиться...

— Учиться? Въ Кіевъ?— И старуха вдругъ развела руками.— Да какъ-же это... Я ничего не знала...

— А гдѣ-же о. Иеронимъ? Дома?..

— Сейчасъ придетъ, мой голубчикъ, сейчасъ придетъ... Къ

больной одной онъ ушелъ, причастить ее... — Да ты постой-ка, постой!.. Тебя, вѣдь, обсушить надо... Давай!..—И она моментально сдериула съ него верхнее платье и повѣсила его передъ печкой. Потомъ сняла сапоги и долго качала сѣдой головой и ворчала что-то... Ноги были промочены...

— Ну, такъ и знала я, такъ и знала!.. бормотала она. — Ахъ, Боже мой, еще простудишься, заболѣешь!.. Водкой-бы надо ихъ вытереть, а гдѣ ее возьмешь; водки-то, — нѣту!..

— Такъ ты проститься пришелъ, голубчикъ?

— Проститься, Марыня... Да...

Старуха грустно понурила голову.

— Гм... Какъ-же такъ... какъ-же... вдругъ... бормотала она.

А я ничего не знала... И ты надолго, милый?

— До Рождества, говорить...

— Ахъ, Боже мой!.. Да это, вѣдь, еще цѣлыхъ три мѣсяца!..—

Ты, Стасинька, кушать не хочешь-ли? Я сейчасъ...—И старуха засуетилась. — Баранина есть вчерашняя, — разогрѣю...

— Но надо, Марыня, не хлопочи! Я сытъ...

— Какое ужъ сытъ, я думаю!.. Мигомъ вѣдь, Стасинька... Э, да никакъ и панъ пробоощъ?—Онъ!

Дверь отворилась, и въ кухню вошелъ о. Иеронимъ. Онъ очень измѣнился за эти годы: сгорбился весь, посѣдѣлъ; на лицѣ его появились морщины, и въ пятьдесятъ лѣтъ онъ выглядывалъ чуть не дряхлымъ.

— Опять, поди, ноги-то промочили?.. Насквозь?.. бросилась къ нему вдругъ Марыня.

— Да, такъ... немножко...

— А покажите-ка, покажите!

Онъ улыбулся и поднялъ ногу. Немудрено было промочить ихъ! Ветхіе сапоги пробоща почти совсѣмъ развалились. — Взглянула старуха, — и замотала отчаянно головой.

— Нѣтъ, ойче мой добродѣю, — нѣ-ѣтъ!.. вдругъ завопила она. —

Такъ, вѣдь, нельзя, невозможно!.. На что-же это похоже!.. Не завести сапоговъ... Два года... Да развѣ не на что было?.. Гдѣ эти деньги? Куда дѣвали?.. А?.. Все этимъ бѣднымъ... все пьяницамъ, негодяямъ, лѣнтяямъ!..

— Ахъ, замолчи, Марыня, ради Христа!.. Дай мнѣ хоть поздороваться съ мальчикомъ... — И ксендзь-пробошъ, благословивъ Стася, поцѣловалъ его въ голову.

— Откуда ты, Стась? Въ такую погоду!.. говорилъ онъ.

— Я уѣзжаю учиться, въ Кіевъ...

— Учиться?

— Нѣтъ, такъ нельзя, такъ нельзя!.. вопила Марыня, немилосердно гремя посудой.—Что-жъ, простудиться опять хотите? Горячку схватить?.. Да?..—Зачѣмъ дѣло!.. Ну, и болѣйте!.. Хоть умирайте совсѣмъ... Ухаживать я не буду... Нѣ-ѣтъ ни въ какомъ ужь случаѣ!..

— Ахъ, ты ворчунья моя, ворчунья!.. уемѣхнулся пробошъ.— И какъ тебѣ, право, не надоѣсть?—Пойдемъ-ка Стась, въ комнату, потолкуемъ... А ты, чѣмъ ворчать-то, вотъ, попусту, дай закусить намъ чего-нибудь...

— Есть, вонъ, баранина,—разогрѣла... Ну, а хлѣба ни крошки нѣтъ...

— Купить надо.

— На что-жъ, позвольте спросить?

— Да развѣ у тебя ничего не осталось?

— Откуда?..—Вчера послѣдніе пять грошей истратила... Вотъ вы мнѣ лучше скажите: у васъ-то осталось-ли чтонибудь?.. Гдѣ эти три злотыхъ-то? А?..

— Да ты тамъ въ долгъ возьми, что-ли, замялся вдругъ пробошъ.

— А, такъ вы, значить, ихъ издержали!.. Отдали опять этимъ... Господи! да что-же это такое?.. Когда этому конецъ будетъ!.. — И старуха, какъ полоумная, выскочила вдругъ за дверь.

Пробоощь пожаль плечами.

— Такъ ты уѣзжаешь, Стась? говорилъ онъ. — Учиться, въ Кіевъ?.. Когда-же?..

— Вечеромъ папа хочетъ... Сегодня... — И мальчикъ грустно понурилъ голову.

— Та-акъ!.. Но о чемъ-же ты призадумался? Тебѣ не хочется ѣхать?

— Нѣтъ... О-очень, очень не хочется!..

— Но почему-же, дитя мое? Скучно тамъ будетъ?.. Положимъ, на первыхъ порахъ... Но ты понемногу привыкнешь... Да ты и будешь сюда пріѣзжать: на Пасху, на Рождество...

— Буду.

— Ну, вотъ. — А учиться надо, дитя мое. Да, надо!.. Въдъ безъ науки, безъ знаній, мы, все равно, какъ въ потьмахъ... Мы, какъ слѣпые, идемъ по дорогѣ и ничего не видимъ вокругъ, — и наткаемся мы на предметы, падаемъ... Многіе на смерть расшиблись отъ слѣпоты... Господь да помилуетъ и спасетъ ихъ души!..

— Учись, мой милый, учись! — И онъ положилъ ему на плечо свою худую, дрожащую руку. Ученье — свѣтъ!.. Учись быть человѣкомъ и христіаниномъ... Люби ближнихъ, какъ самого себя... Не обижай, а защищай слабыхъ и не давай ихъ обижать другимъ... Тамъ, въ школѣ, ты много увидишь, узнаешь новаго... Много тамъ бѣдныхъ и беззащитныхъ дѣтей; родители ихъ не имѣютъ никакихъ средствъ. — и за ихъ дѣтей некому заступиться... Такъ, вотъ, ты будь ихъ заступникомъ и покровителемъ, Стась; дѣлись съ ними всемъ, чѣмъ только можешь... Ты тамъ увидишь, что этихъ бѣдныхъ, беззащитныхъ дѣтей всегда обижаютъ дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей... Ты имъ не давай, не позволяй этого!.. Понялъ, дитя мое?

— Да, понялъ.

— И ты будешь такъ поступать?

— Да.

— Хорошо, милый... Господь тебя вразумитъ, подкрѣпитъ; спасеть Онъ тебя и помилуетъ!.. — И пробощъ перекрестилъ Стася.

— И никогда не лги, мальчикъ!.. Слышишь? — Всегда говори только одну правду... Ложь — отвратительный, гадкій порокъ; ея отецъ — дьяволь... Ты много увидишь тамъ, въ школѣ, лжи, ябедъ и клеветы... Много увидишь чего дурного... Да гдѣ-же и нѣтъ его!.. Но ты никогда не лги и не клевети, Стась!.. Сохрани тебя Господи и помилуй!.. Не будешь?

— Не буду, о. Геронимъ!

— То-то... И ничего не бойся... Веч пойдетъ хорошо... Ну, а я...

Дверь отворилась. Вошла Марыня, съ блюдомъ въ одной рукѣ; на немъ дымился кусокъ баранины, — и съ тарелкой въ другой, съ наръзанымъ на нѣй хлѣбомъ.

— Ну, что, достали, таки? улыбнулся пробощъ.

Марыня фыркнула.

— Будь я, не я, ойче мой добродѣю, сердито ворчала она, — если то не въ послѣдній разъ!.. Не стану я кланяться всякому тамъ жиду... Будеть!..

— Да, будетъ, Марыня, будетъ тебѣ ворчать-то... Ступай...

И она вышла, хлопнувъ дверями.

— А ты не закусишь развѣ? спрашивалъ пробощъ Стася. — Не хочешь?

— Не хочется что-то...

— Напрасно!.. Я такъ проголодался... — И онъ сталъ рѣзать баранину. — Съ пяти часовъ сегодня не ѣлъ...

Стась молча сидѣлъ и глядѣлъ въ окно. Дождь пересталъ, и небо немного прояснилось... А вонъ и солнышко выглянуло изъ-за тучки... Вдругъ мальчикъ всталъ.

— Куда ты?

— Да мнѣ домой ужъ пора... Я тамъ ничего не сказалъ, — меня некачь будутъ...

— Такъ, значить, сегодня?

— Да.

— Ну, прощай, милый мой, дорогой мальчикъ!— Пробощъ благословилъ Стася и крѣпко обнялъ его. — Господь съ тобою!.. Такъ помни, что я говорилъ, милый, и не забудь... Ну, а тамъ, Богъ дастъ, на праздники и опять прїѣдешь... Увидимся, коли живъ буду... Плохъ что-то я нынче сталъ, очень плохъ!..—Прощай-же!..—И онъ еще разъ обнялъ, поцѣловалъ его.—Постой, погоди немного,—я дамъ тебѣ кой-что на память...—Онъ вышелъ въ другую комнату и вернулся съ маленькой книжкой въ рукахъ, въ кожаномъ переплетѣ, съ серебряными застежками.

— Вотъ, на, возьми! говорилъ онъ.—Этотъ молитвенникъ подарила мнѣ мать, и я молился по немъ съ самаго дѣтства... Ты береги его, не потеряй!.. У меня, вѣдь, только и есть двѣ дорогихъ вещи: вотъ этотъ молитвенникъ, да еще крестикъ...—Онъ распахнулъ воротъ рубашки и вынулъ золотой крестъ.—Она, умирая, надѣла его мнѣ на шею, за четверть часа до смерти...—И пробощъ прижалъ крестикъ къ губамъ.

— Прощай-же, прощай, мой милый! Господь съ тобой!..

— Прощай, Стасинъка, не забывай старуху!.. говорила Марыня, утирая заскорузлой рукою слезы.—Да прїѣзжай, смотри, поскорѣе! Слышишь?..

— Ты подождаль-бы, голубчикъ... Чего пѣшкомъ-то идти, — не близко... Да и грязь на улицѣ, слякоть... Матвѣй, вонъ, скоро поѣдетъ,—онъ довезетъ тебя.

— Ничего, — добѣгу!

И Стась быстро пошелъ по улицѣ. Марыня глядѣла ему долго вельдъ и вздыхала и отирала слезы... Ксеендзь-пробощъ благословлялъ его...

Панъ Ромуальдъ порядкомъ таки пожурилъ мальчика за его отлучку.

— Ну, гдѣ ты былъ? говорилъ онъ. — Искали, искали тебя. — точно ты въ воду кануль!..

— Да я къ о. Герониму ходилъ, проститься...

— То-то, вотъ, ты: проститься... Могъ-бы и сказать, что-ли... Панъ Казиміръ Заремба сюда пріѣзжалъ, съ пани Гертрудой. Видѣть тебя хетѣли. Ждали, ждали, — уѣхали... — Однако иди: тебя тамъ сестра дожидается, мать... Да сапоги-то сначала вытри, почи-стись немного... Гляди-ка, вѣдь ты въ грязи весь!.. Ахъ, Стасикъ! Стасикъ!.. — И отецъ покачалъ головой.

Стасъ вытеръ себѣ сапоги, почистилъ жупанчикъ, забрызганный грязью, и пошелъ въ гостиную.

А панъ Ромуальдъ вышелъ во дворъ. — Тамъ ужъ стояла огромная колымага, и люди хлопотали и суетились вокругъ нея, укладывая корзинки и узелки. Эти сборы напоминали собою сборы какой-нибудь старой панны — помѣщицы; только и не хватало картонокъ со шляпками да собачекъ. Одной провизіи панъ Ромуальдъ взялъ болѣе, чѣмъ на мѣсяцъ. Но, впрочемъ, иначе и нельзя было. Во-первыхъ, кромѣ грязи и таракановъ, ничего нельзя было достать.. Развѣ десятокъ яицъ, и то съ грѣхомъ пополамъ, и надо было оставить запасъ и Стасю. Панъ Сигизмундъ Вернго, къ которому панъ Ромуальдъ хотѣлъ помѣстить Стася, былъ человѣкъ бѣдный, съ кучей дѣтей, малъ-мала меньше, и ѣлъ, должно полагать, не очень роскошно. И, наконецъ, въ третьихъ... Вонъ та корзина, что еле втиснулъ на дно колымаги здоровый хлопецъ, предназначалась всецѣло для о. ректора школы. Таковъ ужъ существовалъ обычай: на первый разъ, для знакомства, преподносились начальству куры, индѣйки, гуси и прочая живность. И панъ Ромуальдъ не могъ отступитъ отъ общаго правила...

А вотъ старый Панасъ вывелъ и лошадей изъ конюшни. Карій шкакъ не хотѣлъ идти, и все лягался, билъ задомъ. Панасъ при-

нужденъ былъ пустить въ ходъ нагайку. Зато Воронко шелъ смиренно, послушно.

— Ну, запрягай, съ Богомъ! говорилъ панъ Ромуальдъ и посмотрѣлъ на небо. — Проясниваетъ, какъ будто... Оно хорошо-бы безъ дождя выѣхать... Ты поскорѣе, Панасть, не медли!..

— Слушаю, пане. Можно!..

Панъ Ромуальдъ прошелъ въ гостиную. Тамъ ужъ сидѣли: нани Ядвига, грустная и печальная; Зося, мужъ ея, панъ Балуцкій, видный, красивый мужчина, лѣтъ за 40, съ длинными темнорусыми усами, съ легкою просѣдью, и о. Бенедиктъ. — При входѣ Маевского, ксендзь читалъ какое-то наставленіе Стасю. Тотъ молча стоялъ передъ нимъ, опутивъ голову. Онъ думалъ о панѣ Грабовскомъ, и удивлялся, отчего, онъ не прѣзжаетъ. Положимъ, Стась былъ у него вчера, попрощался; но онъ хотѣлъ-бы проститься съ нимъ еще разъ...

— Да, послушаніе и послушаніе!.. строгимъ, суровымъ голосомъ говорилъ старикъ. — Все, что тебѣ ни прикажутъ старшіе, — исполняй!.. И, сохрани тебя Богъ... — онъ погрозилъ пальцемъ, — хоть разъ подумать, что то, что они тебѣ приказали, не хорошо, осудить ихъ... Господь тебя за это накажетъ!.. Все, что велятъ тебѣ старшіе, — все хорошо. и все только для твоего блага... — Ну, подойди ко мнѣ!

Стась подошелъ, и о. Бенедиктъ благословилъ его.

Разговоръ какъ-то не клеился. Панъ Балуцкій пробовалъ заговорить съ хозяиномъ о нынѣшнемъ урожаѣ, — но тотъ отвѣчалъ нехотя, не въ понадь... Пани Ядвига молчала. Зося смотрѣла въ окно и думала: а какова-то будетъ завтра погода? Ахъ, если-бы только дождя не было! Она поѣдетъ въ Залъсье къ Гонсеѣвскимъ... Тамъ будутъ гости... музыка... Танцы, быть можетъ... — Стась тоже молчалъ и тоже о чемъ-то думалъ. О. Бенедиктъ вздыхалъ и перебиралъ четками... — И такъ время прошло вплоть до обѣда... И за обѣдомъ веселій не было... Только о. Бенедиктъ съ Балуцкимъ да Зося отдали честь и пресходному борщу, и гусю съ яблочною на-

чинкой. Но прочіе почти ни къ чему не притронулись... Панъ Ромуальдъ хлебнулъ ложки двѣ-три, — и только... Даже вина онъ выпилъ всего одну рюмку...

Но вотъ начались и сборы. Пора! — О. Бенедиктъ громко, торжественно прочелъ молитву, — и пани Ядвига, съ плачемъ, обняла Стася... И долго она цѣловала его, крестила, и опять цѣловала и обнимала...

— Ну, будетъ, Ядичка, — перестань!.. — И панъ Ромуальдъ чуть не силою оторвалъ отъ нея ребенка. — Не на вѣкъ, вѣдь, разстаетесь... Ты только себя разстраиваешь и его... Видишь?..

Стась плакалъ навзрыдь.

— Полно, мой мальчикъ, полно!.. успокаивалъ его панъ Ромуальдъ. — Садись, вотъ, сюда, ближе... Подвинься ко мнѣ... Поестой, я потеплѣе тебѣ ноги закутаю... Вотъ такъ!.. Ну, трогай, старина, трогай!.. Благослови, Господи, въ добрый часъ!.. — И онъ снялъ шапку, перекрестился. Перекрестились и прочіе.

Панасъ дернулъ возжами, — и экипажъ, точно корабль на волнахъ, покачиваясь на неуклюжихъ рессорахъ, съ какимъ-то скрипомъ и звономъ, выѣхалъ со двора. Прохожіе сворачивали съ дороги въ грязь, снимали шапки и кланялись; панъ Ромуальдъ вѣжливо отвѣчалъ имъ. — Но вотъ онъ обернулся. Усадьба осталась далеко позади. Но тамъ, у воротъ, видѣлась чья-то фигура и махала бѣлымъ платкомъ. Это была пани Ядвига.

— Стегни-ка каряго-то, Панасъ, стегни хорошенько!.. Лѣзнитя!..

— Тяжело, пане... Дорога больно плоха... — Эй, ты, чего, карько... — И онъ вытянулъ лошадь плетью. — Карій мотнулъ головой и прибавилъ шагъ.

И колымага, скрипя и звеня, плелась по размытой дождями дождями дорогѣ; порой, она точно ныряла въ глубокой ухабъ; порой, по ступицу вязла въ жидкой и непролазной грязи... Виды кругомъ попадались не очень веселые: лѣсъ, почти обнаженный; поляна, со сжаатою на ней рожью; кой гдѣ видѣлись еще не убранные снопы... До-

рога была ужасно плохая, и колымагу встряхивало и качало чуть не на каждомъ шагу... Поразгулявшаяся было погода опять стала хмуриться. — На небѣ показались тучки; накрапывалъ дождикъ...

— Ты не озябъ-ли, Стась? говоритъ панъ Роумальдъ и плотноѣ закутывался въ мѣховой теплой жупанъ.

— Немножко, папа...

Мальчику было скучно. Онъ какъ-то разеянно, машинально поглядывалъ по сторонамъ. Да и на что было смотреть? — Поле, вопи; точно щетина, торчатъ остатки подрѣзанныхъ желтыхъ колосевъ; дрофы бродятъ по нимъ... Завидѣвъ пробѣжнихъ, пугливыя птицы взмахнули крыльями и тяжело поднялись на воздухъ... Вонъ рѣчка течеть близъ дороги и, извиваясь и изгибаясь причудливо, пропадаетъ гдѣ-то въ кустахъ... Хуторъ; маленькій огороδικъ; на грядкахъ еще зеленѣють тыквы, арбузы... Старый, сѣдой весь, какъ лунь, дѣдъ, безъ шапки, что-то конаеть лопатой въ грядкахъ... При стукѣ колесъ, онъ поворачиваетъ вдругъ голову и, окинувъ равнодушнымъ взглядомъ пробѣжнихъ, опять принимается за работу... Хатка блѣдетъ изъ-за густой, развѣистой яблони; овцы перебѣгаютъ черезъ дорогу и жалобно блѣютъ; корова пьетъ у колодца... — А колымага плетется все дальше и дальше; карий, порой, шалить, но Панасъ угощаетъ его внушительно плетью, — и онъ опять берется за умъ... Дорога ужасно грязная и ухабистая. — Но вотъ она стала ровнѣе. Исчезли лѣсъ и поля, и передъ путниками вдругъ открылась обширная равнина, — степь... Видъ мрачный, дикій, пустынный... Только трава кругомъ пожелтѣлая; вѣтеръ качаетъ, колышетъ ее; надъ головой небо; тучи плывуть по немъ, и, точно изъ сита, сѣетъ мелкій и частый дождикъ... Порой, покажется тамъ, вдали, деревушка, крылья вѣтряной мельницы, — и останутся далеко позади... И опять степь, — пустыня, мрачная и безлюдная... Нигдѣ ни души не видно, не слышно; птица развѣ гдѣ пролетитъ... Панъ Роумальдъ начинаетъ поживаться отъ холода, и все плотнѣй и плотнѣй закутывается въ жупанъ... Стась ужъ давно заснул. Онъ крѣпко прижался къ плечу отца и храпитъ; его укачала дорога...

А дождь все сильнѣй и крупнѣй; мракъ все сгущается и сгущается; время близится къ ночи. Небо пасмурно, хмуро; нигдѣ ни звѣздочки не видать, ни проблеска мѣсяца... — Кончилась степь, дорога опять пошла лѣсомъ. Стало еще темнѣе... Стася крѣпко спитъ, но панъ Ромуальдъ бодрствуетъ и все оглядывается и прислушивается къ чему-то... Но ничего не видно, не слышно кругомъ; вѣтеръ только шумитъ и воевъ въ лѣсу; скрипятъ и трещать деревья...

— Гм... закусить теперь хорошо - бы, думаетъ панъ Ромуальдъ. — Водки выпить стакачикъ... Да и уснуть... — Не ночь-же, вѣдь, ѣхать... Холодно!.. — И онъ потираетъ руки. — Эй, ты, Панасе!..

Старикъ, вздремнувшій было немного, очнулся и поднялъ голову.

— Что, пане?

— А до корчмы, не знаешь-ты, — далеко?

Гм... до корчмы... до корчмы... бормоталъ Панасъ. — Кажись, она здѣсь гдѣ-то, близко...

— Такъ ты, братъ, остановись тамъ, — почуеть...

— Слушаю, пане. Можно!..

И онъ опять задергалъ вожжами.

А, вонъ, должно быть, она! Между деревьями вдругъ замелькалъ огонекъ; въ воздухѣ словно дымкомъ запахло...

— Гм... Да не *эти*-ли тутъ ужь?.. мелькнуло въ головѣ пана Маевского, и рука его невольно оцупала пару огромныхъ пистолетовъ за поясомъ. Но подозрѣнія его оказались напрасны. Передъ ними была корчма, ветхій, почти развалившійся домикъ, кой гдѣ подпертый колыями... Юркій, лохматый еврей, въ оборванномъ лацсердакѣ, со свѣчкой въ рукѣ, выскочилъ на крылечко...

— Милости просимъ, пане! Пожалуйте!.. трещалъ онъ, кланяясь чуть не въ землю и размахивая свободной рукой. — Ночевать? — Можно! Постели чистыя, теплыя... Кушать?.. — Все, что желаете... Свѣжія яйца... колбасы... Можно яичницу сдѣлать...

Панъ Ромуальдъ съ трудомъ разбудилъ Стася. Мальчикъ открылъ глаза и съ удивленіемъ оглядывался кругомъ, ничего рѣшительно не понимая.

— Корчма это, Стась, говорилъ отецъ. — Мы здѣсь почуемъ...

— Аа!..

— Ну, ладно, веди насъ... Янкель?.. Мовша?.. Хаимъ?.. Какъ тебя, тамъ?..

Корчма.

— Мойша!.. ослабился еврей. — Пожалуйста, ваша ясновельможность!.. — И онъ, низко кланяясь, повелъ прїѣзжихъ въ корчму.

Панъ Ромуальдъ поморщился. Все было такъ, какъ онъ думалъ... Душный и спертый воздухъ; грязь на каждомъ шагу, вонь; батальоны прусаковъ... Не отсутствовали на картинахъ и ребяташки хозяина: ихъ куча цѣлая, грязныхъ, оборванныхъ, полуголыхъ, выглядывали изъ разныхъ угловъ, словно клопы изъ щелей...

— Не надо мнѣ ничего: ни яицъ, и ни колбасъ, говорилъ панъ Ромуальдъ Мойшѣ, съ азартомъ выхвалявшему свою провизию. — Знаю я ваши яичницы: при одномъ видѣ вырветь!.. У меня все есть!..

Мойша оторопѣлъ...

— Но яйца только что изъ подъ куры... Масло... Такого масла вы не достанете и въ Варшавѣ, ваша ясновельможность!.. увѣрялъ онъ. — Колбасы...

— Ну, ладно, проваливай!.. Все, говорю, свое есть... Понимаешь?..

— Водки, ваша ясновельможность?.. Пива, можетъ быть?.. Лучше вы и въ Варшавѣ...

— И водка есть...

— Рому?.. Наливокъ?..

— Ахъ, убирайся, пожалуйста! Надоѣлъ!.. Я говорю тебѣ, что мнѣ ничего не надо... Я только почую здѣсь, и на разсвѣтъ—въ дорогу...

Лицо у Мойши вытянулось въ аршинъ. Его надежды пропали.

— Такъ свѣчку, можетъ быть?.. робко бормоталъ онъ.

— Ну, разумѣется, надо... Давай!..

Еврей подалъ свѣчку, въ мѣдномъ, затемнѣвшемъ подсвѣчникѣ, и исчезъ.

Папась внесъ корзинку съ припасами; одѣяло, подушки. Панъ Ромуальдъ вынулъ водки и закурилъ жаренымъ гусемъ съ капустой. Стасъ ѣлъ лѣниво, — ему спать хотѣлось.

Къ постелямъ, разумѣется, и прикоснуться было нельзя: до того онѣ были грязны! И панъ Ромуальдъ со Стасемъ улеглись на полу. Стасъ моментально уснулъ, — онъ даже не успѣлъ натянуть на себя одѣяло; но панъ Ромуальдъ долго ворочался съ боку на бокъ: его одолѣли клопы...

Еще до разсвѣта вскочилъ онъ и разбудилъ Стася. Мойша, все такъ-же низко раскланиваясь, проводилъ ихъ до колымаги. Онъ не

остался въ накладкѣ, и за одинъ ночлегъ и за свѣчку содралъ столько, что панъ Ромуальдъ только развелъ руками и вытаращилъ глаза.

— Ахъ, ты, лайдакъ! Пся кровь!..*) закричалъ онъ.— Да ты одурѣлъ, видно!

Но еврей только ёжилея да улыбалея. И панъ Ромуальдъ, выругавъ его на всѣ корки, бросилъ ему чуть не въ лицо деньги, которыя тотъ безпрекословно подобралъ.

Сытия и отдохнувшія лошади поприбавили шагу, и колымага довольно быстро катилась впередъ. Дорога теперь шла лѣсомъ. И съ той и съ другой стороны, тянулись высокія, сплошныя деревья. Панъ Ромуальдъ, не безъ нѣкоторой тревоги, поглядывалъ на лѣсъ и безпрестанно прислушивался. Вдругъ онъ слегка поблѣднѣлъ и крѣпко сжалъ ручку у пистолета...

Въ лѣсу послышался рѣзкій свистъ; ему отвѣчалъ другой, гдѣ-то тамъ, въ самой глубинѣ чащи... Все ближе, ближе... Трескъ сухихъ вѣтокъ и сучьевъ; топотъ конскихъ копытъ,—и на дорогу вдругъ выѣхало человѣкъ десять всадниковъ, въ бѣлыхъ свиткахъ и высокихъ овчинныхъ шапкахъ, съ винтовками за плечами. Панасъ гаркнулъ на лошадей и хлестнулъ ихъ плетью. Онѣ рванулись...

— Стой! крикнулъ передовой всадникъ и схватилъ лошадей подъ утцы.

Панъ Ромуальдъ выхватилъ пистолеть.

— Папа!.. Да это Павлюкъ вѣдь... старый Павлюкъ!.. говорилъ Стасъ. Онъ вовсе не испугался, но только не понималъ, въ чемъ дѣло.

Да, это былъ Павлюкъ!..

Разбойники окружили проѣзжихъ. Панъ Ромуальдъ спустилъ курокъ пистолета... Осѣчка!..

— Э-э!.. крикнулъ вдругъ старый разбойникъ.— Стой, хлопцы! Ни съ мѣста! То панъ Маевскій!..

— Ъзжай, пане, съ Богомъ!—И Павлюкъ снялъ шапку и по-

*) Бездѣльникъ! Собачья кровь!..

клонился. — Ты добрый, хорошій панъ, — мы добрыхъ пановъ не рушимъ!..*)

Тотъ въ изумленіи вытаращилъ глаза.

— Гайда, хлопцы! Назадъ!.. скомандоваль атаманъ. — И всадники повернули къ лѣсу...

— Дѣдушка! дѣдушка! Погоди!.. крикнулъ вдругъ Стась.

Павлюкъ обернулся, махнулъ рукою и скрылся между деревьями.

— Какъ?.. изумлялся панъ Ромуальдъ. — Ты знаешь... знаешь его?..

— Да, знаю, папочка!..

И Стась разсказаль отцу, какъ познакомился онъ съ Павлюкомъ. Тотъ слушалъ его съ изумленіемъ. Онъ просто ушамъ не вѣрилъ!

— Ну, ну, живѣй, карько! ворчалъ старій Панасъ и вытянулъ лошадей плетью...

IX.

Почти на самомъ краю Кіева, въ узенькой, грязной улицѣ, стояла ветхая хатка. Четыре кривыхъ оконца, съ тусклыми, зазеленѣвшими стеклами, выглядывали на свѣтъ Божій. Въ маленькомъ огородикѣ кой что расло на грядкахъ: рѣпа, капуста, морковь; въ углу, прижавшись къ плетню, стояла одинокая старая вишня, съ бурой, потрескавшейся корой. Къ огородику примыкалъ дворъ, грязный, запущенный, съ кучами мусора, тамъ и сямъ. Съ полдюжины куръ бродило здѣсь, копаясь въ навозѣ; два пидюка; свинья, съ надрѣзаннымъ ухомъ, вступала въ ожесточенную схватку съ косматымъ рыжимъ барбосомъ, изъ за выплеснутыхъ помоевъ... — Да, все, вообще, глядѣло очень бѣдно и грязно!.. Хата давнымъ давно ужъ требовала капитальнѣйшаго ремонта, но панъ Сигизмундъ Вернго (онъ почему-то ее назы-

*) Не тронемъ, не задѣваемъ.

Стой! крикнулъ передовой всадникъ.

валь *домомъ*), никакъ не могъ собраться съ починкой... — Въ узенькой, грязной улицѣ было не больше десятка такихъ-же ветхихъ и грязныхъ хатъ. Въ нихъ жили сапожники, слесаря; столяръ, съ женой и цѣлой дюжиной ребятишекъ... Съ утра и до ночи здѣсь кипѣла оживленная дѣятельность; стоялъ шумъ и гамъ; визжала пила, стучали молотки, молоточки; слышались крики и хохотъ безчисленныхъ ребятишекъ; шумъ драки, порой...

Панъ Сугизмундъ не могъ гнѣвить Бога, что Тотъ обидѣлъ его потомствомъ. Цѣлый десятокъ ртовъ, начиная съ маленькаго ротиска Юзи (ему только что минуло полтора года), и кончая огромнымъ, широкимъ, какъ пропасть, ртомъ старшаго сына, Стаха,—каждый день открывался и настоятельно просилъ ѣсть. И панъ Вериго бился, какъ рыба объ ледь. Работать онъ, разумѣется, не умѣлъ и не могъ, ни въ какомъ случаѣ: онъ былъ чистокровный шляхтичъ, и его знаменитый родъ помнилъ еще времена Пястовъ... Когда-то, въ былые годы, имѣлись у пана Вериго и дорогіе кунтуши, и литые серебряные, вызолоченные пояса и хорошія сабли и пистолеты. У пани Констанціи были жемчужныя ожерелья, серьги съ брилльянтами, кольца... Но эти годы давно прошли; все драгоцѣнности потонули въ бездонныхъ скриняхъ Янкелей, Мошекъ и Юселей,—и панъ Сигизмундъ Вериго былъ якъ благъ, яко нагъ... Вставая утромъ съ постели, онъ думалъ: „да, надо добыть деньжонокъ,—поправить эти, чортъ возьми, подлыя обстоятельства!“—И общалъ объ этомъ серьезно подумать. Съ такою-же мыслью, онъ отходилъ и ко сну, и, засыпая на жесткихъ подушкахъ, все думалъ: „да, надо, чортъ возьми, поправить эти подлыя обстоятельства,—надо добыть деньжонокъ!“

И вотъ, въ одинъ сѣренькій, мрачный, осенній день, панъ Сигизмундъ былъ удивленъ, пораженъ, обрадованъ... Удивилась и вся узкая, грязная улица... Рѣдко когда видали здѣсь постороннихъ прохожихъ, не говоря ужъ,—проѣзжихъ. Развѣ телѣжка, запряженная кляченкой, протачится по дорогѣ; старый и грязный еврей Юсель, съ какимъ-то ящичкомъ, равнодушно оглядитъ окна и прокричитъ хрип-

лымъ голосомъ; „серьги, колечки, бусы!..“—Онъ очень хорошо знаетъ, что у него никто ничего не купитъ,—но, тѣмъ не менѣе, все-таки, ѣздитъ онъ и кричитъ...—И вотъ, вдругъ, старая, но все-же барская, колымага, запряженная парой здоровыхъ, сытыхъ коней, показалась на улицѣ и стала какъ разъ у воротъ хаты пана Вериго. Всѣ мастера побросали свои инструменты и повисовывались изъ оконъ. Десятка два ребятишекъ вдругъ обступили прѣѣзжихъ и оглядывали ихъ, съ величайшимъ изумленіемъ, точно выходцевъ съ того свѣта. Одинъ, посмѣлѣе, залѣзъ на подножку даже и, запустивъ палецъ въ носъ и разинувъ ротъ, таращилъ глаза на пана Маевского и на Стася.

— Ну, ты, куда лѣзешь!.. заворчалъ Панасъ и погрозилъ плетью. Мальчуганъ соскочилъ съ подножки.

— А что, хлопче, обратился къ нему панъ Ромуальдъ.— Скажи-ка мнѣ: здѣсь живетъ панъ Вериго?

Тотъ вытащилъ изъ ноздри палецъ.

— Панъ Сигизмундъ Вериго? переспросилъ онъ.

— Да.

— Здѣсь, пане, здѣсь!.. закричали всѣ хоромъ.— Да вошь онъ и самъ идетъ!..—И ребятишки вдругъ разступились.

Панъ Ромуальдъ обернулся. Къ нему шелъ на встрѣчу мужчина лѣтъ 40—45, длинный, худой, какъ палка, съ маленькой головой и жидкими рыжеватыми усиками. На немъ былъ ветхій, поношенный кунтушъ, сильно потертый по швамъ, и мѣстами искусно заштопанный; изъ сапоговъ едва не глядѣли пальцы. Но это отнюдь не мѣшало пану Вериго сохранять гордый и важный видъ и величественно придерживать рукой за эфесъ заржавленной карабели.*)

— Не панъ-ли Сигизмундъ Вериго? обратился къ нему Маевскій и приложилъ руку къ шапкѣ.

— Да, я..—И панъ Вериго сдѣлалъ такой-же жестъ.—А съ кѣмъ я имѣю честь?..

— Я Ромуальдъ Маевскій...

*) Сабля.

Панъ Сигизмундъ сдвинулъ брови и потеръ лобъ. Онъ, очевидно, припоминалъ.

— Забыли?—Да я вамъ еще сродни довожусь, пане... Моя двоюродная сестра была замужемъ за вашимъ дядей... Не помните?..

Панъ Сигизмундъ просіялъ,—и вдругъ изъ прямой линіи превратился въ дугу. Онъ сдернулъ шапку и низко раскланялся.

— Ахъ, Боже мой, пане... пане Маевскій!.. забормоталъ онъ, ослабляя гнилые, черные зубы и прикладывая руку къ сердцу.— Да какъ-же я счастливъ!.. Какъ будетъ счастлива моя Костуся!.. Вѣдь мы сто лѣтъ, сто лѣтъ не видались съ вами!.. Я никогда-бы не узналъ васъ!..

— Ну, и мнѣ, признаться, васъ не узнать-бы... Вы измѣнились таки... Да!..—И панъ Ромуальдъ быстро оглянулъ его съ головы до ногъ. Панъ Вериго поймалъ на лету этотъ взглядъ и сконфузился.

— Да, что-жь дѣлать, шановный пане, что-жь дѣлать!.. забормоталъ онъ и вдругъ глубоко вздохнулъ.— Дѣла все... подлыя обстоятельства... Но это на время только... на время!..

— Прошу пожаловать, панъ Ромуальдъ! Милости просимъ!..—И онъ картинно протянулъ руку.—И домъ мой, и все, что въ моемъ домѣ, — къ услугамъ пана... Положимъ, что тамъ... Гм... Но, все таки...—А это вашъ сынъ, пане? Я угадалъ?..

— Угадали!.. Позвольте его представить... Мой сынъ и наслѣдникъ, Стась... Привезъ его сюда въ Кіевъ, учиться.

— Къ піарамъ?—Прекрасно! И мой Владекъ тамъ учится...—А я, вѣдь, сейчасъ узналъ молодой отпрыскъ... —И панъ Вериго опять ослабился. —И ротъ, и глаза, и носъ... Вылитый панъ Маевскій!..

— Но онъ, мнѣ кажется, въ мать скорѣе...

— О, нѣтъ, никогда! никогда!.. — Однако прошу, пане, въ домъ!.. Какъ счастлива будетъ моя Костуся!.. Сюда, вотъ, сюда, шановный панъ Ромуальдъ!.. Поосторожиѣ, ради Бога... Нагните

голову... Такъ!.. Прошу покорно!—И панъ Сигизмундъ широко распахнулъ двери.

Да, все поражало здѣсь крайней бѣдностью, нищетою!.. Стѣны покривились; на нихъ, тамъ и сямъ, видѣлись пятна отъ сырости; и не скрашивали этихъ пятенъ, не закрывали ихъ лубочныя, грубо намалеванныя картинки библейскаго содержанія. На потолокъ образовалась течь; изъ щелей дуло. Убогий столъ, двѣ скамьи, и съ полдюжины расшатанныхъ стульевъ составляли всю мебелировку. Изъ другой комнаты въ полуоткрытую дверь выглянуло нѣсколько грязныхъ, замазанныхъ дѣтскихъ лицъ. При входѣ Маевского, дверь захлопнулась, и лица скрылись. Панъ Ромуальдъ подавилъ вздохъ. Стасъ съ удивленіемъ оглянулся по сторонамъ.

— Костуся, душа моя! говорилъ панъ Сигизмундъ худой и болѣзненной женщиной, очень бѣдно одѣтой. Она привстала изъ-за стола, съ какимъ-то шитьемъ въ рукахъ. — Да ты посмотри, посмотри только, кого я привелъ!.. Вѣдь это онъ, панъ Ромуальдъ Маевскій, тотъ самый, который женатъ на моей теткѣ, перервалъ онъ. — Ты помнишь, какъ мы говорили о немъ, какъ часто его вспоминали?..

Она чуть-чуть, мелькомъ, взглянула на мужа. Онъ никогда и словомъ не обмолвился о Маевскомъ. Но ей не привыкать было къ его вранью.

— Ахъ, пане, я очень рада! говорила она, со слабой улыбкой и протянула руку. Панъ Ромуальдъ пожалъ ее. — А это... это... — Она взглянула на Стася. —

— Мой сынъ.

— Не правда-ли, какъ онъ похожъ на отца, Костуся? А?— двѣ капли воды!..—Ну, что мой шановный пане, какъ нравится вамъ мой домикъ? Не правда-ли: чисто, уютно, тепло?.. Зимой, даже жарко, порой,—ей Богу!.. Немножко ветхо и старо... Да... Давно собираюсь все починить... Но, понимаете, времени нѣтъ, ни минуты свободной!.. Ну, средства тоже, конечно... Я въ настоящее время немножко того... Дѣлишки запутались... Но это на время только...

Я непременно поправлюсь... Мой дядя, Брониславъ Пашкевичъ... Вы знаете его? Нѣтъ? Не слышали?—Въ Литвѣ, въ Вильнѣ... Нѣтъ, въ Полоцкѣ, впрочемъ... Богатъ, ужасно богатъ... Пять милліоновъ червонцевъ... Холостякъ... Теперь онъ больной, безнадежно, — въ параличѣ,—и я наследникъ его... единственный...

— Сигизмундъ!.. остановила его пани Констанція.

Но Сигизмундъ только мотнулъ головой.

— Да, говорилъ онъ, все болѣе и болѣе увлекаясь.—Пять милліоновъ червонцевъ! А!.. Переведите это на золотые, шановный панъ Ромуальдъ, — и сколько это милліоновъ составить?! — Конечно, я домикъ продамъ... Я подарю его просто какому-нибудь бѣднягѣ... Куплю себѣ цѣлый палацъ, замокъ... одно изъ имѣній пана Потоцкаго... Онъ продастъ... Я разведу тамъ громадный фруктовый садъ... Орапжерен... Перенки, ананасы... цвѣты... Тропическіе цвѣты... Пальмы... Вы только представьте, панъ Ромуальдъ: пальмы, бананы, араукаріи, — и по ихъ вѣткамъ, по ихъ стволамъ — выюся орхиден и ліаны!.. Представьте вы...

— Сигизмундъ!..

Панъ Сигизмундъ очнулся и провелъ рукой по лбу. Порою, онъ до того увлекался, что самъ начиналъ вѣрить въ существованіе литовскаго дядюшки и въ его милліоны... Панъ Ромуальдъ съ изумленіемъ глядѣлъ на него, а пани Констанція сидѣла съ опущенной головой и казалась сильно сконфуженной. Панъ Вериго сконфузился тоже.

— Да, такъ о чемъ-же я говорилъ? — О дѣлахъ, кажется?.. Гм... Они позапутались, правда, — но это на время только, на время!.. Поправлюсь я, получу деньги, и непременно ремонтирую домикъ...—Вы видите, панъ Ромуальдъ, залу. Затѣмъ, тамъ у насъ столовая, спальная, дѣтекая и еще одна комнатка... Не угодно-ли вамъ взглянуть?

— Но, Сигизмундъ... пробормотала пани Констанція. — Тамъ теперь...

— Грязновато?— Да, правда... Ну, хорошо, въ другой разъ... Теперь мы лучше закусимъ, выпьемъ... Да, панъ Ромуальдъ?.. Вѣдь вы этакъ не прочь съ дорожки? А?..

— Признаться, я сытъ...

Но панъ Сигизмундъ не разлышалъ.

— Вотъ только вопросъ: чего-бы поѣсть?.. говорилъ онъ— Все это такъ надоѣло, такъ надоѣло!.. Да развѣ здѣсь можно достать порядочное что-нибудь?.. — Глушь, дичь!.. Не бѣгать-же, вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, за всякой бездѣлицей въ городъ... — Нѣтъ, панъ Ромуальдъ, когда я поправлю свои дѣла, я поселюсь непременно въ центрѣ... Все подъ рукой будетъ, — отлично!.. И все постоянно свѣжее... — Ну, а на счетъ пулярки что-бы сказали вы? — И панъ Сигизмундъ подмигнувъ и прищелкнувъ языкомъ. — Съ трюфелями? — Впрочемъ, гдѣ ужъ!.. — И онъ безнадежно вздохнулъ. — Здѣсь трюфелей и на вѣсь золота не достанешь...

— Яичницу съ ветчиной? А?

— Благодарю васъ, панъ Сигизмундъ. Но я, право, сытъ...

— Э, полноте! быть не можетъ!.. — Костуся, душа моя! обратился онъ вдругъ къ женѣ. — Сходи, мой ангелъ, распорядись: яичницу изъ двадцати яичъ... Вы, панъ Ромуальдъ, какую любите: выпускную?

— О, все равно!

— Сигизмундъ!.. — И пани Констанція дернула за рукавъ мужа.

— Что, ангелъ мой?

— Поди сюда на минутку... — И она отвела его въ уголь. Они тамъ долго шептались о чемъ-то. До пана Маевского долетало: „Какъ? продали? полсотни? — Не можетъ быть!..“ — Да, вчера... — „И ни... ничего не осталось?..“ — Хоть-бы яйцо!.. — „Такъ ты что-нибудь... Хоть немножко... Ну, водочки!..“ — Капли нѣтъ въ домѣ...

Панъ Ромуальдъ вздохнулъ. Онъ притворился, что ничего не слышетъ, и въ головѣ его вертѣлась въ то время мысль: „вѣдь они голодаютъ... ѣсть нечего!.. Ахъ, Боже мой... Не предложитъ-ли ему денегъ немного? Но какъ?..“

Пань Сигизмундъ вернулся, замѣтно сконфуженный.

— Пане... шановный мой панъ Ромуальдъ!.. говорилъ онъ. — Представьте, какое несчастье!.. Двѣсти яицъ въ лукошкѣ... Стояли въ сѣняхъ, на полу... Собака ихъ опрокинула... тррахъ!—всѣ разбились до одного!..

Панъ Ромуальдъ закусылъ улыбку.

— Но мы поѣдимъ чегонибудь, тамъ другого... — Костуся! Распорядись, мой ангелъ!.. — И онъ бросилъ на жену умоляющій взглядъ.—Та вышла.

— Панъ Сигизмундъ!.. заговорилъ вдругъ Маевскій. — Простите, не взывайте за откровенность... У васъ нѣтъ денегъ?..

Вериго завертѣлся, какъ на иголкахъ.

— Вотъ видите, пане... забормоталъ онъ.

— Я вамъ могу предложить... Вамъ сколько надо?.. Двѣсти... триста... четыреста золотыхъ?..

— О пане!..—И Сигизмундъ приложилъ руку къ сердцу. — Я ни въ какомъ случаѣ...

— Не возьму, хотите сказать? — Напрасно!.. Я вамъ не въ долгъ, вѣдь, даю,—мы сочтемся...

Вериго насторожилъ уши.

— Я все скажу въ двухъ словахъ. Стасю нужно учиться. Онъ долженъ жить въ Кіевѣ. Но у кого? — У меня нѣтъ здѣсь, кромѣ васъ, ни одного знакомаго человѣка, кому-бы я могъ поручить ребенка... И вотъ, я надѣюсь...

Панъ Сигизмундъ просіялъ. Онъ чуть не бросился на шею Маевского.—но удержался.

— Нѣтъ словъ, шановный панъ Ромуальдъ... Нѣтъ словъ благодарить васъ за такое довѣріе!.. говорилъ онъ и прижалъ руку къ сердцу. — И я оправдаю его!.. Клянусь вамъ всѣми святыми!.. Стасю здѣсь будетъ такъ хорошо, такъ хорошо... Однимъ словомъ, я буду любить его, какъ родного сына!.. Да нѣтъ—больше, гораздо больше!..

— Благодарю, пане! Руку!.. — И панъ Ромуальдъ пожалъ длинныя и не совѣмъ чистыя пальцы пана Вериго. — Я въ васъ нѣсколько не сомнѣвался... — И такъ, насчетъ денегъ... — Онъ вытащилъ кошелекъ, — и панъ Сигизмундъ наострилъ уши: тамъ зазвенѣло золото. — Я васъ прошу не стѣсняться... Двѣсти... триста... чтыреста?.. Вотъ вамъ пятьсотъ... Мы сочтемся..

— О, да, сочтемся!.. — И кучка дукатовъ*) мгновенно исчезла въ карманѣ пана Вериго. — Благодарю васъ! — Я мигомъ, пане, сейчасъ... Только распоряжусь по хозяйству...

Панъ Ромуальдъ раскрылъ было ротъ, — но Сигизмунда и слѣдъ простылъ.

Прошло съ полчаса. Маевскій ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Стасъ разсматривалъ висѣвшія на стѣнахъ картинки и поглядывалъ изрѣдка на запертую дверь въ сосѣднюю комнату. Она, порой, немножко пріотворялась, оттуда высовывалась грязная рожница и, показавъ Стасю языкъ, опять скрывалась; показывалась другая, выставляясь изъ-за двери кулакъ и грозилъ. Стасъ отвѣчалъ тѣмъ же. Но вотъ дверь опять слегка отворилась, и въ нее выглянулъ мальчикъ лѣтъ 10. Онъ, съ самымъ воинственнымъ видомъ, глядѣлъ на Стася и цѣпилъ въ него кускомъ рѣпы... Панъ Ромуальдъ ничего не слышалъ, не замѣчалъ..

— А брось-ка, попробуй, — брось! угрожающе шепталъ Стасъ и сжалъ кулаки.

— Брошу!

— Брось!.. — И рѣпа ударилась ему прямо въ носъ. — Стасъ вскрикнулъ. Дверь моментально захлопнулась, и за ней послышался хохотъ.

— Ахъ, панъ Сигизмундъ! панъ Сигизмундъ! говорилъ Маевскій и покачалъ головой. — Бога вы не боитесь! — Да тутъ, въдь, на цѣлый полкъ ѣды хватить!..

Но панъ Сигизмундъ ухмыльнулся только.

*) Червонецъ.

Босая, грязная дѣвка неслла огромный подносъ со всевозможной закуской, какъ видно, только что купленной въ бакалейной лавкѣ. Тутъ были всевозможные маринады, грибки въ укусуѣ, рыба разная, сыръ, колбаса, фрукты... За дѣвкой слѣдовалъ хлопецъ, съ такимъ же огромнымъ подносомъ съ бутылками. Старый *венгжинъ*, бургонское и токайское—стояли на первомъ планѣ; затѣмъ—наливки разныя, водки...

— Да, чѣмъ богать, тѣмъ и радъ! говорилъ Вериго и весело потеръ руки. — Какъ нетый шляхтичъ, люблю и выпить и закусить!... Надѣюсь, и панъ Ромуальдъ... О, конечно, конечно!.. И такъ не будемъ терять золотого времени и приступимъ!.. Сперва мы выпьемъ по маленькому стаканчику доброй водки... А она, точно, добрая, — рекомендую... Не здѣшней выкурки... Юсель, ужъ чортъ его знаетъ, откуда ее достаетъ... Прошу, пане!..

Вериго налилъ стаканы и, моментально осушивъ свой, закусилъ кускомъ сыра...

— Теперь еще по стаканчику, — и закусимъ!..

Выпили. Панъ Ромуальдъ проглотилъ грибокъ, а панъ Сигизмундъ съ такой жадностью набросился на закуски, какъ будто съ недѣлю сидѣлъ на однихъ сухаряхъ. Онъ, какъ акула, глоталъ кусокъ за кускомъ и, то и дѣло, подливалъ въ стаканъ то изъ той, то изъ другой бутылки. Но вотъ онъ, наконецъ, вспомнилъ о Стасѣ.

— Ахъ, милый мой! говорилъ онъ. — И ты, вѣдь, навѣрно проголодался? Да?... — Боже, что за разеянность!.. Вотъ па тебѣ, кушай, кушай!.. — Онъ положилъ ему на тарелку колбасъ, сосисокъ, яблоковъ, винограду... — Панъ Ромуальдъ улыбался и крутилъ усь, а Стасъ съ неописаннымъ изумленіемъ глядѣлъ на пана Вериго.

— А гдѣ-же пани Констанція? спросилъ, оглядываясь, Маевскій. — Ея не видать что-то...

— Тамъ... по хозяйству... пробормоталъ панъ Сигизмундъ, почему-то слегка смутившись. — Сойчасъ придетъ...

Но время шло, а пани Констанція не приходила. Закуски исчезали съ немовѣрною быстротой. Не менѣе быстро исчезало и вино

въ бутылкахъ. Но вотъ, наконецъ, на тарелкахъ остались одни объѣдки, и панъ Сигизмундъ, слегка покачиваясь, поднялся изъ-за стола.

— Ну, что, мой шановный пане? говорилъ онъ. — Сыты-ли вы? Простите, тутъ многого, многого не было!.. Но, Боже мой, гдѣ-же достать, — вѣдь здѣсь рѣшительно нѣтъ ничего хорошаго! — И онъ пожималъ руку Маевского и любовно заглядывалъ ему въ глаза.

— Помилуйте, что вы! бормоталъ тотъ. — Я сытъ по горло!..

— Гм... Сомнѣваюсь! покачалъ головою Вериго. — И сомнѣвался онъ вполне основательно. Въ то время, какъ панъ Ромуальдъ глоталъ кусокъ, — панъ Сигизмундъ успѣвалъ ихъ проглотить три-четыре.

— Теперь о дѣлѣ, панъ Сигизмундъ, если позволите, — говорилъ Маевскій.

— О дѣлѣ? Но о какомъ-жѣ?

— О Стасѣ.

— Ахъ, Боже мой, я и забылъ совѣтъ! сконфузился панъ Вериго. — Что за разсѣянность!.. Я весь къ услугамъ пана Маевского! — И онъ приготовился слушать.

Панъ Ромуальдъ сталъ говорить ему объ условіяхъ. Ну, разумѣется, тамъ, — объѣдъ, ужинъ... Онъ изъ Маювки привезъ изрядный запасъ провизій (панъ Сигизмундъ насторожилъ уши) — куры, индѣйки, и пр., — и Стась относительно пищи уже обезпеченъ на мѣсяць... Вериго сдѣлалъ обиженный жестъ, но панъ Ромуальдъ успокоилъ его, увѣряя, что тутъ ничего нѣтъ обиднаго для самолюбія пана: вѣдь тамъ въ деревнѣ, такъ много провизій, что все равно, дѣвать покуда, — и Стась не можетъ-же все одинъ съѣсть... Затѣмъ онъ просилъ наблюдать за поведеніемъ мальчика („онъ очень скромнъ и тихъ, но иногда пошальитъ любить“), и повнимательнѣе слѣдить за его уроками...

— О, будьте спокойны, пане, будьте спокойны! говорилъ Вериго. — Онъ будетъ мнѣ вмѣсто сына...

— А что касается платы...

— Ахъ, Боже мой, что толковать объ этомъ! — И панъ Сигиз-

мундъ небрежно махнулъ рукой. — Вѣдь мы свои люди, — сочтемся... — Руку, панъ Ромуальдъ!

И дѣло было покончено.

— Но я забылъ вамъ представить своихъ дѣтей! вдругъ спохватился Вериго. — Что за разсѣянность!.. Я сейчасъ... — И онъ скрылся въ другую комнату. Черезъ минуту тамъ поднялась суетня какая-то; кто-то крикнулъ, заплакалъ... И панъ Сигизмундъ вошелъ, держа за руки двухъ мальчугановъ, отъ 8 до 10 лѣтъ.

— Вотъ только двое, пане, говорилъ онъ. — Другихъ не нашель, — удрали куда-то... Рекомендую: Кардлекъ. — И онъ толкнулъ къ пану Маевскому младшаго мальчика. — А это вотъ, Владекъ... — Ты познакомясь съ нимъ, Стась, и полюби его. Онъ тоже учится у пiаровъ... И онъ подтолкнулъ старшаго.

Будущіе знакомцы глядѣли другъ на друга не особенно дружелюбно. Во Владкѣ Стась узналъ того самаго, что угодилъ ему въ пось кускомъ рѣпы. Но, впрочемъ, онъ протянулъ ему руку.

— Есть еще самый старшій, говорилъ панъ Сигизмундъ, — Стахъ; ему ужъ 15 лѣтъ и онъ занимается у адвоката... Ну, а другіе все — мелюзга!..

— Ты что, Стась? вдругъ обернулся онъ.

Мальчикъ вскрикнулъ.

— Да онъ ущипнулъ меня...

— Владекъ?.. А!.. Ты что-же это?.. Какъ смѣешь!..

— Вретъ онъ, безбожно вретъ!.. Онъ самъ меня дернулъ за ухо!.. увѣряя Владекъ.

— Пошелъ вонъ!.. Невѣжа... Хлопъ!.. — И панъ Сигизмундъ закатилъ сыну увѣенстую пощечину. Но тотъ не моргнулъ и бровью.

— Ну, погоди-жь ты у меня! злобно шепнулъ Владекъ. — Я послѣ вздую тебя... О — охъ, какъ вздую!.. — И онъ вышелъ изъ комнаты.

— Панъ Ромуальдъ, можетъ быть, отдохнуть хочеть? говорилъ Вериго. — Порастрясло дорогой...

— Да, съ полчаса, пожалуй, а тамъ, не откладывая, и въ коллегію... Ректоръ о. Доминикъ мнѣ знакомъ... Я зналъ его, когда онъ еще былъ каноникомъ. Но только онъ ужъ навѣрно забылъ меня...

— Аа... Въ такомъ случаѣ, я провожу васъ. Къ вашимъ услугамъ, пане!..

Старый Панасъ кряхтѣлъ и ворчалъ всю дорогу... Онъ несъ на плечахъ корзину, съ гусями, индѣйками, курами, предназначавшимся въ даръ о. ректору; спотыкался чуть не на каждомъ шагу и утопалъ въ грязи по самую щиколотку. Панъ Ромуальдъ со Стасемъ шли молча, и только первый ворчалъ себѣ подъ носъ, ругая въ душѣ, на чемъ свѣтъ стоитъ, эту проклятую грязь на улицахъ, эти лужи, черезъ которыя, то и дѣло, приводилось имъ перескакивать. Только одинъ панъ Сигизмундъ оставался совершенно невозмутимымъ. Онъ храбро шагалъ по грязи и, то и дѣло, не пускалъ восклицанія, вродѣ слѣдующихъ:

— Панъ Ромуальдъ! Взгляните: вотъ это палаць *) графа Быстрицкаго... Это тотъ, который... — И затѣмъ начиналась подробная ролословная графа; перечислялись его имѣнія чуть-ли не во всѣхъ частяхъ свѣта; затѣмъ перечислялись его доходы, и на столько подробно, точно панъ Сигизмундъ былъ главноуправляющимъ всѣхъ этихъ имѣній. — Или: — „Шановный панъ Ромуальдъ! Вотъ это костель о. о. бернардиновъ. Взгляните, архитектура—антикъ!.. Онъ былъ построенъ (въ такомъ-то году)“. — И панъ Сигизмундъ общалъ даже, во сколько обошлась эта постройка, и какими доходами пользуется теперь костель. — Панъ Ромуальдъ, въ большинствѣ случаевъ, пропускалъ всю эту болтовню мимо ушей. Онъ только объ одномъ думалъ: какъ-бы ихъ Богъ поскорѣй донесъ до коллегіи.

А, вотъ, наконецъ... И старый Панасъ, и панъ Ромуальдъ, и

*) Дворецъ.

Стасъ вздохнули свободнѣй. Они дошли до коллегіи о.о. шаровъ *). Это было огромное двухъ-этажное зданіе, крайне мрачнаго вида, окруженное высокой каменною стѣной. Къ нему примыкаль густо разросшійся, полузапущенный садъ. У массивныхъ воротъ сидѣль на скамеечкѣ молодой послушникъ и разсѣянно поглядываль по сторонамъ, перебирая въ рукахъ четки...

— Мнѣ надо-бы увидать о. ректора, обратился къ нему панъ Ромуальдъ.

Служка окинулъ его съ головы до ногъ внимательнымъ взглядомъ, и этотъ взглядъ не замѣтилъ ничего особеннаго, кромѣ залѣпленныхъ грязью сапогъ и забрызганнаго дорожнаго платья. Потомъ онъ взглянулъ на пана Веригу, на Панааса, на Стася, и наконецъ, процѣдилъ:

— О. ректоръ занятъ... Не принимаетъ...

— Но мнѣ на минутку только, по дѣлу... Не задержу его, говорилъ панъ Ромуальдъ и сдѣлалъ какой-то жестъ. Такимъ-же жестомъ отвѣчалъ и послушникъ: онъ протянулъ руку, и въ ней звякнула пара золотыхъ.

— Ступайте, пане, во дворъ, говорилъ онъ уже совѣмъ другимъ тономъ. — Первое крыльцо будетъ; тамъ подниметесь по лѣстницѣ, — и на право. — И онъ распахнулъ калитку.

Только что панъ Ромуальдъ со свитой вошелъ въ огромный молотенный дворъ, — какъ вдругъ раздались крики, гамъ, и на встрѣчу имъ высыпало съ крыльца человекъ шестьдесятъ мальчишковъ, начиная лѣтъ съ 8—9, и кончая 16—17-лѣтними, съ пробивающимися пушкомъ на губахъ. Здѣсь были и блѣдные и худые дѣти, съ петомленными лицами, и здоровенные, краснощекіе хлопцы; и прилично, пожалуй, даже щеголевато, одѣтые, и грязные, полуоборванные...

*) Монашескій орденъ, специально занимавшійся воспитаніемъ юношества. Въ описываемую эпоху, система воспитанія, которой придерживался этотъ орденъ, мало отличалась еще отъ іезуитской, но къ концу XVIII-го столѣтія піары въ Польшѣ произвели коренныя реформы въ этомъ отношеніи къ лучшему, и ихъ учебныя заведенія, въ противоположность іезуитскимъ, считались образцовыми.

Вотъ я васъ!.. Я васъ!.. кричалъ онъ.

Довольно было и бѣлаго взгляда, чтобы рѣшить, что тутъ есть и балованные, избѣженные сынки богатыхъ пановъ — магнатовъ, и сыновья бѣдныхъ шляхтичей и крестьянъ.—И вотъ вся эта ватага вдругъ окружила прибывшихъ. Она не давала имъ шага сдѣлать впередь...

— Ну, вы, прочь съ дороги!.. гаркнулъ было панъ Сигизмундъ. Но толпа отвѣтила только хохотомъ.

— Ахъ, вы, чортово племя!.. ругался панъ Сигизмундъ. Его тѣснили со всѣхъ сторонъ. Кто-то ткнулъ его кулакомъ въ бокъ—Поросята!..

— Вамъ здѣсь кого надо? А? Къ кому вы пришли? говорилъ какой-то здоровый, черноволосый хлопецъ, въ сукопномъ жупанѣ, порядкомъ оборванномъ и отрепанномъ.

— О. ректора, отвѣчалъ панъ Ромуальдъ. Онъ начиналъ сердиться.

— А вамъ зачѣмъ?

— Да тебѣ-то какое дѣло!.. не выдержалъ наконецъ Маевскій.— Прочь!..

— Прочь!.. поддержалъ его панъ Сигизмундъ и махнулъ рукой.

И опять только хохоть.

— Э, хлопцы, да дѣло-то вотъ въ чемъ... говорилъ тотъ-же черноволосый.— Они мальчишку сюда привели поваго... Вонъ и корзину несутъ, съ провизіей, отцу ректору.—И онъ кивнулъ на Панааса.

— О, жеребята проклятые!.. проворчалъ тотъ, сдвинувъ сѣдые брови.

— Куры... пидѣйки... гуся... Сала сколько, поди!.. вздохнулъ какой-то худенькій, блѣдный мальчикъ.— И все это имъ... все они одни слопають... Намъ хоть-бы крошку какую!.. Брюхо-то подвело.

— А ну-ка, хлопцы... Гайда!.. скомандовалъ черноволосый.— Возьмемъ себѣ эту корзину.—раздѣлимъ!.. Зачѣмъ добру пропадать!..

— Аа!.. послышался крикъ,—и толпа двинулась. Панаасъ сдѣлалъ угрожающій жестъ...—Но, вдругъ, всѣ шарахнулись, точно

стадо барановъ, и разсыпались въ разныя стороны. — Съ крыльца сбѣгалъ, придерживая одной рукою сутану, а другой размахивая плетью, еще молодой монахъ.

— Вотъ я вась!.. Я вась!.. кричалъ онъ. — Пойдите, вотъ, погодите!.. — Но школьники улепетывали, какъ могли.

— Вамъ что угодно? обратился монахъ къ Маевскому и оглянулъ его съ головы до ногъ.

— О. ректора.

— А зачѣмъ?

— Да вотъ сына хочу опредѣлить сюда, — и онъ указалъ на Стася.

Монахъ взглянулъ на него, потомъ на мальчика.

— Ступайте по этой лѣстницѣ, говорилъ онъ. — Дверь на право.

— Благодарю, мой отецъ!.. Въ узенькой и довольно грязной, полутемной пріемной ректора уже сидѣло человѣкъ пять просителей. Подъ лавками и на полу видѣлись тоже корзинки, корзины, вродѣ той, какую принесъ Панасъ. Здѣсь повторилась та-же исторія: „вамъ кого?“ и т. д. — Скажи: панъ Ромуальдъ Масвскій! — Наконецъ служба вернулась.

— Пожалуйте!

Келья о. ректора была, какъ и, вообще, все кельи: вездѣ образа, лампадки предъ ними; распятіе изъ слоновой кости. Высокій, полный мужчина, на видѣ лѣтъ пятидесяти, съ черными волосами въ которыхъ не видѣлось ни одной сѣдинки, и съ золотымъ крестомъ на груди, поднялся съ кресла, при входѣ пана Маевского. Тотъ вель за руку сильно смущеннаго Стася и что-то шепталъ ему. Панъ Сигизмундъ остался въ пріемной.

Панъ Ромуальдъ почтительно поклонился.

— Вы панъ Маевскій?

— Да.

— Прошу покорно садиться! Чѣмъ вамъ могу служить?

Панъ Ромуальдъ присѣлъ.

— Привезъ къ вамъ сына, ваше преподобіе, говорилъ онъ.—
Будьте добры...

— А, хорошо, хорошо! Поучимъ... Который годъ?

— Десять.

— Гм... Хорошо... А, подойди, хлопчикъ! — И онъ кивнулъ пальцемъ Стасю. Тотъ подошелъ.

— Учиться хочешь?

— Хо-чу!.. прошепталь Стась.

— Прекрасно!.. Молитвы знаешь: „Вѣрую?“ „Отче нашъ?“

— Знаю.

— А прочитай-ка!

Стась прочиталь, слегка конфузясь и запинаясь.

— Въ латыни смыслишь?

— Немного...

— Ну, а какъ будетъ: *лѣность*?

— *Pigritia*.

— Такъ. А лѣнивъ ты?

— Немножко, о. ректоръ, слегка улыбулся панъ Ромуальдъ.—
Но вы постарайтесь ужь...

— Разумѣется!.. Лѣность — порокъ, дитя мое... А *порокъ* какъ?

— *Vitium*.

— Молодецъ! *Vitium est — pigritia!* Лѣность — порокъ. — Ну, хорошо. Прeusивай, хлопчикъ! — И онъ потрепаль его ласково по щекъ.—И не лѣнись никогда... Слышишь?

Стась ободрился.

— Не буду! смѣло отвѣчалъ онъ.

— Такъ хорошо, панъ... Панъ Ромуальдъ, кажется?

— Да.

— Мы примемъ его въ *инфиму* *)... А гдѣ-же онъ будетъ жить?

Не у насъ?

*) Коллеги раздѣлялись на слѣдующія отдѣленія или классы: *инфима*, *грамматика* и *синтаксисъ* (младшя) и *поэзія* и *риторика* (старшіе).

Учиться хочешь?.

В. Голубъ рис.

— Нѣтъ, ваше преподобіе, — на квартирѣ...

— Аа... Такъ, значить, надо *директора* *)...

— Я не знаю... Миѣ кажется, нѣтъ... А, впрочемъ, какъ вамъ угодно...

— Ну, мы посмотримъ... И такъ...

Панъ Ромуальдъ всталъ и подошелъ ближе къ ректору.

— Я... тамъ... немножко... забормоталъ онъ.

Но о. Доминикъ не далъ ему докончить. Онъ понялъ.

— Аа... да... Благодарю васъ, благодарю, панъ Ромуальдъ! говорилъ онъ. — Но только вы это советѣмъ напрасно. Къ чему? зачѣмъ?

— И такъ я васъ больше не желаю удерживать... Ступайте съ Богомъ! А завтра утромъ, пораньше, вы приводите мальчика къ намъ: мы его познакомимъ со школой... Съ завтрашняго же дня онъ можетъ начать ходить на уроки...

— Такъ я надѣюсь, отецъ мой...

— О, будьте совершенно спокойны! Только-бы мальчикъ былъ умнымъ, послушнымъ, старательнымъ, — и мы сдѣлаемъ изъ него чловѣка!..

Панъ Ромуальдъ раскланялся и вышелъ со Стасемъ изъ кельи.

X.

Утромъ, чуть-свѣтъ, Вериго ужъ барабанилъ въ дверь комнаты, гдѣ спали панъ Ромуальдъ со Стасемъ.

— Пановный пане! вставайте, — пора!.. говорилъ онъ.

Маевскій почти не спалъ эту ночь. Комнатка, гдѣ ихъ помѣстили, была маленькая, грязноватая и сырая; къ тому-же въ ней ока-

*) *Директоромъ* называли лучшаго ученика въ коллегіи, котораго приставляли къ ученику, живущему на квартирѣ, чтобъ онъ наблюдалъ за его успѣхами и его поведеніемъ. За это родители ученика содержали „директора“ и дѣлали ему подарки.

залось очень много клоповъ. Стась крѣпко спалъ и ничего не чувствовалъ; но панъ Ромуальдъ все ворочался съ боку на бокъ.—Но не клопы мѣшали ему уснуть, — клопы еще ничего-бы, — а вотъ мысли разныя ему приходили въ голову. Онъ начиналъ ужъ раскаяваться, что согласился отдать Стася пану Веригу. Сигизмундъ произвелъ на него не особенно пріятное впечатлѣніе.

— Еще голодать будетъ, пожалуй, мальчикъ! съ тревогою думалъ онъ.—Они, вѣдь, сами, должно быть вѣчно сидятъ впроголодь...—И онъ вспомнилъ, съ какою жадностью набросился панъ Сигизмундъ на закуски, и какъ усердно онъ подливалъ изъ разныхъ бутылокъ себѣ въ стаканъ.—И, вообще, онъ чудакъ какой-то, хвастунъ... А, впрочемъ, можетъ быть, человѣкъ и хорошій, порядочный,—кто знаетъ!.. Гм...—И панъ Ромуальдъ задумался.

Но какъ ни раздумывалъ онъ, а все не могъ рѣшить: какъ быть, что дѣлать?—Кромѣ пана Веригу, у него въ Кіевѣ не было ни души знакомой, а отдать мальчика къ совсѣмъ постороннимъ людямъ онъ не рѣшался. Положимъ, и Сигизмунда онъ мало знаетъ. Давно когда то, лѣтъ двадцать назадъ, встрѣчалъ онъ его еще холостымъ, — и только... Тогда за нимъ не водилось никакихъ пороковъ; онъ былъ малый такъ себѣ, душа, что называется на распашку... Ну, а теперь?..—Кто знаетъ,—въ чужую душу не влѣзешь!.. Бѣдность... Но бѣдность, вѣдь, не порокъ... — И пану Маевскому пришло вдругъ въ голову, что онъ даже не душно сдѣлаетъ, если отдастъ Стася Веригу. Вѣдь эти деньги, которыя онъ будетъ платить за его содержаніе,—поддержатъ семью, цѣлый десятокъ ртовъ... Вотъ только-бы эти рты не слишкомъ ужъ объѣдали мальчика...

— Ну, тамъ посмотримъ, увидимъ! рѣшилъ панъ Ромуальдъ.—Что-жь, если ему здѣсь не хорошо будетъ, я помѣщу его у другихъ... Найду, тамъ, кого-нибудь.—Вотъ только мнѣ не хотѣлось-бы отдавать его пансіонеромъ въ коллегію... Сорванцы все тамъ ужасные, негодяи; еще испортятъ ребенка,—сохрани Богъ!..

Наскоро закусивъ, панъ Ромуальдъ отправился со Стасемъ въ

коллегію. Было еще семь часовъ, а уроки начинались въ восемь; иногда въ четверть, въ половинѣ девятого. Но имъ ужъ попадались на дорогѣ ученики. Это были, очевидно, дѣти богатыхъ и знатныхъ родителей. Они и теперъ ужъ пачинали походить на своихъ отцовъ. Заложивъ руки за пояса щегольскихъ жупанчиковъ, они, съ гордымъ и важнымъ видомъ, выступали по грязной дорогѣ, поглядывая съ высоты величія на попадавшихся имъ мѣщанъ и хлоповъ. За ними, въ ночтительномъ отдаленіи, шли грязные, оборванные мальчишки, со связками книгъ подъ мышками. Это были ихъ казачки. Они одѣвали и обували своихъ паничей и носили за ними книги въ коллегію... — Панъ Ромуальдъ былъ задумчивъ и шелъ, опустивъ голову. Стась часто зѣвалъ. Онъ не успѣлъ еще порядочно отдохнуть отъ продолжительной и трудной дороги, не совсѣмъ выспался...

— А что, Стась, — говорилъ панъ Ромуальдъ и взглянулъ на сына. — Часто ты будешь писать мнѣ?

— Часто, папочка.

— Да, то-то, милый. Пиши чаще и, какъ можно, подробнѣе; все пиши, ничего не скрывай... Каково тебѣ будетъ тамъ жить, у пана Вериго; сытно-ли будутъ кормить тебя, не стануть-ли обижать... Все пиши!..

— Да.

— Ну, а на счетъ поведенія... Я много съ тобой толковать не буду... Я на тебя надѣюсь,.. Ты умный, хорошій мальчикъ, и не захочешь огорчать ни меня, ни маму... Неправда-ли?

— О, никогда, папочка! никогда! съ чувствомъ говорилъ Стась.

— Ну, вотъ... Съ дурныхъ не бери примѣра... Тамъ, въ школѣ много негодныхъ мальчиковъ, — ты не якшайся съ ними, избѣгай ихъ!.. Да что же, впрочемъ, и толковать объ этомъ, — Деньги, что я оставилъ тебѣ, по пустякамъ не расходуй, — береги ихъ; а выйдуть, ты напиши мнѣ, — пришлю опять...

И долго еще панъ Ромуальдъ давалъ сыну совѣты и наставленія. Тотъ молча и внимательно слушалъ.

— Да ты развѣ скоро уѣдешь, папа? спросилъ вдругъ Стась и поднялъ глаза на отца.

— Да, милый... Быть можетъ, сегодня вечеромъ, или завтра утромъ...

Стась грустно опустилъ голову, и вдругъ въ глазахъ его заблестѣли слезинки и потекли по щекамъ. Панъ Ромуальдъ нѣжно отеръ ихъ.

— Ну, вотъ, ты и опять заплакалъ! говорилъ онъ.— Не хорошо, голубчикъ!.. А поминишь, что ты обѣщаль дорогой? — Не плачь, не скучай... На Рождество я опять за тобой приѣду...

Они подходили къ коллегин.

— Папочка! Это кто идетъ? Кто? спрашивалъ Стась.

— Гдѣ?

— Да вотъ...

Къ воротамъ коллегин подходилъ высокій, худой монахъ, съ угрюмымъ, блѣднымъ лицомъ. За нимъ шелъ мальчикъ съ пагайкой. И тотъ и другой скрылись въ калиткѣ.

— А это о. профессоръ. Идетъ на лекціи.

— А мальчикъ зачѣмъ съ пагайкой?

Панъ Ромуальдъ смутился.

— Это, вотъ, видишь, Стась... забормоталъ онъ.— Эта пагайка,—ее зовутъ *мониторъ*... и о. профессоръ всегда кладетъ ее передъ собою на кафедру... Знаешь, чтобы боялись...

— Гм... *мониторъ*... задумчиво говорилъ Стась. — Какъ странно!.. *Монео*—убѣждать, *monitum*—убѣжденіе...

— И тамъ съкутъ, папочка?—спросилъ онъ, уже съ испугомъ.

— Гм... да, съкутъ... Но только не всѣхъ... Тебя не будутъ,— не бойся!..

Стась успокоился.

— А вонъ и звонять,—къ молитвѣ... Идемъ, мой милый, идемъ скорѣе!..—И они тоже вошли въ калитку.

Гдѣ-то тамъ, во дворѣ, прозвучалъ колоколъ, и звуки его далеко

разнесли въ сыромъ воздухѣ. Въ нижнемъ этажѣ мрачнаго зданія, изъ оконъ, задѣланныхъ желѣзными рѣшетками, какъ въ тюрьмѣ, раздавалось довольно стройное пѣніе. Хоръ молодыхъ голосовъ пѣлъ: „*Salve Regina*“ *). Но вотъ голоса умолкли; послышался топотъ бѣгущихъ ногъ,—и воцарилась мертвая тишина.

О. ректоръ, ласково улыбаясь, потрепалъ по щекѣ смущеннаго Стася, ободрилъ его и хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ келейникъ.

— Позвать брата Антонія!

Черезъ минуту, маленькій, толстый монахъ стоялъ на порогѣ кельи и, низко склонившись передъ о. Доминикомъ, ожидалъ приказаній.

— Отведи мальчика въ инфиму, къ о. Игнатію!..

Панъ Ромуальдъ поцѣловалъ Стася и что-то шепнулъ ему на ухо. Братъ Антоній взялъ мальчика за руку и вывелъ его изъ кельи.—Они спустились въ нижній этажъ, прошли шаговъ пятьдесятъ по длинному, полутемному корридору и, наконецъ, остановились передъ какою-то дверью. Звонкій голосъ выкрикивалъ, точно чекачилъ: „*rexerim... rexeris... rexerit... rexemus*“...—Какъ?! оборвалъ его чей-то другой, сильный голосъ.—Какъ? Повтори, осель...—Наступило молчаніе... Братъ Антоній отворилъ дверь, и Стась оглянулся...

Они находились въ большой, со сводами, комнатѣ. Въ тускляя стекла оконъ, на половину замазанная чѣмъ-то бѣлымъ, слабо прощичалъ свѣтъ... На стѣнахъ выступали пятна отъ сырости; воздухъ былъ спертый и душный... На длинныхъ черныхъ скамьяхъ, передъ такими-же длинными, изрѣзанными и пещирканными столами, сидѣло человекъ сорокъ мальчиковъ, лѣтъ отъ 8 до 14. Они дѣлали видъ, что внимательно слѣдятъ за урокомъ. Но это было только тогда, когда ксендзь-профессоръ глядѣлъ на нихъ чуть не въ упоръ. Но лишь только онъ отворачивался, мальчики оставляли книжки и при-

*) Радуйся, царица (небесная).

нимались за дѣла, не относящіяся ни мало къ уроку. Кто съ азартомъ игралъ подъ столомъ съ товарищемъ въ какую-то непонятную игру (Стась никогда не видѣлъ такой); кто что-то стругалъ, кто клеилъ... Въ углу, лицомъ къ стѣнѣ, стоялъ на колѣняхъ мальчикъ и на распѣвъ повторялъ: „*corpora... corporum... corporibus*“... и въ то-же время косялся на о. профессора. Чуть тотъ отворачивался, онъ повертывалъ къ нему блѣдное, грязное личико и дѣлалъ гримасу, высовывая языкъ. Потомъ, съ быстротою молнии, опять, отвертывался и затягивалъ: „*corpora... corporum... corporibus*“... — Длинный, худой малый, съ испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ, стоялъ у кафедръ. Кеендзъ-профессоръ, плѣшивый старикъ, въ большихъ круглыхъ очкахъ, злобно глядѣлъ на него, весь красный отъ гнѣва...

— Такъ какъ ты сказалъ, осель? Повтори! кричалъ онъ.

— Rexemus...

— Розогъ!.. Эй, *калефакторъ* *)! Гдѣ ты?.. — Отодрать осла!..

Пятьдесятъ розогъ!..

На задней скамейкѣ зашевелились, — и вотъ поднялся тамъ дюжий, здоровый хлопецъ.

Стась не сводилъ испуганныхъ глазъ съ профессора; порой, взглядъ его обращался на лежавшую на столѣ кафедръ внушительной толщины нагайку, — и опять устремился на старика. Но вотъ тотъ обернулся къ нимъ.

— Что надо? сердито заворчалъ онъ.

— Да вотъ вамъ, о. Игнатій, новенькій, — о. Доминикъ послалъ. — И братъ Антоній ушелъ.

— Аа!.. протянулъ Игнатій. — Подойди сюда! — И онъ кивнулъ пальцемъ Стасю.

Но тотъ не трогался съ мѣста.

— Ты слышишь, тебѣ говорятъ! возвысилъ голосъ старикъ.

*) *Калефакторъ* — буквально: *истопникъ*. Такъ назывался ученикъ изъ простаго званія. Онъ исполнялъ всѣ черныя работы: топилъ печи, мель класную комнату. Онъ-же сѣкъ провинившихся учениковъ.

Мальчикъ робко шагнулъ. О. Игнатій схватилъ его за плечо и притянулъ къ себѣ.

— Подними голову!.. Такъ вотъ,—смотри на меня!..

Стась робко взглянулъ. Въ глазахъ у него блеснули слезинки.

— Ревѣть?.. Дѣвчонка ты этакая... дрянь!.. горячился старикъ.—Какъ зовутъ?

— Стасемъ...

— *Станиславъ*, а не Стась! подчеркнул онъ.— А фамилія какъ?

— Маевскій.

— А-а... — И профессоръ смягчился.— Не сынъ-ли Ромуальда Маевского?

— Да.

— Ну, хорошо... Садись, вонъ тамъ, на третью скамейку... Эй, вы, поросята, подвиньтесь!..

„Поросята“ подвинулись и дали мѣсто Стасю.

— Такъ какъ? *Rehemus?*.. *rehemus?*.. опять обратился о. Игнатій къ высокому мальчику.— Не *rehemus*,—а *rexeremus!*.. Розогъ ему!.. Калефакторъ!..

Здоровый хлопецъ подошелъ, переваливаясь, какъ утка, къ вино-ватому, не говоря ни слова, взялъ его за плечо и повелъ въ уголъ, за печку.—Черезъ минуту оттуда послышался свистъ прутьевъ и стоишь. Стась робко взглянулъ,—и тотчасъ-же отвернулся, зажмурилъ глаза.

— Чего ты? толкнулъ его въ бокъ сосѣдь.— Испугался?

— Да... бѣдный... Зачѣмъ его?...

Тотъ посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Какъ зачѣмъ?.. Да развѣ тебя самого не сѣкли?..

— Ни разу.

— Не можетъ быть!

— А здѣсь... здѣсь часто сѣкутъ?.. шопотомъ говорилъ Стась, и опять некоса заглянулъ въ уголъ, гдѣ все еще раздавался свистъ розогъ.—Всѣхъ?

— Ну, нѣтъ, не всѣхъ, положимъ... Вошь тамъ, на первой скамейкѣ, видишь, сидятъ *императоры*.

— Императоры? удивился Стась.

— Ну, да... Ты не слыхалъ развѣ?—Впрочемъ, гдѣ-жъ и слышать: вѣдь ты впервой здѣсь... Это такъ называютъ сынковъ богатыхъ и знатныхъ пановъ. Ихъ никогда не сѣкутъ... Ни-ни, Боже мой,—пальцемъ не тронуть!..

— Ну, а тебя?.. Тебя тоже сѣкли?..

— Меня-то?..—Э!.. Сколько разъ!.. Меня чуть не каждый день поруютъ! почти весело отвѣчалъ тотъ. — Въ деревнѣ еще большій драли...

Стась поглядѣлъ на него съ изумленіемъ.

— А тебя какъ зовутъ? спросилъ онъ.

— Барткомъ... А тебя?

— Стась.

— А какъ отецъ у тебя? Богатый?..

— О, да!..—И Стась съ увлеченіемъ сталъ рассказывать, какія у нихъ тамъ поля, и сколько съ нихъ хлѣба снимаютъ... Вотъ и въ этомъ году...

— Аа!.. протянулъ Бартекъ. — Ну, значить, барченкокъ ты, какъ есть, настоящій, и драть тебя здѣсь не будутъ... Не будутъ! увѣренно повторилъ онъ. — Ни въ какомъ случаѣ!..

— Кто тамъ болтаетъ? послышался вдругъ голосъ о. профессора. Бартекъ и Стась умолкли. — Выпорю!.. Гусь! крикнулъ онъ.

Съ четвертой скамейки поднялся толстый, коротенькій мальчу-гаишъ, лѣтъ 12. По широкому, острому носу, съ легкимъ красноватымъ оттѣнкомъ, онъ, точно, слегка напоминалъ гуся.

— Поди сюда!

„Гусь“ подошелъ.

— Склоняй самого себя!

— Anser... anseris... anseri... зашипалъ „гусь“. Голосъ у него былъ очень топенькій и шеклявый.

— Стой! А какъ будетъ множественное *genitivus*?

— *Anserum*.

— Такъ... А какъ будетъ *conjunctivus* настоящаго времени отъ *rego*?

— *Regio*.

— Ка-акъ?—И о. Игнатій вдругъ побагровѣлъ.—Не слышу!..

Мальчикъ молчалъ.

— *Regio*? а? *Regio*?.. Поди-ка сюда!—И онъ одной рукою подтянулъ его къ себѣ за плечо, а другою схватилъ нагайку.—*Regiam!*.. разь!.. —И нагайка тяжело опустилась на спину „гуса“. Тотъ до крови закусилъ губу, но не издалъ ни звука. — *Regiam*... два и три!.. Пошелъ вонь!..

„Гусь“ повернулся и, скорчивъ гримасу, пошелъ на мѣсто.

— Капуста! крикнулъ о. Игнатій.

Сосѣдъ Стася слѣва всталъ и подошелъ къ каедрѣ. Стась съ удивленіемъ оглядѣлъ его. Тотъ не имѣлъ никакого сходства съ капустой.

— Склоняй!

— Что, отче Игнатій?

— Какъ будетъ: *острый*?

— *Acer*.

— А *genitivus*, *dativus*.

— *Acris*, *acri!*..

— Вѣрно... Пошелъ вонь!.. Калефакторъ!..

— Здѣсь!..—И дюжіи хлопецъ выступилъ изъ-за печки.

— Выпороль?

— Точно такъ-съ.

— Пятьдесятъ?

— Да.

— А какъ: пятьдесятъ по латыни?

— *Quindecim*.

— Ка-акъ?..

— Quinquaginta.

— То-то, смотри у меня! Самого выпорю!..

О. Игнатій поднялся съ мѣста. Съ задней скамейки тотчасъ вскочилъ мальчикъ, подбѣжалъ къ каедрѣ и взялъ *мониторъ* подъ мышку.

— И если вы завтра не будете знать глаголовъ второго спряженія, — выпорю всю нифиму!.. — И о. Игнатій пошелъ вонъ изъ класса, а за нимъ шествовалъ мальчуганъ съ пагайкой!..

Едва затворилась за ними дверь, какъ толпа школьничковъ окружила Стася. Одни императоры только сидѣли, какъ подобало ихъ сану, не обращая никакого вниманія на другихъ, точно, кромѣ нихъ, никого въ классѣ не было. — И вопросы посыпались градомъ: „ты кто? откуда? чей сынъ? сколько лѣтъ? часто-ли тебя сѣкли дома?“... и пр. пр. Стась совсѣмъ одурѣлъ и только хлопалъ глазами... Кто-то щипнулъ его больно за ухо; кто-то далъ щелчка въ носъ... — Но векорѣ школьнички высыпали во дворъ. Императоры вышли послѣдними. Въ классѣ остались только: Стась, Бартекъ и калефакторъ. Послѣдній досталъ изъ-за печки метлу и сталъ подметать комнату. Бартекъ возобновилъ прерванный разговоръ.

— Такъ ты, значить, нанячъ! говорилъ онъ и внимательно оглядѣлъ Стася, — Поди, зазнаешься тоже, какъ и императоры?.. Тебя, пожалуй, съ ними посадятъ!..

— Не сяду я съ ними! горячо протестовалъ Стась. — И никогда не зазнаюсь!..

— Ой-ли? не довѣрять Бартекъ. — И жаловаться на насъ не будешь, фискалить?..

Стась даже обидѣлся.

— Да ты меня за кого принимаешь? говорилъ онъ.

— Ну, это, вотъ, хорошо — молодецъ! одобрилъ Бартекъ и потрепалъ его по плечу. — А птеры у насъ любятъ этихъ фискаловъ-то!..

— Ну?...

— А вотъ увидишь!—Онъ замолчалъ.

— Ну, а какъ тебѣ, не задорно будетъ со мной сидѣть? опять продолжалъ онъ.—Вѣдь я не вашъ братъ,—отецъ у меня изъ хлопъ...
повъ...

— Мнѣ-то? Да ты послушай...—И Стасъ разсказалъ ему, какъ онъ въ Маювѣ водилъ компанію и дружилъ почти исключительно съ деревенскими ребятами. Бартекъ выслушалъ его и одобрительно улыбнулся.

— Ну, вотъ, хорошо! говорилъ онъ.— А жить ты не съ нами будешь?

— Нѣтъ, на квартирѣ.

— Гм... Оно и лучше... У насъ-то здѣсь не того... Не больно хорошо жить... Да и голодомъ, говорятъ, морить...

— Какъ „говорить“? удивился Стасъ.— А ты самъ?

— Я ничего, слава Богу, — я сытъ... Я, видишь-ли, часто на кухню бѣгаю... Чуть поваръ, тамъ, вышелъ, аль отвернулся, — я и стяну кусочекъ...—И онъ усмѣхнулся. — Перепадаетъ...

— А это хорошо развѣ?—Украсть!..

— Эвона! Что-жъ худого, коли ѣсть хочется!.. увѣренно говорилъ Бартекъ.— Не грѣхъ!.. — Только и ловятъ меня частенько! вздохнулъ онъ.—Чуть-ли не каждый день... Словятъ—и выпорютъ...

— Каждый день, говоришь ты?

— Да... Но я ничего, — притерѣлся... какъ съ гуся вода... Зато хоть не голодень... А вотъ, тамъ, въ деревнѣ, совсѣмъ голодалъ!.. Пани у насъ,—не пани, а панина старая, — скряга, не приведи Богъ!.. Чуть не помоями насъ кормила,—лакей! Ну, извѣстно, и голодалъ... Мнѣ, впрочемъ, и тамъ частенько перепадалъ вкусный кусочекъ...

— Воровалъ тоже?

— Ну, не совсѣмъ такъ. У панны, видишь, была собаченка, Бижутка... Совсѣмъ, то-есть, гадкая, негодящая, — ну, а она ее пуще родного отца, любила... Тьфу!.. плюнулъ онъ.— Вѣрно тебѣ го-

ворю!..—Ну, вотъ, и кормила она ее, тамъ, сливками, сухариками, борщемъ, гусятинной...

— Такъ ты ужъ не у собачки-ли воровалъ?—И Стась вытаращиля въ изумленіи глаза на Бартка.

— Вѣрно! Чаstensько то косточку у нея утяну, съ мяскомъ, — гусятинка знаешь...—и онъ облизнулся, — то сливочекъ... Хорошо, братъ! Голодь-то, вѣдь, не тетка... Весь день съ пустымъ брюхомъ ходишь...

Стась поглядѣль на него съ глубокимъ участіемъ. Ему стало жаль Бартка.

— А у тебя... Какъ звать-то?

— Стасемъ.

— Нѣтъ-ли у тебя, Стась, чего нибудь, тамъ, съѣстного? Проголодался, а до обѣда еще часъ цѣлый...

— Ни крошки нѣтъ, Бартекъ! А вотъ, если хочешь, я денегъ дамъ,—ты купи! —И Стась полѣзь было въ кармапъ. Но Бартекъ остановиль его.

— Нѣтъ, денегъ мнѣ не давай! говорилъ онъ. —Въ жизнь никогда не возьму даромъ!.. Ну, заслужи вотъ —дѣло другое...

Внизу раздаляся звонокъ, и школьники съ крикомъ и гамомъ, стали вбѣгать въ классъ. Одинъ изъ нихъ подошелъ къ Стасю.

— А ты отчего во дворъ не бѣгалъ, соплякъ? крикнуль онъ и щелкнуль мальчика по носу.—Не хочешь играть съ нами? А?..

— Чего дерешься! забормоталъ онъ и отскочиль назадъ. Тяжелая рука Бартка вдругъ опустилась ему на плечо. —Хлопья твоя порода!

— А я тебѣ морду всю разобью, коли ты еще разъ его тронешь! говорилъ Бартекъ, и покраснѣль, какъ кумачъ.—Видалъ, вотъ, это чѣмъ пахнетъ?—И онъ вытянулъ впередъ мускулистый, крѣпкій кулакъ.—Барченокъ проклятый!..

— Валий его, Бартекъ! валий!.. слышались голоса. — Чего онъ другихъ затрагиваетъ!.. Пошелъ, Казиміръ, на мѣсто!.. Вздуютъ!..

— Они, братъ, меня всё боятся! не безъ гордости шепнуть Бартекъ Стасю.—Даромъ, что паничи больше... Я, вѣдь, ихъ, чуть немножко, —сейчасъ того... —И онъ опять сжалъ кулакъ. — Иначе и нельзя съ ними!..

— Тес... Тише!.. крикнулъ вдругъ калефакторъ.—О. Гіацшть идетъ!..—Онъ ужъ давненько стоялъ у дверей, то и дѣло выглядывая въ корридоръ.

Дверь отворилась, и вошелъ новый профессоръ. Стась посмотрѣлъ на него, и въ головѣ его сейчасъ-же явился вопросъ: зачѣмъ-же за этимъ профессоромъ мальчикъ тоже несетъ пагайку? — Ну, неужели онъ когда нибудь употребляетъ ее? — Тотъ — дѣло другое: лицо злое, глаза круглые, какъ у совы, хриплый голосъ.—А этотъ... Низенькій старичекъ, съ добродушнымъ лицомъ и кроткимъ взглядомъ... Сѣденькій, съ полными, розовыми щеками, въ повенской, чистой сутагѣ, съ янтарными четками въ бѣлыхъ, пухлыхъ рукахъ,— онъ выглядѣлъ такимъ добрымъ, кроткимъ и ласковымъ.—И голосъ у него оказался мягкій и бархатистый. — Тихо, почти неслышно, ступая, вошелъ въ классъ профессоръ и распростеръ руки надъ головами учениковъ:

— Dominus vobiscum *)!

— Дѣти мои! началъ онъ. — Сегодня я буду говорить съ вами о 31 псалмѣ великаго псалмопѣвца Давида, и поясню его вамъ. Слушайте со вниманіемъ, и да пошлетъ вамъ Господь разумѣніе и святую благодать свою!..—Всѣ псалмы царя Давида, дѣти мои, это—плачь, стонъ и вопль грѣшной души, терзаемой глубокимъ раскаяніемъ, — пламенная молитва о прощеніи...—И такъ, всѣ мы грѣшны. Только одинъ поворожденный младенецъ невищень и чистъ, какъ ангель!.. Но, съ первыхъ-же слабыхъ еще шаговъ нашей жизни, мы начинаемъ грѣшить: грѣшимъ мы противъ родителей, противъ наставниковъ. Врагъ человѣческаго рода, дьяволъ, еще съ колыбели, слѣдитъ

*) Господь съ вами! (Міръ вамъ).

неусыпно за нами и побуждаетъ насъ ко грѣху... Борьба съ этимъ духомъ зла, отцомъ лжи, борьба неустанная, непреклонная, — вотъ назначеніе, цѣль нашей жизни!..

О. Гіацинтъ вдругъ умолкъ и устремилъ задумчивый, грустный взглядъ на шестую скамейку. Тамъ слышался легкій трескъ какой-то, хрустѣнье. Худенькій, блѣдный мальчикъ за обѣ щеки убиралъ рѣпу.

— Янекъ! окликнулъ его о. Гіацинтъ.

Янекъ вздрогнулъ и едва не подавился кускомъ. Но, впрочемъ, онъ тотчасъ оправился и всталъ, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Янекъ! Ты ѣлъ... рѣпу?... грустно говорилъ о. Гіацинтъ.

— Я? — нѣтъ, ничего... Право, я ничего не ѣлъ!

— Взгляни на меня!

Тотъ взглянулъ, не моргнувъ бровью.

О. Гіацинтъ покачалъ головою.

— И вотъ къ чему идутъ всѣ мои наставленія, поученія! съ горечью говорилъ онъ. — О, Боже мой милосердный!.. — Янекъ!..

Сейчасъ, вотъ, въ одну минуту, ты согрѣшилъ ужь не одинъ разъ!.. Во первыхъ, ты ѣлъ на урокъ!.. И что — рѣпу!.. И угодился ты животному, именуемому по латыни *porcus* *)... Обжорство — одинъ изъ смертныхъ грѣховъ!.. И это разъ!.. Потомъ ты не слушалъ лекціи, — невниманіе!.. Два. — И, наконецъ, ложь... *ложь*, Янекъ!.. подчеркнулъ онъ. — Итого три грѣха въ три минуты!.. Ахъ, Янекъ! Янекъ!

— Простите, о. Гіацинтъ!.. залепеталъ тотъ.

— Простить? Да развѣ могу я простить, дитя мое?—Ты согрѣшилъ,—и долженъ покаяться!.. Обжорство—грѣхъ. Что надо противопоставить ему?—Умѣренность, строгій постъ!..—И такъ ты наложись на себя постъ на сегодня: ты не будешь ни обѣдать, ни ужинать!..

— О. Гіацинтъ! завопилъ вдругъ Янекъ. — Простите, ради Христа!.. Ну, покажите меня иначе: высѣките меня хоть сто разъ,—но только безъ обѣда не оставляйте! Я голодень!.. Вчера я тоже сидѣлъ безъ обѣда, безъ ужина!.. Вы-же меня оставили!..

— Нѣтъ, не я, Янекъ, — ты самъ оставилъ себя!.. — Затѣмъ, невниманіе къ лекціи!.. А невниманіе къ лекціи—неуваженіе къ самому наставнику!.. За это ты прочитай сегодня вечеромъ «*Miserere*» пять разъ, на колѣняхъ!.. Ну, а за ложь!.. Боже, какъ страшно великъ этотъ грѣхъ!..—И о. Гіацинтъ поднялъ глаза къ нему. — За ложь ты прочитай «*Miserere*» пятнадцать разъ!.. Покайся, дитя мое, помолись Господу,—и Онъ проститъ тяжкій твой грѣхъ!.. Его милосердію пѣтъ предѣловъ!.. Ну, а теперь, садись, Янекъ, и слушай!..

— И такъ, о чемъ-же я говорилъ? оиать вернулся онъ къ лекціи.—Да, о борьбѣ съ виновникомъ зла и грѣха, дьяволомъ!.. Сила его велика, дѣти мои, и крѣпки цѣни, которыми онъ опутываетъ челоуѣка!.. Ихъ можетъ разрушить только одна молитва!.. Молитесь и

*) Поросянокъ.

утромъ, и днемъ, и вечеромъ; ночью вставать и молиться; вѣчно и неустанно просить Бога быть нашимъ заступникомъ и покровителемъ, строго соблюдать постъ; тѣло пусть будетъ немощно, но духъ бодръ... Вотъ что надо дѣлать, чтобъ милосердный Господь очистилъ и отпустилъ намъ грѣхи наши, и чтобъ мы и впредь не могли творить ихъ...

О. Гіацинтъ умолкъ. Но губы его слегка шевелились; пальцы перебирали четки... Въ классѣ была тишина...—Но вотъ опять онъ сталъ говорить о грѣхѣ, о молитвѣ, то грустнымъ, жалобнымъ тономъ, то какъ-то вдругъ вдохновляясь... Иные слушали со вниманіемъ; но бѣольшая часть выпускала въ одно ухо и выпускала въ другое... На третей скамейкѣ, гдѣ сидѣлъ Стась, двое съ азартомъ играли въ засаленныя, грязныя карты.

— Да, хорошо тебѣ говорить о постѣ, злобно пробормотала Янекъ, — когда у тебя гусей да индѣекъ въ кухнѣ не оберешься!.. Пусти-ка меня мѣсяца на два на твое мѣсто, такъ я-бы еще и не такъ запѣлъ!..

— Однако, братъ, безъ обѣда, безъ ужина! говорить сосѣдъ.

— Да, какъ-же! вотъ такъ и буду сидѣть!.. Пошутъ мнѣ, что-ли, съ голоду!.. Въ кухню уже заберусь...

— Поймаютъ...

— А наплевать мнѣ!

Раздался звонокъ, и о. Гіацинтъ вышелъ изъ класса.

— Послушай-ка ты, повичекъ! говорилъ Янекъ Стасю. — Ты, вѣдь, не голоденъ?

— Нѣтъ.—И Стась вопросительно взглянулъ на него.

— Ну, а я, братъ подошву-бы съѣлъ, съ удовольствіемъ, — да онѣ у меня, вишь, какія!—Онѣ поднялъ ногу и показалъ развалившуюся подошву у сапога.—Голоденъ, — пошнить даже!.. Нѣтъ-ли, братъ, у тебя парочекъ двухъ грошей? Купилъ-бы я что-нибудь...

— Да, вѣдь, тебя наказали...

— Такъ что-жь?.. Голодомъ и оставаться?.. — Покорно благодарю!.. Давай-ка, давай, — раскошешься!..

Стась поглядѣлъ на Бартка. Тотъ кивнулъ головой.

— Дай! прошепталъ Бартекъ. — Опъ парень добрый!

Стась далъ пять грошей, — и Янекъ, совсѣмъ довольный, исчезъ.

Опять зазвучалъ колоколь, но ужъ теперь какой-то другой, — и школьники, съ крикомъ, посыпали вонъ изъ класса.

— Это къ обѣду звонять! говорилъ Бартекъ и весело улыбнулся. — Пойдемъ, Стась!

— Да я здѣсь не буду обѣдать, — дома...

— Ну, ничего, садись съ нами, попробуй монастырской стряпни.

И они отравились.

Въ громадной и такой-же полутемной, сырой, какъ и классъ, комнатѣ, сидѣло уже за столами человекъ полтора ста мальчиковъ. Они въ пестрыхъ рубашкахъ побрякивали деревянными ложками о глиняныя тарелки. Передъ-обѣденная молитва была ужъ прочитана, и теперь ожидали перваго блюда.

Это были: нѣмецкая грамматика и синтаксисъ. Поэзія и риторика обѣдали въ другомъ помѣщеніи. — Въ углу, за наложникомъ, стоялъ дежурный, съ книжкой въ рукѣ, и читалъ псалмы...

— Domine, exaudi orationem meam; et clamor meus ad te veniat *)... громко, отчетливо раздавалось подъ сводами комнаты. — Подлѣ чтеца стоялъ высокій, худой монахъ и наблюдалъ за порядкомъ.

— Садись, бери ложку, Стась! говорилъ Бартекъ. — И они усѣлись.

Вошелъ толстый и жирный монахъ-поварь, съ огромнѣйшей миской въ рукахъ; за нимъ слѣдовало трое другихъ, съ такими же мисками. Сняли крышки, и повалилъ теплый, но не особенно вкусный паръ. Мальчуганы, одинъ за другимъ, съ тарелками, подходили къ монахамъ, и тѣ наливали имъ очень умѣренно какой-то сѣренькой, жидкой бурды. Это была гороховая похлебка. — И надо было взгля-

*) Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придетъ къ Тебѣ.

путь, съ какой осторожностью, песли голодные школьники налитыя тарелки, боялись каплю пролить, хотя это врядь-ли могло случаться: тарелки были далеко не полны. — И, вотъ, со всѣхъ сторонъ, и во всѣхъ углахъ раздалось жадное чавканье... Давились, кашляли, обжигались... Каждый, точно сокровище, оберегалъ свою порцію, и слѣдилъ, чтобъ туда не забѣжала какъ по ошибкѣ, чужая ложка, что иногда и случалось. Тогда раздавался крикъ, брань...

— Молчать, вы! Тише!.. возвышалъ голосъ монахъ. И наступала опять тишина, прерываемая только чавканьемъ.

Бартекъ за обѣ щеки убиралъ похлебку, причмокивалъ и облизывался. Стась проглотилъ немного и положилъ ложку.

— Что, очень не правится?—спросилъ Бартекъ.

— Нѣтъ!..—И мальчикъ поморщился.

— Ну, такъ давай, я съѣмъ!.. Ты, братъ, видно, не голоденъ!..—И онъ, въ одно мгновеніе ока, утѣлъ все дочиста.

Похлебку всѣ съѣли съ жадностью, но никто прибавки просить не смѣлъ, хотя любому грамматикѣ, или синтаксеу, ровно бы ничего не стоило съѣсть пять-шесть такихъ порцій.—Но вотъ опять вошелъ братъ-поварь съ прислужниками. Принесли кашу, съ попорченнымъ коноплянымъ масломъ. И каши не ѣлъ Стась,—не поправилась. Ему помогъ Бартекъ...—И вотъ опять чавканье, кашель и брань.

— Молчать! раздается голосъ монаха.—Изъ-за стола выгоно!..—Чтець звонко, отчетливо барабанить...

Школьники, съ шумомъ, поднялись съ мѣста и столпились на послѣ-обѣденную молитву. Минуть черезъ пять столовая опустѣла. Грамматика и синтаксесъ отправились опять въ классы, а инфима (сегодня въ ней были только два урока), съ гикомъ и гамомъ, посылала поиграть на дворъ, на полчаса, до тѣхъ поръ, пока ее, какъ стадо барановъ, не загонять опять въ дортуары, готовить уроки къ завтраму.

Стась попрощался съ Барткомъ и пошелъ домой. У самыхъ воротъ онъ встрѣтилъ Янка. Тотъ уплеталъ за обѣ щеки калачъ.

— Домой, повичекъ? говорилъ онъ. — Прощай, до завтра!.. Спасибо за деньги! Вздумаетъ бить кто, — я заступлюсь, будь спокоенъ!..

Стась съ недовѣріемъ оглядѣлъ его тщедушную, худенькую фигурку. Шлохой онъ былъ-бы заступникъ.

— А я, братъ, уснѣлъ, тамъ, стянуть кое-что на кухнѣ, говорилъ Янекъ и усмѣхнулся. — Кашей цѣлый карманъ набилъ... А теперь калачемъ закусываю... Прощай!..

За калиткой Стась вдругъ столкнулся носъ къ носу съ какимъ-то здоровымъ хлопцемъ. Это былъ калефакторъ.

— Пстой-ка, пстой маленько! говорилъ тотъ. — Поди сюда! — И онъ отвелъ Стася въ сторону. — Знаешь наши порядки?

— Нѣтъ.

— А, ну, такъ знай... Всякій, кто поступаетъ къ намъ, даетъ калефактору пять-шесть грошей. Это за то, что, какъ драть велятъ, такъ чтобъ драть не такъ больно... Но я пять-шесть грошей беру со всѣхъ... А такъ какъ ты не простой панчъ, а отецъ у тебя богатый, — то съ тебя слѣдуетъ злотый, по справедливости.

— Да у меня всего только пять злотыхъ! — протестовалъ Стась.

— Ну, ладно, не разеуждай! Давай поскорѣе! — И онъ, оглянувшись, протянулъ руку. Стась опустилъ въ нее новенькій, блестящій злотый.

— Вотъ это хорошо, ладно! весело усмѣхнулся школьный палачъ. — Выдрать тебя велятъ, — буду не шибко бить, — такъ только, для виду, а ты лишь ори благимъ матомъ... Прощай! — И калефакторъ скрылся въ калиткѣ.

XI.

И потянулась, день за днемъ, жизнь Стася въ Кіевѣ, вдали отъ родныхъ и друзей, въ семьѣ папа Вернго. Ему отвели крошечную, но

за то совершенно отдѣльную комнатку, въ самомъ концѣ хаты, и онъ зажилъ въ ней полнымъ хозяиномъ. Комнатка была сырая, холодная. Да, впрочемъ, и вся хата не отличалась тепломъ: дуло изъ всевозможныхъ щелей въ стѣнахъ, на полу; потолоки протекали...—Въ маленькое оконце, съ разбитыми и кой-какъ заклеенными бумагою, стеклами, видѣлся, съ одной стороны, уголокъ города... Овощи кой какія: рѣпа, морковь, давно ужъ были собраны съ грядокъ, и тамъ безпрепятственно рылась свинья, съ парой розовыхъ поросятковъ. Съ другой стороны, открывался видъ на помойную яму. Тамъ рыжіи барбосы тщетно искали какихъ нибудь косточекъ, или объѣдковъ. Ничего не было,—и онъ злился, ворчалъ на вѣхъ: и на куръ, и на грязную, и тоже вѣчно голодную, кухарку Анну... Видъ изъ окна, вообще, былъ грустный, тоскливый... Страшная грязь и лужи; небо пасмурное и хмурое, и съ него, какъ изъ сита, сѣтъ мелкій и частый дождикъ... Вѣтеръ дусть, рѣзкій, холодный, пронзительный... Жалобно завываетъ онъ въ старой печной трубѣ; со свистомъ, съ шипѣньемъ, врывается въ разбитыя оконныя стекла.—И Стась скучалъ, очень скучалъ, и особенно на первыхъ порахъ. Тотчасъ-же послѣ объѣда, онъ уходилъ въ свою капуру и принимался долбить на завтрашній день латинскія склоненія и спряженія. Но дѣло шло не слишкомъ усѣбно. Холодно, руки зябнуть, и на желудкѣ почти легко: объѣды пана Вериго не отличались особеннымъ изобиліемъ. Первое время только, когда въ кладовой лежалъ еще изрядный запасъ гусей, куръ и индѣекъ, привезенныхъ паномъ Маевскимъ, а въ кошелькѣ Вериго звенѣли еще дукаты,—обѣды были почти роскошны. Но, наконецъ, провизія истощилась, а золотые дукаты Маевского ушли, какъ вода. И масляница смѣнилась постомъ.

Тускло горитъ свѣча въ мѣдномъ, зазеленѣвшемъ подсвѣчникѣ. Стась сидитъ за столомъ. Передъ нимъ тетрадь съ латинскими упражненіями, и огромный, толстый словарь. А тамъ, за тонкой, дощатою перегородкой, слышется крики, шумъ, гамъ наслѣдниковъ пана Вериго. Они вѣчно ссорятся и дерутся, и все больше изъ-за куска. Тихая.

кроткая и почти постоянно больная, пани Констанція изъ силъ выбивается просто, и все никакъ не можетъ справиться съ полуголодной, шумной аравой. И эти крики и плачь замолкнуть только съ приходомъ папа Вериго. Ребята, нуще огня, бояться отца.—Но онъ еще когда-то придетъ! Последнее время панъ Сигизмундъ сталъ что-то частенько пропадать изъ дому. Онъ все ходилъ и вынюхивалъ: нельзя-ли гдѣ нибудь раздобыться деньжонками и поправить эти, чертъ возьми, подлыя обстоятельства. Но поиски его были, по большей части, бесплодны, и онъ возвращался домой мрачный, сердитый.

И вотъ Стась сидитъ за столомъ. Перо такъ и застыло въ его рукѣ.—его мысли далѣко. И не слышитъ онъ этихъ криковъ и гама... Онъ весь теперь тамъ... дома. въ родной Маювкѣ... Ему отецъ вспоминается, мать... панъ Болеславъ Грабовскій, ксендзь-прѣбощъ... И что-то они подѣлываютъ теперь?—Отецъ давно пообедалъ, и, вѣрно, спитъ; а мать, навѣрное, хлопочетъ, тамъ, по хозяйству, въ двѣничьей, съ паншой Барбарой... Ну, а панъ Болеславъ?.. Ксендзь-прѣбощъ?..—И грустно такъ, грустно становится на душѣ Стася. Богъ знаетъ, чего-бы онъ не далъ, чтобъ быть теперь опять тамъ, у себя дома... Увидѣть отца, мать, Болеслава; увидѣть своихъ друзей и пріятелей: Охримку и Василя!..—И не слышитъ ничего Стась, не видитъ!.. Не замѣчаетъ онъ, какъ нагорѣла свѣча; пагарь, того и гляди, упадетъ на тетрадку съ латинскими переводами и прожжетъ ее... Не замѣчаетъ, какъ слезы текутъ у него по щекамъ...

Но вотъ онъ очнулся... На улицѣ вѣтеръ шумитъ; дождь барабанитъ по стекламъ...

— И тамъ у насъ теперь вѣтеръ, дождь, думаетъ онъ,—по тепло такъ, тепло въ комнатахъ!.. А здѣсь—руки зябнуть!..—И онъ потираетъ свои покрасившіе пальцы.

Шумъ, гамъ за стѣной не смолкають...—„Отдай мнѣ сухарь, отдай!..“ раздается пенетовый крикъ. Это оретъ маленькій Бронекъ. Опять, вѣрно, Антекъ укралъ у него сухарь. Да, Антекъ,—вошь и его голосъ:—Ты самъ у меня давече картофелину чуть не изо рта

вырвать! ореть онъ. — Не дамь!.. — „Отда-ай!..“ — Ахъ, ты!.. — Слышится звукъ пощечины... Ревъ и вой... — Стась зажимаетъ уши.

— Ахъ, Господи! чуть не плачетъ онъ. — Да такъ ничего не сдѣлаешь!.. Вонъ еще сколько осталось мнѣ перевода: четыре страницы почти, — а ужъ поздно!.. Успѣю-ли я сдѣлать къ завтраму?..

И Стась принимается за работу. Но работа не клеится какъ-то: мысли не тѣмъ заняты... Онъ чуть не четверть часа возится надъ одной строчкой, и съ трудомъ находитъ слова въ этой толстой огромной книгѣ, въ кожаномъ переплетѣ...

— Что будетъ, если не кончу, — сохрани Богъ!..

И онъ съ ужасомъ вдругъ вспоминаетъ о. Игнатія. Господи, какъ онъ кричитъ; какъ ворочаетъ онъ глазами; какъ злобно глядятъ они изъ подъ круглыхъ стеколъ очков!.. Сердце сжимается, замираетъ; бросается и въ жаръ и въ холодъ... — Положимъ, его не сѣкли еще ни разу (и Стась увѣренъ, что и не будутъ: его отецъ въ томъ увѣрилъ), — но все-таки, достается кой-что. О. Игнатій еще большій, чѣмъ о. Бенедиктъ, закручиваетъ ухо, и еще большій деретъ за вихорь... — „А ну-ка, поди, несн сюда уши!“ вдругъ вспоминаетъ Стась хриплый, злой голосъ о. профессора, — и опять лихорадочно принимается за работу... — А крики все продолжаютъ...

Sperno... Что это: *sperno*?.. ищетъ Стась въ словарь, и все никакъ не можетъ найти. — А, наконецъ, нашелъ: презирать... Простое и слово-то, раньше зналъ, — и забылъ, вдругъ!.. Да, эти крики, шумъ, — тутъ поневолѣ голову потеряешь!.. Нѣтъ, буду писать папѣ, что здѣсь мнѣ совсѣмъ неудобно жить: и мѣшаютъ, и холодно, да и кормить стали плохо... Который ужъ день чуть не голодень!..

И онъ опять подыскиваетъ слова въ лексиконѣ. — Но вотъ рука, съ обмокнутымъ въ чернила перомъ, останавливается надъ тетрадью, и Стась снова задумывается...

Онъ вспоминаетъ вдругъ, какъ тихо, спокойно бывало у нихъ въ усадьбѣ въ эти скучные осенніе вечера; и какъ удобно было ему заниматься въ своей маленькой, теплой, уютной комнаткѣ: никто ему

пе мѣшаетъ... Да, и тамъ... вѣтеръ воетъ на улицѣ; дождь барабанитъ въ стекла; скрипятъ и визжатъ флюгера... Но за то въ комнатахъ тишина какая!.. Развѣ гдѣ стукнетъ дверь тамъ, внизу, пробѣжитъ кто-то,—и опять тихо... Маятникъ только мѣрно и глухо стучить за стѣной, да слышны шаги отца въ залѣ. Онъ ходитъ тамъ взадъ и впередъ, и долго такъ, долго ходитъ...

Шумъ за стѣной умолкъ; ребятишки притихли. Должно быть, вернулся панъ Сигизмундъ. Да, такъ и есть. Вонъ слышится его голосъ. Онъ веселъ сегодня: должно быть, досталъ кое-что, раздобылся десяткомъ злотыхъ...—Стасъ обмокнулъ перо, заглянулъ въ тетрадку. Еще три слишкомъ страницы!.. А уже поздно: спать хочется,—глаза начинаютъ слыхаться...—Господи!..—И онъ, съ удвоеннымъ прилежаніемъ, принимается за работу.

— Костуся, душа моя! слышится голосъ пана Вериго. — Какъ ты думаешь, что-бы намъ сегодня соорудить на ужинъ? Тѣтъ чертовски хочется!..

— А, видно, досталъ что-нибудь? говорить пани Констанція.

— Досталъ, мой ангель, досталъ!.. Вотъ, видишь-ли... — И голосъ пана Вериго переходитъ въ шопоть. Но этотъ шопоть такъ громокъ, что Стасъ сквозь тонкую дощатую перестородку совершенно свободно слышитъ каждое слово.

— Видишь-ли: прихожу.. — Дома панъ *грабя*?*) — Дома. Зачѣмъ вамъ? — Не ваше дѣло!.. Скажите, что панъ Сигизмундъ пришелъ... Панъ Сигизмундъ Вериго... — И можешь представить, Костуся, душа моя... — Тутъ голосъ вдругъ переходитъ въ шипѣнье какое-то. — Можешь представить... Хлопы... проклятые хамы... быдло... пса кровь... Смѣются!.. — Панъ грабя васъ не велѣлъ принимать! говорить. — И то вы у насъ всѣ пороги обили!.. — А, чертъ побери!.. Я научу васъ, какъ оскорблять благородныхъ шляхтичей! Схватился за карабелю... Ну, натурально, перепугались... Пошли... Принялъ... —

*) Графъ.

Тутъ шопоть опять понизился, — и Стась только могъ разслышать:
„выкинулъ двадцать злотыхъ... поцѣловалъ въ плечо“...

Послышался чей-то вздохъ...

— Ахъ, Сигизмундъ! Сигизмундъ! говорила пани Констанція. — Давно-ли было у насъ 500 злотыхъ?.. Пятьсотъ!.. Вѣдь этого на годъ хватило-бы, — а ты ихъ все издержалъ въ одинъ мѣсяцъ! Богаты не боишься!.. — Голосъ ея задрожалъ; въ помъ зазвучали слезы. — Вѣдь ты подумай: дѣти у насъ... Они сидятъ голодомъ...

— Но, ангель мой... забормоталъ нанъ Сигизмундъ. — Ты знаешь, долги, вѣдь, были...

— Ну, да, 50 злотыхъ... Ну, а другіе-то 450? Куда ты ихъ издержалъ? — На вина, на лакомства разныя... Боже мой... Да подумай: намъ-ли платить по двадцати злотыхъ за одну бутылку! — А ты платилъ!

— Но, ангель мой... Развѣ не люди мы тоже? Ты, знаешь, какъ жилъ я прежде, какъ ѣлъ и пилъ?.. Что-жь дѣлать, — привычка — вторая натура!..

— Вотъ, то-то и есть! вздохнула пани Констанція. — Надо бы поумѣрнѣе...

— Да, поумѣрнѣе!.. насмѣшливо говорилъ нанъ Сигизмундъ. — Это вотъ, вродѣ того, какъ я читалъ гдѣ-то:

Если бэндзешъ мѣрны въ пицо,
Бэндзешъ здрувъ пши длугемъ жицо... —
Кто іе мѣрне, мѣрне піе,
Тенъ на свѣцѣ длуго жіе... *) —

Такъ это, вѣдь, хорошо для монаховъ и для ксендзовъ, а не для благородныхъ и родовитыхъ шляхтичей!..

— Но ты забылъ, что у насъ живетъ чужой мальчикъ, говорила,

*) Если будешь умѣренъ въ питъѣ,
Будешь здоровъ, при долгой жизни.
Кто умѣренно ѣстъ и умѣренно пьетъ,
Тотъ на свѣтѣ долго живетъ.

пониживъ голосъ, пани Констанція. — И если мы голодаемъ, то онъ не обязанъ, вѣдь...

Панъ Сигизмундъ только крикнулъ.

— Э, что толковать, Костуся! заговорилъ опять онъ.

Вѣдь это только на время, мой ангелъ! Пойми: на время!.. Я разбудусь презрѣннымъ металломъ, и мы поправимъ эти, чертъ возьми, подлѣя обстоятельства. — и превосходно поправимъ!.. — Ну, а теперь... закусить, закусить надо!.. совсѣмъ ужъ весело говорилъ онъ. — Ужасно проголодался!.. Но только чего-бы чего? Вотъ въ чемъ вопросъ! Что нибудь, поскорѣй только... И выпить-бы: старой вудки, бутылочки двѣ-три медку хорошаго... и хоть бутылочку... ну, полбутылочки даже — венгжина... Люблю я этотъ напитокъ, — но не люблю, чертъ побори, венгерцевъ...

— Распорядись-же, мой ангелъ, распорядись!..

И опять послышался тяжкій вздохъ.

— А чтѣ-то подѣлываетъ мой милый хлопчикъ? говорилъ панъ Сигизмундъ, входя къ Стасю. — Пишетъ! Работаетъ! И ужъ навѣрно латынь?

— Да, переводъ къ завтраму...

— Аа!.. Покажи-ка! — И онъ нагнулся, пахнувъ на Стася легкимъ виннымъ букетомъ — Въ чемъ дѣло?.. Аа... «*qui quanto diutius considero, читалъ онъ, — tanto mihi res videtur obscurior*»*). — И совершенно вѣрно, Стася: чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ меньше ты будешь знать... А потому — закрой книгу и пойдемъ ужинать!

Вся семья была въ сборѣ. Изъ-за накрытаго не совсѣмъ чистой салфеткой стола, выглядывали тамъ и сямъ, дѣтскія личики, маленькія, худенькія фигурки, и между ними торчалъ, какъ шесть, старшій сынъ пана Вериго, Стахъ, такой-же худой и длинный, какъ и отецъ, и ужасно прожорливый. Стахъ былъ писцомъ у адвоката Быцинекаго, но жалованья не получалъ, такъ какъ пока еще пріучался къ дѣлу. Рѣдко развѣ когда перепала ему отъ патрона пара-другая зло-

*) Чѣмъ дольше я погружаюсь въ рассмотрѣніе случая, тѣмъ онъ кажется мнѣ темнѣе.

тыхъ, — и исчезала немедленно въ дырявой семейной каскѣ. — Папъ Сигизмундъ сбѣгалъ куда-то, и самолично принесъ огромнаго индюка (пару своихъ давнымъ давно продали, и деньги проѣли). Индюкъ былъ зажаренъ на вертѣлѣ, — и папъ Сигизмундъ разрѣзывалъ его па части. Ребята глазъ не спускали съ жаркого, облизывались. Посреди стола возвышались, (къ великому горю пани Констанціи), бутылка водки и двѣ-три бутылки вина. Все это папъ Сигизмундъ притащилъ въ неизмѣримыхъ карманахъ своего затаस्कаниаго и засаленнаго кунтуша. — Но вотъ индюкъ, наконецъ, разрѣзанъ, — и ребята съ жадностью принялись за ѣду. Не обошлось и безъ ссоръ и слезъ, — но папъ Сигизмундъ съумѣлъ возстановить порядокъ... Всѣхъ больше, конечно, досталось самому *pater familias*'у и Стасу, а прочимъ такъ только перенало кое что, — и Стасъ вышелъ изъ-за стола полуголоднымъ. Зато папъ Сигизмундъ былъ въ прекраснѣйшемъ расположеніи духа. Онъ допивалъ остатки вина и, то и дѣло, шутилъ, смѣялся. Пани Констанція молчала больше и только вздыхала.

Кончился ужинъ, и всѣ разбрелся по своимъ угламъ спать, — а Стасъ опять взялся за переводъ. И долго еще онъ скринѣлъ перомъ и шелестилъ страницами лексикона. — Но, вотъ, наконецъ слава Богу! Мальчикъ вздохнулъ свободно: переводъ конченъ, и завтра о. Игнатій не будетъ кричать на него, ворочать глазами... — Свѣчка погасла, и въ маленькой сырой и холодной комнаткѣ наступилъ непропускаемый мракъ... И жутко какъ-то при этомъ мракѣ, — Стасъ поплотнѣе закутывается одѣяломъ... Холодно... Дождь барабанитъ по стекламъ; вѣтеръ жалобно воетъ и стонетъ въ трубѣ; крысы пищать и возятся гдѣ-то; а тамъ, за стѣной, слышится громкій храпъ подвыпившаго папа Вернго... — И жметя и ѣжится Стасъ, и долго не можетъ заснуть онъ... Ему опять вспоминается домъ... отецъ, мать, друзья... Вспоминается лѣто... дуга и поля... лѣсъ... щебетаніе птичекъ... Рѣчка, гладкая, неподвижная... И скучно, тоскливо Стасю, и онъ все ворочается съ боку на бокъ. Но, наконецъ, природа беретъ свое, — и Стасъ засыпаетъ, съ мокрыми еще глазами отъ слезъ...

Но какъ шло ученье? Узналь-ли что новое Стась въ этотъ мѣсяць, что онъ провелъ въ коллегіи у о. о. піаровъ?—Нельзя сказать, чтобы къ тѣмъ знаніямъ, какія онъ пріобрѣлъ отъ о. Бенедикта, прибавилось еще что нибудь; развѣ немного латыни. О. Игнатій говорилъ то-же, что и о. Бенедиктъ, и такъ-же заставлялъ переводить и учить слова, но только больше кричалъ и больше дралъ за уши... И о. Пинцинь такъ-же штудировалъ со школьниками катехизисъ, но только еще больше говорилъ о грѣхахъ, постѣ и молитвѣ... Зато Стась узналъ много чего другого. Узналъ онъ, что всѣ школьники раздѣлялись профессорами на четыре разряда. Къ первому принадлежали такъ называемые „императоры“. Они могли ни чему не учиться и ничего не знать, но все-же считались лучшими и примѣрными учениками. Но „императоровъ“ любили только профессора, а школьники избѣгали ихъ, какъ чумы, за что тѣ, въ свою очередь, платили имъ полнымъ презрѣніемъ. Къ „императорамъ“ профессора и пальцемъ не прикасались,—но другихъ, не „императоровъ“, а простыхъ смертныхъ,—драли не на животъ, а на смерть, и сплошь да рядомъ за пустяки, не стоящіе вниманія. Но, впрочемъ, понятіе о *пустякахъ* было очень условно. За дѣтекую шалость, за рѣзвость, за слово какое-нибудь въ церкви, во время службы,—драли немилосердно; но часто крупная шалость, и гадость даже—сходили съ рукъ безнаказанно.—Второй разрядъ составляли ученики, дѣти не очень богатыхъ, но благородныхъ родителей. На такихъ смотрѣли тоже сквозь пальцы; не очень допимали ученьемъ; но тоже драли, порой. Въ третьемъ разрядѣ числились дѣти бѣдныхъ мелкопомѣстныхъ помѣщиковъ, шляхтичей. И ихъ было больше всѣхъ. Съ этими ужъ нисколько не церемонились. И, наконецъ, къ четвертому, и самому небольшому, принадлежали дѣти свободныхъ крестьянъ и хлоповъ. Эти ужъ представляли собой настоящихъ паріевъ,—и профессора даже не замѣчали ихъ.—Но, впрочемъ, случалось, что парій вдругъ попадалъ въ честь и милость, и его начинали даже ставить въ примѣръ другимъ. Стась долго не могъ понять, отчего грязный, лѣнивый Антекъ, который почти ни-

чего не смыслилъ въ латыни, былъ первымъ любимцемъ о. Игнатія. Когда профессоръ спрашивалъ у него урокъ,— Антекъ, по большей части только мычалъ, или несъ ужасную околесницу. Но о. Игнатій подсказывалъ ему чуть не каждое слово,— и онъ выходилъ съ честью!.. Антека о. Игнатій не дралъ никогда, не таскалъ за волосы; даже никогда не бранилъ... Но Антека ненавидѣлъ весь классъ, боялся его и избѣгалъ, какъ чумы... Наконецъ, все объяснилось: Антекъ былъ сплетникъ, фискалъ: онъ наблюдалъ за товарищами, подслушивалъ, подмѣчалъ,— и потомъ все пересказывалъ или о. Игнатію, или о. префекту.

— Да онъ у насъ не одинъ здѣсь шпионъ-то, говорилъ Бартекъ Стасю.— Есть и еще кое-кто,— штукъ пять найдется.— Ты берегись, братъ!.. Вонъ, между прочимъ, изъ „императоровъ“ двое... Видишь, одинъ, толстомордый такой, въ голубомъ кунтушѣ?— Это, братъ, первый шпионъ!.. А вонъ и другой,— въ зеленомъ... Ты не смотри, что они на насъ точно и вниманія никакого не обращаютъ... Это, братъ, для отвода глазъ,— а все они видятъ и слышатъ, и все пересказываютъ префекту...

— А пуще всего, ты избѣгай Антека! продолжалъ онъ.— Эта каналья хитрѣ чорта... Такой, что отца родного за грошъ продастъ!.. И изъ чего бьется, Иуда-Христонпродавецъ?— И изъ-за того, чтобъ набѣжать порки, да чтобъ кусокъ ему перепалъ лишній на кухнѣ... Животное!.. Учили ужь мы не разъ эту шельму,— да нѣтъ, все реимется!..

— Учили? какъ?..

— Да такъ вотъ,— дули его не на животъ, а на смерть,— и все тутъ!— И Бартекъ нахмурилъ брови, сжалъ кулаки.— Разъ какъ-то, подъ вечеръ, въ сѣняхъ поймали,— зажали ротъ и давай бить... давай бить... Съ недѣлю онъ провалялся. Подохнеть, думали,— да нѣтъ отлежался... И опять тоже!..

— И вамъ не стыдно было? Не жалко?..

— Чего? удивился Бартекъ и даже вытаращилъ глаза.— Что

били-то?... — Ну, ты дуракъ, братецъ, вотъ что! Кого-жь и бить тогда, какъ не этихъ... не этихъ... — Онъ не могъ подыскать слова. — Одно только жалко, что не подохъ...

— А вамъ за это ничего не было?

— Гм... Какъ не было, — было! — Известно, сейчасъ о. префектъ: кто? какъ? Молчимъ, какъ одинъ человѣкъ, ни слова. — Ну, и выдрали, всѣхъ, всю инфиму, кромѣ однихъ „императоровъ“...

— А сколько, братъ, пострадало изъ-за него, изъ-за этого Антка!.. съ жаромъ говорилъ Бартекъ, и глаза у него вдругъ загорѣлись. — Подслушаетъ, тамъ, подемотритъ, — и все перескажетъ; да своего еще прибавитъ три четверти, изъ мухи слона едѣластъ... Такая злая ехидна! — Ты, братъ, его избѣгай! опять повторилъ онъ.

И Стась избѣгалъ Антка и боялся его, пуще огня. Но съ прочими школярами онъ познакомился очень скоро, а съ двумя—тремя даже и подружился. И первый былъ, разумѣется, Бартекъ, его заступникъ и покровитель, съ первыхъ-же дней школьной жизни; другой, его сосѣдъ по скамейкѣ—Валекъ. Это былъ мальчикъ, лѣтъ 9, — но на видъ казалось ему лѣтъ 6—7, не больше, — маленькій, съ круглой, большой головой, и худенькій, тонкій, какъ спичка. Робкій и беззащитный ребенокъ, — онъ былъ мишенью для всего класса, и развѣ только лѣнивый не задѣвалъ его, не затрагивалъ. За обѣдомъ онъ вѣчно оставался голоднымъ: его сосѣдъ обыкновенно уничтожалъ три четверти его порціи, — и Валекъ не смѣлъ и пикнуть. Толчки, пишки, колотушки летѣли на него ото всюду, — и онъ только всхлипывалъ да глядѣлъ на своихъ обидчиковъ большими, кроткими, полными слезъ, глазами. Только одинъ разъ глаза эти блеснули гнѣвомъ, негодованіемъ. Стась помнитъ, вотъ какъ теперь, (да и врядъ-ли когда забудетъ), такую сцену. Это случилось черезъ недѣлю, по его поступленіи въ школу. Валекъ сидѣлъ въ уголку у окна. Къ нему подошелъ мальчуганъ какой-то и хлопнулъ его по плечу. Валекъ весь такъ и съежился и поднялъ испуганные глаза. Но мальчуганъ, очевидно, не

имѣлъ никакихъ враждебныхъ намѣреній. Онъ улыбулся. Но Валекъ смотрѣлъ на него недовѣрчиво.

— О чемъ задумался, кроликъ? спросилъ его мальчуганъ.

„Кроликъ“ какъ будто, пріободрился.

— Да такъ, скучно стало... говорилъ онъ.— Маму вспомнилъ...—

И въ большихъ голубыхъ глазахъ его вдругъ заблестѣли слезинки.

Мальчишка захохоталъ.

— Ахъ, ты, нюня, дѣвчоика ты этакая! говорилъ онъ.— Плакса!..

„Ма-а-му вспомнилъ!“ передразнилъ онъ.— А кто у тебя мама-то? Ты думаешь, я не знаю?— А?— Хлопцы! Видали вы когда нибудь маму Валька?

— Нѣтъ! отвѣчали школьники.

— А я такъ видалъ.— Это—нищая. Она по дворамъ ходитъ съ мѣшкомъ и собираетъ тамъ всякую дрянъ: тряпки, кости, арбузные корки, объѣдки разные... Она вся оборванная, въ лохмотьяхъ, грязная и постоянно пьяная... Говорятъ, воровка...—Что-о?...— И онъ обратился къ Вальку.

Мальчика и узнать нельзя было. Куда дѣвалось зануганное лицо!.. Оно, вдругъ, покраснѣло отъ гнѣва; глаза засверкали...

— Ты лжешь... безсовѣстно лжешь... крикнулъ на весь классъ Валекъ.— Мать моя не воровка!.. Она нищая... да... Она кости, тряпки, собираетъ и продаетъ... Но она не воровка... Нѣтъ!.. Бога ты не боишься, безсовѣтный!.. Ты...— Но Валекъ не выдержалъ и вдругъ зарыдалъ.

— Ахъ, ты, дрянъ этакая... ошметокъ!..— И мальчуганъ закатилъ ему здоровенную оплеуху. Валекъ качнулся и ударился головой объ стѣну.

И, вдругъ... Стасъ, и до сихъ поръ не можетъ понять, какъ это случилось... Онъ помнитъ, что у него точно подступило что къ сердцу; въ глазахъ помутилось... Онъ сжалъ кулаки, бросился на мальчишку, — и однимъ ударомъ сшибъ его съ ногъ... А тотъ былъ чуть не вдвое выше и толще его!.. Мальчишка вскочилъ, подмялъ подъ себя Стаса

и сталь неистово колотить его... Но тутъ вбѣжалъ Бартекъ... Поднялся шумъ, крикъ...—Дверь отворилась, и на порогъ показался о. Фелиціанъ, префектъ.

— Это что значить! крикнулъ онъ.—Драка?.. Кто тамъ?—Адамъ Квѣцинскій и Бартекъ Войно... И еще кто-то...—Розогъ!..

— Позвольте, о. префектъ... говорилъ Бартекъ, весь красный, какъ сырая говядина.—Я...

Началось слѣдствіе, и кочилось тѣмъ, что Бартку присудили пятьдесятъ розогъ, Адаму Квѣцинскому шестьдесятъ,—а Стася поставили на цѣлые два часа на колѣни въ уголъ, лицомъ къ стѣнѣ.—Но Стася ни капельки не смутился и бодро вытерпѣлъ наказаніе. Онъ сознавалъ въ душѣ, что онъ правъ, и пострадалъ за правду. Бартекъ только поморщился да почесалъ шишу, получивъ пятьдесятъ розогъ. (Калефакторъ за что-то злился на него и выпоролъ его вполнѣ добросовѣстно).

— Ну, ладно, ты погоди у меня!.. погрозилъ онъ кулакомъ Квѣцинскому.—Я послѣ еще съ тобой потолкую!.. За Стася я тебѣ голову оборву,—такъ и знай, — если ты его хоть разъ еще пальцемъ задѣнешь!.. Ну, а за Валька— и руки, и ноги, и ребра переломая!.. Такая дубина, большой осель, а смѣеть бить маленькихъ... Хоть постыдился-бы, барабанная палка, колода!..

— Да и вы тоже, ослы, обратился онъ ко всему классу.—Вы на носу у себя зарубите: если кто тронетъ Валька,—будетъ имѣть дѣло со мной!.. Итъ ни стыда въ васъ, ни совѣсти!..

— Постои, Бартекъ, не веѣхъ ругай! послышался чей-то голосъ.—Кабы не ты, такъ я самъ отзвонилъ-бы Адамку... За что онъ ударилъ Кролика?

— И я, Бартекъ! И я!.. Это они только его обижали... А мы его и пальцемъ никогда не задѣли... Господь свидѣтель!

— То-то, вотъ!..—И Бартекъ пошелъ на мѣсто.—Хоть трое въ классѣ нашлось,—и то еще слава Богу!..

И точно, прошло съ недѣлю,—а Валька къ его величайшему

удивленію, никто не обидѣлъ и не затронулъ. Сперва онъ робко глядѣлъ на всѣхъ и, точно, хотѣлъ спросить: да что-же ты меня не ударишь?—ударь!.. Наконецъ, онъ немного пріободрился и даже, какъ будто, слегка поправился. На блѣдныхъ щекахъ его, порою, показывался румянецъ.—И съ этого дня Стасъ подружился съ Валькомъ. Да и нельзя съ нимъ было не подружиться! Валець напомнилъ ему Михася, убитаго гайдамаками. То-же сердечко, любящее и доброе, и такъ-же въ немъ много горя, страданій!.. Отець его былъ крестьяниномъ, хлопомъ у какого-то пана... Разъ какъ-то, зимой („недавно, въ прошломъ году!“ говорилъ Валець и отиралъ кулакомъ слезы),—онъ подрубалъ въ лѣсу старій, высокій дубъ. Дерево застонало и затрещало, накренилось,—онъ не успѣлъ отскочить... и только!.. Осталась вдова съ тремя ребятишками, и Валець изъ нихъ самый старшій. Убитая горемъ, мать заболѣла, и долго лежала въ постели. Потомъ оправилась, но силы ея пропали, и она не могла ужъ работать, какъ прежде... Безсовѣтнѣй панъ прогналъ ее, безъ всякаго сожалѣнія, вмѣстѣ съ дѣтьми изъ хаты,—и она осталась съ семьей безъ крова и безъ куска хлѣба... Что дѣлать? Куда идти?..—Но нашелся добрый, хорошій панъ („дай ему Богъ здоровья!“) и пріютилъ Яся съ Зоськой, а Валька взяли на воспитаніе о. о. пшары.

— И вотъ, я надумалъ учиться, говорилъ Валець. — Учиться изъ всѣхъ силъ!.. Слыхалъ я, что только ученый и можетъ сдѣлаться человѣкомъ и добывать много денегъ... И я учусь, Стасъ... Ночью, иной разъ, встаю и зубрю латынь... Второй годъ я еще въ коллегіи, а знаю всѣ эти склоненія и спряженія, не хуже грамматиковъ, или синтаксоевъ... Вѣрно!.. А выучусь, — мѣсто найду себѣ, и маму къ себѣ возьму... Бѣдная!.. Какъ тяжело ей теперь, какъ трудно!.. — И слезы опять ручьемъ текли по щекамъ Валька.—Мнѣ что,—хорошо здѣсь: тепло мнѣ, сытъ... (Онъ забывалъ, что его объѣдали). А вотъ она... Господи!.. И голодаетъ и холодаетъ!..—Она не шницая, Стасъ, — неправда! Она не просить ни у костела, ни подъ окномъ!.. Нѣтъ, тряпки она, кости собираетъ и продаетъ,—и этимъ кормится...

Стась слушалъ Валька, глазъ не спускалъ съ него,—и чувствовалъ, какъ что-то тамъ подступало къ горлу, давило его... Больно ему такъ, грустно, тяжело было!..

— Совѣсти нѣту въ нихъ... Бога нѣтъ!.. говорилъ Валекъ. — Что сдѣлалъ я имъ худого?.. Всякій меня ударить, толкнуть... За что?..

— А ты зачѣмъ позволяешь?.. горячо протестовалъ Стась. — Они, вѣдь, все на одинъ покрой... Ты только поддайся имъ — заключаютъ совѣмъ!.. Вонъ ты послушалъ-бы, что говоритъ Бартекъ!.. — Ударять,—и ты ударь,—отстануть!..

— Нѣтъ, Стась!—И Валекъ покачалъ головой.—Куда мнѣ,—вѣдь я такой худенькій, слабый!.. Я лучше ужъ такъ... кротостью какъ-нибудь... Все думаю: имъ жалко станеть...

— Да, какъ-же, вотъ,—пожалѣють!.. Они на кроткихъ-то, — Бартекъ, вонъ, говоритъ, — больше и нападаютъ... Да ты не бойся теперь,—тебя никто не обидитъ... И Бартекъ и я заступимся!..

— Дай Богъ... Спасибо!.. — И Валекъ поднялъ на него свои голубые глаза. Въ нихъ свѣтилась благодарность...

XII.

Изъ всѣхъ разнородныхъ типовъ учениковъ въ шифимѣ особенно рѣзко бросался въ глаза одинъ. Это былъ Олесь Важинскій.

Теперь даже трудно представить себѣ всю эту испорченность школяровъ коллегии. Теперь нигдѣ не найдешь ничего подобнаго; но тогда, лѣтъ сто пятьдесятъ назадъ, — было дѣло другое... Добрый, честный, хорошій мальчикъ являлся тамъ почти исключеніемъ, какимъ-то свѣтлымъ лучемъ въ темномъ царствѣ... Но большинство... Боже мой, большинство!..Обидѣть слабого, беззащитнаго; съѣсть его жалкій обѣдъ и оставить самого голоднымъ,—считалось дѣломъ обы-

кновеннымъ. Школьнымъ девизомъ служило: „*cipiat, qui capere possit*“, — и кулакъ являлся чуть не единственнымъ аргументомъ, и царилъ, господствовалъ въ школѣ. — Къ нему прибѣгали даже тотъ, кто въ душѣ вовсе не признавалъ за нимъ никакой правдивной силы. Солгать, обмануть, украсть — ничего не стоило. Тотъ, кто считалъ себя виноватымъ, думалъ, что согрѣшилъ, — тотъ только прочи-

тывалъ на колѣняхъ пять-шесть молитвъ. Набожность, такимъ образомъ, выражалась, въ большинствѣ случаевъ, въ выполненіи однихъ только внѣшнихъ обрядовъ. — И вотъ, Олесь Важинскій представлялъ во всей этой испорченной, драчливой и шумливой аравѣ особое, рѣзкое исключеніе. Сперва школяры смѣялись надъ нимъ, называли его святошей, монахомъ — но онъ все выносилъ съ истиннымъ христіанскимъ смиреніемъ, — и, наконецъ, былъ оставленъ въ покоѣ. Никто никогда не видалъ, чтобы Олесь смѣялся, или улыбался даже.

Нѣтъ, онъ всегда былъ мраченъ, задумчивъ и молчаливъ... Онъ, точно, считалъ себя страшнымъ, великимъ грѣшникомъ, — и вѣчно каялся и молился. Учился онъ очень плохо: въ латыни былъ слабъ, и, въ большинствѣ случаевъ, или не зналъ вовсе урока, или отвѣчалъ не впопадъ. Немудрено, впрочемъ. Онъ постоянно былъ страшно разсѣянъ, сосредоточенъ на одной мысли. И, кажется, только тѣло одно его и сидѣло въ классѣ, а духъ вѣчно виталъ въ вышнихъ сферахъ... И Олеся ничего не видѣлъ, не слышалъ, не замѣчалъ... Зато въ молитвахъ, священной исторіи и катехизисѣ онъ былъ отнюдь не слабѣе самого о. Піацинта. Событія изъ священной исторіи, и особенно эпизоды жизни Иисуса Христа, Его страданій и крестной смерти, — онъ разсказывалъ съ увлеченіемъ, съ жаромъ... Онъ весь тогда какъ-то преображался. Его худое лицо горѣло румянцемъ; глаза сверкали... — Да, Олеся былъ не отъ міра сего! Ничто земное не занимало его, — онъ былъ ко всему холоденъ, равнодушенъ, — и стремился только къ небесному... Ночью онъ часто вставалъ съ постели и горячо, жарко молился, вплоть до разсвѣта, когда школяры просыпались и начинали вставать... Онъ постоянно постился; лишалъ себя даже этой скудной, невкусной пищи, какую давали имъ за обѣдомъ, за ужиномъ, — и былъ худъ, какъ скелетъ... Профессора коллегіи и о. ректоръ въ немъ видѣли будущаго подвижника, — быть можетъ, святого, — и только префектъ Фелиціанъ, суровый, строгій монахъ, смотрѣлъ на Олесю недовѣрчиво какъ-то, и считалъ его немного помѣшаннымъ.

Стасъ удивлялся Олесю, и даже, какъ будто, боялся его. — Разъ какъ-то, послѣ урока все школяры, съ шумомъ и гамомъ, выпали на дворъ, не смотря на рѣзкій, холодный вѣтеръ и дождь, — и въ классѣ остались только: онъ, Стасъ, Янекъ, да еще какой-то страшный худой, болѣзненный мальчикъ. Это и былъ Олеся. — Онъ сложилъ руки, какъ на молитвѣ, и что-то шепталъ; глаза его были устремлены вдаль, — но онъ ничего не видѣлъ... Стасъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на него. Тогда еще онъ не зналъ, кто онъ такой... — Но

вотъ Олесь опустилъ руки, и взглядъ его обратился на Янка. Тотъ въ это время съ жадностью доѣдалъ сухарь. И трудно сказать, что выражалъ этотъ взглядъ: не то насмѣшку, не то сожалѣніе... — Стась рѣшился заговорить съ этимъ страннымъ мальчикомъ.

— Тебя какъ зовуть? робко спросилъ онъ.

Тотъ повернулъ голову.

— Что?

— Какъ зовуть тебя?

— Олесь Важинскій.

— Ты голодень, вѣрно? Да?

— Голодень?.. Я?..—И Олесь презрительно усмѣхнулся.— Ты почему-же такъ думаешь?..

— Да ты такъ смотрѣлъ на этого мальчика, что, вонъ, сухарь ѣсть... забормоталъ Стась.— Ну, я и думалъ, что и тебѣ хочется...

— Аа!—И Олесь взглянулъ на него, какъ смотреть старые и умудренные ужъ опытомъ люди на неосмысленнаго ребенка.

— Нѣтъ, я смотрѣлъ и жалѣлъ его! грустно говорилъ онъ.— Я удивлялся: какъ это люди заботятся лишь о хлѣбѣ земномъ, ѣдятъ все и пьютъ, — и такъ мало думаютъ о небесномъ!.. Не хлѣбомъ однимъ бываетъ живъ человѣкъ, но и всякимъ словомъ, исходящимъ изъ устъ Божіихъ...

Стась посмотрѣлъ на него съ изумленіемъ.

— Да, жалки люди! продолжалъ Олесь.— Они заботятся о мамонѣ... Вонъ этотъ... Какъ его, тамъ... не знаю... Онъ только и думаетъ объ одномъ: какъ-бы набить брюхо... Ну, а молитвы, а воздержаніе, постъ, — онъ забываетъ совсѣмъ...

— Послушай, мальчикъ!.. — И онъ вдругъ схватилъ Стася за руку.— Ради Христа-Создателя, ты не будь такимъ!..

— Какимъ? не понималъ ничего Стась.

— Обжорой такимъ, какъ онъ... Я третій день замѣчаю: онъ грызетъ что-то, все ѣсть!..

— Но если онъ голодень?

— Гѣ-олодень?.. съ сожалѣніемъ протянулъ Олесъ. — Но что-же такое голодъ? — Маленькое лишеніе плоти... — Но есть другая нища, въ миллионъ разъ полезнѣй, здоровѣй тѣлесной... — Молитва!..

— Да ты развѣ самъ никогда не ѣшь? спрашивалъ удивленно Стасъ. — Неужели ты все только молишься?..

— Нѣтъ, и я ѣмъ! со вздохомъ отвѣчалъ Олесъ, — точно ѣда составляетъ великій грѣхъ. — Плоть немощна... Но я ѣмъ, чтобъ только не умереть съ голоду...

— То-то такой и худой ты! — И Стасъ оглянулъ его съ сожалѣніемъ.

— Надо заботиться не о тѣлѣ, а о душѣ! продолжалъ Олесъ. Тѣло умереть и сгнѣть въ могилѣ... Но духъ будетъ жить вѣчно... Надо жить для того только, чтобы спасти свою душу... А развѣ заботимся мы о ней?.. Развѣ они... все эти... заботятся?.. Они помышляютъ лишь о земномъ... — И Олесъ опять вздохнулъ. — Они грѣшники... все, все грѣшники!.. Я молюсь за нихъ каждый день: днемъ и ночью...

Стасъ удивлялся все больше и больше.

— Ну, а ты... ты хочешь спасти свою душу, мальчикъ? заговорилъ опять Олесъ и устремилъ на Стася блестящій взглядъ.

Тотъ растерялся.

— Не знаю... хочу... забормоталъ онъ.

— А знаешь ты, что надо дѣлать для этого? Нѣтъ, не знаешь? — Надо забыть все земное, и всею своимъ существомъ устремиться къ Богу... Забыть и отца, и мать... всехъ, всехъ забыть... и молиться, молиться!.. — Да и что такое земля? — Юдоль плача и скорби!.. А люди? — Сонмище беззаконій, грѣховъ!.. Надо отречься отъ всего этого и устремляться на небо... Тамъ только свѣтъ!.. Тамъ истина!..

— Да, миѣ о. Бенедиктъ толковалъ объ этомъ, говорилъ Стасъ. — Онъ говорилъ, что надо молиться...

— Да, молиться, — но какъ? перебилъ его Олесъ. — Весь день молиться, всю ночь!.. Надо такъ дѣлать, чтобъ на умѣ только и были

однѣ молитвы... Какъ поступили подвижники христіанства... — О, какъ хотѣлъ-бы я, какъ хотѣлъ быть подвижникомъ!.. — И глаза Олеся засверкали. — Я и теперь стараюсь изо всѣхъ силъ... Весь день, какъ встану, — я только и дѣлаю, что молюсь... Молюсь въ душѣ, незамѣтно; никто не знаетъ объ этомъ!.. Ночью встаю по нѣскольку разъ, и становлюсь на молитву... Плоть немощна; дьяволъ меня смущаетъ и клонитъ ко сну; но я борюсь съ нимъ изо всѣхъ силъ!.. Но я еще слабъ, и не всегда съ нимъ могу справиться!.. Иной разъ я засыпаю вдругъ на молитвѣ... — И онъ тяжело вздохнулъ. — Но это пройдетъ со временемъ... Потомъ, когда я вырасту и окрѣпну, я удалюсь въ пустыню куда-нибудь; вырою тамъ руками пещеру, и буду питаться только одними кореньями и пить ключевую воду... Тогда я только могу надѣяться очистить отъ грѣховъ душу, спасти ее... А, здѣсь, — нѣтъ!.. — И онъ вдругъ махнулъ рукой. — Здѣсь, все таин, много соблазновъ... Мѣшаютъ на каждомъ шагу... А тамъ я...

Олеся вдругъ замолчалъ... Въ классъ, съ шумомъ, ворвались школьники, — и онъ усеяся опять на мѣсто, шепча про себя молитвы. Стасъ весь урокъ не сводилъ глазъ съ него. Но Олеся ничего не видѣлъ, не слышалъ.

— О чемъ онъ съ тобой говорилъ? спрашивалъ Бартекъ Стася. — Не о душѣ-ли?

— Да... Но онъ странный какой-то... Я мало понималъ...

— Немудрено: его никто здѣсь не знаетъ, не понимаетъ. Онъ — не отъ міра сего! Ему-бы не здѣсь жить, среди сорванцевъ, голово-рѣзовъ, — а гдѣ нибудь, тамъ, въ пустынѣ, — спастись...

— Онъ такъ и хочетъ.

— И сдѣластъ!.. Да, если доживетъ только! прибавилъ Бартекъ. — Вѣдь онъ не ѣсть, не пьетъ и не спитъ. Въ немъ еле душа держится. Прежде надъ нимъ смѣялись все, ханжой звали... Но онъ не ханжа, — нѣтъ!.. Онъ мнѣ всегда казался какимъ-то такимъ... Но только хорошимъ... — Да, онъ — не отъ міра сего! задумчиво повторилъ Бартекъ. — И изъ такихъ, говорить, выходили святые подвижники...

— Ты, послѣ класса, зайди сегодня ко мнѣ! говорилъ о. Гіацинтъ Стасю. Знаешь, гдѣ я живу?

— Нѣтъ.

— Четвертая дверь по корридорѣ, налѣво.

— Зачѣмъ-бы это? подумалъ Стась,—и обратился за разрѣшеніемъ этого вопроса къ Бартку. Тотъ сдвинулъ брови, задумался.

— Не знаю, право, зачѣмъ ты ему понадобился, говорилъ онъ.— Этотъ монахъ, вообще, къ тебѣ благоволитъ что-то...—И вдругъ ему пришла мысль какая-то. Бартекъ нахмурился.

— Гм... Ужъ не хочеть-ли онъ изъ тебя сдѣлать доносчика?.. мрачно говорилъ онъ.

— Что ты, Господь съ тобой!

— Да, вѣдь, какъ знать, чего не знаешь! За чѣмъ—за другимъ-то звать? Пирожнымъ тебя накормить, что-ли, хочеть, конфектами?..—Ты, братъ, смотри, Стась!—И онъ полушутя, полусерьезно погрозилъ пальцемъ.

— Ну, ладно, прости,—пошутить я!.. Знаю, что ты не выдашь своихъ, не будешь фискаломъ...

— Колоколъ прозвонилъ къ обѣду. Уроки кончились, и школяры посыпали вонь изъ класса.

— Ты не забудь, говорилъ Бартекъ Стасю.— Четвертая дверь налѣво...

— А ты бывалъ у него развѣ?

— Зачѣмъ мнѣ бывать?—нѣтъ!

И Стась отправился. Длинный, сырой корридоръ во второмъ этажѣ коллегіи, гдѣ номѣщались кельи профессоровъ и ректора, освѣщался только однимъ окномъ, съ тусклыми, на половину забѣленными стеклами. Въ немъ и въ ясный, солнечный день былъ полумракъ. Вечеромъ зажигали тусклую, дымящую лампочку, освѣщавшую пространство на пять-десять шаговъ, да и ту часа черезъ два-три гасили: монахи рано ложились спать... Сегодня день былъ пасмурный, хмурый,—и въ корридорѣ было темно. Стась брелъ чуть не ощупью.

Но вотъ онъ дошелъ до какой-то двери... Четвертая, кажется, слѣва? Да. Онъ дернулъ за скобку. Дверь скрипнула, отворилась, — и Стась очутился въ маленькой комнаткѣ.

Вездѣ образа по стѣнамъ; лампы ярко горятъ передъ ними; въ углу большое бронзовое распятіе... Кровать; два стула съ кожаными подушками; столъ, заваленный грудами книгъ и рукописей, — и за столомъ — о. Игнатій. Онъ пристально разглядывалъ къ свѣту стаканъ съ какой то свѣтлой, янтарной жидкостью. Тутъ-же подлѣ него стояла бутылка, вся запыленная, покрытая паутиной. — Стась тотчасъ узналъ ее. Въ такихъ бутылкахъ у папы былъ старый литовскій медъ... — О. Игнатій былъ такъ погруженъ въ созерцаніе свѣтло-янтарной жидкости, что даже не слышалъ, какъ скрипнула дверь, и вошелъ Стась. Мальчикъ сообразилъ, что не туда попалъ, и хотѣлъ улизнуть, — но о. Игнатій вдругъ поднялъ голову и увидалъ его.

— Тебѣ здѣсь чего надо? закричалъ онъ. — Какъ ты попалъ сюда?

— Простите... ошибся... Я думалъ къ о. Гіацинту... бормоталъ Стась.

— То-то, вотъ, шляетесь только всюду, мѣшаете!.. Пошелъ вопъ!

Стась моментально скрылся.

— Стой! закричалъ о. Игнатій. — Куда ты, точно настеганный? Эй, вернись!..

Мальчикъ вернулся.

— Кончились лекціи!

— Да-съ.

— А какъ по латыни: кончить?

— Finire.

— Спряженіе будетъ?

— Четвертое.

— Такъ. Пошелъ вопъ!.. Нѣтъ, впрочемъ, стой! Ты куда?

— Къ о. Гіацинту. Онъ звалъ меня...

— Аа!.. Зачѣмъ?

— Не знаю.

— Гм... А какъ будетъ: знать?

— Scire.

— А не знать?

— Nescire.

— Вѣрно. Пошелъ вонъ!.. Келья о. Гіацинта возлѣ...

Въ такой-же маленькой и освещенной лампадками, комнаткѣ, стоялъ у окна блѣдный, худой монахъ и задумчиво барабанилъ по стеклу пальцами. При входѣ Стася, онъ обернулся.

О. Людовику было лѣтъ 27 — 28, и онъ читалъ въ старшемъ классѣ поэзію. Стася ужъ встрѣчалъ его раза два-три въ коллегіи, и онъ произвелъ на него очень хорошее впечатлѣніе: такой ласковый, добрый на видъ, и такъ кротко, любовно смотритъ. Одно вотъ не хорошо только: о. Людовикъ боленъ, должно быть, и очень боленъ. Онъ постоянно кашляетъ отрывистымъ, сухимъ кашлемъ и хватается руками за грудь. На блѣдныхъ и впалыхъ щекахъ его, порой, выступаетъ какой-то зловѣщій румянецъ, пятнами.—Стася оглянулся. Въ кельѣ, кромѣ о. Людовика, никого не было.

— Тебѣ, что мальчикъ?

— О. Гіацинта. Онъ мнѣ велѣлъ зайти.

— О. Гіацинтъ придетъ сейчасъ. Подожди. Сядь, вотъ сюда!

Стася замялся.

— Садись! садись!—И онъ усадилъ его.

— Ты, видно, недавно въ коллегіи, —я что-то не видѣлъ тебя, говорилъ о. Людовикъ.

— Недавно, мѣсяцъ еще.

— Гм... А сколько лѣтъ тебѣ?

— Скоро одиннадцать.

— Ты въ инфимѣ?

— Да.

— А какъ тебѣ правится здѣсь?

Стась смѣшался.

— Не очень? — Немудрено!.. Кормятъ здѣсь очень плохо... И о. Людовикъ вздохнулъ. — Какъ можно морить дѣтей голодомъ! говорилъ онъ, точно съ самимъ собой. — Они растутъ, вѣдь; имъ силами запасаться надо... — Ну, а учиться ты какъ, мальчикъ? Охота ость?

— Да-а... замялся Стась. — Но только теперь...

— Теперь еще ты ничего не знаешь, кромѣ спряженій, склоненій? — Ну, подожди: дойдешь до риторики, до поэзии, — тамъ ты узнаешь больше... Ну, а читать? Не любишь? Охоты нѣтъ?

— Очень люблю... У меня дома довольно книжекъ...

— А, это хорошо, милый... Читай, какъ можно больше, читай!.. *Ex libris bonis legendis magnus fructus capitur* *). Ты понимаешь меня?

— Да.

— Ты, значить, не слабъ въ латыни? — Учись, мой милый, учись! Сначала скучно, конечно: спряженія и склоненія, герундіи и супины, — ну, а потомъ, когда ты постигнешь все это, — ты не раскиснешь... Нѣтъ!.. На языкѣ римлянъ есть много чудныхъ прекрасныхъ вещей, какихъ еще никогда не было и не будетъ!.. Сколько въ нихъ крестя истинной и глубокой поэзіи; сколько одушевленія, чувства, силы!.. *Виргилій, Горацій, Овидій*...

— Но, впрочемъ, ты еще не поймешь меня, — ты еще очень молодъ!.. Учись, старайся, и, если ты только захочешь свѣта, — увидишь его! Учись!.. — И онъ ласково потрепалъ его по плечу.

Дверь отворилась, и вошелъ о. Гіацинтъ. Стась моментально вскочилъ.

— А, ты здѣсь! кивнулъ онъ ему головой. — Сейчасъ, погоди немного!.. — И онъ обратился къ о. Людовику.

— Что скажетъ, почтенный братъ мой? говорилъ онъ, ласково

*) Изъ чтенія хорошихъ книгъ извлекается много пользы.

заглядывая въ глаза монаха и пожимая его тонкую, худую руку. — Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ...—Я къ вамъ по дѣлу, о. Гіацинтъ... И все по тому же, что и тогда... Сегодня они опять просили меня...

— Аа!... —И лобъ о. Гіацинта слегка нахмурился. — Я говориль съ о. ректоромъ...

— И что-же онъ?

— Находить, что пища и хороша, и достаточна.

— И вы такъ находите?

— Да.

О. Людовикъ пожалъ плечами.

— Нѣтъ, такъ невозможно! говорилъ онъ.—Вѣдь вы поймите... Намъ съ вами не трудно соблюдать постъ, —мы люди взрослые и окрѣпые... А они...

— Постъ никому не мѣшаетъ, почтенный братъ мой, говорилъ о. Гіацинтъ.—Ни въ какомъ возрастѣ...

— Да, я согласенъ. Умѣренность, а не голодъ...

— Да развѣ они голодные? — И о. Гіацинтъ съ изумленіемъ взглянулъ на него.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что да... И, кромѣ того, съѣстные припасы... Они далеко не всегда свѣжіе... И о. ректору право-бы не мѣшало хоть изрѣдка заглянуть въ кухню...

— Ахъ, Боже мой, — да развѣ ему есть время? говорилъ о. Гіацинтъ.—Онъ и такъ занятъ, съ утра и до ночи...

— А дурное питаніе ведетъ къ болѣзнямъ... Оно портитъ соки и изнуряетъ... Вѣдь это вопросъ очень серьезный, о. Гіацинтъ, — и о немъ стоить похлопотать... Вы знаете, я и самъ не разъ обращался къ о. ректору... Но я думалъ: вы такъ хороши съ нимъ, такъ близки,—и онъ васъ скорѣе послушаетъ...

— Полноте, почтенный братъ мой! Изъ-за чего вы хлопочете?—Школьниковъ какъ ни корми, —имъ все будетъ мало... Они захотятъ еще... А наша община, право, не такъ богата... Бросьте вы

этотъ „вопросъ“, какъ вы называете! Все равно, изъ него ничего не выйдетъ.— Чего хотять школьники?—Объѣдаться? — А, вѣдь, обжорство— великій грѣхъ!

О. Людовикъ только махнулъ рукой и, закашлявшись, вышелъ изъ кельи. О. Гіацинтъ проводилъ его не особенно добрымъ взглядомъ.

— Ты понялъ, о чемъ говорили мы? — обратился онъ къ Стасю.

— Да, понялъ. Здѣсь мало и плохо кормятъ...

— Но это не правда, дитя мое! Это о. Людовику только такъ кажется... Кормятъ здѣсь хорошо и сытно.

Стасъ промолчалъ. Онъ вспомнилъ, какъ школьники, точно собаки, грызлись изъ-за куска. Вспомнилъ этотъ обѣдъ инфимы...

— Умѣренность—это лучшее средство, чтобъ быть здоровымъ и долго жить, продолжалъ о. Гіацинтъ. — А обжорство порождаетъ только болѣзни... — Но мы оставимъ это, дитя мое... Тебя какъ зовутъ?

— Станиславъ Маевскій.

— Такъ, вотъ, Стасъ, — и о. Гіацинтъ ласково потрепалъ его по плечу. — Я зналъ твоего отца, когда онъ былъ еще мальчикомъ... И онъ былъ очень умный, хорошій мальчикъ. Старайся и ты быть такимъ-же... Ты любишь его... папу?

— О, да, очень!..

— И хорошо. Любить отца и мать, почитать ихъ, — повелѣваетъ намъ самъ Господь Богъ въ одной изъ Своихъ святыхъ заповѣдей... А послѣ отца и матери, надо любить и уважать своихъ наставниковъ и учителей... Вотъ, напримѣръ, мѣня ты любишь? А?— И онъ заглянулъ ему прямо въ глаза.

Стасъ смутился.

— Не любишь?

— Нѣтъ... почему-же... вы добрый... Вы насъ не бьете, не мучите...

Но о. Гіацинтъ точно и не разслышалъ.

— Ну, а другіе какъ? Твои товарищи? говорилъ онъ. — Любятъ они меня? Не говорятъ про меня ничего дурного?

— Не говорятъ.

— И это правда? Покляешься можешь?

— Но клясться грѣшно, вѣдь...

— Да... но иногда и можно... Бываютъ случаи... Не говорятъ, значить?

— Не знаю, право... Я не слыхалъ...

— Гм... А про другихъ что говорить?.. Про о. Игнатія? Его не любятъ? Браютъ?..

— Да, браютъ.

— А кто, напримѣръ?

— Все браютъ.

— Гм... И ты тоже?

— И я... Онъ очень больно деретъ мнѣ уши! откровенно заявилъ Стась.

О. Гіацинтъ улыбнулся.

— Sancta simplicitas!..*) — пробормоталъ онъ. — А про другихъ? Про о. ректора? О. префекта?.. Не говорятъ?..

— Не знаю, право... Я не слыхалъ... Я здѣсь еще такъ недавно...

О. Гіацинтъ кашлянулъ.

— Гм... Видишь, дитя мое, вдругъ круто онъ измѣнилъ разговоръ. — Я позвалъ тебя затѣмъ, чтобъ пояснить, что значать слова: „*Domine, ne in furore Tuo arguas me, neque in ira Tua corripias me*“ **).

И онъ сталъ объяснять. Стась слушала его разсѣянно. Ему вѣсть хотѣлось. Но вотъ, наконецъ, о. Гіацинтъ кончилъ.

— Иди съ Богомъ, дитя мое! говорилъ онъ, благословляя маль-

*) Святая простота.

**) Господи! Не въ ярости Твоей обличай меня, и не въ гнѣвъ Твоемъ наказывай меня.

чика. — Будь умнымъ, послушнымъ, прилежнымъ... Молись больше и всегда слушайся, уважай и почитай наставниковъ... Ступай! Dominus tecum!..

XIII.

Каунтъ Рождества въ домѣ пана Маевского, справлялся чрезвычайно скромно. Сбирались только близкіе родственники и друзья и, по семейному, проводили вечеръ. Съ первой звѣздой, т. е. часовъ въ пять вечера, садились все за обѣдъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ужинъ — *кутью*, состоящей непременно изъ двѣнадцати постныхъ блюдъ, между которыми преобладали рыбныя кушанья, каши, сваренныя изъ неочищеннаго зерна, медъ, макъ и пр. Передъ кутьей ломали облатки, съ пожеланіемъ другъ другу всевозможныхъ благъ. И такъ проходило время часовъ до семи, восьми вечера. Затѣмъ все ложились спать. Часа въ два или въ три утра вставали и отправлялись все на *настерку* *).

И въ этомъ году не было отступленія отъ обычнаго правила. Панина Барбара, съ опухшей, подвязанною щекой, хлопотала и суетилась въ кухнѣ. По правдѣ сказать, ея хлопоты были здѣсь совершенно излишни: поваръ Василь и безъ нея прекрасно зналъ свое дѣло, и она своей суетней только мѣшала ему. Но ужъ такой нравъ былъ у „старой панни“: всюду совать свой носъ, даже туда, гдѣ ея вовсе не спрашивали...

Въ ярко освѣщенномъ нѣсколькими канделябрами и топившейся печкой залѣ былъ уже накрытъ столъ для куты, и за нимъ собралось небольшое общество, въ ожиданіи перваго блюда. Панъ Ромуальдъ, пани Ядвига, о. Бенедиктъ, панъ Болеславъ Грабовскій и Стась. — Мальчикъ только вчера пріѣхалъ съ отцомъ изъ Кіева. — И сколько-

*) То-же, что наша рождественская заутреня.

же радости было, Боже мой, сколько слезъ!.. Пани Ядвига точно лѣтъ десять не видала сына,—до того она обрадовалась ему!.. Она оглядывала его съ головы до ногъ, обнимала, цѣловала и плакала; потомъ опять обнимала и цѣловала... Но слезы радости вскорѣ смѣнились слезами сожалѣнія, горя... Она нашла, что Стась похудѣлъ страшно...

— Его голодомъ тамъ морили эти обжоры... пищіе!.. съ плачемъ говорила она.—И зачѣмъ, Ромусъ, отдалъ ты его къ нимъ?.. Развѣ не нашлось-бы въ Кіевѣ кого другого?..

Папъ Ромуальдъ смущенно покручивалъ усъ и тоже находилъ, что Стась дѣйствительно похудѣлъ, отощалъ какъ-то...

— Конечно, еслибъ я только зналъ, Ядичка!.. говорилъ онъ.— Да ни за что-бы на свѣтѣ!.. Но какъ-же мнѣ было знать!..

И вотъ Стася вчера едва не закормили до смерти... Пани Ядвига, то и дѣло, подкладывала ему на тарелку отборнѣйшіе куски.

— Мамочка! Да я не хочу, — сытъ! протестовалъ Стась.

— Ну, гдѣ-же сытъ, — полно! Много-ли ты и съѣлъ?.. Кушай, мой милый, кушай!..

И Стась вышелъ изъ-за стола съ набитымъ, какъ чемоданъ, желудкомъ.

Однако время идетъ... Стрѣлка стѣнныхъ часовъ въ залѣ показываеъ уже четверть седьмого, — а перваго блюда все еще нѣтъ... О. Бенедиктъ начинаетъ слегка покряхтывать, что служить у него признакомъ нѣкотораго нетерпѣнія... Старикъ сидитъ какъ разъ напротивъ Грабовскаго и, волей-неволей, долженъ, порой, встрѣчаться съ нимъ взглядами. Тогда тонкія губы его конвульсивно сжимаются; онъ мрачно сдвигаетъ брови и опускаетъ глаза въ тарелку...

Но что-жъ это пани Барбара? Умерла она, что-ли, въ кухнѣ?.. — О. Бенедиктъ голодець: сегодня онъ ровно еще ничего не ѣлъ (какъ и всѣ, впрочемъ). Да сму и некогда сидѣть тутъ и растабарывать за столомъ. Онъ долженъ еще уснуть, и хорошенько уснуть, до пастерки...

А, вотъ, наконецъ, — дверь распахнулась. Вошла пани Барбара,

разряженная, расфранченная, покрытая чуть не съ головы до ногъ разными ленточками и бантиками, — а за нею шла Гапка, съ блюдомъ въ рукахъ.

Панъ Ромуальдъ взялъ со стола облатку и, разломивъ ее, обратился къ о. Бенедикту.

— Позвольте вамъ пожелать всего лучшаго, отецъ мой, — говорилъ онъ, — и, главное, силъ и здоровья!..

— И вамъ того-же! пробурчалъ старикъ и дѣятельно заработалъ ножомъ и вилкой. Онъ былъ что-то очень сердитъ сегодня.

Затѣмъ панъ Ромуальдъ обратился къ женѣ, къ пану Болеславу, паннѣ Барбарѣ, къ Стасю... Послѣднему онъ пожелалъ хорошо учиться и пополизть. — Наконецъ запасъ добрыхъ желаній весь истощился, и все принялись за ѣду.

— Возьми-ка, вотъ, этотъ кусочекъ, Стась! — И пани Ядвига сунула ему на тарелку такой „кусочекъ“, что Стась испугался даже.

— Мамочка! Да мнѣ этого въ два дня не съѣсть!..

— Ну, полно, милый!

Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся.

— Тшь, мальчикъ, тшь! говорилъ онъ. — Надо на праздникахъ хоть капельку нагулять жиру... Видишь, какъ похудѣлъ!..

— Да, такъ, вотъ... продолжалъ панъ Болеславъ прерванный разговоръ. — Вы спрашивали меня, какъ идутъ дѣла тамъ у меня, въ имѣннн? — Какъ вамъ сказать?.. Все было-бы хорошо, панъ Ромуальдъ, еслибъ только земля была лучше... Да... Съ такой землей, и мои агрономическія свѣдѣнія ничего подѣлать не могутъ... Ну, а земля плоха, — и крестьянамъ у меня не очень сладко живется...

— Однако они не жалуются и хвалятъ Бога... и пана Грабовскаго! замѣтилъ панъ Ромуальдъ.

Болеславъ слегка улыбнулся.

— Немудрено, говорилъ онъ, — они немногимъ довольны: народъ, вообще, не требовательный... Не жалуются... А почему? — Да потому, что въ шныхъ помѣстьяхъ панщины пять дней въ недѣлю, а у меня

только одинъ день...—Ну, вотъ, и славятъ всюду меня, какъ отца-благодѣтеля... А какой я имъ благодѣтель!..—Въ этотъ одинъ день они сдѣлаютъ столько-же, сколько у другихъ въ пять. —Право! Значить, мое хозяйство въ исправности, и на свое у нихъ время есть... Земля, вотъ, только... Порой, урожай плохъ... Однако перебиваются кое-какъ... Имъ много-ли надо?—Есть хлѣба кусокъ—довольны, счастливы... А если, въ неурожайный годъ, ко мнѣ обратятся, за рожью, пль за овсомъ, да я дамъ имъ.—то какое-же въ этомъ благодѣянiе?—Они на будущiй годъ сами мнѣ возвратятъ, съ благодарностью, а если и не возвратятъ,—такъ что-же, я обѣдѣю, что-ли?.. Корову медвѣдь задереть; лошадь падеть...—Корову, лошадь имъ купишь... Безъ нихъ, вѣдь, не обойдешься!.. Ну, денегъ тоже, порою, дань... Мало-ли на что они нужны!..—И хвалятъ меня, превозносятъ... Станный народъ!.. Но, впрочемъ, народъ хорошiй...

— Смиренiе паче гордости, панъ Болеславъ! Ты умолчалъ однако о богадѣльнѣ, о дѣтскомъ приютѣ, о школѣ...

Грабовекiй взглянулъ на него съ нѣкоторымъ изумленiемъ.

— Такъ что-же? спросилъ онъ.

— Какъ, что-же? А это развѣ не будетъ благодѣянiемъ?

— Просто обязанность, долгъ, панъ Ромуальдъ, — и только!

Меня хоть и зовутъ иные безбожникомъ, — и онъ покосился на о. Бенедикта; но тотъ только сжалъ губы и еще болѣе углубился въ ѣду,—однако я, все таки, христiаншъ...—Трудится, работаетъ человѣкъ всю жизнь; въ потѣ лица, какъ говорится, добываетъ хлѣбъ свой... Но, вотъ, подошла старость, а съ нею недуги разные, упадокъ силъ... Куда-же ему дѣваться?—Родныхъ ни одного человѣка... На улицу его, что-ли, выбросить? Умирай отъ голоду и отъ холоду!.. — А приютъ... Мало развѣ у насъ, бездомныхъ, безприютныхъ дѣтей? Имъ тоже куда дѣваться! — Не собаченки!.. — Въ школѣ у меня сорокъ пять человѣкъ: 30 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ... Грамоту знать имъ, я полагаю, не лишнее... Да и учитель у меня хорошiй... Вы знаете, ксендзъ нашъ, о. Амвросiй?

— Да, человекъ прекрасный!

— Прекрасный!.. Вѣдь, согласитесь: не лишнее, если онъ будетъ проповѣдывать имъ слово Божіе и научить обязанностямъ истиннаго христіанина?—А на о. Амвросія можно ужъ положиться. Только благодаря ему, у меня нѣтъ въ имѣніи ни воровства, ни пьянства...

Блюда слѣдовали за блюдами, но о. Бенедиктъ не дождался конца кутьи. Онъ всталъ и вышелъ изъ комнаты.

— Да, дай Богъ, чтобъ у насъ было побольше такихъ помещиковъ, какъ ты! говорилъ панъ Ромуальдъ. — Я тоже дѣлаю у себя, что въ силахъ!.. Но гдѣ-жъ мнѣ съ тобою сравниться!..

Грабовскій укоризненно покачалъ головой.

— Нѣтъ, я говорю серьезно... Мнѣ никогда не устроятся такъ, какъ ты... Однако, признайся: вѣдь все это,—богадѣльня, пріютъ, школа,—не дешево тебѣ обходится?..

— И не дорого... Я, вѣдь, вы сами знаете, человекъ не бѣдный... Богатый даже... Куда-жъ мнѣ дѣвать богатство? На собственные мои нужды идетъ немного...

— Ну, а о будущемъ вы не думаете, Болеславъ? вмѣшалась пани Ядвига.—Не думаете о женѣ, дѣтяхъ?

Грабовскій только махнулъ рукой.

— Куда ужъ мнѣ о женитбѣ думать! говорилъ онъ.—Вы только взгляните на меня, пани: вѣдь я старикъ!

— Вы-то старикъ?

— А какъ-же! Взгляните, сколько у меня сѣдыхъ волосъ!

— Ну, ладно... Выпьемъ, что-ли, старикъ! шутиливо говорилъ панъ Ромуальдъ и взялъ со стола покрытую паутиной и пылью бутылку. — Рекомендую тебѣ этотъ медъ... Покойный дѣдъ оставилъ мнѣ, послѣ смерти, дюжинъ пять-шесть бутылокъ... Сорокъ пять лѣтъ прошло, какъ онъ умеръ, — а у меня осталось еще не меньше четырехъ дюжинъ... Медъ, полагаю я, недурной? Не такъ-ли? —И панъ Ромуальдъ налилъ стаканы.

— Благодарю!

— Ну, что?

— Да, медь добрый... Прекрасный медь!

— А теперь венгжина... Тоже вино хорошее!—И панъ Ромуальдъ опять налилъ.

— Ну, дай тебѣ Богъ всего лучшаго! говорилъ онъ, поднимая стаканъ. И они чокнулись. — Дай Богъ, чтобъ всё твои добрыя начинанія все развивались и процвѣтали на пользу родного края!..

— Спасибо!—И панъ Болеславъ пожалъ ему крѣпко руку. — А больше мнѣ ничего не надо!..

Панъ Ромуальдъ донилъ вино и задумчиво покрутилъ усы.

— Одно только, вотъ, скверно, Болесъ, говорилъ онъ. — Переживаемъ мы теперь трудное время... Да!.. Никто не можетъ сказать, что будетъ съ нимъ завтра...

— Мы сами въ томъ виноваты, пане...

— Ну, да... Я и не отрицаю этого... А, вестакн, тяжело, гадко... Приходятъ, шной разъ, мысли... Положимъ, я за себя не боюсь, — чего тутъ,—а такъ, вообще... Ты ничего не слыхалъ новаго объ этихъ... о гайдамакахъ?..

— Какъ не слыхать! Что день,—то новыя вѣсти!.. Тамъ раззорили имѣніе пана N.,—сожгли все до тла, разграбили, а самихъ владѣльцевъ убили... Тамъ повѣсили двухъ ксендзовъ... Да, дѣло становится все серьезнѣе и серьезнѣе...

Панъ Ромуальдъ задумался.

— Скверно! проговорилъ онъ и опять покрутилъ усы. —Ну, да ладно,—чего тутъ!.. Никто, какъ Богъ... Онъ поможетъ!..

— Да, развѣ Богъ только, а мы... — Панъ Болеславъ не кончилъ. —Оставимъ это, панъ Ромуальдъ. —Пойдете вы на пастерку?

— Да.

— И я съ вами... А теперь не пора-ли и отдохнуть?

— Не прочь, пожалуй...—И панъ Ромуальдъ зѣвнулъ. —А ты не приляжешь?

— Нѣтъ, не хочется что-то...

— Стасишка! Да ты совѣмъ спишь! говорила пани Ядвига.—
Поди, лягъ, голубчикъ!

Стась сильно усталъ съ дороги, и теперь клевалъ носомъ въ тарелку. Онъ встрепенулся.

— Я, мамочка, не хочу спать!—Папа! обратился онъ вдругъ къ отцу.—А что-жь ты мнѣ не сказалъ о пробоцѣ? Здоровъ онъ?

— Да развѣ я не говорилъ тебѣ?

— Что?

— Что онъ боленъ, давно ужъ боленъ...

— Ни слова!..—И какъ-же тебѣ не стыдно, папа! укоризненно говорилъ Стась.—Отчего-жь ты мнѣ не сказалъ давече? Я бы сходилъ къ нему...

— Забылъ, мальчикъ... Ну, ничего, завтра сходишь... А теперь пойдемъ спать!—И панъ Ромуальдъ опять зѣвнулъ.

Вскорѣ комната опустѣла. Остался одинъ панъ Болеславъ. Онъ закурилъ трубку, придвинулъ стулъ ближе къ печкѣ и о чемъ-то задумался...

Въ четверть второго всѣ были ужъ на ногахъ въ домѣ Маевскихъ, не исключая и Стася. Мальчикъ очень просилъ мать, чтобъ она непременно разбудила его къ пастеркѣ.—И вотъ онъ съ трудомъ поднялся съ постели, потягиваясь и зѣвая, и сталъ одѣваться...—Въ домѣ происходила немовѣрная суетня. То и дѣло хлопали двери; слышался топотъ ногъ запыхавшихся горничныхъ; звенѣли замки, стучали выдвигаемые и задвигаемые ящики комодовъ, крышки у сундуковъ... Паниа Барбара, не смотря на довольно почтенный возрастъ, послалась, какъ метеоръ, по комнатамъ, разодѣтая, расфранченная...—Но вотъ, наконецъ, всѣ готовы. Панъ Ромуальдъ—въ бархатномъ темно-голубомъ кунтушѣ, вышитомъ серебромъ; пани Ядвига—вся въ блондахъ, кружевахъ и лентахъ... О паниѣ Барбарѣ и толковать не-

чего! Она нарядилась, какъ попугай, и сверкала всеми цвѣтами радуги...

— Эй, Болесь! Ты гдѣ тамъ? Заснулъ, что-ли? кричалъ панъ Ромуальдъ.

Грабовскій все такъ-же сидѣлъ на стулѣ передъ погасшею уже давно печкой и докуривалъ шестую трубку.

— О чемъ задумался!

— Да такъ, ни о чемъ особенно... А вы ужъ готовы?

— Готовы. Ёдемъ!

Передъ крыльцомъ стояли широкія, просторныя сани, съ медвѣжьей полостью, и старый Панасъ, въ новой праздничной свиткѣ, важно возсѣдалъ на козлахъ. Началось усаживанье и продолжалось не менѣе десяти минутъ. Наконецъ Панасъ дернулъ возжами, и лошади тронулись.

Потрескивалъ легкій морозецъ: ночь была ясная, свѣтлая... По улицамъ всюду видѣлся народъ: мужчины, женщины, дѣти, разодѣтые по праздничному. И все они направлялись къ костелу. — А вонъ и костель. Онъ весь залитъ огнями. Огни въ окнахъ, на колокольнѣ; плашки у входа...

Служба еще не начиналась. Панъ Ромуальдъ съ семействомъ не безъ труда пробрался на свою скамейку. Народъ всюду стоялъ плотной массой. Положимъ, все разступались передъ Маевскими, съ почтительными поклонами, тѣснились, на сколько возможно, — но, все таки, блонды и кружева пани Ядвиги значительно пострадали. Но особенно пострадало платье у пани Барбары. — „Стара панина“ злобно кусала губы и кидала вокругъ себя молніеносные взгляды. Она, кажется, готова была всемъ глаза выцарапать... — Наконецъ все усьблись.

— Богъ знаетъ, поправится-ли! говорилъ какой-то пожилой шляхтичъ, съ сѣдыми усами. — Давече я заходилъ къ нему... Плохъ, очень плохъ!..

— Ты о комъ это говоришь, Матэушъ? обратился къ нему панъ Ромуальдъ.

— Да о пробоцѣ, пане, почительно отвѣчалъ старикъ.

— Плохъ говоришь?

— Да... Просто узнать нельзя!

— Гм... я заходилъ вчера... Ему было лучше.

— Ну, а сегодня опять хуже... — Жаль его, пане, ужасно жаль! —

И Матэушъ отеръ выкатившуюся изъ глаза слезинку. — Чудный онъ человекъ! И Марыню тоже жаль, бѣдную... Страхъ, какъ она убивается!..

— Вотъ, видишь, папочка!.. съ укоромъ говорилъ Стась. — И слезы вдругъ задрожали у него въ головѣ. — Зачѣмъ-же ты мнѣ не сказалъ раньше?

Но тутъ Стась умолкъ. Изъ ризницы вышелъ о. Бенедиктъ, въ полномъ праздничномъ облаченіи, и приблизился къ ярко освѣщенному алтарю...

Загудѣлъ на хорахъ органъ, и началась месса. Стась горячо, жарко молился... Молился онъ за пробоца, чтобъ Богъ послалъ ему исцѣленіе, — и, въ тоже время, въ его головѣ неотступно вертѣлась мысль: поправится онъ, или не поправится?

— Святой онъ, праведный человекъ! шепталъ сзади его чей-то голосъ. — Вѣдь у него и грѣховъ-то нѣтъ!..

— Спаси и помилуй его, Господь! Пошли Ты ему исцѣленію въ его болѣзнь!

Стась обернулся. Старый Матэушъ стоялъ сзади его на колѣняхъ и такъ-же горячо и жарко молился...

И ярко горять лампы и свѣчи въ костелѣ; гудитъ на хорахъ органъ... Праздникъ сегодня, великій праздникъ: родился Спаситель и Искупитель міра! — Но не на всѣхъ лицахъ праздничное настроеніе, — нѣтъ: многіе какъ-то грустны, задумчивы...

Но вотъ месса кончилась и раздалась въ костелѣ рождественская пѣснь... Всѣ пѣли хоромъ, не исключая и панны Барбары. Визгливый голосъ ея выдѣлялся изъ прочихъ: точно желѣзо пилой пилили...

И разносилась подъ костельными сводами рождественская пѣснь,

и гудѣлъ на хорахъ органъ... Но, нѣтъ, все таки, не было того веселаго, праздничнаго оживленія, когда пастерку служилъ не о. Бепедиктъ, а всѣми любимый ксендзь-пробошъ!..

Народъ расходился. Въ костелѣ гасили свѣчи... Панъ Ромуальдь подъ руку съ пани Ядвигой пробирался къ выходу. И опять народъ почтительно разступался предъ ними, съ поклонами, съ поздравленіями... Панъ Ромуальдь ласково кивалъ головой на всѣ стороны; пани Ядвига тоже...

Цѣлыя міриады звѣздъ сверкали на ясномъ и чистомъ небѣ; ярко свѣтила луна; мелькали, тамъ и сямъ, огоньки въ хатахъ; кой гдѣ вился дымокъ изъ трубъ...

— А ты развѣ не съ нами, Болесъ? спрашивалъ панъ Ромуальдь. — Закусили-бы...

— Нѣтъ ужь, домой пора.

— Такъ ты возьми лошадь.

— Зачѣмъ? — Погода прекрасная, — и пѣшкомъ дойду. До свиданія!

Онъ пожалъ руку ему, пани Ядвигѣ; ласково потрепалъ по плечу Стася, — и скоро высокая, статная фигура его скрылась за поворотомъ улицы.

XIV.

Утро было ясное, солнечное. Стась торопился, порою бѣжалъ бѣгомъ. Снѣгъ, прихваченный сильнымъ ночнымъ морозомъ, такъ и хрустѣлъ подъ его ногами. По дорогѣ прыгали воробьи съ веселымъ чирканьемъ; солнышко весело свѣтило, заливая своими лучами деревню. Но не весело было на душѣ Стася. Онъ шелъ все да шелъ впередъ, ничего не видя, не замѣчая... Не замѣчалъ онъ и этихъ, попадавшихъ ему тамъ и сямъ, крестьянъ; а они ласково раскланивались съ паннечемъ, снимая высокія мѣховыя шапки. Иные оборачи-

вались и долго глядѣли вельдѣ мальчику, недоумѣвая, куда это онъ такъ торопится...

А, вотъ и хатка ксендза-пробоца... Она все такая-же бѣленькая и чистенькая, но только выгядить теперь какъ-то мрачно, уныло, не то, что лѣтомъ... Крытую чистой желтой соломою кровлю совсѣмъ завалило снѣгомъ; тяжелымъ пластомъ нависъ онъ надъ низенькими оконцами, — того и гляди, рухнетъ внизъ... Не весело смотреть и этотъ маленькій нарисадничекъ... Какъ густо, раскидисто разрослись въ немъ три корявыя вишни, и сколько тѣни давали онѣ въ лѣтній зной!.. Усталый, измученный за день, пробоць любилъ вечеромъ иной разъ, пріютиться подъ ихъ раскидистыми вѣтвями, на расшатавшейся старой скамеечкѣ... Любилъ онъ смотрѣть на заходящее солнце... Вотъ краснымъ, огненнымъ шаромъ спускается оно за лѣсъ, — и вдругъ эти бѣлыя облачка начинаютъ окрашиваться всевозможными чудными красками: тутъ и золото, тутъ и топазь, и берилль!..—А сколько вкусныхъ, сочныхъ плодовъ давали эти деревья подъ осень! Да, никогда и нигдѣ Стась не ѣдалъ такихъ вкусныхъ вишенъ, какъ у ксендза-пробоца!.. — Но тоже мрачно, уныло смотрятъ теперь эти старыя вишни; на обнаженныхъ вѣтвяхъ ихъ нависъ бѣлый, пушистый снѣгъ; совсѣмъ завалило имъ и эту старую, расшатавшуюся скамеечку... Да, скучно какъ-то, тоскливо!

Стась распахнулъ дверь, вошелъ въ сѣни. Темнь — зги не видать! И лѣтомъ-то въ этихъ сѣняхъ темно было, ну, а теперь, послѣ снѣга и солнца... Что-то тамъ заворчалось вдругъ въ углу; заворчалъ кто-то...

— Рогошъ! тихо окликнулъ Стась.

Послышался радостный визгъ, и не успѣлъ мальчикъ опомниться, — какъ огромный пещъ обляпилъ его и сталъ лизать прямо въ лицо, въ губы...

— Пошелъ, пошелъ, Рогошъ! — отталкивалъ его мальчикъ, но Рогошъ еще крѣпче обнималъ и цѣловалъ его. Наконецъ, онъ какъ освободился — и вошелъ въ кухню.

Въ печкѣ ярко пылалъ огонь. Старый, совсѣмъ ужъ сѣдой котъ лежалъ у порога и щурился, тихо мурлыкая. Онъ отскочилъ, когда отворилась дверь, но, узнавъ Стася, выгнулъ вдругъ спину и сталь тереться объ его ноги.

Стась въ изумленіи остановился. Онъ просто глазамъ не вѣрилъ. Что-же случилось вдругъ съ кухней ксеендза-прѣбоща? — Каждое утро Марыня мыла, скребла ее, чистила; врядъ-ли нашель-бы въ ней кто соринку!.. Немного посуды было на полкахъ, — что говорить, — двѣ-три кастрюльки мѣдныхъ, двѣ сковородки, кофейникъ, — и только, но все это всегда ярко блестѣло, горѣло, какъ золото... Что-же вдругъ сталося теперь? — Соръ на полу, грязь; валяются листья капусты, морковные хвостики, кость говяжья... Кастрюльки... кофейникъ... Онѣ не блестятъ, какъ золото: пятна, потѣки на нихъ, — должно быть, давно не чищены...

— Стасинька! Ты это, милый, родной!.. — И на шею мальчика бросилась вдругъ старуха какая-то. Она крѣпко прижалась къ нему, обняла его; горькія слезы заструились изъ ея глазъ и закапали на его щеки...

— Дорогой... милый!.. шептала она и прижималась къ нему все крѣпче, крѣпче. — Господи, какъ-же давно я не видала тебя!.. Здоровъ-ли ты, мое дитятко?.. Зачѣмъ не писалъ ты мнѣ, старой Марынь?.. Аль ты не зналъ, что она такъ любить тебя?.. Ты не писалъ и отцу прѣбощу. — Вѣдь онъ... вѣдь онъ умираеть, Стасинька, умираеть!.. — И слезы опять ручьемъ полились изъ глазъ Марыни. — Онъ каждый день воспоминалъ тебя... Папа твой... — Но рыданія вдругъ заглушили совсѣмъ ея голосъ.

Да та-ли это, полно, Марыня? — Стась просто глазамъ не вѣрилъ!.. Она и тогда-то была старушка больная, слабая.. Но теперь!.. Вѣдь это тѣнь ея только! Щеки ея ввалились и покрылись множествомъ мелкихъ морщинъ; глаза страшно впали...

— Сядь, милый мой, сядь! говорила она, усаживая его на лавку. — Да, ты не писалъ намъ, какъ ты живешь тамъ, какъ учишься... Папа

твой былъ у насъ раза два-три... Латынь, говорить все, — ну, трудно... Какъ же не трудно, милый! — Отцы профессора строги... Охъ, Господи, эта строгость, — къ ребенку-то!.. Они совсѣмъ заморить его готовы науками!..—Потомъ опять, говорить, трудно живется ему у этого... какъ его тамъ... Пана Вериго, что-ли... Недекармливаютъ его, говорить!.. То-то ты такъ похудѣлъ, милый!.. А еслибъ ты зналъ, какъ горевалъ о тебѣ о. прѣбощъ...

— Постой, Марыня! перебилъ Стасъ. — Когда же онъ захворалъ? Съ чего?

— Господь его знаетъ, милый!.. Сперва онъ — точно какъ простудился, будто... Осенью, помню я... День у насъ былъ такой: дождь ливмя-лилъ, вѣтеръ, холодъ... Сапогъ у него, знаешь ты самъ, — совсѣмъ нѣтъ хорошихъ... Да никогда и не было!.. Сапогъ себѣ не могъ завести, Господи Боже мой!.. Вѣдь онъ у себя каждый грошикъ утягивалъ, — все этимъ... этимъ... Охъ, говорила я, сколько разъ ему говорила: Бога вы не бонтесь... Да!.. отчаянно всхлипнула вдругъ Марыня. — Изъ старыхъ-то пальцы, вѣдь, чуть не выглядываютъ... Ну, простудился, — это, какъ Богъ святъ! Пришелъ — какъ осенний листь, дрожить; зубъ на зубъ не попадаетъ... Въ постель его уложила скорѣй, — да митой... И не вставалъ, съ этихъ поръ... То лучше ему немного, то опять — хуже... Въ ознобъ этотъ, въ жаръ кидается... Да бредъ... И чего, чего ни говорилъ онъ только въ бреду!.. Господи!.. Видишь, хотѣлось-бы ему, чтобъ бѣдныхъ, несчастныхъ совсѣмъ въ свѣтъ не было, а чтобъ всѣ были сыты, довольны, счастливы... Вотъ чего ему хочется!.. И такъ, вѣдь, всю жизнь... Всю жизнь онъ о другихъ только заботился, а о себѣ — хоть-бы крошку!..

Марыня замолкла, перевала духъ. Сердце у Стася болѣзненно жалось, заныло; изъ глазъ потекли слезы...

— Ну, ладно, никто, какъ Богъ! прощенталъ онъ. — Поправится!

— Нѣтъ, не поправится, Стасишка! Не жилецъ онъ на свѣтъ!.. Такіе-то не живутъ долго... Вѣдь онъ что-же: святой человѣкъ!..

Душа у него, все равно, какъ у младенца новорожденнаго, — чистая, непорочная... Святой онъ, — а святые Богу нужны... Онъ, вѣдь, не то, что тотъ... — И старуха понизила вдругъ голосъ до шопота. — Господи! Грѣшница я, великая грѣшница... И о. прѣбощъ всегда укорялъ меня: не осуди, говоритъ, не осуждена будешь... Да вѣтъ, — не лежитъ у меня къ нему сердце!.. Вѣдь нашъ что? — Онъ у себя изо рта кусокъ вырветъ, бывало, да другому отдастъ... Ну, а тотъ... Куда ужъ! Онъ у нищихъ послѣдніе гроши отнимаетъ, да посылаетъ ихъ куда-то тамъ, въ бусурманскую землю, на выкупъ, моль, христіанскихъ невольниковъ... Это отъ нищихъ-то!..

— Да о комъ это ты говоришь, Марыня?

— А объ этомъ, — прости меня, Господи, грѣшницу, — о вашемъ монахѣ, о Бенедиктѣ... Онъ и теперь у насъ...

— Какъ такъ?

Старуха махнула только рукой и опять залилась слезами.

— Самъ захотѣлъ его видѣть, — самъ, говорила она. — Исповѣдаться, причаститься... Сходи, говоритъ, Марыня, — мнѣ легче будетъ! Ну, и пришелъ... Съ часъ ужъ онъ тамъ сидитъ, исповѣдуется... Да, вонъ, слышишь?..

Стасъ поднялъ голову. За стѣной слышался какой-то глухой и злобщій шопоть, — и мальчикъ не могъ не узнать о. Бенедикта: одинъ онъ только и могъ такъ шептать, — кому больше! — И долго гудѣлъ этотъ шопоть; потомъ онъ вдругъ прерывался болѣзненнымъ, слабымъ стономъ. Затѣмъ раздавался вздохъ чей-то, — и опять все смолкало...

— Да, съ часъ ужъ онъ тамъ сидитъ, мучить его! говорила тихо Марыня. — Да развѣ у него есть грѣхи, могутъ быть?.. И нашель кому исповѣдываться!.. Господи, прости меня, грѣшницу!..

— Кончилъ, кажется... Ну! —

За стѣною послышалось, явственно такъ послышалось: *In nomine Patris, et Filii et Spiritus Sancti!* *) — И не кротостью, и не

*) Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

любовью звучали эти святія слова, — иѣтъ, въ нихъ точно злоба какая-то слышалась; точно не благословляли они, а проклинали... — Но вотъ раздались шаги, отворилась дверь, и показался о. Бенедиктъ. Мрачный, нахмуренный, съ насупленными бровями, прошелъ онъ мимо Марыни и Стася, не обращая на нихъ никакого вниманія. Черезъ минуту подь окномъ ужъ захрустѣлъ снѣгъ подь его легкими, медленными шагами...

— Хочешь взглянуть на него, Стасинька? Онъ радъ будетъ видѣть тебя...

— О, да, Марыня, да, да!..

— Но, только смотри, мой милый, не испугайся... Не плачь тамъ очень, — онъ, вѣдь, и такъ разстроень... — А нельзя, просто совсѣмъ нельзя видѣть его, безъ слезъ!.. Такъ измѣнился онъ, такъ исхудаль!.. Вошь я, дура старая.. Я по ночамъ все больше реву, здѣсь, потихоньку, чтобъ не слыхаль онъ... Ну, а тамъ, у него, я крѣплюсь больше... Не любить онъ этихъ слезъ... Грѣшно, говоритъ, Марыня!.. Да развѣ не знаю я!.. Только не въ силахъ, порой... Вотъ, какъ взгляну на него, блѣднаго, исхудалаго (краше, вѣдь, въ гробъ кладуть!) — такъ и подкатится вдругъ что-то къ горлу, и душишь, давить... Не въ силахъ я удержаться, — и разорвусь... А это его, вѣдь, разстраиваетъ, голубчикъ!.. Такъ ты ужъ, пожалуйста...

— Да, я постараюсь, Марыня... Пойдемъ-же, пойдемъ скорѣй!.. — И Стась вдругъ схватилъ ее за рукавъ, потащилъ.

Дверь тихо скринула, отворилась. Въ крошечной комнаткѣ, спальной ксендза-прѣбоща, было почти темно, и Стась съ минуту немогъ ничего разглядѣть. Но вотъ выступили передъ нимъ тесовыя стѣны хатки; оконце, завѣшенное темною занавѣской... Распятіе на столѣ, и передъ нимъ слабо мерцаетъ лампадка дрожащимъ, колеблющимся огнемъ...

Марыня поправила огонекъ, и комнатка освѣтилась. Кровать, и на ней подь старымъ, стеганнымъ одѣяломъ, какая-то скорченная

фигурка, съ блѣднымъ, исхудалымъ лицомъ, заросшимъ сѣдою щетиной... Но неужели-же это ксендзъ-пробощъ?..

— Кто тутъ? Марыня, ты?.. послышался слабый голосъ.

— Я, ойче мой добродѣю.

— А это тамъ кто, у дверей? — Не вижу! — И онъ заслонилъ дрожащей, исхудалой рукою глаза, всмотрѣлся. — И вдругъ улыбка мелькнула на этихъ блѣдныхъ, совсѣмъ безкровныхъ губахъ, а рука еще болѣе задрожала...

— Стасю!.. прошенталь онъ.—Да ты-ли это?..

Мальчикъ не выдержалъ. Онъ, съ легкимъ крикомъ, бросился вдругъ къ больному, упалъ на колѣни и спряталъ лицо у него на груди...

— Такъ ты прѣхалъ таки... вернулея... шенталь больной. — А я ужь думалъ, что не увижу тебя, умру... Ну, посмотри на меня, подними голову!..

Но мальчикъ не поднималъ. Онъ чувствовалъ, что не выдержитъ, — разрыдается... — И вотъ ксендзъ гладитъ рукою его мягкіе волосы; а вотъ на шею ему вдругъ что-то капнуло: не то слеза, не то капля пота...

— Ну, посмотри-же на меня... Стась!..

Стась поднялъ, наконецъ, голову, глянулъ... Прямо въ лицо его глядѣло другое, страдальческое, изможденное лицо, исхудалое и морщинистое, заросшее бородой... Но въ этихъ глазахъ, слегка затуманенныхъ, не виднѣлось муки, страданія... Нѣтъ, такъ-же кротко, любовно глядѣли они на него, какъ и глаза того человѣка, вонъ тамъ, на картинкѣ, передъ кроватью... Его окружили, припали къ Нему больные, измученные, утомленные, въ рубищахъ... И Онъ съ любовью глядитъ на нихъ; а подъ картинкою надпись: „*Venite ad me omnes, qui laboratis**)“... — Слезы ручьями хлынули изъ глазъ Стася, и онъ закрылъ руками лицо...

*) Придите ко мнѣ всѣ труждающіеся...

— Милый!.. Не плачь-же, не плачь, говорю тебѣ!.. шепталъ прѣбощъ.—Ну, посмотри на меня!.. Ты думаешь, — я ужь очень и очень боленъ? Тебѣ Марыня это сказала?—О, ты не вѣрь ей!—Да, точно, недавно, вчера даже, я чувствовалъ себя очень дурно, и думалъ, что я умру... Но сегодня я исповѣдался, причастился, —и мнѣ стало лучше, гораздо лучше... Повѣрь-же! Взгляни на меня!..

Онъ, съ легкимъ крикомъ бросился вдругъ къ больному.

Стасъ опять глянулъ. Невыносимо больно было смотрѣть на умирающаго прѣбоща! По всему видно было, что онъ пересиливалъ себя, старался казаться веселымъ даже... Марыня стояла возлѣ. Она глядѣла на Стася и качала укоризненно головой...

— Вѣдь говорила я: не плачь, Стасинька, не разстраивай! говорила она. Но ей самой, должно быть, куда какъ тяжело было!.. Губы ея дрожали... Еще немного,—и она разольется рѣкой...

— Оставь, Марыня! говорилъ прѣбощъ. — Онъ вовсе меня не

разстраиваетъ... Напротивъ!.. Я такъ давно не видалъ его... — Ну, сядь-же, Стась, сюда вотъ, — и Расскажи: какъ жилъ ты тамъ, въ Кіевѣ?

— Вамъ вредно говорить много! робко остановила его Марыня. — Вы помните, третьяго дня...

Но прѣбощъ махнулъ рукой.

— Оставь-же меня, старуха моя, ворчунья вѣчная! говорилъ онъ и улыбался. — Ты вѣчно, всю жизнь, донимала меня своимъ ворчаньемъ... Ну, точно, третьяго дня не хорошо мнѣ было... Ну, а сегодня! тебѣ говорить, лучше, гораздо лучше... Такъ Расскажи-же, Стась!..

Марыня только вздохнула, тяжело такъ, и отвернулась.

— Да, слышалъ я, что тебѣ тамъ плохо жилось, мой бѣдный мальчикъ... Твой папа мнѣ говорилъ... Ты голодалъ, иной разъ... Но что-жъ дѣлать... Вѣдь этотъ палъ Сигизмундъ Вериго... Онъ бѣдный... Куча дѣтей у него, малъ-мала меньше...

— Да, вѣчно вы заступаетесь за другихъ! опять не выдержала Марыня. — Мало-ли у кого дѣтей много, да бѣденъ кто!.. Такъ, значитъ, оно такъ и слѣдуетъ: морить чужого ребенка?.. У васъ, вѣдь, все эти правы... Вы, вѣдь...

Но старуха вдругъ замолчала... Больной взглянулъ на нее, молча, съ нѣмымъ укоромъ. Она потушилась.

— Ну, да Господь Богъ проститъ его, говорилъ прѣбощъ. — Онъ человекъ бѣдный... дѣти... — Но, впрочемъ, оставимъ это... Скажи-же мнѣ: какъ ты учился? Довольны-ли тамъ тобой?..

— Не знаю. Старался, кажется... Трудно только учиться, о. Геронимъ, очень трудно!.. Профессора такъ строги, взыскательны... И особенно одинъ тамъ—о. Игнатій...

Прѣбощъ вздохнулъ, помолчалъ немного.

— Да... Трудно, говоришь ты?—Что-жъ дѣлать... Терпи, старайся!.. Ничто легко не дается въ жизни!..—Но ты исполнялъ все, что я говорилъ тогда тебѣ, на прощаньи? Ты помнишь?

— Да, помню, о. Героцимъ... Я все исполнялъ...

— Ты не обманывалъ никого? Не обидѣлъ?

— О, нѣтъ, никогда!..

— Съ товарищами ты сошелся?—Ну, не со всѣми, конечно, а такъ, съ кѣмъ шибудь?..

— Да.

— Скажи-же, съ кѣмъ ты сошелся?

— Да вотъ...—И Стась разсказалъ о Барткѣ и Валькѣ. Больной молча, слушалъ его. Марыня вздыхала.

— Господь-же тебя наградитъ и помилуетъ, дитя мое!... говорилъ порбоощъ, когда Стась кончилъ. И онъ перекрестилъ дрожащей рукою голову мальчика.—Да, вижу я, что у тебя хорошее сердце... И ты всегда будь такимъ... добрымъ... Люби людей, и особенно бѣдныхъ, загнанныхъ, и, если можешь, всегда заступайся за нихъ и не давай ихъ въ обиду!..

— Да, много, дитя мое, есть злыхъ и нехорошихъ дѣтей... Ты избѣгай ихъ, не слушай... Но только не ненавидь... Вѣдь и они стали злыми, не по своей винѣ... Упало на сердца ихъ сѣмя недоброе,—и дало плевелы... Но время поправить все... Найдется и добрый сѣятель... Вырветъ онъ эти плевела и посадитъ пшеницу... — Больной опять замолчалъ.

— Такъ, вотъ, говорилъ онъ.—Всегда будь добрымъ, хорошимъ, Стась; люби людей и будь истиннымъ христианиномъ... Помни-же это, мпый... А тамъ, какъ умру я...

— Вы не умрете, о. Геронимъ, нѣтъ! чуть не крикнулъ Стась, и опять слезы задрожали у него въ голосѣ.—Вы поправитесь!..

Больной слегка улыбнулся.

— Мы все смертны, дитя мое, говорилъ онъ, — и все умремъ, не сегодня—завтра... Все мы дадимъ *тамъ* отчетъ Богу въ своихъ дѣяніяхъ... — Да не смерти боюсь я, Стась, — о, нѣтъ!.. Я грѣшникъ, великій грѣшникъ,—но Господь Богъ проститъ меня, можетъ быть, по Своему милосердію... Ни жизни мнѣ жалко,—я много ужъ

прожилъ, дитя мое, —будеть!—А жаль мнѣ только, что не оставилъ я послѣ себя никакихъ добрыхъ дѣлъ...

— Ой, ойче мой, добродѣю! опять не выдержала Марыня.— Бога вы не боитесь!.. Добрыхъ дѣлъ... вы!.. Да кто-жь, послѣ этого...

Но больной не обратилъ на нее вниманія.

— Мнѣ такъ хотѣлось-бы... о какъ хотѣлось-бы, Стась!.. Вѣдь тутъ, въ деревнѣ у насъ, такъ много бѣдныхъ, несчастныхъ... Имъ такъ нужна-бы была моя помощь... Но чтó же могъ сдѣлать я?.. Вѣдь я самъ былъ бѣденъ, какъ Іовъ.—Чтó могъ я дать имъ?..

— Молчи, Марыня! Я знаю, что ты тамъ хочешь сказать.— Неправда!—Такъ вотъ этихъ бѣдныхъ жаль мнѣ, мой милый... Тебя жаль, Марыню мою, ворчунью старую...

Марыня вдругъ истерически зарыдала.

— Ну, такъ и зналъ я!.. съ горечью говорилъ больной и безпокойно заворачался на кровати.— Я зналъ, что она расплачется... А сколько разъ говорилъ я ей!..

— Да не могу-же я... не могу!..

— Должна, Марыня! Плоть немощна, но духъ бодръ... Такъ вотъ,—выслушай ты меня... исполни...

— Господи... да я все... все!.. Говорите, отецъ мой!..

— Ты знаешь,—мы не богаты, ни ты, ни я...—И онъ слегка улыбнулся.—Да ты, пожалуй, еще бѣдиѣ... Не такъ-ли?.. Куда, ты дѣнешься, какъ я умру? Гдѣ ты приклонишь голову?..

— Да я развѣ переживу васъ!..

— Объ этомъ ты не суди!.. Господь лучше знаетъ!.. Быть можетъ, ты долго еще будешь, жить, очень долго...—Такъ вотъ, ты помнишь, я говорилъ... Ты эту хату продай,—вѣдь, все равно, тебѣ жить въ ней нечѣмъ... Ну, выручишь тамъ кое что... Имущества, ты сама знаешь, —немного... Но все, все продай, до послѣдней нитки!..

— Да, грустно, правда, оно, что здѣсь будетъ другой кто жить, а не ты, — вздохнулъ онъ — но, что-жь дѣлать, — такъ надо, Марыня, *такъ надо!* И половину, тамъ, денегъ возьми себѣ, а другую передай бѣднымъ... Ты знаешь, кому тамъ, — я говорилъ... Да не забудь, смотри, старую Катерину... Она слѣпая... Внучка у нея на рукахъ... Ты дай ей... — Онъ замолчалъ и опять заворочался на кровати.

— Отецъ мой!.. Что съ вами?.. Нехорошо вамъ?.. — И Марыня съ испугомъ бросилась вдругъ къ нему.

— Нѣтъ, ничего... Я такъ... Мнѣ тяжело только... Я вспомнилъ эту слѣпую... внучку... Вѣдь тутъ нищета... голодъ!.. И что ей достанется отъ меня? — Десятковъ пять злѣтыхъ!.. На долго-ли хватить?.. А тамъ...

— Да, я вспомнилъ... Стась!.. Гдѣ ты?

— Я здѣсь.

— Но я не вижу тебя... Дай мнѣ руку... Послушай!.. Ты знаешь эту Катерину... слѣпую?.. Не знаешь?.. Ну, все равно, — тамъ скажутъ... Такъ ты попроси отца... Онъ добрый... Не дастъ онъ ей умереть съ голоду, съ внучкой... Онъ не забудетъ и мою старую... Попроси!.. — Но что-жь здѣсь такъ темно?.. Я ничего не вижу... Марыня! Лампадка погасла? — Зажги ее!

— Она горитъ, о. пробощъ, свѣтло горитъ...

— Такъ, значить, въ глазахъ у меня темно, — отъ слабости...

— Вы говорили такъ много, отецъ мой...

— Да... Но что-же я говорилъ? О чемъ?.. А, да, — мнѣ память измѣнять стала, — о Катеринѣ и о тебѣ... Потомъ... Что-же еще потомъ?.. — Голосъ его слабѣлъ все больше и больше. И вдругъ больной замолчалъ. Онъ впалъ въ безпамятство.

Марыня, съ трудомъ подавляя рыданія, подошла къ нему и заглянула въ лицо. Оно было блѣдно, ужасно блѣдно, но совершенно спокойно. Грудь слегка подымалась подъ одѣяломъ.

— Уснулъ, вѣрно... Да... Господь съ нимъ!.. — И она, пере-

крестивъ трижды больного, припала губами къ его блѣдной и исхудалой рукѣ.

— Идемъ, Стась, идемъ!..—И она вышла съ сильно разстроеннымъ и взволнованнымъ мальчикомъ.

— Ну, ладно, не плачь, мой милый!—утѣшалъ панъ Ромуальдъ Стася, когда тотъ вернулся домой весь въ слезахъ.—Зачѣмъ-же ты думаешь, что онъ умретъ непременно?..—Ну, простудился сильно... Да развѣ еще такія болѣзни проходятъ!..—Слабъ, говоришь, очень... Но это, вѣдь, отъ болѣзни, — повѣрь! Онъ только на видъ слабъ, а натура у него сильная, крѣпкая... Ты не вѣришь?—Да сколько разъ онъ былъ боленъ; всѣ думали: вотъ умретъ!—а онъ опять поднимался на ноги... Поднимется и на этотъ разъ!..

Но Стась недоувѣрчиво смотрѣлъ на отца полными слезъ глазами, и былъ неутѣшенъ... — Да, только теперь онъ понялъ, какъ онъ любилъ прѣбоща, и какъ тотъ самъ сильно любилъ его!.. А тамъ, въ коллегіи, онъ даже не каждый день вспоминалъ его: тамъ отвлекали уроки, товарищи, да мало-ли что еще... А прѣбощъ, какъ говоритъ Марыня, всегда вспоминалъ его, горевалъ о немъ...—И Стася грызла тоска,—ему стыдно было...

— Постой-ка, милый!—вдругъ спохватился панъ Ромуальдъ.—Вѣдь если ты будешь такъ горевать, — ты самъ захвораешь...! А что-жь, тебѣ хочется огорчить меня, маму?..—Нѣтъ, надо тебѣ развлечься, утѣшиться... Слушай-ка, что я скажу тебѣ... Завтра-же утромъ, поѣдемъ мы къ пану Зарембѣ... Постой, погоди... Которое завтра? Двадцать седьмое?..—Ну, да, какъ разъ въ этотъ день, онъ звалъ меня на обѣдъ; а тамъ—медвѣжья охота устроится... Ты посмотри, какъ весело будетъ!..

— Нѣтъ, папочка, я не поѣду!

— Ну, полно-же, перестань! Я говорю тебѣ: надо утѣшиться... Вѣдь ты меня любишь, Стась? Да?—И онъ обнялъ мальчика и ласково потрепалъ его по плечу.

XV.

— Ну, что ты тамъ увидаль? Чего опять испугался? Пня что-ли?.. Э, карька, карька, да ты, братъ опять шалишь!.. Нѣтъ, такъ нельзя... Тпру!..—И старый Панасъ вытянулъ лошадь плетью.

Карька мотнулъ головой, фыркнулъ и опять побѣжалъ легкой рысью.—Повозка быстро катилась впередъ. Въ этотъ годъ выпало много снѣгу, и дорога была гладкая, ровная... Только, мѣстами, кой-гдѣ, ихъ встряхивало на рытвинахъ и ухабахъ... Панъ Ромуальдъ, задумавшійся о чемъ-то, откидывался вдругъ назадъ и довольно чувствительно ударился головой о стѣнку.

— Эге, полегче, Панасе!—говорилъ онъ.

— Слушаю, пане... Можно!—И старику держиваль не въ мѣру ужъ разбѣжавшихся лошадей. — Но вотъ дорога опять глаже, ровнѣе...

Грустный, задумчивый, Стасъ машинально глядѣлъ впередъ. Лошадки дружно бѣжали, пофыркивая и помахивая хвостами; Панасъ причмокивалъ и присвистывалъ... И открывались передъ ними не особенно веселые виды... Голо, мрачно, пустынно!.. Поле вонъ, все занесенное снѣгомъ; лѣсокъ; изрѣдка попадается хуторъ... А вонъ деревенька чья-то, маленькая и бѣдная... Грустно глядятъ ея низенькія, покривившіяся хаты. Вдали, на пригоркѣ, виднѣется барскій домъ. И онъ не скрашиваетъ картины: мрачный какой-то, нахмуренный, выкрашенный темною краской, съ высокимъ заборомъ... Цѣлая стая собакъ, съ дружнымъ лаемъ, бросилась вдругъ на повозку, на лошадей,— и Панасъ заработалъ направо-налѣво плетью... Но собаки не унимались. Онѣ, точно волки голодные, лѣзли со всѣхъ сторонъ... Панъ Ромуальдъ началъ терять терпѣніе, и тоже пустил въ ходъ нагайку, которую онъ всегда бралъ съ собою въ дорогу. И, наконецъ, нападеніе было отражено. Съ полдюжины тощихъ, голодныхъ псовъ, съ визгомъ и воемъ, разсыпались въ разные стороны, кто съ перешибленной лапой, кто съ перешибленной головой; за

ними послѣдовали и другіе... И лошади побѣжали рысью... Но вотъ вдругъ опять:

— Тпру!..

— Что тамъ такое?—съ досадою окликнулъ панъ Ромуальдъ и выглянулъ изъ повозки.

— Да воронко что-то вдругъ захромалъ, пане... Подкову потерялъ, видно...

Панасъ слѣзъ и заботливо осмотрѣлъ ногу лошади.

— Да, такъ и есть!.. И какъ это, право!.. Кажется, крѣпко было...

— Чего-жь ты раньше глядѣлъ!..—съ досадою заворчалъ панъ Ромуальдъ.—Что-жь, мы здѣсь почевать, что-ли, будемъ?

— Зачѣмъ почевать, пане... Подковать надо...

— Да гдѣ-жь подковать? Вѣдь здѣсь и кузницы-то, поди, нѣтъ... Да и ждать некогда... Вѣдь такъ мы къ завтраму не доѣдемъ!..

Панасъ молчалъ и только покручивалъ головой.

— Чудеса, право!.. — бормоталъ онъ. — И какъ это такъ могло...

— То-то и есть, вотъ... Дома-бы поглядѣть надо. Да что тутъ толковать, — ѣдемъ!..

— Нельзя, пане.

— Какъ такъ нельзя?

— Никакъ невозможно! У воронка ноги нѣжныя... Онъ, безъ подковы, до вечера проплетется... Нельзя-съ!..

Панъ Ромуальдъ только плюнулъ и сталъ вылѣзать изъ повозки.

У ближайшей хаты стояло шгукъ шесть саней, запряженныхъ заморенными лошаденками... Корчма, должно быть. — Да, такъ и есть. Юркій, хотя далеко ужъ не молодой еврей, съ сѣдоватой бородкой, чуть не кубаремъ скатился съ крыльца и побѣжалъ къ повозкѣ...

— Что трѣба пану?—съ подобострастной ужимкою залепеталъ

онь. — Погрѣться, можетъ, выпить и закусить?.. — Все, что желаете!.. Милости просимъ!..

— Пошелъ ты со своими закусками!.. Есть здѣсь коваль?

— Коваль? — Есть. Какъ-же не быть пане!.. А онъ зачѣмъ вамъ?..

— Языкъ тебѣ подковать, сорока! Тащи его сюда, — живо!.. — И панъ Ромуальдъ внушительно шевельнулъ нагайкой.

— Въ минутку, пане!.. — И еврей побѣжалъ со всѣхъ ногъ.

Прошло пять, десять минутъ, — никого нѣтъ. Изъ корчмы стали выходить люди какіе-то, въ отрепанныхъ свиткахъ, съ красными лицами и взъерошенными усами. Остановившись въ почтительномъ отдаленіи отъ повозки, они тарасили на нее глаза... — А, наконецъ, — коваль, должно быть... Онъ медленно, переваливаясь какъ разслабленный, приближался къ нимъ.

— Эй, ты, тамъ, — живо! — прикрикнулъ панъ Ромуальдъ.

— Поторопись, Охримъ! — поддержали и эти отрепанныя свитки. — Али не видишь, панъ дожидается!..

Но Охримъ, нисколько не прибавивъ шагу, подошелъ къ лошади, медленно осмотрѣлъ ей ногу, мотнулъ головой и такъ-же медленно процѣдилъ:

— Подковать надо!

— Тьфу, ты! — плюнулъ панъ Ромуальдъ. — Да скоро-ли? скоро-ли?

— Гм... скоро-ли... процѣдилъ Охримъ. — Какъ-бы сказать вамъ, пане?.. — Онъ снялъ шапку и почесалъ въ лохматой, взъерошенной головѣ. — Да съ часикъ подождать придется... Подковы готовой нѣтъ, — надо выковать...

Панъ Ромуальдъ только махнулъ рукой и покорился судьбѣ.

Панасъ распрягъ воронка и повелъ его куда-то, велѣдъ за Охримомъ. Прошло еще съ полчаса. Панъ Ромуальдъ молчалъ, кусывая усы. Молчалъ и Стасъ и какъ-то уныло выглядывалъ изъ повозки. — Но вотъ къ нимъ сталъ приближаться какой-то худой,

оборванный челоѡкъ, со шрамомъ на правой щекѣ и перешибленнымъ носомъ, но съ гордо закрученными усами. У бока его болталась заржавленная шляхетская карabela...

— Ясновельможный пане!..— послышался вдругъ робкій голосъ.

Панъ Ромуальдъ поднялъ голову.

— Что тебѣ?

— Панъ, можетъ, не узналъ меня?.. Я такъ измѣнился...

— Да, не имѣю чести...

— Я Аптекъ... Тотъ Аптекъ, который...

— Который ушелъ отъ меня къ пану Зарембѣ? — Что-жь, очень радъ: однимъ пьяницей и буяномъ у меня меньше...

Аптекъ скорчилъ было обиженную физиономію и выпрямился, гордо расправивъ усы. Но тотчасъ-же опять какъ-то съежился.

— Я такъ виновать передъ вами, пане!..— жалобно заговорилъ онъ. — Я васъ промѣнялъ на... Чортъ побери Зарембу!.. Да еслибъ я только зналъ!.. У васъ мнѣ жилось, точно какъ у Христа за пазухой... Случались, правда, порою, и недочетки... Да какъ-же иначе... Я не одинъ,— семья... шестеро,— всеѣхъ прокормить надо... А панъ Заремба... Чѣмъ онъ заплатилъ мнѣ за мою службу?.. Вы помните, можетъ... слышали о томъ наездѣ на пана Бжозовскаго? — Я-ли не дрался!.. Видите: щеку мнѣ разрубили, носъ... А что далъ мнѣ за это панъ Казиміръ? — Три червонца!.. Ха! ха! ха! Три червонца! захохоталъ онъ. — И это для благороднаго шляхтича, у котораго...

— Да тебѣ отъ меня что-же надо?.. — перебилъ его панъ Ромуальдъ.

Аптекъ опять весь съежился и началъ умоляющимъ тономъ:

— Вотъ видите, мой шановный, ясновельможный папе... Мои обстоятельства... Да, обстоятельства мои очень скверныя!.. Панъ Казиміръ жаденъ и скупъ, какъ чортъ... Онъ всю свою шляхту заморилъ съ голоду!.. Я голодаю, пане... Семья...

Панъ Ромуальдъ взглянулъ на него съ какимъ-то презрительнымъ сожалѣніемъ. Потомъ онъ вынулъ изъ кошелька дукаты и далъ

Антку. Тотъ взявъ его дрожащей рукою, а другую прижалъ къ сердцу и отвѣсилъ низкій поклонъ.

— Не нахожу словъ для выраженія моея благодарности и признательности, ясновельможный панъ Ромуальдъ! — говорилъ онъ. — Но, такъ какъ милостыни я никогда и ни отъ кого не принимаю, и не принималъ, — то я заслужу вамъ... Да, заслужу, отплатчу, какъ честный и благородный шляхтичъ! Слово гонбру! — Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, — и вдругъ опять занялъ жалобнымъ тономъ:

— Панае!.. Не для меня, — для семьи... Шестеро крошекъ!.. Рты разъвають, ѣсть просяять... Голодны... жаль... Вы понимаете, панае?.. — Какъ благородный шляхтичъ!.. Да, для семьи... Возьмите меня опять къ себѣ, панае!.. Дайте миѣ опять хату и тамъ... Ну, что тамъ будетъ отъ вашей милости... Я заслужу, панъ... Честное благородное слово!..

— Ну, хорошо, — какъ отъ мухи отмахнулся отъ него панъ Ромуальдъ.

— Вы согласны? — О, панае, благодарю, благодарю васъ!.. — И не успѣлъ панъ Ромуальдъ отпрянуть, какъ Антекъ чмокнулъ его въ плечо, пахнувъ ему прямо въ лицо запахомъ перегорѣлой водки...

Отвѣсивъ еще два-три низкихъ поклона, Антекъ выпрямился и, гордо выпятивъ грудь, зашагалъ къ корчмѣ... должно быть, выпить на радостяхъ... Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся только и покачалъ головой.

А, вотъ, наконецъ, — ведутъ, слава Богу! — Подкованнаго воронка запрягли, и панъ Ромуальдъ, бросивъ Охриму два золотыхъ, запахнулся поплотнѣе въ шубу и крикнулъ:

— Ну, трогай, Панае! Живо!..

Панае влѣзъ на козлы, что-то ворча подъ носъ, насчетъ лѣнивыхъ поганцевъ, у которыхъ и подковы въ запасѣ нѣтъ, — „а еще коваль называется!“ — дернулъ возжами, и лошади опять тронулись...

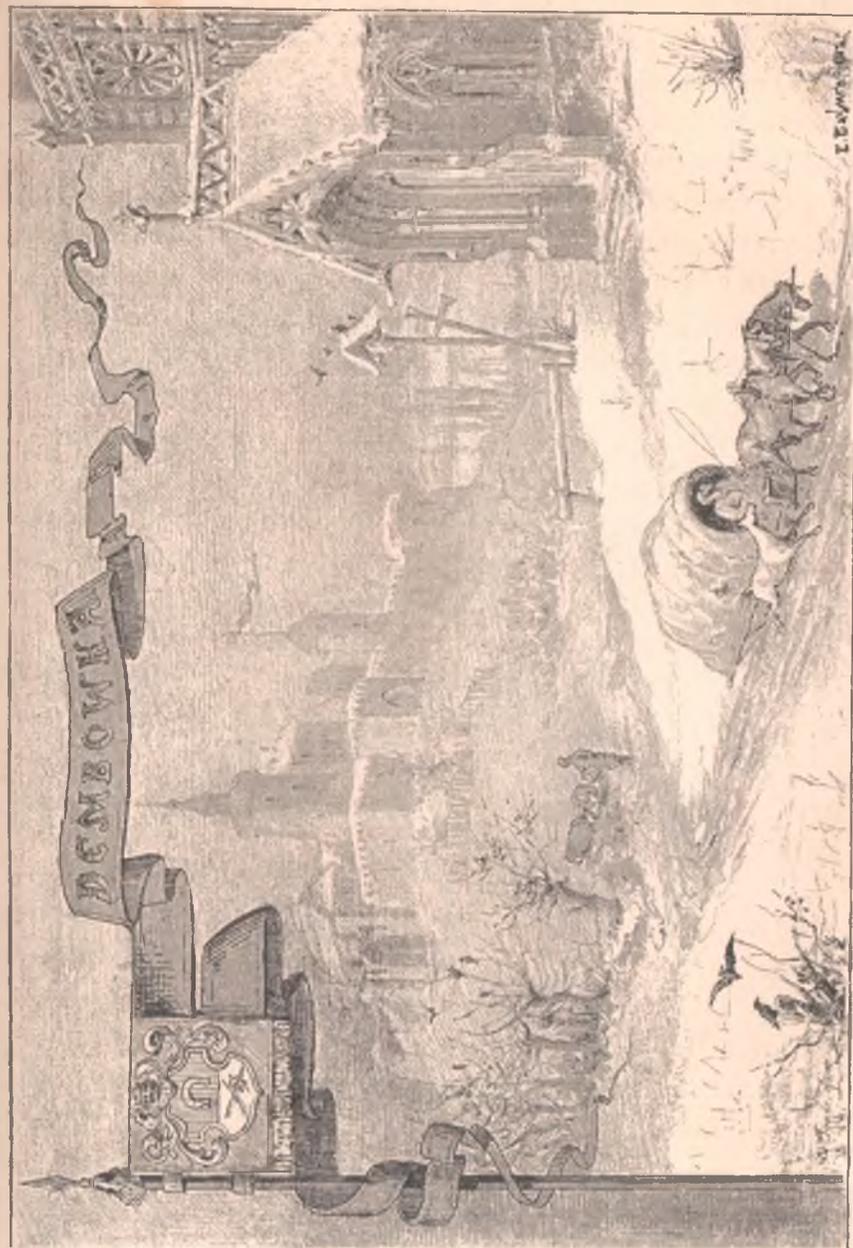
Сотни полторы-двѣ хатъ, какъ по раижиру вытянувшихся по

обѣимъ сторонамъ дороги; кой-гдѣ вишневые садики, палисаднички; рѣчка, узенькая, теперь вся скрытая подъ глубокимъ снѣгомъ,—такой представлялась издали деревня пана Зарембы, Дембувка. По виду, она мало чѣмъ отличалась отъ другихъ деревень сосѣднихъ пановъ-помѣщиковъ. Но, еще за версту, за двѣ, когда эти небогатые, а порою, и совсѣмъ бѣдные, съ виду, хатки представлялись какими-то сѣрыми пятнами,—бросался въ глаза величественный костель, деревянный, правда, окрашенный темною краской, но очень внушительнаго вида, построенный въ готическомъ стилѣ. И чѣмъ ближе подъѣзжали къ Дембувкѣ, тѣмъ болѣе бросался въ глаза этотъ костель... Еще, говорятъ, дѣдъ пана Зарембы соорудилъ его,—и строилъ и перестраивалъ его вновь лѣтъ двадцать, безъ малаго, пока, наконецъ, тотъ не вышелъ въ своемъ родѣ шедевромъ... Громадныхъ денегъ стоили эта постройка и перестройка, особенно для того времени; теперь на нихъ можно было-бы выстроить два такихъ костела,—каменныхъ. Зато панъ Владиславъ имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ прѣзжали магнаты разные, изъ подъ Варшавы, и чуть не со всей Польши, и любовались прекрасной архитектурой. Да мало того,—самъ примасъ, гнѣзненскій архіепископъ *), прѣзжалъ въ великолѣпнѣйшей золоченой каретѣ, съ гербами, окруженный блестящею свитой. Онъ тоже хвалилъ постройку, слушалъ прекрасный органъ (который стоилъ тоже не дешево), и преподалъ строителю свое архипастырское благословеніе за его старанія *ad majorem Dei gloriam* **)...

Но вотъ повозка въѣхала и въ Дембувку; миновала великолѣпный костель (а онъ все такъ-же крѣпко и прочно стоялъ, какъ и сто лѣтъ назадъ; да и что-жъ мудренаго: онъ весь былъ построенъ изъ превосходнаго дуба). Вблизи деревни пана Зарембы выглядывала далеко не привлекательною. Не мало здѣсь было и ветхихъ, почти совсѣмъ развалившихся хатъ, покривившихся, покосившихся, со вросшими въ землю оконцами. Отъ нихъ такъ и вѣяло бѣдностью, ни-

*) Архіепископъ.

**) Къ вящей славы Божіей.

Домъ пана Зарембы.

щетою! Проглядывали эта бѣдность и нищета и въ этихъ встрѣчающихся по дорогѣ хлопахъ. Влѣдные, исхудалые, въ дырявыхъ, за платанныхъ свиткахъ, они какъ-то робко пробирались по улицѣ и низко кланялись, снимая шапки... Только одни шляхтичи (положимъ, тоже оборванные, по большей части, въ дырявыхъ, заплатанныхъ сапожонкахъ, по за то съ саблею у бедра и закрученными усами), — гордо шли мимо прѣвжихъ, и не только никто изъ нихъ не ломалъ шапки, а напротивъ, — чуть-ли не всѣ глядѣли съ какимъ-то дерзкимъ, вызывающимъ видомъ. Да, впрочемъ, и что-жъ удивительнаго: шляхта пака Зарембы отличалась во всемъ повѣтѣ своей дерзостью и разгумомъ. Попадались межъ ними иной разъ, и такія рожн, что, какъ взглянешь — невольно подумаешь: ну, этотъ отца родного готовъ зарѣзать: дай ему только десятокъ-другой червонцевъ, да бочку пива... — Не мало попадалось и искалѣченныхъ, носившихъ на себѣ „почетные боевые знаки паяздовъ“. У того не хватало на рукѣ двухъ, или трехъ пальцевъ; у того уха, носа; у того глазъ былъ выбить... Противно даже было глядѣть на этихъ бездѣльниковъ и дармоѣдовъ!.. Они презирали трудъ и смотрѣли на вѣковѣчныхъ работниковъ-хлоповъ, какъ на рабочій скотъ, — а сами, изъ-за подачки, готовы были, порой, самоги вылизать у своего папа... — Но папъ Ромуальдъ не мало видалъ такихъ „благородныхъ“ шляхтичей, и даже не обращалъ на нихъ никакого вниманія...

Но вотъ, наконецъ, и домъ папа Зарембы. Впрочемъ, нѣтъ, не домъ это, — скорѣе крѣпость... Черезъ широкій, глубокий ровъ перекидывался подъемный мостъ, на толстыхъ желѣзныхъ цѣпяхъ, а за нимъ виднѣлось что-то, похожее на замки средневѣковыхъ рыцарей... Да это и былъ замокъ, какъ есть настоящій замокъ, съ башнями и бойницами, съ высокимъ, заостреннымъ частоколомъ, и съ массивными дубовыми воротами, запираемыми, конечно, на почъ громаднымъ замкомъ...

Да, крѣпко и прочно жилъ папъ Заремба! Но, впрочемъ, въ то время, тяжелое, трудное время, когда потокъ гайдамачины все болѣе

и болѣе разливался и готовъ былъ затопить всю Украину, — не мало польскихъ пановъ — помѣщиковъ укрѣплялись, какъ и панъ Заремба. Они превращали свои дома въ крѣпости, обзаводились пушками, „надворною кавалеріей“, гарнизономъ, прекрасно вооруженнымъ. — Одно вотъ только: въ большинствѣ случаевъ, гарнизоны эти состояли изъ малороссовъ, и одни только офицеры въ нихъ были поляки. А на такихъ стражниковъ полагаться было рискованно. На видъ, порой, они и казались вѣрными и преданными слугами своихъ пановъ, — но это только на видъ. Въ душѣ они презирали ихъ, ненавидѣли, какъ притѣснителей, и стояли за гайдамаковъ, родныхъ имъ, по крови, по вѣрѣ и замысламъ. А замыслы эти, извѣстно, какіе были: „метить притѣснителямъ-еретикамъ за поруганіе святой православной вѣры, угнетеніе православныхъ“. — Немудрепо, что подобные гарнизоны черѣдко переходили на сторону гайдамацкихъ шаекъ. Они отворяли ввѣренныя имъ крѣпости, выпускали „братьевъ“ и учиняли вмѣстѣ съ ними расправу надъ притѣснителями *).

*) Такъ, между прочимъ, была сдана и Умань — богатѣйшее и прекрасно укрѣпленное имѣніе Потоцкаго. Страшною и кровопролитною *уманскою рѣзней* („Rzeź Humañska“) закончилась *гайдамачина*, этотъ бичъ польской Украины XVIII ст. — Губернаторомъ (управляющимъ) въ то время въ Умани былъ Младановичъ, и защита ея была ввѣрена малороссу, сотнику Гонтѣ, на котораго поляки вполне надѣялись. И онъ обманулъ ихъ довѣріе, измѣнилъ имъ. Онъ вошелъ въ сношеніе со знаменитымъ Максимомъ Желѣзнякомъ (Залѣзнякомъ), и сдалъ ему Умань изъ рукъ въ руки. Когда поляки узнали изъ вѣрныхъ источниковъ объ измѣнѣ Гонты, — они не хотѣли вѣрить этому. — „Мой отецъ (говоритъ Вероника Кребсъ, дочь Младановича, спасшаяся отъ уманской рѣзни) — отвѣчалъ какъ слѣдовало въ этомъ случаѣ благородному человѣку, но Гонтѣ съ другими сотниками приказалъ явиться къ нему“. — Сотники немедленно явились, и тогда Младановичъ, вызвавъ изъ табора значительное число обывателей, вышелъ съ ними и съ сотниками на рынокъ и обратился къ Гонтѣ съ такими словами: „Пане Гонто! Мнѣ доносятъ, что ты въ заговорѣ съ Желѣзнякомъ. Я этому не хочу вѣрить. Если ты теперь пользуешься столькими благодѣянiami отъ нашего пана (Потоцкаго), то чтó можешь ожидать ты, когда имѣніе его спасешь отъ бунта, поднятаго Желѣзнякомъ?!“ — Говорятъ, что Гонта, съ удивительнымъ краснорѣчіемъ, (онъ прекрасно говорилъ по польски), оправдывалъ себя отъ этого обвиненія, и когда говорилъ о своей благодарности къ Потоцкому, то плакалъ. — „Надо было слышать (при-

Но теперь подъемный мостъ былъ опущенъ, а ворота широко раскрыты. Во дворѣ видѣлось десятковъ пять-шесть всевозможнѣйшихъ экипажей, начиная съ простыхъ и дешевенькихъ санокъ шляхтича, и кончая богатой, раззолоченною каретой, съ гербами, какого-нибудь ясновельможнаго, именитаго пана. Тутъ-же толпилась прислуга: кучера, конюхи, гайдуки, „загоновые“ шляхтичи. Слышались смѣхъ и говоръ; ржаніе лошадей...

Панасъ въѣхалъ во дворъ. Всѣ знали въ повѣтѣ пана Маевского, и всѣ знали, что онъ не любилъ никакихъ пышныхъ выѣздовъ,—а потому его скромненькую повозку встрѣтили чуть-ли не всѣ съ поклонами. Только одинъ какой-то гайдукъ, весь залитый золотомъ, презрительно покосился на пана,—но и тотъ сконфузился вдругъ, отвернувшись: панъ Ромуальдъ окинулъ его такимъ внушительнымъ взглядомъ, и такъ внушительно сжалъ въ кулакѣ нагайку, что дерзкій почувствовалъ, что это—*сила!*..

Панъ Казиміръ Заремба жилъ далеко не такъ, какъ панъ Ромуальдъ, да и многіе изъ не бѣдныхъ, богатыхъ даже, сосѣднихъ помещиковъ. У тѣхъ домашняя обстановка не отличалась никакой ро-

бавляетъ Вероника Кребсъ), какъ онъ защищался!“—Гонтѣ написали особенную присягу и дали, чтобы онъ прочиталъ ее. Гонта потребовалъ, чтобы его къ этой присягѣ приводили публично и торжественно. Желаніе его исполнили. Изъ трехъ церквей вышли священники обоихъ исповѣданій (т. е. православнаго и католическаго), капелланы и ректоръ базилианъ, ксендзь Костецкій, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ, Евангелиемъ и хоругвями. Вмѣстѣ съ Гонтою пришли на площадь и другіе сотники. Эту повторительную присягу Гонта принималъ на крестѣ и Евангелии и при томъ „цѣловалъ руку ксендза-ректора Костецкаго, а этотъ мученикъ благославляя своего палача“. (Мордовцевъ. „Гайдамачина“).

И Гонта, всетаки, измѣнилъ; онъ оказался даже клятвopеступникомъ... Говорятъ, что, будто-бы, его заставило измѣнить вѣроломство поляковъ: они окрестили въ католицизмъ его двухъ дѣтей. А такъ какъ для малоросса православіе,—все на свѣтѣ, то... Но, всетаки, это еще не можетъ оправдать Гонту.

Такъ вотъ до чего иногда доводило излишнее довѣріе польскихъ пановъ!..

скошью, блескомъ. Напротивъ, все было скромно, бѣдно, пожалуй... И жили эти помѣщики тоже, вообще, скромно, и только въ торжественныхъ случаяхъ, при гостяхъ, развертывались во всю ширь. Являлась на свѣтъ Божій изъ сундуковъ серебряная и золотая посуда, — порой, доставшаяся еще отъ дѣда, — и ставилась на простенькіе, но зато накрытые превосходными скатертями столы... Являлись чуть не десятки изысканныхъ и роскошныхъ блюдъ — а въ винахъ — купались, купались!..

Но не такъ жилъ панъ Казиміръ. Въ его свѣтлыхъ, обширныхъ комнатахъ (а ихъ было съ десятокъ въ домѣ) видѣлось не мало блестящей, дорогой, заграничной мебели: диваны, кресла и стулья; не мало было зеркалъ и картинъ; видѣлись и позолота, шелкъ, бархатъ... — Да панъ Казиміръ жилъ, какъ истый магнатъ, на широкую ногу. Онъ и прислуги держалъ, не какъ панъ Ромуальдъ: одинъ только гайдукъ, Михаль Дембинскій, — да и тотъ ужъ теперь старенецъ становится... Нѣтъ, гайдуковъ у него было съ десятокъ, — а о дворнѣ и говорить нечего! Выѣзжалъ панъ Казиміръ не иначе, какъ въ каретѣ, запряженной четверней, и съ эскортомъ изъ дюжины шляхтичей. (А прежде довольствовался онъ старенькой данцигскою коляской, и однимъ, много двумя, вершинками *). Въ послѣднее

*) Вотъ что рассказываетъ Янъ-Дукланъ Охотскій въ своихъ запискахъ о дворахъ польскихъ вельможъ XVIII ст. — „Они были очень многочисленны и состояли изъ шляхты, сыновей помѣщиковъ, дворянъ, комнатныхъ прислужниковъ (*покоювцевъ*), оруженосцевъ и пажей. Лакеи и камердинеры тогда были еще неизвѣстны. Зато были гайдуки, ливрейные *паюки* и скороходы, въ собственныхъ имъ костюмахъ. Дворяне одѣвались, какъ хотѣли, только въ залѣ обязаны были являться всегда при сабляхъ и съ лядунками; они получали ничтожное жалованье (*solarium*), но обыкновенно вельможи дѣлали имъ богатые подарки. Дворяне обязаны были держать отличныхъ лошадей, съ богатымъ приборомъ, потому что въ столицѣ, или когда ѣхали въ гости, они всей компаніей сопровождали карету самого вельможи, или жену его. Карета бывала пышно-убрана гербами и всѣми атрибутами сана владѣльца; лошади почти всегда были *таранты*, въ полосы и пятна, какъ леопарды; или бѣлыя, съ красными и зелеными гривами; а иногда тѣлеснаго цвѣта, съ бѣлыми ноздрями, бѣлыми гривами и хвостами, и красными глазами... Шоры употреблялись

время онъ сталъ, вообще, жить очень шибко. Да, впрочемъ, и что-жь мудренаго: съ полгода тому назадъ, онъ получилъ откуда-то громаднѣйшее наслѣдство, которымъ и увеличилъ значительное свое, и прежде громадное, состояніе.

Но, говорятъ, что панъ Казиміръ, въ „будни“, когда никого не было, жилъ какъ послѣдній скряга. Не говоря ужъ о дворнѣ, которая положительно голодала, — онъ самъ, съ женою и сыномъ, питался Богъ знаетъ чѣмъ; считалъ каждый кусочекъ хлѣба, глядѣлъ въ солонку, а хлоповъ своихъ сталъ прижимать все больше и больше, вымогая изъ нихъ кучу разныхъ поборовъ... Но, право, какъ-то не вѣрилось этому!..

Въ одной изъ свѣтлыхъ, блестящихъ залъ, куда вошли панъ Ро-

раззолоченныя, съ золотистыми хохлами, расшитыя шелкомъ и убранныя страусовыми перьями. Кучеръ и форейторъ одѣвались въ жупаны и фезези, въ высокихъ шапкахъ; а за каретою стояли четыре гайдука. Когда выѣзжала госпожа, весь церемоніаль былъ тотъ-же самый, но на ступенькахъ кареты помѣщались пажи. Передъ каретою бѣжалъ одинъ, или два скорохода, гускомъ, съ бичами въ рукахъ. Одинъ изъ придворныхъ дворянъ имѣлъ обязанность подавать госпожѣ руку, когда она входила въ церковь, или во дворецъ. Подавалась рука издали, какъ въ танцѣ; дворянинъ шель на шагъ впереди, а пажи несли длинный шлейфъ.

Комнатные дворяне (*покоювим*) всегда были одинаково одѣты, всегда при сабляхъ; во время обѣда, они, съ тарелками въ рукахъ, стояли за креслами господина, госпожи, или гостей. Дворянъ этихъ часто растягивали на коврѣ и сѣкли... Они учились придворнымъ обязанностямъ, принимали гостей, служивали при столѣ, разрѣзывали на воздухъ пулярки и пр. — Пажи выбирались изъ самыхъ красивыхъ дѣтей дворянскихъ. Ихъ одѣвали въ богатый испанскій костюмъ. Съ лѣтами, они поступали въ число придворныхъ дворянъ; потомъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ покупали высшую степень въ войскѣ, или давали должности въ уѣздахъ и воеводствахъ; старались выгодно ихъ женить; а если кто поступалъ въ духовное званіе, то протектировали, для достиженія высокихъ степеней въ этой іерархіи. Однимъ словомъ, пажъ вельможи всю жизнь пользовался протекціей цѣлой фамиліи. — Скороходовъ одѣвали по испански, въ легкія матеріи, въ башмаки; на головѣ—шапочка, съ гербомъ и страусовыми перьями, которую они не снимали ни въ церкви, ни служа при столѣ. — Вельможи держали надворное войско, конное и пѣшее, а также казаконъ на посылки“ „Разказы о польской старинѣ“. Записки XVIII ст. Яна-Дук. Охотскаго).

муальдъ со Стасемъ, ужъ собралось чловѣкъ шестьдесятъ гостей. Тутъ было не мало старыхъ знакомыхъ, присутствовавшихъ еще на крестинахъ Стася: панъ Викентій Заблоцкій, Станиславъ Жигѣта, Мечиславъ Трембинскій; паны: Маврикій Войткевичъ, Брониславъ Войничъ, Матвѣй Брохвичъ, и много другихъ. Однѣхъ дамъ только здѣсь не было. Но ихъ собралось, видно, тоже не мало: тамъ изъ соседней комнаты, слышались оживленные женскіе голоса, веселый смѣхъ,—и надъ всеѣмъ этимъ говоромъ выдавалась частая, какъ рассыпавшійся горохъ, рѣчь пани Гертруды.

А вотъ и она сама вылетѣла на встрѣчу пану Маевскому, такая-же, точно такая, какъ и двѣнадцать почти лѣтъ назадъ, только еще, какъ будто, длиннѣе и хуже,—вся въ бархатѣ и въ шелку, вся залитая брильянтами...

— Ахъ, панъ мой... наймильшій панъ!.. посыпалась бойкая трель.—Вотъ такъ любезно, что вы пріѣхали, не забыли!.. Я давече утромъ еще (такъ рано встала,—почти съ разсвѣтомъ)! все думала... И Стась съ вами?—Вотъ это мило! Какъ выросъ онъ, пополнилъ!.. Совсѣмъ, совсѣмъ какъ взрослый мужчина!.. Что-жь, ему десять лѣтъ, кажется? Иль ужъ одиннадцать?—Да, одиннадцать... Боже, какъ время скоро летитъ!.. А давно-ли, кажется, я была на его крестинахъ!..— Ну, здравствуй, мой милый, здравствуй!.. — И она ласково потрепала по щецкѣ сконфуженнаго, расшаркивающегося передъ нею Стася.

— А гдѣ-жь Ядвися? вдругъ удивилась она. — Развѣ ея нѣтъ съ вами?..

— Она пріѣдетъ позднѣе... Просила васъ извинить... Теперь ей нельзя...

— Ахъ, Боже мой, — какъ нельзя?.. А что, если обманеть, вдругъ,—не пріѣдетъ?..—Позвольте, шаповный панъ... Сейчасъ я... сію минуту!..—И пани Гертруда исчезла, какъ сновидѣніе.

Панъ Казиміръ улыбался. Онъ ужъ давно стоялъ съ протянутыми руками, готовый обнять и расцѣловать дорогого гостя—но все ожидалъ, когда кончитъ его супруга. — И вотъ онъ теперь привелъ

въ исполненіе свое желаніе. Опъ крѣпко прижалъ къ груди папа Маевского; порядкомъ таки покололъ щеки Стася жесткими, щетинистыми усами, потомъ пожалъ ему, какъ большому, руку и потрепалъ по плечу.

— Да, выросъ, большой выросъ! прохрипѣлъ опъ.— Учишься?— Молодецъ!—И тотчасъ-же отвернулся къ пану Маевскому.

— Да, забота... Дѣти, ихъ воспитаніе... хрипѣлъ опъ.— Ничего говорить: *ars pueros bene educandi difficilis est!*..*) Не правда-ли, шановный панъ Ромуальдъ?.. Вонъ у меня хлопецъ... Трудно!..

Стась только теперь замѣтилъ въ углу, у печки, какого-то долго-вязаго малаго, лѣтъ 14. Опъ неподвижно сидѣлъ на стулѣ, вытянувшись, какъ палка, и, словно заяцъ, придалъ ушами то въ ту, то въ другую сторону, точно прислушиваясь къ рѣчамъ гостей и боясь проронить хоть одно слово. И, въ то-же время, лицо его выражало невыносимую скуку и утомленіе...

А разговоры шли бойкіе, оживленные. Лица гостей порядочно раскраснѣлись: должно быть, радушный хозяинъ уже успѣлъ предложить имъ позавтракать... — Въ одномъ углу шелъ разговоръ объ охотѣ. Плотный, широкоплечій панъ стоялъ за охоту солидную, — на медвѣдя. Другой, маленькій, юркій, вертлявый, чуть не съ пѣною на губахъ, отстаивалъ псовую.

— Да вы представьте только себѣ, говорилъ опъ: заляются, заляются!.. Вѣдь это—музыка... концертъ... Наслажденіе!..

— А если рявкнетъ, да на дыбы?... солидно говорилъ толстый панъ.

— Ну, это, конечно...

Въ другомъ углу говорили о какомъ-то громадномъ выигрышѣ. Кто-то и у кого-то выигралъ въ карты деревню цѣлую... — „Да, со всѣмъ, — съ крестьянами, и съ усадьбой!..“ — Въ третьемъ углу,

*) Искусство хорошо воспитывать дѣтей—трудно.

шель, очевидно, философскій споръ. И всюду польская рѣчь, точно соусомъ, обливалась латынью... Цитаты и изрѣченія разныя такъ и сыпались, какъ горохъ...

— *Virtus semper colenda est**)!.. говорилъ кто-то.

— *Si animum virtutibus ornaveris, semper beatus eris* **).

— О, *multa fleturum caput* ***)! послышался вдругъ чей-то басъ, — и тотчасъ-же, вслѣдъ за этимъ, раздался хриплый голосъ папа Зарембы:

— Броня!

Малый вскочилъ со стула у печки, съ испуганнымъ выраженіемъ на лицѣ.

— *Quid fuit dictum* ****) — строго спросилъ отецъ. — Что говорилъ панъ Z?

— Онъ говорилъ: о, *multa fleturum caput*...

— Да... Ну, *a-quis poeta hanc sententiam pronunciavit******)?

— Это Виргилій... Нѣтъ, это Гораціи, папа...

— А, то-то, не забывай!.. Помни, что *litteris tractandis animus excolitur******)... А духъ — это все... *Mens sana in corpore sano******)... Садись и слушай!..

И малый опять робко присѣлъ на стулъ и сталъ прядать ушами.

— Нѣтъ, я не согласенъ съ вами! говорилъ какой-то, мрачнаго вида панъ, съ болѣзненнымъ, желчнымъ лицомъ, довольно плохо одѣтый въ потертый зеленый кунтушъ, своему собесѣднику, мужчнншъ громаднаго роста, дюжему, широкоплечему. — Я положительно не согласенъ!.. Какъ вы сейчасъ сказали?

*) Добродѣтель должна быть всегда уважаема.

***) Всегда будешь счастливъ, если душу украшаешь добродѣтелями.

****) О, голова, которой предстоитъ много слезъ!..

*****) О чемъ шла рѣчь?

*****) Какой поэтъ высказалъ это мнѣніе?

*****) Изученіемъ наукъ образуется духъ.

*****) Здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ.

— Я сказалъ: *corporis exercitationes plurimum valent ad valetudinem firmandam* *).

— Да, но развѣ нельзя укрѣплять тѣла иначе?—Вы говорите: охота—здоровѣйшее всѣхъ упражненій... Помилуйте! Она отнимаетъ у насъ столько времени... Да, наконецъ, припоситъ и не мало вреда... Каждый годъ столько потравъ, столько вытоптанныхъ полей!.. Вѣдь все это хлѣбъ, хлѣбъ!.. Я говорю, конечно, о лѣтней охотѣ... Зимняя отнимаетъ время..

Собесѣдникъ окинулъ его насмѣшливымъ взглядомъ.

— Однако и вы, вотъ, собрались участвовать въ этой *вредной* забавѣ!.. насмѣшливо процѣдилъ онъ.

— Я? — Ни въ какомъ случаѣ! горячо протестовалъ желчный панъ.—Я просто пріѣхалъ провесть часъ-другой въ обществѣ, — и затѣмъ, уѣду домой... У меня тамъ хозяйство... Да, наконецъ, и не могъ-же я не пріѣхать, когда меня *приглашалъ* панъ Казиміръ...

И у меня хозяйство... Но, во-первыхъ, теперь у насъ праздники, а во-вторыхъ... во-вторыхъ, по моему: *omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci* **)...

— Позвольте...

Но тотъ уже отвернулся и заговорилъ съ другимъ.

— Такъ вы говорите: медвѣдь громадный? спрашивалъ панъ Мечиславъ Трембинскій пана Зарембу.

— Да; если вѣрить лѣснику Иваську,—такъ я еще не видалъ такого!.. А я-ли, кажется... Сами знаете... Еще когда я служилъ въ полку, мнѣ привелось въ одинъ годъ, зимой убить четырнадцать преогромныхъ медвѣдей... Но этотъ, кажется, еще больше тѣхъ... Представьте: онъ нынче задралъ у меня трехъ коровъ! И какія коровы были!..

Панъ Мечиславъ изъявилъ сожалѣніе.

*) Упражненія тѣла всего болѣе способствуютъ укрѣпленію здоровья.

**) Тотъ поступаетъ хорошо, кто смѣшиваетъ приятное съ полезнымъ. (Буквально: всякій ставитъ точку, кто... и т. д.)

— Однако, я думаю, не пора-ли? — Панъ Казиміръ взглянулъ на отличнѣйшія золотыя часы, осыпанныя брильянтами. — Уже второй часть, и у меня все готово...

— Зачѣмъ-же дѣло, — прекрасно!

— Панове! обратился панъ Казиміръ къ гостямъ. — Я предлагаю собраться. Пора!

— Да мы ужъ давно готовы! слышались голоса. — Ъдемъ, ъдемъ!..

— Но прежде выпьемъ немного... Такъ, на дорогу... — И панъ Казиміръ хлопнулъ въ ладоши.

Дверь открылась, и въ нее потянулась цѣлая процессія гайдукъ, съ огромнѣйшими подносами, уставленными всевозможными винами и закусками. — И вотъ зазвенѣли стаканы; слышалось чоканье. Гости шли и ѣли наскоро. Они торопились...

Ставъ молча сидѣлъ въ уголку, смотрѣлъ на этихъ шумныхъ, богато одѣтыхъ пановъ и скучалъ страшно. — Сперва его развлекала немного блестящая обстановка. Ему никогда еще не случалось видать такихъ высокихъ и широкихъ зеркалъ, блестящей, дорогой мебели, картинъ, въ массивныхъ золотыхъ рамахъ... Но потомъ и это ему надоѣло. Порой, онъ взглядывалъ на сидѣвшаго въ другомъ уголку долговязаго Броню, и все удивлялся: зачѣмъ это онъ такъ внимательно прислушивается къ разговорамъ гостей, и точно боится пропустить изъ нихъ хоть одно слово?.. Его удивилъ и этотъ строгій вопросъ пана Зарембы къ сыну: «quid fuit dictum?» и испугъ долговязаго малаго... — Такъ, значить, надо непременно все слышать, о чемъ говорятъ гости. Къ чему? Зачѣмъ? Да мало-ли о чемъ толкуютъ они. — иной разъ, о пустякахъ разныхъ. — Нѣтъ, онъ, до сихъ поръ, не слыхалъ ни о чемъ подобномъ *)...

*) «Послѣ отъѣзда гостей, ежели панъ-отецъ въ состояніи былъ проэкзаменовать сыновей, онъ сейчасъ-же спрашивалъ: Quid fuit dictum? — О чемъ шелъ разговоръ съ сосѣдомъ? Какія употреблялись болѣе замѣчательныя фразы? Какія были сказаны латинскія поговорки и др. Если сыновья забыли

Но вотъ ему вспомнился вдругъ бѣдный, умирающій пробощъ, — и у Стася больно заняло сердце... Что съ нимъ теперь? Живъ-ли онъ?—Давеча утромъ къ нимъ заходила Марыня и говорила, что старику, какъ будто, легче немного.—И Стасю страшно вдругъ захотѣлось взглянуть на пробоща, поцѣловать его блѣдную, исхудалую руку..—Да, вотъ теперь въ этой пышной, блестящей залѣ толпа нарядныхъ гостей. Они все веселы, все смѣются... А тамъ, въ бѣдной, убогой комнаткѣ, освѣщенной одной лампадкой, —тамъ горе, печаль, болѣзнь!.. Какъ плачетъ теперь Марыня бѣдная, какъ страшно горюетъ она!..—И у Стася вдругъ навернулись слезы...

Чья-то рука опустилась ему на плечо. Онъ вздрогнулъ и поднялъ голову. Отецъ стоялъ передъ нимъ и укоризненно покачивалъ головою. Зала почти совсѣмъ опустѣла...

— Ахъ, Стасю, Стасю!.. говорилъ панъ Ромуальдъ. —Ты опять плачешь!.. Да полно-же перестань, голубчикъ!..

— У меня голова болитъ, папа!.. — И Стасъ провелъ рукой по лбу. —Здѣсь такъ жарко, душно...

— Пойдемъ-же скорѣй на улицу! Все собрались. Сейчасъ ѣдемъ...

XVI.

Свѣжій, морозный воздухъ пахнулъ въ лицо мальчика. Онъ оглянулся.—Картина, открывшаяся передъ нимъ, была, дѣйствительно, замѣчательна... Яркое солнце заливало весь дворъ.

Десятковъ пять лошадей, великолѣпно осѣданныхъ, стояли то

что-нибудь,—не миновать имъ было въ такомъ случаѣ розогъ, или плети... И потому-то, въ продолженіи всей бытности гостя, все мы прилежно и внимательно слушали, стоя въ сторонѣ; и ни присѣсть, ни опереться не дозволялось, безъ позволенія отца, или матери; нельзя было также выйти изъ комнаты, ни подъ какимъ предлогомъ. Если-же получалось это дозволеніе, то означалась дорога, съ которой не слѣдовало сворачивать ни шагу, и обозначалось время, а промедлить болѣе—значило сдѣлать преступленіе“.

(„Разказы о польской старинѣ“).

туть, то тамъ, роя копытами мерзлый снѣгъ, — и онъ цѣлыми серебряными облачками поднимался въ воздухѣ. Солнечные лучи отражались въ ярко вызолоченныхъ стременахъ; горѣли и переливались всеми цвѣтами радуги въ драгоценныхъ каменьяхъ... А сколько здѣсь было этихъ каменьевъ!.. Сверкали они и въ богато убранныхъ сѣдлахъ; въ эфесахъ сабель охотниковъ; въ пуговицахъ на ихъ кунтушахъ... Стасъ былъ совсѣмъ ослѣпленъ!..

Большая часть гостей, вооруженныхъ съ головы до ногъ, винтовками, пистолетами, саблями и огромными охотничьими ножами, сѣдлись верхомъ; другіе-же помѣщались въ легкихъ саночкахъ, запряженныхъ, по большей части, парами лошадей. Панъ Ромуальдъ со Стасемъ помѣстились тоже въ саночкахъ. — И вотъ вся эта процессія торжественно поѣхала со двора. Отецъ сообщил Стасю, что охота будетъ двойная. Во-первыхъ, лѣсникъ пана Зарембы выслѣдилъ громаднѣйшаго медвѣдя; а во-вторыхъ, поохотятся и на зайцевъ...

— А это очень весело, Стасъ! говорилъ панъ Ромуальдъ. — Вотъ ты увидишь...

— И ты, пана, тоже будешь охотиться?

— Я? — Нѣтъ, мой милый! Я ужъ давненько отвыкъ, отяжелѣлъ какъ-то. Я буду, какъ и ты, только зрителемъ... Но, вонъ, посмотри, посмотри, тамъ, за воротами... Видишь?...

Да, Стасъ опять увидѣлъ нѣчто такое, чего онъ никогда не видалъ. На улицѣ, какъ разъ за опущеннымъ мостомъ, толпилась масса народа, и конныхъ, и пѣшихъ. На первомъ планѣ видѣлся отрядъ всадниковъ, человекъ въ сорокъ. Это была „загоповая шляхта“ пана Зарембы. Всѣ съ лихо закрученными усами, (хотя многіе и съ синякомъ подъ глазомъ, или съ покривленною скулой), — они гордо сѣдѣли на статныхъ, породистыхъ лошадяхъ, одѣтые въ зеленые бархатные чекмени, отороченные куннымъ мѣхомъ, въ такихъ-же шапкахъ, и съ мѣдными изогнутыми рогами черезъ плечо, на шелковыхъ перевязяхъ... Дальше видѣлись пеари. Ихъ тоже было десятка два-

три, но уже пѣшихъ. Каждый держаль на сворѣ собакъ. И сколько же было этихъ собакъ!.. Всевозможныхъ величинъ и мастей, все гончія и борзья, — онѣ оглашали воздухъ неистовымъ лаемъ... Дальше, на заднемъ плагѣ, видѣлась толпа крестьянъ... Ихъ здѣсь согнали, должно быть, со всей деревни. Тутъ были и взрослые, и подростки, такъ лѣтъ по 13, по 14; встрѣчались даже и совсемъ маленькіе ребята... И все больше болѣзненные, исхудалыя лица; заплатанныя, рваныя свитки. У взрослыхъ, — у кого были на плечахъ рогатины, у кого вилы; у другого — простой, заостренный колъ; у ребятнишекъ были трещотки, желѣзныя и мѣдныя сковороды. Участіе ихъ въ охотѣ состояло въ томъ, чтобъ производить какъ можно больше шуму и гаму.

Но вотъ выѣхаль изъ воротъ хозяинъ, окруженный блестящею свитой, — и шапки полетѣли съ головъ. Панъ Казиміръ кивнулъ милостиво головой и далъ знакъ къ выступенію. — И шествіе тронулось вдоль деревни, по направленію къ густому лѣсу, синѣющему вдаль... Изъ воротъ высыпали бабы и ребяташки и глазѣли на это шествіе... И гулъ, и гамъ стояли въ воздухѣ!.. Собаки нестово лаяли; лошади ржали; слышался лязгъ и звонъ сабель; громкій говоръ и смѣхъ, — и все это, порой, покрывалъ гремѣвшій, точно въ пустую бочку, могучій, раскатистый хохотъ пана Зарембы. — И шествіе двигалось все дальше и дальше. Впереди всѣхъ, разумѣется, ѣхали конные охотники и загоновая шляхта; рядомъ съ ними шествовали пеарни. Затѣмъ, тѣ гости, которые были въ санкахъ, — и, наконецъ, все это замыкали итѣнне мужики и ребята... Высыпавшія бабы смотрѣли на поѣздъ, не то съ какимъ-то недоумѣніемъ, не то съ испугомъ. На многихъ лицахъ точно было написано: „Господи! Да что-же это такое онять? Зачѣмъ?...“ — Какая-то древняя старушонка, какъ это замѣтила Стась, — такъ та смотрѣла на нихъ просто съ ужасомъ, какъ на нечистую силу, и даже крестилась, украдкой... Ребяташки жалась къ материнскимъ юбкамъ; тарасили испуганные глазенки на проѣзжавшихъ всадниковъ; а иные и голосили...

— Ну, полно, полно, родной, утѣшала иная мать. — Не бойся, они не тронуть!

А маленькій карапузъ ревѣлъ во всю мочь и пряталъ замазанное лицо въ материнской плахтѣ.

И, съ болью въ сердцѣ, глядѣла бѣдная мать за удаляющейся шумной охотой, и невольно ей приходила въ голову мысль, что, врядъ-ли, ея карапузъ заснетъ сегодня, какъ слѣдуетъ... Разбудятъ его на разсвѣтѣ шумъ, гамъ, лай собакъ, ржаніе лошадей, крики, хохоть... Проснется онъ, весь дрожащій, испуганный, да такъ ужъ и не заснетъ до утра, пожалуй,—все будетъ плакать, плакать...

Но вотъ деревня осталась далеко позади; лѣсъ выдѣлялся все явственнѣе и явственнѣе въ свѣтломъ и чистомъ морозномъ воздухѣ... Теперь вся охота двигалась по широчайшей, занесенной снѣгомъ, полянѣ... Посмотришь направо—снѣгъ одинъ, налево — тоже: и ярко горитъ онъ и переливается подъ солнечными лучами, и больно рѣжетъ глаза: Стася, то и дѣло, ихъ жмурить... А тамъ, впереди — лѣсъ, густой, прегустой лѣсъ, какихъ ужъ теперь и слѣда не найдешь въ Украйнѣ!.. — Бойко бѣгутъ лошадки; полозья сапей скользятъ и скрипятъ по снѣгу; лаютъ собаки; слышится говоръ и смѣхъ охотниковъ...

— Тебѣ не холодно? спрашиваетъ панъ Ромуальдъ, наклоняясь къ сыну, и такъ ласково и любовно глядитъ на него, что Стасю, отъ одного этого взгляда, словно теплѣе становится.

— Нѣтъ, папа.

— И не скучаешь?

— Нѣтъ.

— Ну, вотъ, молодець, умница!..

И, точно, у Стаси стало легче на сердцѣ; горе какъ-то забылось. Эта поѣздка дѣйствительно развлекла его.

— Стой, скомандовалъ панъ Казиміръ, —и все вдругъ остано-вилось.

Стася глянулъ. — Громадный, запущенный боръ лежалъ теперь

передъ ними, какъ на ладони! И что за деревья! — Шанка свалится съ головы, прежде, чѣмъ разглядишь ихъ вершины... Солнышко ярко и весело освѣцало ихъ, но вѣковыя деревья, порою, были такъ густы, что между ними не виднѣлись никакого просвѣта. Взглянешь, — и даже жутко какъ-то становится! Темень такая тамъ, — згли не видно, точно въ пустомъ чуланѣ... Или, можетъ быть, это такъ только кажется, послѣ яркаго снѣга?..

Панъ Казиміръ грузно спустился на землю и обратился къ охотникамъ:

— Что-жь, панове, говорилъ онъ. — Съ чего начинать будемъ? Съ медвѣдя?

— Съ медвѣдя, съ медвѣдя, конечно! рѣшили все. — Одинъ только кто-то протестовалъ, и предложилъ начать лучше съ зайцевъ.

— Пану Тадеушу, можетъ быть, не случалось охотиться за медвѣдями? насмѣшливо заговорилъ знакомый уже намъ, громадный, широкоплечій панъ. — Да, правда, это опасно: можно къ нему и въ лапы попасться...

— Хотѣлось-бы мнѣ посмотреть, какъ это случится! запальчиво вскричалъ панъ Тадеушъ, длинный и тонкій, какъ жердь. — Чтوبъ доказать пану, какъ *не случалось* мнѣ за ними охотиться, — я первый готовъ подойти къ берлогу... Да, панъ Станиславъ!..

Тотъ усмѣхнулся и покрутилъ усъ.

— Нашлось-бы и безъ васъ не мало желающихъ, говорилъ онъ. — Но это еще вопросъ: кому достанется жребій?

— Мнѣ первому... Я увѣренъ!

— Гм... Сомнѣваюсь...

Тадеушъ слегка поблѣднѣлъ, и рука его опустилась на эфесъ сабли. Но взглядъ одинъ на насмѣшника безповоротно рѣшилъ, что спорить и препираться съ нимъ — дѣло рискованное. И панъ Тадеушъ опять опустилъ руку.

Всехъ жребіевъ полагалось пять. Одинъ изъ нихъ достался са-

тому Зарембѣ, — и тотъ весело крикнулъ и потеръ руки; второй — пану Трембинскому, третій пану Войткевичу, четвертый Станиславу Капотѣ (это тому насмѣшнику), а пятый вытащилъ... панъ Тадеушъ...

— Ну, что, не правду я говорилъ? А?..—И Тадеушъ весело улыбался. Но Стась замѣтилъ, что рука его, вынувшая жребій замѣтно дрогнула, а въ глазахъ тоже мелькнуло что-то, совсѣмъ не похожее на геройство.

— Ну, вотъ, и прекрасно, не унимался насмѣшливый панъ Капота. — Такъ вмѣстѣ къ берлогѣ? Да? Вашъ первый выстрѣлъ?..

— Конечно, первый! какъ отрѣзалъ Тадеушъ, — но и голосъ его, увы, звучалъ не геройскими погамн.

„Счастливицы“ скрылись къ лѣсу. За ними послѣдовали загонщики. На обязанности этихъ послѣднихъ лежало выманить изъ берлоги медвѣдя, выпнать его оттуда рогатинами и шестами, — а ужъ на долю пановъ приходилось стрѣлять. — Остальные охотники расположились лагеремъ, неподалеку отъ лѣса. Явились ковры, подушки, — и Стась съ отцомъ комфортабельно разлеглись на нихъ. Всѣ какъ-то пріумолкли и ждали... Даже собаки, — и тѣ, успокоенныя пинками псарей, перестали лаять...

— А это страшно, паночка? спрашивалъ Стась отца. — Опасно?

— Что?

— Да, вотъ, на медвѣдя...

— Гм... Какъ-бы тебѣ сказать... Кто хорошо стрѣляетъ и не боится, — тому легко... Тотъ навѣрное одолѣеть... Ну, а другой...

Стась вздрогнулъ и обернулся къ лѣсу. Невдалекѣ гдѣ-то раздался выстрѣлъ, и вслѣдъ за нимъ тотчасъ — другой. Затѣмъ все смолкло...

— Клянусь святымъ Станиславомъ! вдругъ крикнулъ какой-то панъ. — Это выстрѣлы пана Зарембы. — Я превосходно знакомъ съ его ружьемъ и узнаю его изъ тысячи!.. Бьюсь объ закладъ... Кто хочетъ: пятьсотъ червонцевъ, — что онъ положилъ медвѣдя!..

Но не нашлось ни одного желающаго. Никто и не сомнѣвался, что медвѣдь убитъ, а то иначе были-бы еще выстрѣлы, крики...—И точно, прошло еще съ полчаса,—и изъ лѣсу показалась процессія. Впереди всѣхъ шли загоищики и тащили громаднѣйшаго медвѣдя. Легкая струйка крови лилась за ними по снѣгу. Затѣмъ шелъ, красный, какъ ракъ, широко улыбающійся, панъ Заремба и весело размахивалъ ружьемъ.

— Удачный выстрѣлъ, панове! кричалъ онъ. —Взгляните! Якъ Бога кохамъ! Пуля въ сердцѣ. — Взгляните!..

Медвѣдю разрѣзали грудь,—и, точно, нашли у него пулю въ сердцѣ.

— Да вы самъ чортъ, просто!—вскричалъ панъ Капота.—Иль это только случайность...

— Нѣтъ, не случайность!—вмѣшался кто-то.—Я самъ видалъ какъ панъ Казиміръ попадалъ пулей въ лѣной орѣхъ...

— Да, жаль, признаться, шаповный пане, говорилъ Капота,— что я вамъ уступилъ первый выстрѣлъ!.. Положимъ, я не съумѣлъ-бы такъ всадить пулю, по...

— А вотъ, панъ Тадеушъ Загурскій,—онъ тоже первый хотѣлъ стрѣлять... Но, представьте, панове... —И Капота захохоталъ.—Въ то время, какъ панъ Казиміръ любезно уступилъ ему это право,—съ Тадеушемъ вдругъ сдѣлалась такая нервная дрожь, что ружье просто запрыгало, заскакало въ его рукахъ,—и я долженъ былъ предложить пану снѣгу, вмѣсто воды... Откуда-жъ возьмешь ее тамъ, въ лѣсу!..

Раздался хохотъ,—и несчастный, претяженный и сконфуженный до послѣдней степени, панъ Тадеушъ не зналъ, куда и глаза дѣвать...

— Теперь отдохнемъ немножко, вынемъ,—говорилъ панъ Казиміръ,—и возьмемся за зайцевъ... Нельзя терять золотого времени.—Эй, вина, хлопцы!..

Вино явилось, точно изъ подъ земли,—и зазвенѣли опять стаканы.

— За перваго стрѣлка въ Польшѣ! — кто-то предложилъ тостъ. —

— Вивать! — грянуло въ воздухъ, — и къ пану Зарембѣ потянулись десятки рукъ, съ наполненными стаканами. Тотъ улыбался и крутилъ усы.

Но вотъ началась охота за зайцами. Загоновая шляхта скрылась въ лѣсу, — и онъ вдругъ огласился звукомъ роговъ... Потомъ эта музыка замолкла, и началась другая, ужасная, раздирающая уши: ребята подняли оглушительный шумъ и гамъ. Они визжали, мяукали; трещали трещотки, гремѣли сковороды... Собаки заливались оглушительнымъ лаемъ въ лѣсу... Стась одурѣлъ даже сперва, зажалъ уши... Но панамъ эта музыка была по сердцу... Они выстроились въ разныхъ мѣстахъ на полянѣ, по двое, по трое, съ поднятыми ружьями, со взведенными курками, — и ждали... Вотъ вылетѣлъ изъ лѣсу заяцъ и покатилъ по пополянѣ... Раздалось сразу нѣсколько выстрѣловъ, — и бѣдный звѣрекъ, подпрыгнувъ, съ жалобнымъ крикомъ, на аршинъ кверху, упалъ мертвымъ въ снѣгъ... А вопъ другой заяцъ, третій, четвертый, пятый, — и все они падали, какъ подкошенная трава... Вовъ выскочилъ волкъ, съ широко разинутой пастью, сверкающими глазами, — и тоже тяжело рухнулъ подъ выстрѣлами... А выстрѣлы ни на минуту не умолкали: они теперь сыпались, какъ горохъ...

Стась, первое время, съ интересомъ слѣдилъ за охотой, — но потомъ ему какъ-то неловко, тяжело стало... Ему было жаль этихъ бѣдныхъ, беззащитныхъ звѣрьковъ, валившихся подъ пулями наповъ... Нѣтъ, не понравилась ему эта травля, — и онъ удивлялся даже: какъ можетъ правиться она панамъ? — А она имъ не только нравилась, — она восхищала ихъ!..

Наконецъ Стась свободно вздохнулъ: пальба прекратилась. Поляна на большомъ пространствѣ, была усыпана трупами звѣрьковъ и звѣрей. Больше всего было, конечно, зайцевъ; но попадались и волки, и штукъ пять или шесть лисенць... Теперь передъ Стасемъ открылась другая картина, повеселѣе... Убитыхъ звѣрей подобрали и куда-

то спрятали, — а на полянѣ, мѣстахъ въ десяти, ярко запылали костры... Солнышко ужъ давно закатилось; наступалъ вечеръ... И вотъ, на покрытую всю бѣлымъ снѣгомъ поляну точно кто набросилъ красный коверъ... — Трещали костры; дымъ черными клубами взвивался къ небу, — а у костровъ, на коврахъ и подушкахъ, расположились паны-охотники, кто сидя, кто лежа... Точно изъ подъ земли явились корзинны со всевозможнѣйшими закусками. Тутъ были и жареные гуси и куры, и разная дичь; и жирная ветчина, и такія-же жирныя, польскія аршинныя колбасы, — да всего и не перечислить! — И начался не обѣдъ, нѣтъ, — „легкій завтракъ“... Проголодавшіеся паны убрали за обѣ щеки, даже ненадолго умолкли, всецѣло занятыѣ ѣдой. Не отказался и Стась отъ этого „завтрака“, — онъ тоже проголодался.

Но, вотъ, первый голодъ былъ утоленъ, — и языки у охотниковъ развязались. Начались оживленные разговоры, смѣхъ, шутки; захлопали пробки, зазвенѣли стаканы, — и крики „вивать!“ далеко разносились кругомъ въ вечернемъ, морозномъ воздухѣ...

А тамъ, въ сторонѣ немного отъ панскихъ костровъ, расположились у огней тоже, загонщики-хлопы и загоповая шляхта. Они тоже, съ жадностью, хлебали изъ котелковъ какую-то кашницу, заѣдая ею „пропущенныя“ стакачки панской горѣлки... Тутъ-же собаки, съ жадностью, убрали заячьи ланки и внутренности, — ворчали и огрызались... И здѣсь, у костровъ, шелъ тоже говоръ, но не такой громкій и оживленный, какъ у пановъ, а тихій и сдержанный... Но, все таки, Стась кой что разлышалъ.

— Вотъ погоди ужо, бісовы діти!.. — съ сдержанной злобою говорилъ худой, болѣзненный хлопецъ. — Задасть онъ вамъ баню, — небо съ овчинку покажется!..

— Тсс... ты, Оишенько, — молчи! — дернулъ его за рукавъ старикъ какой-то. — Услышать!..

— Э, не услышать, дідуся!.. Да и услышать, — миѣ наплевать... Мочи, вѣдь, нѣтъ терпѣть! Всею шкуру содрали!.. Въ хатѣ ни крошки

нѣтъ,—ложись, да помирай съ голоду,—а они вишь какъ, вошь, веселятся!.. У-у!..—И онъ погрозилъ кулакомъ.—Ну, да ладно... Не долго теперь веселиться вамъ... Отольются волку овечьи слезки!..

— Молчи, Онисько!..

— Чего, дѣдусю, молчи! И то всю жизнь молчалъ, кажется... Ну, а теперь говорить стану... Да!.. Будеть и на нашей улицѣ праздникъ!

Старикъ только вздохнулъ.

— Будеть-ли?.. прошенталь онъ.

— Будеть, дѣдусю, какъ Богъ святы, —будеть!.. Павлюкъ теперь недалеко, а съ нимъ безъ малаго, говорятъ, сотни три... Будеть онъ къ намъ не сегодня—завтра...

Стась насторожилъ уши.— „Павлюкъ? Это какой Павлюкъ? Ужь не тотъ-ли“?..

— Посмотримъ, вотъ, мы теперь, какъ они нѣтъ да плясать будутъ, да нашу кровь пить!.. опять со злобою продолжалъ Онисько.— Народится на пашей Украинѣ другой батька Богданъ,—и сведеть съ ними счеты... Да, говорятъ, народился ужь... Слыхаль про Максима, дѣдусю? Залізняка?..

— Ой, говорю тебѣ, молчи, Онисько!.. Молчи, коли головы жаль!..

— Что, головы...

Но въ это время къ костру подошелъ одинъ изъ загоновыхъ шляхтичей,—и Онисько вдругъ прикусилъ языкъ.

Стась не все понялъ изъ этихъ рѣчей, но онъ понялъ только одно, что Павлюкъ (это тотъ самый!) опять принялся разбойничать, и находится теперь гдѣ-то неподалеку со своей шайкой.—Стась ужь давно ничего не слыхаль объ этомъ ужасномъ дѣдѣ: да онъ, но правдѣ сказать, успѣлъ и забыть его... Но онъ слыхаль кое-что о гайдамакахъ, еще тамъ, въ коллегіи. Разъ какъ-то подслушалъ онъ разговоръ двухъ школьничковъ. Оба были изъ хлопскихъ дѣтей. Они говорили, что гайдамаковъ теперь становится все больше и больше,—

они разсыпались по всей Украйнѣ,—и скоро вырѣжутъ всѣхъ пановъ и ксеендзовъ, до одинаго...—Но почему-же ихъ не боится отецъ? Не боится ихъ панъ Заремба, и ни тотъ, ни другой ни слова не говорятъ о нихъ?..

Костры догорали... Люди сустились вокругъ нихъ и хлопотали съ уборкой... Прошло еще съ полчаса,—и, обремененные добычей, охотники тронулись къ дому... Выплывшая изъ-за тучъ луна освѣщала ихъ путь; вездѣ въ окнахъ хатъ мелькали уже огни, а замокъ пана Зарембы весь былъ залитъ ими, сверху и до низу...

...Столы просто ломились подъ массой серебряной и золотой посуды, подъ массой фарфора, фаянса и хрусталя... Десятка два канделябрь освѣщали обширную залу, въ которой теперь собрались всѣ гости пана Зарембы. Вернувшіеся съ охоты мужчины помылись, почистились; многіе переодѣлись въ другое платье. И, вотъ, теперь, бархатъ, атласъ, шелкъ, кружева, брильянты и изумруды — просто слѣпили глаза!.. О дамскихъ нарядахъ и драгоценностяхъ и говорить нечего!—А здѣсь, за нѣсколькими обѣденными столами, собралось очень много и дамъ.—И всѣхъ ихъ, понятно, затмевала своимъ блескомъ сама хозяйка, пани Гертруда. Ея наряды и драгоценности были предметомъ зависти во всемъ повѣтѣ и причиною частыхъ семейныхъ ссоръ.—Была здѣсь и пани Ядвига, и Зося съ мужемъ... Однимъ словомъ, всѣ были, исключая одного Болеслава Грабовскаго.

Блюда смѣнялись блюдами; слуги не успѣвали наливать кубки. Слышались крики „вивать!“, смѣхъ, говоръ, споры порой, и музыканты въ сосѣдней комнатѣ не отдыхали ни на минуту отъ тушей.

А разговоръ шель *crescendo*. Много о чемъ говорили на разныхъ концахъ столовъ,—всего и не разслышать было. Но разговоры патриотическаго характера положительно преобладали... Паны вооду-

шевлялись и воодушевлялись — и въ нихъ закипѣла кровь ихъ славныхъ предковъ... Много шло толковъ о настоящихъ доблестяхъ Польши, о томъ, какъ могуча и какъ сильна Рѣчь Посполитая, — но еще больше было воспоминаній... Они смѣнялись одно другимъ, точно стекла въ калейдоскопѣ... Припомнились сраженія разныя, и отличившіеся въ нихъ герои, — все, начиная чуть-ли не съ самаго легендарнаго короля Попея, и кончая настоящимъ временемъ. — И все было въ прошломъ прекрасно и благородно; и никто изъ ихъ славныхъ предковъ не сдѣлалъ ничего худого, безчестнаго. — „Homo improbus aliquando cum dolore flagitia sua recordabitur“ (*). — Но такого безчестнаго человѣка не было, и о прошломъ можно вспоминать, пожалуйста, и со слезами, но со слезами — радости... Войны велись, и всегда одерживались побѣды... Бывали и неудачи, конечно. Но развѣ онѣ отъ нихъ зависѣли?..

— Кто тамъ сказалъ: *melior est certa pax, quam sperata victoria?* (**)) вопіялъ на одномъ концѣ стола красный, какъ ракъ, панъ съ сѣдыми, щетинистыми усами и вытаращенными глазами. — Мира не допускаю, не допускаю и *спорныхъ* побѣдъ... „Иль со щитомъ иль на немъ“ — вотъ мое мнѣніе! *Sapienti sat!*... (***)

Главнымъ образомъ, такимъ духомъ проникнуть былъ разговоръ гостей, сидѣвшихъ на одномъ концѣ съ паномъ Зарембой. — И панъ Заремба давалъ таки себя знать! Громаднѣйшій басъ его гремѣлъ и раскатывался по всемъ комнатамъ... — „Да, ему давно ужъ перевалило за 60, и онъ видалъ на своемъ вѣку много чего такого, о чемъ стоитъ поразсказать!“ — И панъ Заремба разсказывалъ о своихъ подвигахъ, которые онъ совершилъ тамъ-то и тамъ-то... И кто-же не соглашался съ нимъ? — Все рѣшительно! Трудно и перечислить кубки, выпитые на пана и за его подвиги, которые онъ совершилъ „pro

*) Безчестный человѣкъ когда-нибудь со слезами вспомнить о своихъ поступкахъ.

**)) Лучше надежный миръ, чѣмъ спорная побѣда.

***)) Умному достаточно, умный пойметъ.

gloria patriae“.—Только одинъ какой-то, должно быть, желчный и насмѣшливый господинъ шепнулъ своему сосѣду: „ut quisque est sapientissimus, ita est modestissimus!*“—Но сосѣдъ такъ поглядѣлъ на него, что онъ сконфузился и сталъ въ замѣшательствѣ потирать руки...

Вдругъ панъ Казиміръ съ гнѣвомъ обернулся назадъ и грозно нахмурилъ сѣдыя брови. Предъ нимъ стоялъ старый престарый слуга Войцѣхъ, когда-то носившій его еще на рукахъ.

— Какъ ты осмѣлился войти сюда? Что тебѣ надо? рывкнулъ панъ Казиміръ.

— Простите, пане... Я никогда не посмѣлъ-бы, — но дѣло важное...

— Что тамъ?—Да говори-же скорѣй, —миѣ некогда!

— Надо быть осторожнымъ, пане... Принять мѣры... Павлюкъ...

— Какой тамъ Павлюкъ?

— Панъ ничего не слыхалъ объ этомъ разбойникѣ?..

— А, такъ онъ еще не повѣшенъ!.. Ну?..

— Я только сейчасъ узналъ, пане: онъ близко, въ нашихъ мѣстахъ... Говорять... говорятъ, что сегодня ночью онъ хочетъ напасть на замокъ...

— Ха! ха! ха!.. вдругъ раскатился хохоть. — Пошелъ вонъ, дуракъ, и просишь!..

— Представьте, пане... А!.. обратился панъ Казиміръ къ гостямъ.—Представьте, что говоритъ эта ворона старая...

— Въ чемъ дѣло, панъ?

— Онъ говоритъ, что этотъ разбойникъ Павлюкъ (чортъ знаетъ, какъ я забылъ о немъ: онъ ужъ давно-бы висѣлъ у меня на первой осинѣ!) — что этотъ разбойникъ хочетъ сегодняшней ночью напасть на мой замокъ... А!..

Произошло висчатлѣніе. По веѣмъ столамъ вдругъ точно про-

**) Чѣмъ кто мудрѣе, тѣмъ тотъ скромнѣе.

бѣжалъ электрическій токъ. Дамы всѣ поблѣднѣли; съ ними сдѣла-лось дурно.

— Ха! ха! ха!.. разнеслось по столамъ. Но не всѣ хохотали искренно.

— Да, мой шановный панъ, говорилъ кто-то, — такая басня... гм... Смѣшно ей было-бы вѣрить! Но не мѣшаешь, знаете, принять мѣры... Такъ, нѣкоторыя... между прочимъ...

— Пустое, панъ!.. А впрочемъ, чтобъ успокоить дамъ, я прикажу поднять мостъ и зарядить одну пушку... А теперь... Эй, вина, хлопче!..

— Но, пане... заговорилъ опять старый Войцѣхъ. — Я слышалъ, что шайка у него огромная, — въ нѣсколько сотъ человекъ, — и онъ на этихъ дняхъ еще выжегъ усадьбу пана Высоцкаго, а самого пана... пана повѣсилъ!.. чуть слышно заключилъ Войцѣхъ и опустилъ голову.

— Что-о?.. заревѣлъ Заремба. — Сжечь пана Высоцкаго и... и повѣсилъ?.. — Да я тебя самого повѣшу, безсовѣстный, старый лгуны!..

— Лгуны? Я лгуны?.. — Господи Боже мой!.. — Голоеъ старика дрогнулъ. — Я на рукахъ васъ посилю, пане... Клянусь вамъ!..

— Пошелъ!..

— Позвольте, шановный панъ Казиміръ! послашались голоса. — Вѣдь это начинаеть становиться серьезнымъ... Усадьба пана Высоцкаго... Она сейчасъ, въ двухъ шагахъ... Надо немедленно принимать мѣры...

— Вамъ хорошо, говорилъ кто-то — вамъ беспокоиться нечего: у васъ укрѣпленный замокъ, есть пушки, казаки, шляхта... Ну а я...

— Панъ испугался горети подлыхъ разбойниковъ?.. насмѣшливо заговорилъ Заремба. — Въ такомъ случаѣ, я пана не буду удерживать... Онъ можетъ ѣхать...

— Еще изъ васъ кто, пане, желаетъ возвратиться сегодня-же подъ домашній кровъ? — И онъ окинулъ взоромъ гостей. — Преду-

преждаю, что кто не выѣдетъ до 12 часовъ ночи, тотъ здѣсь останется до утра... Подъемный мостъ будетъ поднятъ, и изъ замка никого не выпускаютъ...

Всѣ молчали.

— И такъ между нами нашелся только одинъ трусъ: панъ Кшесинскій... Благодареніе Богу! — Такъ пусть панъ сію-же минуту оставитъ мой домъ!.. Присутствіе такого гостя стыдитъ все общество!..

Кшесинскій всталъ и, какъ оплеванный, вышелъ изъ залы.

— Вина, хлопцы! Живо! крикнулъ панъ Казиміръ.

И пиръ пошелъ опять своимъ чередомъ, хотя ужъ прежняго одушевленія не замѣчалось какъ-то.

— Прошу вниманія вдругъ гаркнулъ панъ Казиміръ, — и всѣ умолкли.

— Пришла мнѣ сейчасъ мысль въ голову, говорилъ онъ, — и мысль, по моему, недурная... Тому, что мы можемъ подвергнуться сегодня ночью осадѣ, — я не вѣрю ни въ какомъ случаѣ!.. Это — басня, вымыселъ старыхъ бабъ и такого дурака, какъ мой Войцѣхъ... Но я объ одномъ жалѣю. — Давненько ужъ я слыхалъ про этого разбойника Павлюка... Онъ натворилъ здѣсь не мало пакостей, пролилъ не мало крови... И, вотъ, я жалѣю, что не порыскалъ за этимъ мерзавцемъ и не поймалъ его... — Теперь (если правда только, что этотъ негодяй близко) — я думаю исполнить это намѣреніе... И, вотъ, наповѣ, я предлагаю... Сегодня охотились мы за медвѣдемъ, за зайцами, — завтра мы поохотимся за гайдамаками... Кто согласенъ изъ васъ принять участіе въ этой травлѣ?

— Я!.. я!..

— Прекрасно! — И такъ завтра-же, на разсвѣтѣ, я соберу шляхту, казаковъ, — и гайда на понеки за этой двуногою дичью!.. И если только этотъ Павлюкъ въ здѣшнихъ мѣстахъ, — то, вотъ, клянусь вамъ, не будь я панъ Казиміръ Заремба, хорунжіи гвардіи его величества короля, — если я не схвачу эту собаку подлую, не при-

тащу ее на веревкѣ, и, по издавна данному намъ, *jus gladii**) — не посажу ее на коль... Клянусь вамъ!.. — И панъ Казиміръ такъ стукнулъ кулакомъ по столу, что только стаканы запрыгали и зазвѣиѣли...

XVII.

Огни въ замкѣ погасли, и только еще въ одномъ оконцѣ, внизу, слабо брезжили свѣтъ... Громко храпѣлъ панъ Заремба въ небольшой угловой комнаткѣ, служившей ему кабинетомъ и спальней; громко храпѣли въ разныхъ комнатахъ гости, усталые и сильно подвыпившіе... Инымъ изъ нихъ не спалось сначала; они все ворочались съ боку на бокъ, — все точно ждали чего-то, прислушивались... Но ничего не слышать было, кромѣ шума и завыванія мятели... — А мятель все становилась сильнѣй и сильнѣй. Вѣтеръ стоналъ и завывалъ въ трубахъ; визжали и скрипѣли флюгера на башняхъ; гдѣ-то неистово хлопалъ сорвавшійся ставень... Но усталость взяла наконецъ свое и пересилила страхъ. Скоро гости уснули, убаюканные этимъ шумомъ мятели...

Спала дворня, казаки, шляхта... Уснулъ даже сторожъ въ своей будочкѣ, у воротъ... Не спалъ только шляхтичъ, панъ Пшонка. Закутавшійся поплотице въ шубу, ходилъ опъ взадъ и впередъ по платформѣ одной изъ сторожевыхъ башенъ и зорко оглядывался по сторонамъ... Но ничего не видалъ и панъ Пшонка, и ничего не слышалъ опъ, кромѣ завыванія мятели... Холодный, пронзительный вѣтеръ свистѣлъ и гудѣлъ у него въ ушахъ, забирался за воротникъ шубы и сыпалъ туда цѣлыя кучи снѣгу... Панъ Пшонка, то и дѣло, встряхивался, побрякивалъ и курилъ трубку за трубкой... — Но, вотъ, среди завыванія мятели, слышались вдругъ заунывные звуки ка-

*) Буквально: право меча. Судъ въ 24 часа.

кіе-то... Панъ Пшонка прислушался. Это били куранты на костельной башнѣ... Разъ... два... три... четыре...

— Эге! Да ужь утро, — четыре часа! пробормоталъ шляхтичъ. — Ну, ладно, съ часикъ еще похожу, — да и спать пора! — И онъ сладко зѣвнулъ. — Навѣрное ничего не будетъ... Войцѣхъ совралъ, дуракъ!.. — Панъ Пшонка закурилъ новую трубку и опять зашагалъ...

А огонекъ въ оконцѣ, внизу, все еще брезжилъ... Старый Войцѣхъ сидѣлъ у стола, грустный, задумчивый, и то и дѣло, покачивалъ сѣдою, лысою головой... Въ теченіи этой ночи, онъ разъ пять обошелъ весь замокъ, осматривалъ всюду: плотно-ли, хорошо-ли запираются двери, и исправны-ли въ нихъ замки? — Старикъ не на шутку ждалъ въ эту ночь нападенія, и боялся, дрожалъ за своего пана. Его возмущала просто безопасность пана Зарембы!.. Да какъ же! — Давеча, какъ разошлись гости, онъ чуть не часъ умолялъ его принять мѣры!.. — вооружить шляхту, казаковъ, и приказать имъ не спать всю ночь... — Панъ Казиміръ то сердился, кричалъ, называлъ его старой бабой, осломъ, мокрой курицей; то вдругъ ласково похлопывалъ его по плечу и говорилъ:

— Да полно ты, успокойся, старый глухарь! Повѣрь, что тебѣ наврали про Павлюка... Да, наконецъ, еслибъ это и правда была... Ну, согласишь: чего-же мнѣ беспокоиться? — Мой замокъ — крѣпость! Его не только не взять шайкѣ какихъ-то оборванцевъ — не взять цѣлой арміи! — Да... Ужъ это мнѣ лучше знать, старый хрѣнъ! — Я послужилъ — таки на своемъ вѣку, и видалъ всякіе виды!.. — Ну, вотъ, представь себѣ... Ну, напали... Такъ что-жъ изъ этого? — Мостъ поднятъ, и въ замокъ войти нельзя... А тамъ, — вѣдь мнѣ стоитъ свистнуть, — и въ одинъ мигъ станеть къ ружью сотни четыре казаковъ и шляхты... Понялъ?..

Но старѣй Войцѣхъ сомнительно покачалъ головой.

— Не вѣрьте, пане... Не полагайтесь на нихъ! пробормоталъ онъ.

— Какъ такъ?

— Все это хлопы, еретики-схизматики... Они выдадутъ, продадутъ васъ...

Пань Казиміръ усмѣхнулся и покрутилъ усь.

— Нѣтъ, ты совѣмъ одурѣлъ, Войцѣхъ! говорилъ онъ. — Ты очень ужъ старъ становишься!.. Меня продадутъ казаки... Меня!.. Да ты мнѣ скажи только: какой пань платитъ такое жалованье этимъ самымъ казакамъ, и такъ прекрасно ихъ одѣваетъ, какъ я?—Однако будетъ,—спать хочется!—И пань Заремба зѣвнулъ на весь домъ. — Ступай-ка и ты, ложись, старый!.. А завтра утромъ, — вотъ ты посмотри только, какую охоту устронмъ мы!.. Да, будь я—не я, если этотъ Павлюкъ не сядетъ у меня на паль *)!..

И старый Войцѣхъ ушелъ, грустный, печальный... Онъ такъ любилъ пана, готовъ былъ за него жизнь отдать!.. Вѣдь онъ поминтъ его еще вотъ такимъ маленькимъ... Онъ часто сиживалъ у него на колѣняхъ и дергалъ ручонкою за его, тогда еще не сѣдые усы... —И Войцѣхъ всю ночь не смыкалъ глазъ. Онъ то, какъ тѣнь, бродилъ по всѣмъ комнатамъ, присматривался, прислушивался, — то опять возвращался въ свою каморку, и все вздыхалъ, тяжело такъ и покачивалъ головою...

Стасъ тоже долго не могъ уснуть. Онъ все ворочался съ боку на бокъ, прислушиваясь къ завывальямъ мятели и, порою, вздрагивая... Онъ не боялся нисколько. Нѣтъ!—Да и чего-жь ему было бояться?—Ну, нападетъ на замокъ Павлюкъ со своей шайкой... Паны вооружатся; вооружатся казаки, дворня, — и отразятъ нападеніе... Да, отразятъ навѣрное... Вѣдь здѣсь прекрасныя ружья, пушки... Онъ давеча самъ видѣлъ: пушки, мѣдныя, съ такими большими жерлами... Ну, гдѣ-жь имъ справиться!..—А если и одолѣетъ Павлюкъ... Ну, что-жь изъ этого?—Вѣдь онъ навѣрно не тронетъ ни Стася, ни его отца, ни матери, ни сестры Зоси, ни ея мужа... Вѣдь онъ самъ говорилъ тогда... Стасъ вспомнилъ его слова тамъ, невдалекѣ отъ

*) На колъ.

корчмы, въ лѣсу: „Бѣжай, пане, съ Богомъ! Мы добрыхъ пановъ не рушимъ!..“ — Онъ вспомнилъ и тѣ слова Павлюка, которыя слышалъ отъ него въ его хатѣ: „Будь только такимъ-же добрымъ, какъ твой отецъ, — и васъ никто пальцемъ не тронетъ“!.. — И Стась думалъ, увѣренъ былъ, что Павлюкъ совсѣмъ не такой злой, какъ говорятъ о немъ... Заремба его называлъ старымъ волкомъ; въ Маювкѣ ребята боялись тоже его, какъ огня, и говорили, что онъ давно проклятъ Богомъ и продалъ свою душу нечистому, что онъ кровопивецъ... Неправда!.. Стась помнить, вотъ какъ теперь, эту первую встрѣчу со старикомъ въ лѣсу; помнить дальнѣйшее ихъ знакомство... Нѣтъ, въ Павлюкѣ не было ничего страшнаго, и онъ совсѣмъ не глядѣлъ звѣремъ... Да, правда, худой, страшно худой; усы предлинныя-длинные, и изъ подъ сѣдыхъ, косматыхъ бровей глядятъ черныя, сверкающіе глаза... Но и въ этихъ глазахъ не было ничего страшнаго — нѣтъ, они ласково такъ смотрѣли на Стася и улыбались; голосъ звучалъ мягко и нѣжно... И этотъ добрый, хорошій старикъ вдругъ оказался страшнымъ разбойникомъ!.. Его всѣ боялись и ненавидѣли... Онъ, говорятъ, лилъ много крови; рѣзалъ и вѣшалъ пановъ, ксендзовъ; убивалъ дѣтей даже!.. Какъ-же такъ? Почему? — И Стась долго не могъ ничего понять. Но теперь онъ понималъ кой-что: ему много чего разсказывалъ о Павлюкѣ панъ Болеславъ. Онъ говорилъ, что было время когда-то, но только давно ужъ, очень давно, — и Павлюкъ былъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ былъ добрымъ, хорошимъ, трудолюбивымъ... Онъ мухи тогда не убилъ-бы, кажется, но только что человѣка! Но вотъ разъ какъ-то, въ его отсутствіе, напали на его хату нѣсколько злодѣевъ поляковъ. Они убили его жену и ребенка, которыхъ онъ страстно, безумно любилъ... И Павлюкъ изъ человѣка вдругъ превратился въ звѣря... Страшная злоба вдругъ закипѣла въ его сердцѣ, и онъ рѣшился мстить: кровь за кровь!..

— Да, грустно говорилъ панъ Болеславъ, — такъ было! Изъ пѣсни слова не выкинешь!.. Но видишь-ли, Стась, въ чемъ дѣло... Если-бъ Павлюкъ былъ истиннымъ христіаниномъ, и если-бъ онъ былъ

поумиѣ... ну, какъ говорятъ, образованиѣ, — онъ заглушилъ-бы тогда въ сердцѣ эту слѣпую злобу... Но онъ человѣкъ темный, грубый, слѣпой человѣкъ, Стась... И, вотъ, эта злоба совѣмъ ослѣпила его, отуманила ему голову, и онъ забылъ, что Господь запретилъ лить кровь за кровь, а вельѣлъ прощать своимъ врагамъ и любить ихъ!.. — Грабовскій умолокъ и заходилъ по комнатѣ.

— А что касается меня, Стась, продолжалъ онъ. — Миѣ жаль этого человѣка, да странно жаль!.. Вѣдь онъ несчастнѣйшій изъ несчастныхъ!.. Онъ заставляетъ страдать другихъ, но и самъ не менѣе ихъ страдаетъ и мучится!.. Но, все таки, миѣ едастся.. Когда-нибудь (если его не поймаютъ только, и онъ не сложитъ свою буйную голову)—на Павлюка вдругъ найдеть раскаяніе... Онъ броситъ пожъ, уйдетъ въ монастырь и будетъ тамъ молиться и каяться, до своей смерти... А дай Богъ, чтобъ именно такъ случилось!.. Такіе примѣры были!..*)

Мятель выла и бѣшевала на улицѣ, и Стась долго прислушивался къ ея завываньямъ, не могъ глазъ сомкнуть. Только подъ утро уснулъ онъ. И приснился ему Павлюкъ, но не злой и не страшный, а такой, какимъ онъ видѣлъ его въ хатѣ. Онъ улыбался своей грустной улыбкой и говорилъ: „Что-жь, ѣшь, хлопчику, медъ-то... Скоро уѣду я,—все пропадетъ даромъ,—и пчелы всѣ разлетятся“...

Какая-то суетня въ домѣ, шумъ, гамъ вдругъ разбудили Стася. Онъ открылъ глаза. Въ окно еще чуть брезжилъ разсвѣтъ. — Что

*) И, точно, такіе примѣры были въ то смутное, тяжелое время... Съ одной стороны, случалось, что старикомъ, проводшимъ чуть не десятки лѣтъ въ какомъ-нибудь монастырѣ,—вдругъ точно овладѣвала нечистая сила. Онъ сбрасывалъ съ себя рясу, бросалъ четки, брался за ножъ и начиналъ разбойничать съ гайдамаками. Съ другой стороны,—отъявленнѣйшіе разбойники и душегубы вдругъ раскаивались. Они запирались въ монастыри, надѣвали власяницы, вериги,—и замаливали тамъ свою многогрѣшную жизнь...

тамъ такое? Ужь не Павлюкъ-ли? пришло ему въ голову. Онъ приподнялся съ постели... Панъ Ромуальдъ еще крѣпко и безмятежно спалъ, и видѣль, должно быть, веселое что нибудь: онъ улыбался... Мятель совѣмъ унялась; вѣтеръ стихъ, и только легкій снѣжокъ порошилъ въ окна. Стась слышалъ, какъ заскрипѣлъ ключъ въ громадномъ замкѣ воротъ, и онѣ съ шумомъ вдругъ распахнулись... Гдѣ-то заржала лошадь...

— Эге! послышался вдругъ голосъ пана Зарембы. — Панъ Пшонка! Гдѣ ты? Вели сѣдлатъ лошадей, заряжать ружья и пистолеты!.. Чтобъ все сейчасъ-же было готово, въ десять минутъ!.. Войцѣхъ! Ступай, старый хрычъ, буди пановъ!.. Чего они заспались, — пора!..

— Не спите, панъ Ромуальдъ? — И Заремба слегка стукнулъ въ дверь. — Вставайте, ѣдемъ!..

Стась потянулъ себѣ на голову одѣяло и притворился спящимъ. — Нѣтъ, не Павлюкъ это: это собираются на *охоту* за Павлюкомъ!..

Заремба ввалился въ комнату.

— Ну, будетъ, панъ, спать — вставайте! говорилъ онъ. — Скоро ужь семь часовъ. Закусимъ немножко, чѣмъ Богъ послалъ, на дорожку, — и ѣдемъ!

— Куда?

— Какъ куда? изумился Заремба. — Да на охоту за старымъ волкомъ... Забыли развѣ?

— Аа!.. протянулъ панъ Ромуальдъ. — Не забылъ... Но только, знаете, панъ Казиміръ, — увольте!..

— Какъ такъ увольте? Зачѣмъ увольте?.. все болѣе и болѣе изумлялся Заремба.

— Да такъ... Какой я охотникъ!.. Вѣдь я ужь лѣтъ десять, пожалуй, ружья не бралъ въ руки... Да, наконецъ, старость и ревматизмы...

— Ста-арость! гаркнулъ панъ Казиміръ. — Да вы въ умѣ, пано?

Вамъ сколько лѣтъ? А? Пятьдесятъ?.. Есть-ли еще пятьдесятъ-то? А миѣ... вы знаете?..

— Ну, миѣ не тягаться съ вами, — куда ужъ! польстиль панъ Ромуальдъ. — Такихъ молодцовъ, какъ вы, и среди молодежи не много сыщешь!..

— Д-да! усмѣхнулся панъ Казиміръ и покрутилъ усь. — По правдѣ сказать, молодежь пынѣшняя — тѣфу! — вотъ что!.. Вѣрно!.. Такимъ-ли я былъ, лѣтъ сорокъ тому назадъ, когда я... Да что вспоминать тутъ! — И панъ Заремба махнулъ рукой. — Теперь ужъ не-е то-о, шановный панъ Ромуальдъ, — не-е то-о... — Однако будетъ и вамъ старикамъ прикидываться! Вставайте, — ѣдемъ!..

— Нѣтъ, ужъ, увольте, пане!..

— Эхъ, вы — увольте!.. Ну, ладно, Господь съ вами! Оставайтесь здѣсь съ пани Гертрудой, хозяйничайте, — а мы ѣдемъ! — И панъ Казиміръ вышелъ.

Прошло минутъ десять. — и весь замокъ былъ на ногахъ. Въ комнатахъ слышались оживленный говоръ и смѣхъ... Во дворѣ тоже кипѣла какая-то дѣятельность... Стасъ быстро всталъ и подошелъ къ окну.

— Какъ? ты проснулся? удивился панъ Ромуальдъ.

— Да, напочка, я ужъ давно не сплю...

Мальчикъ протеръ запотѣвшее стекло окна и глянулъ во дворъ... Тамъ шли такія-же приготовленія, какъ и ко вчерашней охотѣ. Но, впрочемъ, нѣтъ, не совѣмъ такія... Здѣсь не было ни псарей, ни загоновой шляхты, съ охотничьими рогами черезъ плечо; ни толпы крестьянъ, вооруженныхъ вилами и заостренными колыями, ребятишекъ; не было легкихъ санокъ... — Нѣтъ, весь дворъ, на сколько это Стасъ могъ разглядѣть, — былъ наполненъ верховыми казаками, съ винтовками за плечами, длинными пиками и саблями, и такими-же вооруженными шляхтичами. Всѣхъ было не меньше трехсотъ человѣкъ.

Панъ Ромуальдъ одѣлся и вошелъ со Стасемъ въ одну изъ

обширныхъ залъ замка, откуда слышались говоръ и смѣхъ... Тамъ, при свѣтѣ нѣсколькихъ канделибровъ, собралась ужъ почти всѣ гости пана Зарембы, участвовавшіе во вчерашней охотѣ. Иные изъ нихъ, очевидно, еще не совсѣмъ выпались и громко звали... Кто заряжалъ пистолеты, кто осматривалъ охотничье ружье продувалъ стволъ и ввинчивалъ другой кремнь въ курокъ. Иные пробовали лезвья сабель на пальцѣ и, затѣмъ, вполне довольные остротой, опускали ихъ опять въ ножины... На двухъ-трехъ громадныхъ столахъ былъ ужъ накрытъ „легкій“ завтракъ, и видѣлись цѣлыя батареи бутылокъ. Приелуга суетилась вокругъ столовъ, то и дѣло, наливая оушенныя кубки...

— Да! говорилъ панъ Жигота и молодецки крутилъ свивый усъ.—Такого стараго волка, какъ этотъ Павлюкъ, взять будетъ не трудно... Я полагаю, такъ... Это не Чортовусъ... Слыхалъ панъ объ этомъ разбойникѣ?

— Кто не слыхалъ объ немъ! пробормоталъ панъ Заблоцкій.—Чтобъ вѣчно ему горѣть въ адекомъ огнѣ, проклятому!.. Сколько онъ зла натворилъ!..

— Да, такъ вотъ, помню я, какъ сейчасъ... Панъ Любомірскій давно ужъ собрался поймать этого негодяя, — и, вотъ, наконецъ, собрался... Сопнали мы мужиковъ съ околицъ, — пожалуй, такъ съ тысячу человекъ, если не больше, съ косами, топорами, вилами; собрали шляхту, казаковъ... Были у насъ и пушки, — штукъ двадцать, кажется... И отправились. Разбойники скрылись въ лѣсу, на болотѣ. Мы окружили ихъ, оцѣнили со всѣхъ сторонъ. А они спятъ себѣ у костровъ, и въ усъ не дуютъ... Но вотъ панъ Любомірскій махнулъ платкомъ, — и, Господи, какой поднялся вдругъ трескъ и гулъ!.. Заработали топоры по соснамъ, — деревья валятся со всѣхъ сторонъ горами... Ну, думаемъ, —теперь-то ужъ вы попались, голубчики: ни откуда выходу!.. Грянули пушки, — и пошелъ тутъ переполохъ!..—Сдавайтесь! кричимъ.—Молчать, каналы... А сосны все валятся, валятся... Многихъ изъ нихъ придавило; многихъ

перестрѣляли мы, какъ кротовъ въ норкахъ... Иные на сосны лѣзутъ, — отстрѣливаются, а наши въ нихъ!.. И валятся они, точно груши, съ деревьевъ!..

— Д-да! Славно!.. не выдержалъ панъ Заблоцкій и даже руки потеръ отъ удовольствія.

— Такъ цѣлый день прошелъ въ этой осады, продолжалъ Жигота.—А они и слышать ничего не хотятъ о сдачѣ... Да надо отдать имъ справедливость: храбры, смѣлы, разбойники!.. Сдаваться они не любятъ (еще бы: знаютъ, что ожидаетъ ихъ!).—Они или лягутъ все, до единого, или пойдутъ на проломъ... — Такъ и случилось... Вдругъ слышимъ мы крикъ въ лѣсу, точно медвѣдь рывкнулъ: „а, ну, хлопцы, або добути, або дома не бути!..“ *) — Это у нихъ такой лозунгъ, знаете, вродѣ, какъ-бы: „со щитомъ, или на немъ“... — И Жигота вдругъ усмѣхнулся.—Рыцарская тоже честь,—какъ-же!.. Потомъ вдругъ топотъ конскій послышался.—и показались они передъ нами въ лѣсу, конные, — отрядъ не малый!.. На проломъ думали,—нѣтъ ужь!.. Лѣзутъ они, какъ черти, а мы ихъ изъ пушекъ да изъ виштовокъ жаримъ!..—Все полегли до единого и Чортовусъ съ ними... Иныхъ пристрѣлили мы, точно зайцевъ, иные завязли въ болотѣ... — Да! Это, вотъ, дѣло было! заключилъ Жигота. — Объ этомъ стоитъ припомнить!.. А Павлюкъ мы живого возьмемъ... Это не Чортовусъ!..

— Что панъ Жигота тамъ говоритъ? послышался голосъ, — и къ нимъ подошелъ Заремба.

— Да, вотъ, я рассказывать, какъ мы съ Любомірескимъ добывали этого Чортовуса... Но это, вѣдь, именно самъ чортъ былъ. — не человекъ, просто!.. А Павлюка мы живьемъ возьмемъ!

— Д-да!.. гаркнулъ Заремба.—И, я вчера вамъ поклялся въ этомъ... Клянусь и сегодня: будь я не я, если не притащу эту собаку старую на веревкѣ въ замокъ!.. И притащу, — хоть мнѣ-бы

*) А. ну, хлопцы, али добыть, али дома не быть!

пришлось проохотиться за нимъ цѣлый мѣсяць!..—И такъ, напове, — мы закусили немножко, выпили... Теперь пора, — ѣдемъ!..

Стась долго слѣдилъ изъ окна за удаляющейся „охотой“, и невеселыя думы носились у него въ головѣ... — „Возьмутъ его, или нѣтъ? думаль онъ. — Возьмутъ, пожалуй... Вѣдь сколько ихъ собралось! Съ ружьями, съ пистолетами, съ саблями!.. Оцѣнять они ихъ, какъ Чортовусову шайку, и всѣхъ перестрѣляютъ до одного... Убьютъ и стараго Павлюка тоже... Но, впрочемъ, панъ Казиміръ поклялся живымъ взять его, притащить на веревкѣ... И что будетъ съ нимъ? Казнить его... посадить на колъ!..“ — И даже дрожь пробѣжала по тѣлу мальчика отъ одной этой мысли... — Но вотъ и послѣдній всадникъ скрылся вдали... Стась тяжело вздохнулъ и отошелъ отъ окна...

— Папочка... Миѣ скучно... Домой хочется!.. говорилъ онъ.

— Неловко, голубчикъ мой!.. Я обѣщаль Зарембѣ дожидаться его...

— А какъ ты думаешь: поймаетъ онъ Павлюка?.. Притащить его на веревкѣ въ замокъ?..

— Не знаю, милый...

Стась помолчалъ немного.

— Миѣ жаль его, папочка... странно жаль!.. робко какъ-то заговорилъ онъ. — Онъ бѣдный такой, несчастный... За нимъ, точно за волкомъ, гоняться будутъ... Поймають его... казнить...

— Такъ что-жь изъ этого, Стась? Развѣ онъ не заслужилъ казни? Ты не слыхалъ, сколько злодѣйствъ онъ сдѣлалъ?..

— Да, слышалъ, слышалъ... Но панъ Болеславъ миѣ говорилъ, папочка...

— Что говорилъ?

— Онъ говорилъ, отчего Павлюкъ сдѣлался такимъ злымъ. — И Стась разсказалъ отцу, что слышалъ отъ Болеслава.

— Да, я тоже слыхалъ про эту исторію... Но это еще не оправдываетъ его, Стась!..

— Онъ, говорятъ, убиваетъ только однихъ злыхъ наповъ, а

добрыхъ не трогаетъ... Вотъ и тебя тогда, помнишь, — въ лѣсу?.. Панъ Ромуальдъ смутился немного. Онъ помнилъ.

— Ну, что-жь изъ этого? говорилъ онъ. — „Злыхъ“ пановъ, какъ называешь ты, будетъ карать самъ Богъ... Они Ему одному должны дать отчетъ, а не какому нибудь, тамъ, разбойнику... Да и кто тебѣ говорилъ о *злыхъ* панахъ?.. подчеркнул онъ. — Ты еще слишкомъ молодъ, Стась, чтобы судить объ этомъ!.. Да и имѣешь-ли ты понятіе о добрѣ и злѣ?..

Стась, съ удивленіемъ, почти со страхомъ, взглянулъ на отца. Голосъ того звучалъ какою-то, совсѣмъ не свойственною ему, строгостью. И панъ Ромуальдъ самъ замѣтилъ это.

— Послушай-ка, Стась, заговорилъ онъ ужъ совсѣмъ другимъ тономъ и ласково потрепалъ его по плечу. — Смотри-ка, какая сегодня погода чудная!.. Солнышко ярко свѣтитъ... Поди, погуляй немного; взгляни на деревню, — ты, кетати, почти совсѣмъ не видѣлъ ее...

Стась молча повиновался и вышелъ изъ комнаты.

На улицѣ, не смотря на праздничный день, почти совсѣмъ не видѣлось народу. Только собаки рыскали, тамъ и сямъ, съ громкимъ лаемъ, гоняясь за воронами и воробьями... Изрѣдка попадались на дорогѣ отдѣльныя группы хлоповъ, человѣкъ въ пять-шесть. Они оживленно говорили о чемъ-то, размахивая руками... Но, замѣтивъ Стася, они вдругъ смолкали, неохотно снимали шапки передъ паничемъ, и не особенно дружелюбно поглядывали на него... — Но вотъ Стась замѣтилъ какого-то по низенькаго, толстаго человѣка. Онъ приближался къ нему, щуря отъ солнца маленькіе, заплывшіе жиромъ, глазки. Стась тотчасъ узналъ его. Онъ видѣлъ его вчера за обѣдомъ. Это былъ капелланъ пана Зарембы, о. Августинъ, человѣкъ до такой степени веселый и говорливый, что его смѣхъ, говоръ, шутки — ни на минуту не умолкали вчера и выдавались изъ всей компаніи...

— Нехъ бендзе похвалени Іезусъ Христусъ!.. *) пробормоталъ Стась, подходя къ нему.

*) Хвала Іисусу Христу.

— На вѣки вѣкувь. Amen!—О. Августинъ, съ серьезнымъ видомъ, благословилъ его. И вдругъ широкая улыбка озарила его полное, круглое, пылавшее румянцемъ лицо...

— А, мой молодой другъ!..—заговорилъ онъ.—Ясь, кажется?..

— Стась.

— Да, Стась... Скажи-же ты мнѣ, пожалуйста: зачѣмъ ты вчера сидѣлъ за столомъ такимъ букой?.. Муха тебя укусила какая?—Да, вѣдь, теперь зима—нѣтъ мухъ!..

— Такъ... Скучно было...—пробормоталъ Стась.

— Ску-учно?—И о. Августинъ вытаращилъ глаза.—Это, при такой музыкѣ, при такомъ говорѣ, смѣхѣ!.. Да, наконецъ, развѣ можно скучать въ твои лѣта?.. О, юноша, устыдись!.. А «gaudeamus igitur, juvenes dum sumus»...*). Слышалъ?..—Вѣдь ты не только молодежь,—малъ еще, и потому тебѣ веселиться надо... Охоту видѣлъ вчера?

— Да.

— Поправилась?

— Да, поправилась...

— Ну, еще-бы!.. Жаль только, что санъ мой не дозволяетъ, а то-бы я... Однако, куда-ты пошелъ? Гулять?

— Да.

— И прекрасно! Гулий, наслаждайся воздухомъ!.. И будь весель,—главное... Ну, улыбнись! Засмѣйся!.. Вотъ такъ!..—Ксендзь ущипнулъ его слегка за щеку и, весело крикнувъ, зашагалъ впередъ слегка отдуваясь и пыхтя на ходу...

А вонь у какой-то хаты, столпилась кучка пароду: Тутъ были и мужчины, и женщины... Среди нихъ Стась узналъ одного, —Ониська. Онъ былъ порядочно выпивши и о чемъ-то хныкалъ...

— Ну, ладно, полно, Онисько!—утѣшали его. Чего тутъ плакать?..—Да развѣ возьмутъ его?—Павлюка-то!.. Нѣтъ, не таковъ онъ... Живымъ не дастся!..

*) И такъ будемъ веселиться, пока мы молоды...

— Ой, возьмутъ его, люди добрые!.. Ой, возьмутъ!.. — хныкалъ Ониско. — Вы видѣли: сила какая!.. Помните Морозенку?..

— Такъ тѣ Морозенко, а это Павлюкъ, Ониско!..

— Выпьеть, вотъ, человѣкъ, — и давай ему страхи разные представляться!.. — ворчалъ какой-то старикъ. — А тверезый тѣ говорилъ развѣ?.. — Нѣтъ, Павлюка, говорилъ, въ жизнь не взять!.. А теперь чтѣ? — Э-эхъ!.. — И онъ укоризненно покачалъ головой. — Совѣмъ пить хлонцу не слѣдуетъ!..

— Не взять имъ Павлюка, чортовымъ дѣтямъ! — горячо говорилъ какой-то высокій и статный пѣрубокъ. — Не видать имъ его, какъ ушей своихъ!.. Не беспокойся, Ониско!..

Но Ониско только махнулъ рукой и опять захныкалъ.

Стасъ поравнялся съ этой толпой, — и разговоръ разомъ смолкъ. Всѣ поглядывали на мальчика какъ-то неоружелибно и подозрительно.

И это удивило его...

Вдругъ гдѣ-то на дальнемъ концѣ улицы, послышался крикъ, гиканье, — и изъ-за угла вылетѣлъ своеобразный поѣздъ... Стасъ съ изумленіемъ остановился.

Въ легкихъ саночкахъ запряжено было человѣкъ двѣнадцать мальчишекъ, „гуськомъ“, — а въ санкахъ сидѣлъ долговязый Броня, наслѣдникъ пана Зарембы. — Теперь ужъ онъ не имѣлъ того испуганнаго и приниженнаго вида, какъ тамъ, въ залѣ, когда онъ, съ напряженнымъ вниманіемъ, прислушивался къ разговорамъ гостей... Нѣтъ, Броня совершенно преобразился. Лицо его раскраснѣлось отъ удовольствія; глаза блестя. Онъ дергалъ возжами, гикалъ на ребятишекъ и щелкалъ длиннымъ бичомъ, — порой, задѣвая имъ довольно чувствительно когонибудь изъ везущихъ, такъ что тотъ вскрикивалъ... — И поѣздъ летѣлъ по улицѣ бойкой рысью...

— Сто-ой!.. какъ тебя тамъ?.. — крикнулъ наслѣдникъ Зарембы Стасю. — Панъ Маевскій! Поди-ка сюда на минутку!

Стасъ подошелъ.

— Тебя какъ зовутъ?

— Стасемъ.

— А гдѣ ты учишься?

— У о.о. пiаровъ...

— Аа!.. Ну, а я въ іезуитской коллегіи... Тамъ лучше учать, чѣмъ у пiаровъ, и деруть не такъ часто... А тебя, поди, каждый день порютъ? А?..

Стась обидѣлся.

— Меня еще ни разу не сѣкли!..

— Ну, это ты врешь, братъ,—дудки!.. А тебѣ сколько лѣтъ?

— Одинадцатый.

— А мнѣ четырнадцать скоро... А драться умѣешь?

— Не пробоваль.

— А, ну, такъ попробуемъ!—И Броня, моментально выскочивъ изъ саеи, засучилъ рукава и сталь въ позу.

— Да я совсѣмъ не хочу драться!—протестоваль Стась.

— Захо-очешь!.. На-ка, вотъ, получи въ задатокъ!—И онъ хватилъ его кулакомъ въ ухо.

Стась отскочилъ, смѣрялъ глазами противника и, вдругъ, сжавъ кулаки, бросился на него. Черезъ минуту Броня барахтался ужъ въ снѣгу, а Стась, усѣвшись на немъ верхомъ, съ самымъ побѣдоноснымъ видомъ, „накладываль“ ему въ шею... Противникъ его оказался куда слабѣе его, не смотря на свои четырнадцать лѣтъ...

— Ну, ладно, пусти... будетъ!..—хрипѣль онъ.—Ишь ты силачъ какой!.. Я и не думаль...

— То-то, вотъ!—И Стась отпустилъ его.

Броня встопилъ ва ноги, отряхнулся, потеръ себѣ шею,—и вдругъ протянулъ Стасю руку, съ самымъ любезнымъ видомъ...

— Да ты молодецъ, братъ! Силачъ!..—говорилъ онъ.—Хочешь, будемъ друзьями?..

Но Стась отвернулся и пошелъ дальше.

Побѣжденный противникъ, молча, поглядѣлъ ему вельдъ, посвисталь, тряхнулъ головой...

— Ишь ты, гордецъ какой! — пробормоталъ онъ. — А сильный, куда сильный, чортъ побори!..

Затѣмъ онъ опять комфортабельно уѣлся въ санкахъ, подобралъ полы жупана и, щелкнувъ бичомъ, крикнулъ:

— Ну, вы, клячи стоялыя! Трогай!..

И „клячи“ тронулись и побѣжали опять бойкою рысью.

Прошелъ день, наступилъ вечеръ, — а панъ Заремба съ гостями не возвращались... Но, впрочемъ, объ нихъ нисколько не беспокоились. Никто и не сомнѣвался, что, если имъ удастся напасть на слѣдъ шайки стараго Павлюка, — то они разобьютъ ее въ пухъ и въ прахъ, а самого Павлюка торжественно привезутъ въ замокъ...

О. Августинъ, еще послѣ завтрака, ушелъ въ свою комнату, досталъ бумаги, чернила, перо, и уѣлся сочинять рѣчь, на латинскомъ языкѣ, разумѣется. Въ этой рѣчи (а образцомъ ей служили произведенія римскихъ классиковъ), онъ прославлялъ торжество побѣдителей. Пана Зарембу онъ сравнивалъ съ Македонскимъ героемъ, покорившимъ весь свѣтъ и зачастую приводившимъ плѣнныхъ царей, точно простыхъ рабовъ, прикованными къ своей колесницѣ. Потомъ онъ сравнивалъ его съ Киромъ персидскимъ, съ Даріемъ, Ганнибаломъ, Юліемъ Цезаремъ и прочими героями древности. — „Побѣдитель достоинъ лавровъ“ — заканчивалъ онъ свою рѣчь, — „но, увы, лавры не растутъ подъ небомъ Польской Украйны! А потому мы можемъ доставить ему только тріумфъ!..“ — И о. Августинъ позаботился объ этомъ тріумфѣ. Онъ приказалъ, какъ только наступитъ ночь, вездѣ разложить костры, чтобъ они освѣщали путь побѣдоноснымъ воинамъ... Приказалъ зарядить всѣ пушки, и, какъ только побѣдители вступятъ въ Дембувку, — стрѣлять изъ нихъ непрерывно... Ворота онъ приказалъ растворить настежь, и наскоро соорудилъ въ нихъ что-то вродѣ тріумфальной арки, украшенной флагами, лентами,

бантами... Въ этомъ ужь принимала дѣятельное участіе сама пани Гертруда съ другими дамами.

Но вотъ и почь наступила,—а „побѣдителей“ все иѣтъ, какъ иѣтъ... Стась ужь давно спалъ крѣпкимъ сномъ, и не видалъ онъ этой великолѣпной иллюминаціи... Въ Дембувкѣ повсюду пылали костры, подвергая опасности спалить всю деревню, не исключая, пожалуй, и самого замка,—и отъ нихъ стояло въ небѣ цѣлое зарево... Замокъ тоже былъ освѣщенъ сверху до низу,—и весь дворъ сіялъ огнями отъ нѣсколькихъ сотъ цвѣтныхъ фонарей... Въ замкѣ никто не спалъ (за исключеніемъ Стася), все ждали... Но почь такъ и прошла; забрезжилъ разсвѣтъ,—а пана Зарембы и его гостей все еще не было!..—Веселый о. Августинъ вдругъ призадумался и нахмурилъ брови: придуманные имъ эффекты иллюминаціи пропали даромъ,—и оставалась одна только триумфальная арка, да пушки, готовыя ежеминутно начать оглушительную пальбу...

Но вотъ, ужь часовъ въ десять утра, часовой, стоявшій на башнѣ замка, далъ знакъ... Грянула пушка; за нею другая, третья, четвертая... И началась цѣлая кононада... Все обитатели замка высыпали на дворъ. Вышелъ и панъ Ромуальдъ со Стасемъ. О. Августинъ давно ужь стоялъ на башнѣ и смотрѣлъ въ зрительную трубу...

— Поймали! ведутъ!.. радостно закричалъ онъ.—Конечно... Я такъ и зналъ, такъ и думалъ!..

У Стася замерло и тревожно забилося сердце...—И вотъ показалась торжественная процессія... Панъ Казиміръ съ гордымъ, побѣдоноснымъ видомъ самого Цезаря, ѣхалъ впереди отряда... За нимъ двигались паны: Трембинскій, Войткевичъ, Жигота,—и у всехъ былъ тоже такой видъ, какъ будто они разбили громадную армію... Панъ Казиміръ сдержалъ слово. Къ лукъ его сѣдла было привязано за вевку что-то,—и это что-то волочилось по снѣгу... Стась посмотрѣлъ,—и даже глаза зажмурилъ; дрожь пробѣжала у него по тѣлу... Да, это былъ онъ, старый Павлюкъ!.. Но, Боже, какимъ онъ выглядѣлъ теперь страшнымъ!.. Со связанными за спиной руками, безъ

шапки, блѣдный, худой,—онъ, точно заправскій волкъ, злобно щелкалъ зубами, и его черные глаза горѣли, какъ уголья!.. И сколько въ нихъ было злости, ненависти, презрѣнія!..

И вотъ побѣдители въѣхали черезъ триумфальную арку во дворъ, при громѣ пушекъ и ружейныхъ залповъ... О. Августинъ стоялъ уже на крыльцѣ, въ „классической“ позѣ, съ приподнятою кверху рукой и торжествующею улыбкою на лицѣ. Онъ далъ знакъ, и пальба смолкла.—Полилась плавная рѣчь (ксендзь вызубрилъ ее безъ запинки),—и панъ Казиміръ и его свита имѣли счастье слышать, какъ ихъ сравнивали съ лучшими героями древности, „имена которыхъ никогда не умрутъ, на вѣки вписанныя на скрижаляхъ исторіи“... Но правдѣ сказать, о. Августинъ пересолил немного,—но иначе, вѣдь, и нельзя было: такъ принято!—Онъ говорилъ съ совершенно серьезнымъ видомъ; а панъ Казиміръ и его гости слушали его такъ же серьезно, и, въ эти минуты, они не на шутку воображали себя героями...

Но вотъ, наконецъ, все торжественно вступили въ домъ. Священнаго Павлюка стащили въ какой-то амбаръ и заперли тамъ до завтра, до рѣшенія его участи,—а ключи отъ амбара панъ Казиміръ взялъ къ себѣ.

— Такъ вотъ, панове, говорилъ Заремба, уже за обѣдомъ, наливая кубокъ венгерскаго. — Какъ видите, я сдержало слово!.. И то, правда: я никогда не люблю говорить на вѣтеръ...—И такъ, завтра утромъ, мы все соберемся здѣсь и устроимъ судъ надъ этимъ разбойникомъ... По *jus gladii*, въ 24 часа...

— Меня увольте, шановный пане, говорилъ панъ Ромуальдъ.— Миѣ ужъ домой пора.

— Ни подъ какимъ видомъ! рявкнулъ Заремба.— Ни подъ какимъ видомъ!.. Вы тоже должны быть членомъ суда и изречь свой приговоръ... Да! Довольно ужъ и того, панъ Ромуальдъ, что вы отказались участвовать въ этой травлѣ...

— Но миѣ, право, надо...

— Не выпущу ни за что!.. Сейчасъ-же прикажу запереть вашихъ лошадей въ конюшни! шутиль панъ Казиміръ. — Хотите — пѣшкомъ ступайте!..

Панъ Ромуальдъ только пожалъ плечами и усмѣхнулся.

— Да, очень жаль, что васъ съ нами не было! продолжалъ За-ремба.—Охота вышла, право-же не дурная...

— Ну, все-же не то, что за Чортовусомъ!.. пробормоталъ Жи-гота.

— Положимъ... Но, все таки... Нашли мы этихъ разбойниковъ верстахъ въ сорока отсюда, въ лѣсу... Они тамъ расположились таборомъ... Ну, и пошла стрѣльба... Убили мы ихъ человекъ двѣсти, навѣрное... Якъ Бога кóхамъ!.. У насъ потерь почти не было: смертельно ранили пятерыхъ казаковъ, да, вонъ, пану Войткевичу задралъ плечо — пулей... Но это пустяки: царапина!

— И такъ, мы перебили ихъ кучу!.. Дрались они очень недурно, правда... Но, все таки, въ концѣ концовъ, остальная часть шайки бѣжала... какъ зайцы,—и мы ихъ никакъ не могли догнать... Они оставили и своего атамана,—и старый разбойникъ попался, какъ волкъ въ западню... Завтра получить онъ воздаяніе по заслугамъ!..

— Ваше здоровье, достопочтенный отецъ! вдругъ гаркнулъ онъ, и потянулся къ о. Августину съ кубкомъ. —Благодарю васъ за рѣчь!.. Оно верхъ совершенства,—сама риторика!..

— Во мнѣ говорило сердце, панъ Казиміръ, скромно замѣтилъ польщенный ксендзь.

И опять пошелъ ширъ горой, вплоть до поздняго вечера. Затѣмъ загремѣла музыка и начались танцы... —Панъ Ромуальдъ со Стасемъ такъ и остались опять на почъ въ замкѣ...

XVIII.

...И опять Стасъ никакъ не можетъ заснуть и все ворочается съ боку на бокъ... И вертится въ его головѣ мысль, вѣртится неотступно

и неотвязно... Стась просто боится ее, старается отогнать, — но не тутъ-то было! Крѣпко засѣла она въ его головѣ... — „Выпусти его! выпусти! выпусти!“ точно шепчетъ ему на ухо чей-то голосъ, — и Стась вздрагиваетъ въ испугѣ и прячетъ голову подъ одеяломъ...

До поздней, глубокой ночи, гремѣли въ замкѣ звуки мазурки и краковяка. Гости плясали и веселились. — Слышался звонъ шпоръ танцующихъ смѣхъ и говоръ... Порой, раздавался веселый, раскатистый хохотъ пана Зарембы. — Но вотъ, наконецъ, все смолкло, и гости разбрелись по разнымъ комнатамъ, на почлегъ... Уснулъ и Стась, и даже крѣпко уснулъ... Но вдругъ его, среди ночи, точно разбудилъ кто. Онъ приподнялся и сѣлъ на постели...

Ночь была темная, мрачная... Черныя тучи, какъ клубы дыма, катились по небу; не было видно ни одной звѣздочки... Изрѣдка лишь луна проглядывала сквозь эти тучи; блѣдный свѣтъ ея слабо освѣщаль комнату... Но луна опять пряталась, — и опять становилось темно и тихо...— Впрочемъ, не совсѣмъ тихо: со всѣхъ сторонъ раздавался храпъ: храпѣлъ панъ Ромуальдъ, храпѣли гости въ сосѣднихъ комнатахъ...

И вотъ Стась приподнялся и сѣлъ на постели. Сперва онъ былъ точно какой-то потерянный, и долго не могъ ничего сообразить и понять... Но вотъ вдругъ, какъ молнія, мелькнула въ его головѣ мысль: *Павлокъ!* — и мальчикъ вздрогнулъ и зажмурилъ глаза...

И представилась передъ нимъ картина... Старикъ страшно блѣдный, худой, въ какихъ-то лохмотьяхъ, забрызганныхъ кровью, съ сѣдыми, взъерошенными усами и дико сверкающими глазами... Вокругъ худого, костляваго, но прямого еще, стана его, точно змѣя, обвилась веревка... И торжествующій панъ Казиміръ держитъ въ рукѣ эту веревку и гордо поглядываетъ по сторонамъ, съ видомъ побѣдителя — полководца... — Но, Боже, какъ страшенъ этотъ, лежащій на сѣгугу старикъ!.. Онъ злобно скрежещетъ зубами... Пусти его, развяжи, — и онъ, какъ волкъ, какъ бѣшеная собака, кинулся — бы на Зарембу и на его свиту, и разорвалъ-бы ихъ на клочки, растер-

заль зубами!.. — Да, Стась помнитъ, вотъ какъ сейчасъ... Онъ съ ужасомъ смотрѣлъ на этого старика. Онъ никогда не видалъ его такимъ страшнымъ; онъ даже представить себѣ его не могъ такимъ!.. — Но вотъ ужасъ смѣнился вдругъ жалостью, страшной жалостью, — и сердце мальчика больно сжалось... Онъ видѣлъ, какъ связаннаго Павлюка схватили и потащили въ какой-то подвалъ, подземелье... Онъ слышалъ, какъ заскрипѣла на заржавленныхъ петляхъ дверь; видѣлъ какъ старика толкнули въ эту темную, зіяющую дыру, — дверь снова захлопнулась, и зазвенѣлъ ключъ въ громадномъ замкѣ... — И вотъ старикъ въ подземельи... Какъ тамъ, должно быть, страшно сыро и холодно!.. Какое тамъ множество крысъ и жабъ! А завтра... Что завтра ждетъ Павлюка?.. — И все больнѣй и больнѣй сжимается и замираетъ сердце у Стася, и дрожь пробѣгаетъ по его тѣлу!..

Мальчикъ опять легъ въ постель, закутался съ головою одѣяломъ, закрылъ глаза... Но сонъ бѣжалъ отъ него, и онъ все видѣлъ передъ собой старика, видѣлъ сырое, мрачное подземелье... И вдругъ эта мысль! Она испугала его... Да она могла испугать и не такого ребенка, какъ онъ... Выпустить... страшно сказать! Что-жь это значить: выпустить? — А значить это вотъ что. Встать, вотъ, сейчасъ и тихо, такъ тихо, чтобы не услышалъ отецъ, одѣться; потомъ такъ же тихо выйти изъ комнаты въ корридоръ, пробраться въ спальную пана Зарембы и украсть у него ключъ... Да, это легко сказать, но какъ это сдѣлать? — Скрипнула половица, наткнулся мальчикъ на что-нибудь, тамъ, въ потьмахъ... Проснулся кто нибудь, — и его увидали... „Кто ты? куда? зачѣмъ?..“ — Ну, что онъ на это скажетъ?

Но это еще туда-сюда... А что, если въ тотъ моментъ, когда онъ, пробравшись къ пану Зарембѣ, протянетъ руку къ ключу, — вдругъ панъ Казимиръ проснется и схватитъ его за эту руку? Что будетъ тогда? — Но, положимъ, что все это прошло благополучно. Стась вышелъ, — никто не видалъ, не слышалъ его; пробрался онъ къ пану Зарембѣ, укралъ ключъ... А что-же дальше? Вѣдь это еще половина дѣла. — Теперь остается пройти черезъ весь замокъ, не разбудивъ

никого, и выйти во дворъ... А тамъ, конечно, есть сторожа, есть собаки...

Да, мысль, безумная мысль засѣла въ головѣ Стася, и привести ее въ исполненіе не было никакой возможности!.. Мальчикъ и не подумалъ даже, какія послѣдствія ожидаютъ его, если-бъ ему удалось выпустить старика. Нѣтъ, онъ думалъ только о томъ, какъ его выпустить? — Нѣтъ, никакъ нельзя, невозможно! — И Стась гонитъ отъ себя прочь эту мысль... Онъ все плотнѣй и плотнѣй закутывается одѣяломъ, жмуритъ глаза, заснуть старается... Гдѣ ужь!..

И катятся черныя тучи по небу; изрѣдка сквозь нихъ проглядываетъ луна... Слышится храпъ гостей въ разныхъ комнатахъ... Но не будь только этого храпа, будь совершенно тихо, — мы навѣрно услышали-бы въ тишинѣ сильное тукъ!.. тукъ!.. тукъ!.. Что это? — Это сердце колотится такъ въ груди у Стася...

Но вотъ луна опять выглянула изъ-за тучъ и освѣтила комнату... Мирно, спокойно спитъ панъ Ромуальдъ: одна рука его поверхъ одѣяла, другая — подъ головой... Тамъ, ближе къ стѣнкѣ, прижался Стась... И вдругъ одѣяло съ его стороны тихонько приподнимается, потомъ откидывается совѣмъ, — и мальчикъ встаетъ на кровати... Луна освѣщаетъ его фигурку. Стась блѣденъ; на лбу крупныя капли пота, — зато въ глазахъ у него что-то... Да, что-то такое, что не всегда можно видѣть у дѣтей его возраста...

Стась подымается и, крѣпко сжимая рукой сильно бьющееся сердце, потихоньку перелѣзаетъ черезъ отца... И вонь онъ на полу. Онъ одѣвается... Руки дрожатъ и плохо служатъ ему, — онъ никакъ не можетъ застегнуть своего жупанчика. И не надо!.. — Босой (сапоги подъ мышкой), Стась тихо — тихо проходитъ комнату и отворяетъ дверь. Она не скрипнула, — слава Богу!.. Темень — зги не видать! Но мальчикъ хорошо помнитъ расположеніе комнатъ! Онъ знаетъ, что если пройти черезъ сосѣднюю комнату, гдѣ помѣстились на ночь двое какихъ-то пановъ, одинъ молодой, другой старый, — то

будеть корридоръ, а изъ этого корридораhalbво... Нѣтъ, впрочемъ, направо, — дверь въ комнату пана Зарембы.

И вотъ Стась ужъ въ сосѣдней комнатѣ... Тукъ!.. тукъ!.. колотить у него въ груди сердце... А что какъ это „тукъ-тукъ“ разбудить стараго или молодого пана?—Но нѣтъ, и тотъ и другой снятъ себѣ безмятежно, — храпятъ... — Корридоръ, — та-же тьма, хоть глазъ выколи!.. — И вдругъ Стась вздрогнулъ. Черезъ неплотно запертую дверь комнаты пана Зарембы пробивалась полоска свѣта... А что, если панъ Казиміръ не спитъ?—Но нѣтъ, — могучій храпъ, съ переливами и какимъ-то точно присвистываньемъ, явственно доносится изъ спальни... И Стась ужъ смѣлѣе толкнулъ дверь; сперва потихоньку, потомъ сильнѣй, — и она отворилась... Стась на порогѣ. Онъ смотритъ на пана Зарембу. Тотъ крѣпко и безмятежно спитъ. Лампа дымитъ и коптитъ на столикѣ передъ кроватью... Но гдѣ-же ключъ... ключъ?.. Онъ, безъ сомнѣнія, подъ подушкой... — И вотъ Стась у кровати и протянулъ дрожащую руку къ подушкѣ спящаго... Вдругъ панъ Казиміръ шевельнулся, пробормоталъ что-то... Стась точно приросъ къ полу; сердце еще сильнѣй забилося у него въ груди, и холодный потъ выступилъ по всему тѣлу!.. Но панъ Казиміръ спалъ...

Не будемъ заглядывать въ душу мальчика и говорить, что тамъ творилось въ ней въ то время, какъ шарилъ онъ подъ подушкой... Стась понималъ, что онъ поступаетъ плохо, скверно даже: онъ воровалъ... Мы скажемъ только, что ключъ, громадный, заржавленный ключъ былъ, наконецъ, въ рукѣ у мальчика, и этотъ блѣдный, дрожащій мальчикъ опять выходилъ изъ комнаты...

Тамъ, въ дальнемъ концѣ замка, есть небольшая комнатка, и въ этой комнаткѣ живетъ старый Войцѣхъ. Вѣрнѣе, онъ только спитъ въ ней, а не живетъ. Старикъ на ногахъ весь день, до глубокой ночи; и весь день онъ бродитъ по замку, заглядываетъ туда и сюда: все-ли въ порядкѣ, и не воруетъ-ли, сохрани Богъ, прислуга... Но дѣло, впрочемъ не въ томъ... Давеча, проходя мимо, Стась заглянулъ въ эту крошечную, но жарко-нагретую каморку... На маленькомъ

шкапикѣ, подлѣ печки, онъ видѣлъ фонарикѣ, а возлѣ него — кремень, огниво и трутъ...—И вотъ Стась украсть ключъ,—теперь ему необходимо было украсть и этотъ фонарикѣ... — И Стась подвигается все впередъ и впередъ во мракѣ, сжимая рукою сердце... И чѣмъ дальше шель онъ, тѣмъ становилось все тише и тише... Раздававшіеся изъ всѣхъ комнатъ храпы гостей здѣсь ужъ не слышались болѣе... Развѣ гдѣ слышался легкій шикъ мыши, царапанье... — Вдругъ мальчикъ едва не вскрикнулъ. Что-то такое, съ визгомъ, шмыгнуло у самыхъ его босыхъ ногъ... „Крыса! прошепталь онъ. — Фу, ты!..“

— А вотъ и комнатка Войцѣха... Старикъ крѣпко спалъ. Стась тихо пробрался къ нему, взялъ фонарикѣ, кремень, огниво, — и направился дальше... Вотъ здѣсь выходная дверь... Мальчикъ ощупалъ торчавшій изъ замка ся ключъ и повернулъ его дрожащей рукою... Онъ тихо звякнулъ: дверь отворилась,—и Стась очутился въ сѣняхъ... Здѣсь только рѣшился онъ надѣть сапоги. Да и пора было. Онъ съ полчаса, пожалуй, бродилъ по холоднымъ поламъ, и ноги у него сильно озябли... Затѣмъ Стась высѣкъ огня, зажегъ фонарикѣ и спряталъ его подъ полою жупанчика...

Дверь изъ сѣней на улицу оказалась запертой на запоръ, — и Стасю не мало труда стоило снять эту тяжелую деревянную штуку. Но вотъ, наконецъ, и запоръ снять... Тяжелая дверь скришнула, отворилась... Холодный воздухъ нахнулъ въ лицо Стася. Онъ былъ на улицѣ...

Робко оглянулся по сторонамъ мальчикъ, тщательно прикрывая полой жупана фонарь, прислушался... Но все было тихо; только вдали гдѣ-то, на самомъ концѣ деревни, лаяла глухо собака. . Темно; въ темнотѣ выдѣляются, тамъ и сямъ, постройки разныя: конюшни, амбары... Но вотъ опять выглянула изъ-за тучъ луна и освѣтила дворь... Нигдѣ никого не было видно... Стась робко спустился съ крыльца и пошелъ по двору, безпрестанно оглядываясь и прислушиваясь. Сердце его все такъ же успленно билось; дрожали руки и ноги... Онъ шель

прямо туда, къ этой обитой желѣзомъ двери, ведущей въ страшное подземелье... А что, если сторожъ тамъ? — Тогда все пропало!.. — Но сторожа не было. Его или забыли поставить, или онъ самъ ушелъ, вполнѣ увѣренный, что связанный по рукамъ и ногамъ старикъ не уйдетъ изъ-за крѣпко запертой двери... Стась оглянулся еще разъ и приложилъ къ этой двери ухо. Все было тихо. Должно быть, Павлюкъ тоже спалъ... Но вотъ вдругъ послышался не то вздохъ, не то стонъ какой-то, — и затѣмъ все опять смолкло...

Теперь предстоялъ трудъ, и не малый трудъ: отворить громадный, ржавый замокъ. И Стась со рвеніемъ принялся за работу... Долго возился онъ надъ замкомъ и все не могъ повернуть ключа... Но вотъ, наконецъ, — слава Богу, Замокъ отворенъ и вынутъ... Дверь отворилась, — и на Стася нахнуло вдругъ какой-то затхлою и гнилою сыростью...

Пять-шесть сырыхъ и скользкихъ ступенекъ внизъ, — и мальчикъ былъ въ подземельи... Слабый свѣтъ фонаря освѣтилъ сырую, черныя стѣны, сырую, голую землю пола, и еще что-то такое, фигуру какую-то, лежащую на этомъ полу... И это былъ старый Павлюкъ!.. — Онъ приподнял голову и съ неописанномъ изумленіи уставилъ на Стася свои глубоко впавшіе, сверкающіе глаза...

— Кто-ты?... Зачѣмъ ты здѣсь?.. пробормоталъ онъ...

Стась подошелъ ближе.

— Ты не узналъ меня, дѣдушка?..

Долго и пристально глядывался старикъ въ лицо мальчика. И вдругъ улыбка мелькнула у него на губахъ; въ глазахъ блеснула огонекъ какой-то, — Стась опять узналъ въ этомъ старомъ, связанномъ волкѣ, того самаго старика, у котораго онъ бывалъ въ гостяхъ въ его хатѣ...

— Такъ вотъ это кто! — заговорилъ Павлюкъ, и голосъ его звучалъ мягко и иѣжно. — Это ты, панчеченку, тотъ самый, который у меня въ хатѣ медъ ѣлъ?.. Но какъ ты попалъ сюда? Какъ? Зачѣмъ?..

«Кто ты, зачѣмъ ты здѣсь?»

И Стась дрожащимъ отъ волненія голосомъ все разсказаль старику. Тотъ молча слушалъ, и его мрачное, суровое лицо все болѣе и болѣе прояснялось.

— А, такъ ты вотъ какъ!.. — ласково заговорилъ онъ, когда Стась кончилъ. — Хорошо-же... Поди сюда!.. Можешь ты развязать этотъ узелъ? А?..

— Да, дѣдушка!

И долго хлопоталъ мальчикъ надъ этимъ узломъ. Но вотъ, наконецъ, руки у Павлюка развязаны. Онъ приподнялся и сѣлъ.

— Спаси и помилуй тебя Господь, наниченьку! — говорилъ онъ. — Ты сдѣлалъ доброе дѣло!.. — И онъ гладилъ своей костью, но все еще сильной рукой волосы мальчика. И Стась не замѣтилъ, что на этой рукѣ запеклась кровь, Богъ знаетъ чья: его-ли, Павлюка, или чья чужая.

— Но какъ ты рѣшился на это дѣло, наниченьку?.. А? Ты не подумалъ, что будетъ тебѣ, когда узнаютъ, что я бѣжалъ?..

Да, эта мысль не приходила въ голову Стася. Онъ вдругъ потупился... Да, что будетъ съ нимъ, когда узнаютъ, что Павлюкъ бѣжалъ?.. Что скажетъ отецъ? Что скажетъ панъ Казиміръ?.. Панъ Казиміръ, въ особенности!..

— Я имъ скажу... Я имъ скажу, дѣдушка... — забормоталъ Стась, — что мнѣ стало жаль тебя... Что ты такой бѣдный, несчастный... Гнали тебя, преслѣдовали, какъ волка, — а ты тоже, вѣдь, человекъ, дѣдушка... Пана простить меня... Панъ Заремба... — Но тутъ Стась умолкъ... — Да, панъ Заремба... Тотъ-то простить-ли?..

Глаза старика сверкнули... Онъ ужъ успѣлъ развязать себѣ ноги, — и вдругъ поднялся, вытянулся во весь ростъ... Исчезло опять это доброе выраженіе на лицѣ и замѣнилось страшной ненавистью и злобой... Старикъ скрипнулъ зубами...

— Заремба!.. О, будь онъ проклятъ!.. — вдругъ зарычалъ онъ. — Я покажу Зарембѣ, что у меня еще всѣ зубы цѣлы, и такъ укушу его, что онъ до страшнаго суда не забудеть!.. Меня... меня, какъ

собаку, онъ на веревкѣ тащилъ по землѣ!.. — Онъ называетъ меня разбойникомъ... Я... я разбойникъ?.. — Я рыцарь!.. *). Не изъ корысти я рѣзалъ и жегъ проклятыхъ пехристей-ляховъ... Куда мнѣ съ ихъ золотомъ, серебромъ!.. Не надо мнѣ гроша мѣднаго!.. Изъ мести я рѣзалъ ихъ, за православную вѣру!.. Зачѣмъ они гонятъ насъ, притѣняютъ?.. Зачѣмъ ксендзы ихъ ругаются надъ нашей православной церковью, надъ нами?.. — Я... я разбойникъ?.. — Да развѣ я тронулъ хоть пальцемъ кого изъ нашихъ, изъ христіанъ?.. Отнялъ у кого изъ нихъ мѣдный грошъ?.. — Нѣтъ, самъ я дѣлился съ ними, давалъ кому сколько могъ... Да!.. И не однихъ православныхъ не трогалъ я... Не трогалъ я и иныхъ ляховъ... И между ними не все собаки однѣ, — есть люди тоже, и добрые люди... Мало ихъ только! Что-жь, пусть скажутъ, что я ограбилъ кого изъ нихъ и убилъ!..

Павлюкъ вдругъ глухо закашлялся и съ трудомъ перевелъ духъ. Стасъ отшатнулся и смотрѣлъ на него почти съ ужасомъ.

— И меня... рыцаря... православнаго... точно собаку, вдругъ... на веревкѣ!.. — злобно хрипѣлъ Павлюкъ. — Нѣтъ, ты постой, нашъ Заремба!.. — И онъ сжалъ кулакъ. — Ты волкомъ меня называлъ тоже... Не я волкъ, а ты!.. Ни изъ кого еще я не высосалъ ни одной капли крови... А ты... ты сосешь ее цѣлый вѣкъ изъ христіанъ православныхъ!.. Поймай-же: наступитъ день, и отольется тебѣ вся эта кровь до капельки!..

— Дѣдушка!.. — въ ужасѣ вдругъ закричалъ Стасъ. — Дѣдушка!.. Ты опять убивать будешь!..

Старикъ вздрогнулъ. Онъ долго глядѣлъ на Стася и точно не понималъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ... Потомъ провелъ рукой по лбу.

— Что ты сказалъ? — пробормоталъ онъ.

— Я говорю: опять ты убивать будешь!..

— Да, буду, паниченьку, буду!.. Самъ Богъ велѣлъ карать

*) Рыцарь.

злыхъ людей... Онъ истребилъ Содомъ и Гомору, — послалъ на нихъ сѣрный дождь... У Павлюка еще всѣ зубы цѣлы, и много еще перекусаетъ онъ злыхъ собакъ, что грызли народъ православный... И перваго онъ загрызеть — Зарембу!..

Стась, блѣдный, дрожащій съ головы до ногъ, съ ужасомъ глядѣлъ на стараго Павлюка. И тотъ не могъ не замѣтить этого.

— Но что-же съ тобой, паниченьку? — онять мягко и пѣжно заговорилъ онъ. — Чето-же ты испугался?.. Ты развѣ боишься меня?..

— Да... боюсь!.. — прошенталь Стась. Зубы его стучали.

— Что ты, Господь съ тобой!.. Меня-то... боишься!... — И онъ онять положилъ руку на голову мальчика. Тотъ вздрогнулъ вдругъ, точно его кто ударилъ...

— Да развѣ я трону тебя!.. Вѣдь ты мнѣ голову положилъ на плечи, крылья мнѣ онять развязалъ!.. Вѣдь, еслибъ не ты, — торчать-бы мнѣ на колу, или болтаться, точно собакъ, въ петлѣ!.. Ну, полно-же, успокойся!.. Чего ты дрожишь такъ?.. Аль тебѣ холодно?..

Стась молчалъ.

— Озябъ ты?

— Нѣтъ, не озябъ... Но только... только послушай, дѣдушка... — И онъ поднялъ глаза. Передъ нимъ онять стоялъ тотъ-же хорошій и добрый дѣдъ.

— Вѣдь ты не всегда злой... Бываешь и добрымъ тоже... Зачѣмъ-же ты не всегда добрый?.. Ты хочешь онять убивать... Злыхъ, говоришь ты... Да развѣ Господь позволилъ проливать кровь?.. Вѣдь Онъ заповѣдалъ прощать всѣмъ... врагамъ своимъ... Вѣдь такъ и въ Евангеліи сказано... Панъ Болеславъ...

Брови старика сдвинулись, и по лицу его пробѣжала тѣнь.

— Ты молодъ еще, паниченьку, не понимаешь!.. — пробормоталъ онъ.

— Нѣтъ, понимаю! — съ жаромъ говорилъ Стась. — Мнѣ панъ Болеславъ разказывалъ... Ему тоже жалко тебя... Онъ говоритъ, что ты бѣдный, несчастный, но что ты пролилъ на своемъ вѣку много

крови... А кровь вопіеть къ Богу, дѣдушка... Папъ Болеславъ мнѣ говорилъ, что ты грѣшникъ, великій грѣшникъ, и что тебѣ надо долго замаливать свои грѣхи... Онъ говорилъ, что были злодѣи такіе...

— Я не злодѣй! — пробормоталъ Павлюкъ. Но Стась не слышалъ его.

— И эти злодѣи потомъ раскаивались... Они уходили въ монастыри и тамъ замаливали грѣхи свои...

Павлюкъ вздрогнулъ, точно его ударилъ кто. Его сѣдья, нависшія брови еще болѣе сдвинулись.

— Мое не пришло время!.. — пробормоталъ онъ. Но Стась не разслышалъ.

— Дѣдушка!—говорилъ онъ, и въ голосѣ его вдругъ зазвучали слезы.—Ты добрый... Я знаю,—ты добрый!.. Полно-же... Перестань!.. Не убивай никого больше!.. Господь не велѣлъ убивать... Много ты согрѣшилъ въ жизни,—но Богъ милосердъ и проститъ тебя... Дѣдушка!..

И, точно колосъ, погнутый вѣтромъ, склонился старый злодѣй передъ этимъ мальчикомъ, передъ ребенкомъ. И что тамъ было въ грѣшной душѣ его, о чемъ онъ думалъ, — извѣстно одному Богу... Конечно, онъ удивлялся Стасю, не понималъ его... Да, это былъ удивительный, странный ребенокъ!..

Но вотъ старикъ опять поднялъ голову и выпрямился во весь ростъ. Лицо его было мрачно и хмуро, но въ немъ ужъ не видѣлось этого страшно-злобнаго выраженія... Глаза были спокойнѣе. Онъ тяжело вздохнулъ и вдругъ опустилъ руку на плечо Стася.

— Иди-же, иди, манниченьку, спи покойно!—заговорилъ онъ.

— А ты, дѣдушка?

— Я?—Я уйду... Мнѣ еще рано складывать голову, и... отъ ляховъ!..

— Куда-жь ты пойдешь теперь?

Старикъ слегка усмѣхнулся.

— Спроси вѣтеръ въ полѣ: куда онъ подуетъ завтра?—какъ-то загадочно говорилъ онъ.—Ступай-же и спи, паниченьку! Господь да помилуетъ и спасетъ тебя!.. Пстой,—дай сюда!..—Онъ схватилъ руку Стася и крѣпко прижалъ ее къ своимъ блѣднымъ, сухимъ губамъ. И мальчику показалось, что вдругъ изъ этихъ глубоко запавшихъ глазъ скатилась слезинка и канула на косматый усъ. Но, можетъ быть, это ему показалось только. Старикъ отвернулся.

И вдругъ мальчикъ вспомнилъ... Какъ раньше ему это не пришло въ голову!.. Онъ оспомнилъ, что ворота крѣпко заперты, вокругъ всего двора частоколь,—и выйти изъ замка нѣтъ никакой возможности... Какъ быть? Что дѣлать?..—Онъ отворилъ старику двери его тюрьмы,—и чего только ему это стоило!.. Но какъ онъ выйдетъ изъ этой тюрьмы,—вотъ вопросъ!.. Неужели-же все это такъ и пропало даромъ!..—И Стась сообщилъ свои опасенія Павлюку. Но тотъ уемѣхнулся только, махнулъ рукой.

— Ну, обо мнѣ ты не безпокойся! говорилъ онъ.—Я старый, травленный волкъ, и пролѣзу въ какую угодно щель... Не можетъ и здѣсь не быть такой щели... Прощай-же, паниченьку! Да помилуетъ тебя Матерь Божія и Иисусъ Христосъ!..

Онъ еще разъ прижалъ губами къ рукѣ мальчика, —и исчезъ.

Стась погасилъ фонарь и выбрался изъ подземелія, на улицу... Тучи теперь совсѣмъ разнесло вѣтромъ, и полная, молодая луна освѣщала весь дворъ... Стась оглянулся. Павлюкъ исчезъ. Онъ точно съвозъ землю вдругъ провалился,—нигдѣ его и слѣда не было... — И вотъ теперь мальчику предстояло тѣмъ-же путемъ вернуться обратно въ замокъ. Но раньше было темно, а теперь свѣтло, и его каждую минуту могли замѣтить... Но странное дѣло, право!.. Стась не боялся теперь ничего. Онъ смѣло шелъ въ замокъ, точно свершалъ обычную утреннюю прогулку... И не думалъ онъ, чтò будетъ съ нимъ завтра, когда узнають объ его поступкѣ; не думалъ, дурно онъ, или хорошо сдѣлалъ... Нѣтъ, думалъ онъ только о Павлюкѣ, и о томъ, удастся-ли ему убѣжать, куда убѣжитъ онъ, и что съ нимъ потомъ станется?..

Утромъ поднялся гвалтъ... Пань Казиміръ и рвалъ и металъ. Могучій голосъ его раздавался по всему замку. Заремба топалъ по-гами, рычалъ какъ звѣрь въ клеткѣ... Всѣ гости были въ неописанномъ изумленіи: старый разбойникъ бѣжалъ! Бѣжалъ изъ-за крѣпкихъ замковъ, изъ-за дубовой, окованной желѣзомъ двери! Да какъ-же это могло случиться? Что-жь, колдовство это, что-ли? — Но векорѣ все разъяснилось...

— Его кто-то выпустилъ, выпустилъ!.. оралъ на весь домъ Заремба. — У меня ночью украли изъ подъ подушки ключъ... А! Какова дерзость!.. Но кто... кто могъ это сдѣлать?.. Вотъ это мы и узнаемъ сейчасъ... Изъ подъ земли вырою пегодая... измѣнника... вора и... — И пань Казиміръ сдѣлалъ такой жестъ, какъ будто душилъ кого.

— Эй, старый хрычъ! Войцѣхъ!... Ты это что-же такое? А?.. Чего ты смотришь? Меня обокрали, а ты и не знаешь даже!.. Изъ подъ подушки украли ключъ... Вѣдь такъ когда нибудь меня самого украдутъ, а ты и знать не будешь!..

Старикъ молчалъ, какъ убитый. Онъ былъ совсѣмъ пораженъ. Ничто подобное ему и во снѣ не снилось.

— Глухарь! Ворона старая! Дармоѣдъ!.. Сейчасъ-же, сію минуту собрать во дворѣ всю дворню, всю шляхту, казаковъ!.. Живо!..

Прошло минутъ десять, — и дворъ наполнился весь пародомъ. На всѣхъ лицахъ было крайнее недоумѣніе; на многихъ пенугъ. Всѣ знали о бѣгствѣ стараго Павлюка, но никто не зналъ, какъ онъ бѣжалъ, кто могъ его выпустить?.. — И вотъ пань Казиміръ, въ сопровожденіи многихъ гостей, появился вдругъ на крыльцѣ, — и шапки полетѣли съ головъ...

— Кто выпустилъ Павлюка?.. гаркнулъ Заремба. — Кто ночью былъ у меня въ спальни и укралъ ключъ?..

Молчаніе.

— А, вы молчите!.. Такъ хорошо-же!.. Я доберусь, дознаюсь, хоть мнѣ пришлось-бы перепоротъ всю дворню, до одного... Еще разъ

говорию вамъ: кто укралъ ключъ? Кто выпустилъ стараго волка? Чортъ, что-ли?..

Въ толпѣ многіе перекрестились. Нашлось не мало такихъ, которые нисколько и не сомнѣвались, что Павлюка унесъ дѣйствительно чортъ... Да и что-жь тутъ мудренаго?—Вполнѣ понятно! Павлюкъ ужь давно продалъ ему свою душу. Ну, подошелъ срокъ,—и чортъ явился за своей покупкой... Но много было такихъ, которые только съ трудомъ скрывали улыбку радости... Старый Павлюкъ бѣжалъ! Благодареніе Господу! Онъ опять соберетъ шайку, и, не сегодня—завтра, явится въ замокъ и потребуеть у Зарембы отчета въ его грѣхахъ.

Панъ Казиміръ топалъ ногами, рычалъ, и опять топалъ... Онъ то грозилъ всѣхъ перевѣшать до одного, то обѣщаль прощеніе и даже награду виновному, если онъ добровольно сознается. Но общее молчаніе служило отвѣтомъ. Дворовые переминались съ ноги на ногу, почесывали въ затылкахъ,—и только... Да и что-же могли сказать они?—Они сами ровно ничего не знали!..

Взбѣшенный до послѣдней степени, красный, какъ ракъ, Заремба вернулся въ замокъ.

— Нѣтъ, это чортъ знаетъ, что такое!.. говорилъ онъ. — Вѣдь это... это... Что тебѣ, мальчикъ? вдругъ обернулся онъ.

Стасъ, съ блѣднымъ, но совершенно спокойнымъ лицомъ, подошелъ къ нему.

— Панъ Казиміръ, заговорилъ онъ немного дрожащимъ голосомъ.—Павлюка...

— А? Что такое?..

— Павлюка... я выпустилъ...

— Ка-акъ?!

Панъ Казиміръ вытаращилъ глаза и точно вросъ въ полъ... На лицахъ гостей выразилось страшное изумленіе... Панъ Ромуальдъ— тотъ просто ушамъ не вѣрилъ...

— Ты... ты его выпустилъ?.. точно змѣя, зашипѣлъ Заремба. Онъ весь побагровѣлъ и не могъ слова сказать.

— Да, я, панъ Казиміръ... Мнѣ жалко стало его... Онъ бѣдный такой, несчастный!...

— Да какъ-же ты смѣлъ, щенокъ ты этакій... Пороosenокъ!.. заревѣлъ Заремба.—Какъ-же ты смѣлъ!.. Да я запорю тебя собственными руками!.. Слышишь?..

Панъ Ромуальдъ вспыхнулъ.

— Эге, мѣсти-пане!.. заговорилъ онъ.—Еще не выросли руки, которыя-бы могли выдрать Стася!.. Панъ Казиміръ забылъ, что это не его ребенокъ!..

Заремба вдругъ обернулся къ нему.

— А-а, такъ вы за него заступаетесь... Заступаетесь!.. захрипѣлъ онъ.—Прекрасно!.. Мальчишка выпустилъ бѣшеную собаку, которая теперь будетъ кусать всѣхъ и cadaго, а вы его за то по головкѣ гладите!.. — Не мой ребенокъ!.. Еще-бы!.. Да будь онъ мой,—я запорюль-бы его до смерти!..

— Да, такъ нельзя, панъ Ромуальдъ!.. протестовали гости.— Вѣдь это чортъ знаетъ, что!.. Мы положительно требуемъ, чтобъ вы наказали мальчика, и наказали строго!..

— Но это не ваше дѣло!..

— Какъ такъ не наше? Какъ такъ?.. раздался вдругъ цѣлый гвалтъ, и громче всѣхъ кричалъ панъ Трембинскій.—Мы подвергались ежеминутно опасности быть сожженными, ограбленными, убитыми этимъ разбойникомъ... Мы, наконецъ, словили его, не безъ труда... Опасность миновала, было... И вотъ опять... Нѣтъ, всѣ мы, всѣ до одинаго, требуемъ наказанія мальчика!..

— Да! И жестокаго наказанія!.. гаркнулъ Заремба,

— Я накажу его, холодно отвѣчалъ панъ Ромуальдъ и обвелъ взглядомъ общество.—Да, накажу!.. Но все таки, я полагаю, панѣве, онъ вовсе не такъ виноватъ, какъ вы думаете...

— Не виноватъ?!.. Онъ не виноватъ?!..

— Да, не такъ, какъ вы думаете... Положимъ, онъ поступилъ душно,—не отвергаю этого... Онъ далъ злодѣю возможность опять

продолжать злодѣйствовать... Но что-же понудило его сдѣлать это?— Одно состраданіе, порывъ добраго сердца... Вѣдь онъ ребенокъ, дитя!..

— Позвольте, папѣ! вмѣшалась вдругъ пани Катажина Войткевичъ, крестная мать Стася.—Позвольте папѣ Казиміръ!.. Да, папѣ Ромуальдъ говорить правду... Это—ребенокъ, дитя... А дѣти... вы знаете, — *le St. Evangile a dit: «Je vous dis en vérité, que quiconque ne recevra pas le royaume de Dieu comme un petit enfant, n'y entrera point» **)... Да, такъ сказалъ Господь нашъ Иисусъ Христосъ... Стасъ поступилъ лишь по влеченію сердца... Онъ виноватъ, но онъ достоинъ прощенья... Иль вы забыли, чему учили насъ тотъ-же Спаситель: *„heureux les miséricordieux, car ils obtiendront miséricorde. Heureux ceux qui ont le coeur pur, car ils verront Dieu“ ***)...

Папѣ Ромуальдъ взглянулъ на нее съ благодарностью...

— Гм... да, да... Конечно, конечно, пани... опять захрипѣлъ Заремба.—Все это такъ, положимъ... Но, согласитесь, что подобный поступокъ, это... Гм... чортъ возьми... Я даже не знаю, какъ назвать это!.. Вѣдь вы представьте только себѣ, какова дерзость; пробраться ночью къ мнѣ въ спальную и украсть изъ подъ подушки ключъ!.. Нѣтъ, какъ хотите, а мальчишка долженъ быть строго наказанъ!..

— Да, долженъ, долженъ!.. опять послышались голоса, и опять громче всѣхъ голосъ пана Трембишскаго.—Мы всѣ требуемъ этого!..

— Да, мости-пание, обратился къ пану Ромуальду присутствовавшій тутъ-же о. Августинъ. Онъ все время старался сохранять серьезный, даже суровый, видъ, какъ оно и подобало въ подобномъ случаѣ. Но природная веселость брала свое. Порой, улыбка появля-

*) Истинно говорю вамъ: кто не приметъ царствія Божія, какъ дитя, тотъ не войдетъ въ него. (Мар., 10, 15).

***) Блаженны милостивые, ибо они помилованы будутъ. Блаженны чистые сердцемъ; ибо они Бога узрятъ. (Мат. 5, 7, 8).

лась на губахъ ксендза, и онъ, скорѣе шутливо, чѣмъ строго, грозилъ пальцемъ Стасю.

— Да, надо правду сказать, мальчикъ порядочно напраказилъ, и... не совѣмъ по дѣтски! говорилъ онъ.—А потому розга необходима... Да оно, въ сущности, ему будетъ это и не такъ больно... Во-первыхъ, признаніе своей вины,—онъ уменьшитъ боль; а во-вторыхъ, какъ сынъ благороднаго шляхтича, онъ будетъ высѣченъ *на кобѣрцу* *)...

Но панъ Ромуальдъ не обратилъ на ксендза никакого вниманія.

— Я вамъ сказала, панове, что сынъ мой будетъ наказанъ, обратился онъ къ обществу.—Что-жъ вы ко мнѣ пристааете?..

— Эге!.. насмѣшливо протянулъ Заремба.—Панъ много можетъ намъ обѣщать, но онъ ничего не сдѣлаетъ!.. Нѣтъ, я хочу, я требую, чтобъ мальчишку сейчасъ-же наказали при насъ... Да, чортъ возьми, — *требую!*..—И онъ стукнулъ кулакомъ по столу.

Панъ Ромуальдъ слегка поблѣднѣлъ и положилъ руку на эфесъ сабли.

— Панъ забывается!.. холодно проговорилъ онъ.

— Что-о?!..—И Заремба покраснѣлъ, какъ кумачъ.—Я забываюсь?.. Я?.. Да знаетъ-ли мости-пане...—И онъ брякнулъ саблею объ полъ.—Знаетъ-ли мости-пане...

— Казю! Казю! Оставь!.. схватила его за рукавъ пани Гертруда.—Къ чему, зачѣмъ ссориться?.. Слышишь, я тебѣ говорю...

И панъ Казиміръ вдругъ присмирѣлъ, какъ овца.

— Но какъ-же, душа моя... Какъ-же... забормоталъ онъ.—Сама посуди, мой ангель... Вѣдь это... это... Мальчишка... Въ такіе годы... и такъ испорченъ... Да... до мозга костей!.. Я знаю, чьи это идеи... Это отступникъ... ренегатъ этотъ,—Грабовскій...

— Да, Грабовскій! услышалъ и подхватилъ панъ Лопатто.— Не знаю, докуда мы будемъ терпѣть его!.. Дурную траву давно-бы

*) Въ то время сынъ шляхтича скорѣе согласился-бы умереть, чѣмъ подвергнуться униженію быть высѣченнымъ *не на коортъ (на кобѣрцу)*.

надо изъ поля вошь... Да... *Proditores patriae civitate spoliantur!*..*) А онъ не измѣнникъ развѣ?—Вездѣ онъ только портить и гадить!.. Онъ распустилъ своихъ хлоповъ до невозможности... Страшно балуетъ ихъ, считаетъ чуть-ли не братьями... Съ мѣсяць назадъ бѣжали отъ меня къ нему трое хлоповъ... Тамъ лучше, говорятъ, живется, всего вдоволь... Онъ просто переманилъ ихъ къ себѣ... Нѣтъ, такъ нельзя, панѣво!..—И панъ Лопатто покрасилъ даже.—Подобныхъ людей нельзя терпѣть въ благоустроенномъ обществѣ!..

— Настанетъ время, панъ, погодите,—отдѣлаемся и отъ него!.. заговорилъ Трембинскій. Мы подадимъ въ трибуналь **) коллективную ***) жалобу, и пусть онъ подвергнется его остракизму!..****).

— А панъ Болеславъ—пріятель и другъ пана Маевского, извѣтельно прохрипѣлъ Заремба.—Онъ чуть-ли не каждый день бываетъ у него въ домѣ... Немудрено, что онъ непортитъ его мальчишку... Вѣдь онъ...

— Позвольте, пане! перебилъ его панъ Ромуальдъ.—Мнѣ кажется, я никому не обязанъ давать отчетъ, кто бываетъ у меня въ домѣ... А что касается „порчи мальчишки“,—то это тоже только мое дѣло!

— Да, панъ давно ужъ, кажется, склоняется на сторону регената, пробормоталъ Трембинскій.—Насколько я могъ замѣтить...

— Онъ столько-же ренегатъ, сколько и мы съ вами! вступился панъ Ромуальдъ.—И, повѣрьте, еслибъ это только понадобилось,—панъ Болеславъ Грабовскій стоялъ-бы до послѣдней капли крови за свою родину... Онъ душу-бы за нее отдалъ!..

*) Измѣнниковъ отечества лишаютъ права гражданства.

**) *Трибуналь*—судилище, учрежденное королемъ Стефаномъ Баторіемъ. Онъ не былъ постояннымъ въ извѣстномъ городѣ, но попеременно засѣдалъ: въ Піотрковѣ—для провинцій Великой Польши, и въ Люблинѣ—для малопольскихъ и русскихъ провинцій. Въ трибуналь засѣдало 20 свѣтскихъ и 10 духовныхъ депутатовъ.

***) Общественную.

****) Изгнанію.

Съ минуту въ залѣ стояла мертвая тишина. Всѣ точно окаменѣли отъ изумленія. И вдругъ громкій, раскатистый хохотъ разнесся по всему замку... Панъ Ромуальдъ поблѣднѣлъ и опять схватился за саблю.

— Постоите, панове! кричалъ панъ Казиміръ, вдоволь пахохотавшись и потирая бока. — Да, это оригинально, конечно... Смѣшно... Такой взглядъ на отступника, ренегата... Но это имѣетъ и свою серьезную сторону... — И Заремба вдругъ выпрямился во весь ростъ и насунилъ брови.

— Миѣ кажется, панъ Ромуальдъ открылъ, наконецъ, свои карты! заговорилъ онъ. — До сихъ поръ, я считалъ его вѣрнымъ католикомъ и вѣрнымъ сыномъ отечества... Но теперь оказывается, что я ошибся... Панъ Ромуальдъ ужъ явно перешелъ на сторону Болеслава Грабовскаго... А такъ какъ между этимъ високоумнымъ паномъ и нами, *отсталыми*, лежитъ цѣлая пропасть, то слѣдовательно... Добавлять нечего... *sapienti sat!*..*) — И панъ Казиміръ насмѣшливо поклонился и звякнулъ шпорами.

— Домой, Ядвига!.. крикнулъ панъ Ромуальдъ. Голось его дрожало; онъ былъ блѣденъ, какъ полотно. — Стась! Сбирайтесь! Ыдемъ!..

И онъ, гордо выпрямившись и поднявъ голову, вышелъ, никому не поклонившись изъ залы, въ сопровожденіи жены и Стасы.

Панъ Ромуальдъ окончательно разрывалъ съ прошлымъ и навсегда покидалъ общество, въ которомъ родился и выросъ... Оно претило ему теперь; онъ презиралъ его, ненавидѣлъ!..

XIX.

Жалобно, заунывно воетъ вѣтеръ на старомъ кладбищѣ и качаетъ онъ обнаженныя вѣтви березъ и ивъ; на землю валятся крупныя хлопья снѣга... И всюду, куда ни взглянешь, лежитъ этотъ снѣгъ сплошною бѣлою пеленой; изъ снѣгу торчатъ, тамъ и сямъ, покосив-

*) Умному достаточно, умный пойметъ.

шіеся кресты, видѣется чей-то забытый, полуразрушенный мраморный памятникъ, съ потускнѣвшимъ золоченымъ крестомъ...

Въ небольшомъ, полутемномъ костелѣ, слабо освѣщенномъ нѣсколькими лампадами и свѣчами предъ алтаремъ, собралась масса народу. Не говоря ужъ о томъ, что все скамьи заняты, нигдѣ нѣтъ мѣста въ проходахъ, — вездѣ народъ... Вонъ панъ Ромуальдъ. Грустный, задумчивый, сидитъ онъ, съ молитвенникомъ въ рукѣ... Вонъ пани Ядвига; Стасъ, съ опухшими, заплаканными глазами; панъ Болеславъ Грабовскій. Онъ уставилъ глаза въ какую-то точку, кусаетъ губы и нервно крутитъ усы, съ замѣтно пробившейся въ нихъ сѣднкой... Въ костелъ собралось все шляхтичи пана Маевского, съ ихъ женами и дѣтьми; много шляхтичей изъ сосѣднихъ деревень и усадебъ; но не мало и православныхъ... У всехъ лица мрачны, задумчивы; у многихъ по щекамъ катятся крупныя слезы... Но больше и прежде всехъ бросается въ глаза Марыня. Старуха совсемъ убита. Она закрыла руками лицо: все дряхлое тѣло ея вздрагиваетъ отъ рыданій... И напрасно старается она подавить, заглушить эти рыданія... Нѣтъ, противъ воли, вырываются они изъ ея груди и разносятся по всему костелу...

И жалобно, заунывно стоить вѣтеръ на улицѣ, и такъ-же жалобно, заунывно гудитъ на хорахъ органъ... Дрожать костлявые пальцы стараго органиста и съ трудомъ справляются съ клавишами; крупныя слезы текутъ по морщинистымъ, изрытымъ щекамъ...

Небольшой катафалкъ возвышается посреди костела. На катафалкѣ простой деревянный гробъ, окрашенный черною краской... — Да, ровно мѣсяць тому назадъ, ксендзъ — пробощъ, уже больной, истомленный подтачивающимъ его недугомъ, стоялъ у этого алтаря, невдалекѣ отъ котораго возвышается теперь катафалкъ... Онъ въ умиленіи складывалъ руки, кротко, любовно глядѣлъ на молящихся, — и чувствомъ, глубокимъ чувствомъ, звучалъ его голосъ, благословляя эту толпу... „Dominus vobiscum!“ *) говорилъ онъ. — „Et cum

*) Господь съ вами! (Миръ вамъ)!

spiritu tuo!“ *) съ такимъ-же глубокимъ чувствомъ отвѣчали ему съ хорь...—И вотъ теперь лежитъ этотъ ксендзь-пробощъ въ простомъ деревянномъ гробѣ, подъ деревянною крышкою, и ничего не видитъ, не слышитъ... Намучился, отстрадалъ онъ; теперь легко ему,—и онъ спитъ спокойно...

И жалобно, заунывно гудитъ на хорахъ органъ; порой раздаются глухія подавленные рыданія... О. Бенедиктъ, стоитъ у гроба, съ кадиломъ... И такъ-же мраченъ, суровъ, какъ всегда, старый доминиканецъ; сѣдья брови его нахмурены; рука мѣрно размахиваетъ кадиломъ; снѣгій дымокъ выбивается изъ подъ его крышки, взвивается надъ катафалкомъ и поднимается къ потолку костела... О. Бенедиктъ постъ... И такъ-же мрачно, сурово звучитъ его слегка дребезжащій голосъ...

— *Libera me Domine, a motre aeterna, in die illa tremenda **)*... раздается подъ костельными сводами.

— *Quando coeli movendi sunt, et terra. Quum veneris judicare saeculum per ignem. Tremens factus sum ego et timeo, dum discussio venerit atque ventura ira ***)*...

О. Бенедиктъ вдругъ обернулся, и сѣдья брови его еще болѣе сдвинулись... Вопль, раздрающій душу вопль заглушилъ его голосъ,—и Марыня, какъ подкошенная трава, упала со скамьи, на полъ... Панъ Болеславъ вкочилъ и бросился къ ней на помощь. Подосѣли еще нѣсколько чѣловѣкъ, и старуху кой какъ, съ трудомъ, привели въ чувство.

Но вотъ отпѣваніе кончилось. Панъ Ромуальдъ, панъ Болеславъ, Стась и еще нѣсколько челоувѣкъ схватились за ручки гроба и понесли его изъ костела на кладбище... Пронзошла даже легкая давка. Пробоща любили всѣ, и католики и православные, и всякій хотѣлъ

*) И со духомъ твоимъ!

**) Избавь меня, Боже, отъ смерти вѣчной въ день страшнаго суда.

***) Когда потрясутся небо и земля. Когда придешь судить свѣтъ огнемъ. Дрожу я и весь проникнуть боязнью, предъ наступленіемъ дня возмездія и гнѣва.

отдать послѣдній долгъ любимому человѣку: отнести его на своихъ рукахъ къ могилѣ... Но дѣло кой-какъ уладилось, и у гроба столпилось человѣкъ тридцать... Наконецъ толпа хлынула изъ костела на улицу...

Грустно и заунывно гудитъ органъ, и глухо раздаются пѣніе стараго доминиканца:

— *Benedictus Dominus Deus Israel*,*) поетъ онъ.

— *Quia visitavit et fecit redemptionem plebis suae**)*... подтягиваютъ ему нѣсколько голосовъ.

— *Et exerit cornu salutis nobis, in domo David pueri sui***)*...

Рѣзкій, холодный вѣтеръ пахнулъ въ лицо Стася, — и мальчикъ вздохнулъ свободнѣе: въ костелѣ такъ было душно и жарко!.. — Но вотъ цѣлыя облака снѣга залѣпили ему глаза. Мятель все усиливалась и усиливалась... Съ трудомъ шагаль Стась по сугробамъ снѣга, придерживаясь за ручку гроба, и, порой, утопалъ въ нихъ выше колѣнъ... Но вотъ, наконецъ, и послѣднее ложе ксендза-пробоца, могила, — и сколько ужъ снѣгу въ ней намело!.. — Могильщикъ Владскъ прекрасно зналъ, какъ любилъ покойный сидѣть, послѣ дневныхъ трудовъ, у себя въ саду на скамеечкѣ, подъ тѣнью старой, корявой вишни, — и вотъ онъ выбралъ ему мѣстечко, славное и уютное, лучшее на всемъ кладбищѣ. Онъ вырылъ ему могилу какъ разъ подъ тѣнью двухъ старыхъ, корявыхъ ивъ... Положимъ, онъ теперь голыя, — снѣгъ покрываетъ ихъ вѣтви... Но зато лѣтомъ, когда уберутся онѣ густою, зеленою листвою, — сколько здѣсь будетъ прохлады, тѣни, и какъ хорошо, спокойно будетъ лежать пробоцу!..

Густая толпа плотно сдвинулась у могилы. И впереди всѣхъ выдѣлялась рыдающая Марыня; а тамъ, сзади ея еще старушка какаятто. Маленькая и сгорбленная, она опиралась одною рукой на палку,

*) Благословенъ Господь Богъ Израиля.

***) Который посѣтилъ народъ свой и учинилъ его избавленій.

***) И поднесъ намъ рогъ избавленія въ домъ Давида, слуги Своего.

а другая лежала на плечѣ худенькой, бѣдно одѣтой дѣвочки. Это была старая Катерина, слѣпая, со своей вичучкой, та самая, о которой такъ безпокоился передъ смертью ксендзь-пробоощъ... Старуха дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и крупныя слезы ручьемъ катились изъ ея тусклыхъ, незрячихъ глазъ...

Но готъ гробъ открыли. Марыня, съ воемъ какимъ-то, бросилась вдругъ къ нему, припала на грудь покойнику...

— Ой, ойче... ойче мой добродѣю!.. рыдала старуха. — Возьмите меня съ собой!.. Куда-жь я дѣнусь теперь? Куда приклоню свою старую голову?.. Да и зачѣмъ жить мнѣ на бѣломъ свѣтѣ, когда васъ нѣтъ больше!.. Вѣдь только вами жила я, вами дышала!.. Вѣдь только и свѣту мнѣ было, что вы один, голубчикъ мой, дорогой, ненаглядный!.. Ойче мой добродѣю!.. Возьмите меня, возьмите съ собой!..

Слезы ручьемъ лились по щекамъ Стася. И пробооща было жалко ему, но еще больше, пожалуй, ему было жаль Марыню, эту старуху, несчастную, осиротѣвшую... Да и у кого въ этой густой толпѣ кровью не обливалось сердце, при видѣ лютаго, безысходнаго горя Марыни?..—Съ трудомъ оттащили ее отъ гроба...

Стась долго глядѣлъ на лицо умершаго. Оно несколько не измѣнилось. Все такъ-же тихо, кротко, спокойно. Въ немъ даже застыло какое-то свѣтлое, радостное выраженіе, точно ксендзь-пробоощъ, испуская послѣдній вздохъ, увидѣлъ лицомъ къ лицу самого Бога и Его святыхъ ангеловъ...

Да, тяжелы были эти минуты прощанія!.. Женщины, дѣти плакали все навзрыдь, и не одни католики—православные... Всехъ горячо любилъ покойный ксендзь-пробоощъ, безъ различія вѣроисповѣданій; на всехъ онъ смотрѣлъ, какъ на братьевъ и сестеръ по Христу, и всехъ утѣшалъ, ободрялъ въ минуты горя и скорби, всемъ помогалъ въ нуждѣ, по мѣрѣ силъ и возможности... Все его горячо любили и уважали. И о. Илья всегда относился къ покойному съ глубочайшимъ почтеніемъ и уваженіемъ. Онъ называлъ его прекра-

снѣйшимъ челоуѣкомъ, и только жалѣлъ, что „онъ не нашей не православной вѣры“... И старый священникъ тоже пришелъ отдать послѣдній свой долгъ усопшему: его сгорбленная фигурка видѣлась въ этой толпѣ.

Да, женщины и дѣти рыдали; мужчины утирали себѣ глаза... Панъ Ромуальдъ не стѣснялся несколько, что крупныя, точно горохъ, слезы скатывались на его длинный усъ. Не стѣснялся этимъ и панъ Болеславъ... Въ толпѣ мелькнуло лицо какое-то, красное и опухшее, съ снѣжкомъ подъ глазомъ... Не Антекъ-ли это? — Да, онъ. Мутными посолоуѣвшими глазами смотрѣлъ онъ на покойника... И вотъ вдругъ въ этихъ глазахъ тоже блеснули слезы и потекли по щекамъ... А вопъ и старый Панасъ, кучеръ пана Маевского. Старикъ истоуо крестится, и губы его шепчуть молитву...

— Упокой Господи душу усопшаго раба Твоего Иеронима! — шепчетъ Панасъ, и вдругъ обращается къ своему сосѣду, такому-же, какъ и онъ, старику, Омелькѣ — конюху.

— Да, славный онъ челоуѣкъ былъ! — говоритъ онъ. — Душа челоуѣкъ!..

— Душа! откликается старый конюхъ и ерзаетъ вдругъ по глазамъ рукавомъ свитки. — Такихъ, братъ, людей не много найдешь на свѣтѣ... Да!..

— Не много! вполне соглашается и Панасъ.

— Ты погляди, какъ старуха-то его убивается... — Бѣдная!.. И то, правду сказать: куда ей теперь дѣваться?.. Не будь-ка онъ добрымъ, хорошимъ, не убивалась-бы такъ, небожь... Въдь сорокъ лѣтъ, почитай, вмѣстѣ прожили, — выинчила она его, — и за все это время, говорить, слова худого отъ него не слышала...

— Да, царство ему небесное! — И Панасъ опять истоуо перекрестился.

— Ты помнишь, въ прошломъ году, опять продолжалъ Омелько, — старуха моя захворала что-то...

— Ну, какъ не помнить!

— Ну, вотъ... Не знаю, что съ нею подѣлалось: отчего, какъ?— Простудилась, видно,—вѣтра стояли тогда... Ну, и напала на меня тоска, Панасе, такая тоска, что хоть въ воду полѣзай... Право!.. Брожу, точно какъ оглашенный, мѣста прибрать не могу.. Ну, и встрѣтилъ меня онъ на улицѣ,—это покойный-то... Царство ему небесное!—И Омелько перекрестился.—„Что съ тобой? говорить. Отчего такой скучный?“—Да, вотъ, такъ и такъ говорю, старуха моя заболѣла, мости-ксеѣнже...—„Не унывай! говорить,—все отъ Бога... Богъ посылаетъ болѣзнь.—Онъ и исцѣляетъ ее“...—Извѣстно, говорю, кому-жь больше!—„Ступай, говорить, домой, а я къ вамъ зайду послѣ, вечеромъ. Быть можетъ, и помогу чѣмъ, а мнѣ самъ Господь поможетъ“...—И, точно, пришелъ. Взглянулъ на старуху, за руку ее взялъ, лобъ потрогаль...—„Пустое, говорить, все пройдетъ! Возьми, вотъ, ты этой травки (и травку изъ подъ кафтана вытаскиваетъ), ошнаръ ее кипяткомъ, да и давай большой разъ по пяти на день“.—И, точно, болѣзнь какъ рукой сняло! Оправилась моя Гапка и стала еще здоровѣй прежняго... Царство ему небесное! Добрый былъ человекъ онъ!..—И Омелько опять перекрестился.

— Да, и лѣчить умѣлъ... Это не какъ венгерцы, или жидаы... Бродятъ, со своими пузырьками да банками, и только портятъ... Нѣтъ, онъ какъ есть лѣкаръ былъ... Царство ему небесное!..

А вонъ мелькнула въ толпѣ и дюжая, широкоплечая фигура гайдука Михѣла Дембинскаго. Онъ мрачно крутитъ громаднѣйшіе усы, и глаза у него тоже влажны...

Но вотъ окончилась эта раздрающая душу сцена прощанія. Гробъ опять закрыли, и о. Бенедиктъ окропилъ его святою водою... И опять раздалось грустное заунывное пѣніе:

— *Anima ejus, et animae omnium fidelium defunctorum, per misericordiam Dei requiescant in pace* *)...

И гробъ опустили въ могилу... Марыня рванулась, съ воплемъ,

*) Душа его и души всѣхъ вѣрныхъ усопшихъ, по милосердію Божіею, да почиваютъ съ миромъ.

къ зіяющей ямѣ... Еще секунда, и она рухнулась-бы въ нее, — по крѣпкая рука Михала Дембинскаго схватила ее за плечо и оттащила въ сторону. Старуха рвалась и кричала; Дембинскій крѣпко держалъ ее; а глаза у него какъ-то моргали, моргали; дрожали усы, ротъ кривился...

Но вотъ подошелъ къ о. Бенедикту могильщикъ Владекъ и подалъ на оловянномъ блюдѣ кучу промерзлой глины. О. Бенедиктъ подхватилъ на лопатку одинъ кусокъ и бросилъ его въ могилу. Глухо онъ стукнулъ о крышку гроба...

— Pulvis es et in pulverem reverteris *)!.. такъ-же глухо проговорилъ монахъ.

Затѣмъ бросилъ комокъ панъ Ромуальдъ, Стась, панъ Болеславъ... И мерзлая глина, съ глухимъ и зловѣщимъ стукомъ, посыпалась на гробъ пробѣща...

— Пустите меня! Пустите!.. кричала Марыня и рвалась изо всѣхъ силъ изъ рукъ Дембинскаго. — И я, вѣдь, тоже хочу бросить на гробъ земли... Я на рукахъ его нянчила, такъ неужели-же мнѣ нельзя тоже... Послѣдній долгъ, вѣдь... — И она опять разрыдалась.

— Ну, полно, моя старушечка, перестань! успокаивалъ ее Дембинскій и все чаще и чаще моргалъ глазами. — Ну, умерь... Что-жь станешь дѣлать?—Такъ Богъ хотѣлъ...

— Пустите меня, панъ Михаль! Я только земли госточку...

— Нельзя, родная моя! Вѣдь ты сама туда бросишься... Знаю я... Что-жь тутъ хорошаго?..

— Да нѣтъ-же, клянусь вамъ, нѣтъ!.. Пустите меня, панъ Михаль!

И онъ пустилъ.

Марыня бросила горсть земли и, глухо рыдая, упала на колѣни передъ могилой.

*) Отъ праха взять и въ прахъ превратишься.

Прошло пять минутъ, — и все было кончено. Холмикъ, покрытый снѣгомъ, теперь возвышался на мѣстѣ ямы, и на немъ водрузили простой деревянный крестъ. — Марыня такъ и прильнула къ этому кресту, обхватила его руками и замерла...

А вѣтеръ все такъ-же громко вылъ и стопалъ на кладбищѣ, точно оплакивая покойнаго; снѣгъ все валилъ и валилъ... И проникалъ этотъ вѣтеръ подъ шубы, жупаны и свитки, знобилъ все тѣло... Но толпа и не думала расходиться съ кладбища. Она точно ждала чего-то...

И вотъ на могилу взошелъ пакъ Болеславъ Грабовскій. Онъ снялъ шляпу, махнулъ рукой... И все смолкли, какъ одинъ человекъ.

— Друзья мои! говорилъ Грабовскій. — Сейчасъ мы проводили въ послѣдній путь человекъ, который всею намъ былъ истиннымъ другомъ... Да упокойте Господь его чистую душу! Весь вѣкъ онъ жилъ для другихъ и забывалъ самого себя... Бываль-ли въ вашемъ селѣ хоть одинъ больной, котораго-бы не навѣстилъ онъ, не подалъ посильной помощи?... Бываль-ли межъ вами хоть одинъ несчастный, убитый горемъ, котораго не утѣшилъ-бы онъ, не успокоилъ?.. Бываль-ли хоть одинъ бѣдный, голодный, котораго-бы не накормилъ онъ, не вырвалъ-бы изъ собственного рта куска и не далъ ему? — Нѣтъ! Да, это былъ истинный другъ всехъ бѣдныхъ, забитыхъ и угнетенныхъ; отецъ всехъ сиротъ, кормилецъ и поилецъ голодныхъ... Дай Богъ, чтобъ на свѣтѣ было побольше такихъ истинныхъ христіанъ, какъ покойный ксендзь-прѣбощъ, — и, право, тогда людямъ легче жить станетъ, спокойнѣе!..

— Дай Богъ! послышался въ толпѣ чей-то голосъ. — Да нѣтъ, гдѣ ужъ!.. Мало такихъ людей, и не жилицы они...

— Двадцать пять лѣтъ назадъ, опять продолжалъ Грабовскій, — въ духовной коллегіи въ Кіевѣ кончила курсъ молодой человекъ, и былъ удостоенъ сана священника. Съ ранняго дѣтства, онъ былъ добрымъ, кроткимъ, послушнымъ; не обижалъ никого, ни на кого не сердился... Учился онъ такъ, какъ дай Богъ, чтобъ ваши дѣти учи-

лись!—И вотъ онъ кончилъ и сталъ священникомъ... Жилъ въ это время въ Кіевѣ одинъ богатый магнатъ,—кто именно, вамъ знать не нужно,—и вотъ онъ взялъ молодого священника своимъ домашнимъ капланомъ... Привыкшій къ суровой, строгой жизни въ коллегіи, ко грубой пицѣ, никогда не выдавшій „общества“, кромѣ своихъ знакомыхъ и монаховъ—профессоровъ,—молодой священникъ чувствовалъ себя крайне неловко въ этомъ богатомъ, роскошномъ домѣ, гдѣ чуть-ли не каждый день гремѣла музыка, и пиры сѣнялись пирами... И слово Божіе—онъ горячо его проповѣдывалъ,—не прививалось въ этомъ буйномъ, разгульномъ обществѣ, и сѣмена его падали на недобрую почву... Священника слушали, съ уваженіемъ и почтеніемъ относились къ нему, но то, чему онъ училъ, — не исполняли... И видѣлъ онъ вокругъ себя только людей, исполняющихъ только одни обряды католической церкви, но истинныхъ христіанъ не видѣлъ... И тяжело, горько было бѣдному молодому каплану! Онъ съ дѣтства привыкъ горячо любить своихъ ближнихъ и желать имъ всего лучшаго... Но теперь видѣлъ онъ, понималъ, что гласъ его — гласъ вопіющаго въ пустынѣ, и что не въ силахъ онъ направить этихъ заблудшихъ овецъ на путь истинный... — Да, тяжело ему было жить въ этомъ богатомъ домѣ: онъ задыхался въ немъ!.. Не о такой жизни мечталъ онъ, еще тамъ, въ коллегіи... Здѣсь роскошь, богатство, блескъ; никто здѣсь никогда не испыталъ голода,—все счастливы и довольны... А онъ мечталъ жить среди несчастныхъ, бѣдныхъ, голодныхъ, и обиженныхъ судьбой и людьми; мечталъ быть ихъ заступникомъ и покровителемъ... И онъ давно-бы оставилъ этотъ богатый домъ и ушелъ-бы туда, куда влекло его сердце... — „Но, человекъ слабъ, говорилъ онъ потомъ,—и я не могъ поступить такъ, какъ мнѣ хотѣлось...“ — Была причина одна: каплану нужны были деньги... Ему давали въ этомъ богатомъ домѣ хорошее жалованье, и это жалованье онъ все, до послѣдняго гроша, отсылалъ въ Вильну.—Жила тамъ его мать-старуха, больная, разбитая параличемъ,—и онъ былъ ея единственнымъ кормильцемъ, польцемъ... И вотъ, ради матери,

Друзья мои! Сейчас мы проводимъ въ послѣдній путь человѣка, который всѣмъ намъ былъ истиннымъ другомъ.

онъ все выносилъ и терпѣлъ... Да успокоить его Господь въ селеніяхъ праведныхъ! — И Грабовскій перекрестился.

— Amen! слышались голоса, и шанки полетѣли съ головъ.

— Не надо вамъ говорить, конечно, кто былъ этотъ молодой капланъ, опять продолжалъ панъ Болеславъ. — То былъ покойный ксендзь-прѣбощъ...

— Да, мы узнали его! Узнали!.. Еще-бы его не узнать!..

— А время шло, говорилъ Грабовскій. — Старуха-мать умерла... И отряхнулъ о. Геронимъ прахъ съ ногъ своихъ, — оставилъ онъ этотъ богатый домъ, гдѣ все смѣялось и веселилось, и удалился къ тѣмъ, о комъ думалъ, мечталъ всю жизнь... Довольство онъ промѣнялъ на бѣдность, почти нищету... Вѣдь вы все сами знали, какъ жилъ онъ, что ѣлъ и что пилъ, какъ одѣвался!.. --И только здѣсь, среди окружающей его бѣдности, нищеты, онъ вздохнулъ свободнѣе: точно гора у него съ плечъ свалилась!.. Не мало горькихъ минутъ онъ пережилъ и здѣсь; не разъ сжималось тоской его сердце, при видѣ этихъ людскихъ страданій, горя и нищеты... Онъ страстно хотѣлъ утѣшить, помочь; всехъ сдѣлать счастливыми и довольными, — но это было не въ его силахъ... Да и въ чьихъ силахъ исчерпать всю чашу людского горя?.. — Но онъ все дѣлалъ, что могъ, и даже больше... *Все для другихъ, и ничего себѣ*, — вотъ чѣмъ руководился онъ въ своей чистой и святой жизни... И двадцать пять лѣтъ, не жалѣя ни силъ, ни здоровья, онъ утѣшалъ, лѣчилъ, помогалъ деньгами изъ своихъ скудныхъ средствъ... И, наконецъ, умеръ онъ, какъ солдатъ, на своемъ посту... Онъ простудился жестоко, павѣщая своихъ больныхъ; самъ заболѣлъ, и эта болѣзнь сломила его, унесла въ могилу...

— Спи-же спокойно, другъ и защитникъ всехъ бѣдныхъ, забитыхъ и угнетенныхъ! съ глубокимъ чувствомъ говорилъ панъ Болеславъ. — Господь наградитъ тебя по твоимъ заслугамъ, а здѣсь никто никогда тебя не забудетъ, и память о тебѣ не умретъ!.. Мать станетъ рассказывать о тебѣ своимъ дѣтямъ, а тѣ — расскажутъ своимъ... Спи-же спокойно, добрый, святой человекъ! Спи, золотое

сердце! Ты всю свою жизнь билось горячей любовью къ людямъ...
Et sit tibi terra levis *)!..

Грабовскій кончилъ и сошелъ съ могилы. Мертвая тишина царила въ толщѣ; только тамъ гдѣ-то слышались глухія, подавленные рыданія... У всѣхъ по щекамъ текли слезы... Гайдукъ Дембинскій ужь не стѣнялся болѣе, и тоже далъ волю слезамъ: онѣ, какъ горохъ, падали изъ его глазъ и скатывались на длинныя съ сѣдиной усы... Марыня все такъ-же, какъ пласть, лежала въ безпамятствѣ на могилѣ, и ее долго не могли привести въ чувство... Съ трудомъ оторвали отъ креста ея руки: такъ крѣпко сжала она его, вцѣпилась!.. Старуха шаталась, какъ пьяная, и какъ-то дико, безумно смотрѣла на всѣхъ теперь ужь сухими глазами... Дембинскій качалъ головой и дергалъ себя за усы; панъ Болеславъ старался ее утѣшить... Но напрасно пытался онъ вразумить, успокоить ее... Она молча слушала его и точно ни слова не понимала...

Но вотъ народъ сталъ мало по малу расходиться съ кладбища. Осталось всего человѣкъ пять-шесть, и между ними слѣвая, старая Катерина со внучкой. Слезы текли въ три ручья по ея изрытымъ щекамъ, а губы шептали молитву:

— Вѣчнэ однопіене рачъ му даць, Пане, а сьвятлосць вѣкунста нехъ му сьвѣци **)!..

Стась подошелъ къ старухѣ и положилъ руку ей на плечо. Глаза у мальчика совсѣмъ покрасивѣли отъ слезъ, опухли... Стась поднялъ голову.

— Кто это?

— Это панничъ Маевскій, бабушка, говорила внучка.

— А это ты, дитятко!.. Жаль, что не могу видѣть тебя!.. Ты, говорятъ, добрый, хорошій мальчикъ... Я и его, моего голубчика, пятнадцать ужь лѣтъ не видѣла... Да, пятнадцать ужь лѣтъ, какъ ослѣпла!.. Господь наказалъ меня за грѣхи мои и послалъ мнѣ тяж-

*) И да будетъ надъ тобою легка земля.

**) Вѣчный покой дай ему Боже, и да свѣтитъ надъ нимъ вѣчный свѣтъ...

кое испытаніе...—Голосокъ-то, вотъ, его я слышала, а видѣть его, — не видала!.. Темно въ моихъ оченкахъ, какъ въ его могилѣ!..—И старуха опять заплакала.

— Ты, бабушка, успокойся! говорилъ Стась.— Господу такъ угодно...

— Да, Господу, мое дитяtko, Господу... На все Его воля святая... Не пожелалъ Онъ Творецъ Вседержитель, чтобъ жила его душенька, чистая и святая, межъ нами грѣшными,—и взялъ Онъ ее къ себѣ...

Стась помолчалъ.

— А знаешь, бабушка, опять заговорилъ онъ,—вѣдь онъ, покойный ксендзъ-прѣбощъ, все говорилъ о тебѣ, вспоминалъ тебя...

— Да уноконтъ Господь его душу!— Старуха перекрестилась.

— Все онъ жалѣлъ тебя, говорилъ, что не можетъ тебѣ ничего оставить, послѣ своей смерти...

— Да мнѣ ничего и не надо, дитяtko... Я, вѣдь, сама на ладонь дышу давно...

— Но, знаешь, я говорилъ папѣ... Онъ добрый... Онъ обѣщаль давать тебѣ каждый мѣсяцъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ: и мяса, и хлѣба, крупы, муки...

Старуха вдругъ встрепенулась.

— Кто? Папъ Маевскій? Папъ Ромуальдъ Маевскій?... спрашивала она. — Да наградить его Матерь Божія, да помилуетъ его Господь!.. Не долго только придется ему кормить меня, старую... Скоро и мнѣ помирать придется... Да, скоро, чувствую я...

— А ты скажи, дитяtko, скажи папѣ, что Катерина старая помолить за него на томъ свѣтѣ Бога... Скажи, чтобъ вничку онъ не оставилъ... Вничку, вотъ... Сиротка она,—ни отца, ни матери... — И старуха дрожащей рукой гладила темнорусые волосы дѣвочки.

— А ты мнѣ ручку поцѣловать дай, мое дитяtko, ручку дай!..

— Что ты, бабушка,— полно!.. занялся Стась.

— Нѣтъ, дай, дитяtko!..

— Я лучше самъ тебя поцѣлую...—И онъ прижался губами къ ея морщинистой, мокрой отъ слезъ, щекѣ.

— А теперь ты къ могилѣ меня подведи, Антося, къ могилѣ! говорила старуха внучкѣ. — Хочу я ей поклониться, землицы взять...

И Антося подвела ее. Она опустила на колѣни предъ этимъ холмикомъ, совѣмъ уже занесеннымъ снѣгомъ, и долго, долго молилась... Потомъ она стала руками разрывать снѣгъ, дорылась до голой, мерзлой земли, взяла кусокъ, завернула въ какую-то грязную тряпку и спрятала на груди...

— Пойдемъ, бабушка, — холодно! говорила продрогнувшая Антося.

— Постои, родная, дай помолиться еще немного...

— Да я озябла... Ёсть хочется!..

— Ну, ничего, согрѣешься... Дровъ только нѣтъ у насъ, — надо взять у сосѣдей; да и поѣсть тоже, кажись, ничего... Ну, да панъ Ромуальдъ обѣщаль, — дай ему Богъ здоровья. Пришлетъ... Накормитъ тебя...

— Сейчасъ, вотъ, сейчасъ, еще поклонъ положу... Ну, ладно... — Спи, мой голубчикъ, родной мой, Господь съ тобой!.. — Старуха перекрестилась еще разъ и съ трудомъ поднялась съ земли.

— Идемъ, Антося! — Она положила руку на плечо дѣвочки, и обѣ пошли съ кладбища...

И кладбище совѣмъ опустѣло... Только одинъ панъ Болеславъ бродилъ одиноко между могилами, читая надписи на крестахъ. Онъ словно искалъ чего-то... Да. Искалъ онъ могилу своего друга, умершаго лѣтъ 20 тому назадъ, и не могъ все найти ее... А, вотъ, наконецъ, нашель!—Но, Боже, что случилось съ этой могилой! Она обвалилась, почти обрушилась. Простой деревянный крестъ на половину сгнилъ, и на немъ съ трудомъ можно было прочитать надпись...

А вѣтеръ все такъ-же вылъ и стоналъ; все такъ-же сыпались крупныя хлопья снѣга... И вотъ панъ Болеславъ весь сдѣлался бѣ-

лымъ, съ головы до ногъ. Кучи снѣга навязли у него въ усахъ; навязли въ волосахъ, въ воротникѣ шубы... Но онъ не обращалъ на это никакого вниманія...

Вдругъ онъ замѣтилъ тамъ, сквозь мятель, какую-то человѣческую фигуру. Она приближалась къ нему, очевидно, и даже махала рукой. Грабовскій остановился, Фигура приблизилась, и оказалась Анткомъ.

— Шаповный панъ не знаетъ меня, конечно?... забормоталъ Антекъ. — Да, впрочемъ, и какъ-же знать!.. — Я Антекъ Заблоцкій, шляхтичъ... Живу у пана Маевского... Добрый, хорошій панъ!

— Очень пріятно!—И панъ Болеславъ протянулъ руку.

Антекъ схватился за нее обѣими.

— Чѣмъ могу служить пану?

— Ничѣмъ, о, ничѣмъ рѣшительно!.. Я только хотѣлъ выразить... да, выразить то чувство, которое я испыталъ, слушая рѣчь пана... Я никогда еще не слышалъ такой чудной, прекрасной рѣчи!..

Панъ Болеславъ взглянулъ на него съ нѣкоторымъ изумленіемъ, но промолчалъ.

— Я даже не могъ сдержать слезъ, шаповный пане, продолжалъ Антекъ и шмыгнулъ себя рукавомъ по глазамъ.—Онѣ и теперь текутъ у меня... Что-жь дѣлать — слабость, никакъ не могу сдержаться!.. — Да, рѣчь прекрасная, чудная!.. И тѣмъ болѣе, мости-пане, что все въ ней, до единаго слова, — правда... Да, это былъ человѣкъ... *Esse homo* *)!.. Онъ осушалъ слезы несчастныхъ... Не разъ осушалъ онъ слезы и моей семьи... Честью клянусь вамъ, пане, какъ благородный шляхтичъ!.. Что-жь дѣлать — судьба, и противъ нея не пойдешь... Нѣтъ!.. Нерѣдко нужда стучалась въ окно моей бѣдной хаты... Стучится она и теперь... Да... Жена... дѣтей шестеро... Всѣ просятъ ѣсть-пить... Добыть имъ надо...

— Но чѣмъ я могу быть полезнымъ пану? спросилъ Грабовскій, и уже съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ.

*) Се человѣкъ!

— О, пане, ничѣмъ рѣшительно!.. Конечно, если у васъ найдется тамъ, въ кошелькѣ, съ поддюжины злотыхъ,—то я, съ величайшею благодарностью, могу возвратить вамъ ихъ черезъ... черезъ одну недѣлю... Да... Слово гонору! Какъ честный и благородный шляхтичъ!—И Антекъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь. — Я челоувѣкъ бѣдный... Да... Но милостыни я никогда не принималъ и не принимаю, пане!..—И онъ гордо выпрямился и покрутилъ усь.

— Такъ вамъ нужны деньги?

— Гм... да... какъ-то небрежно говорилъ Антекъ. — Конечно, если найдется... Такъ, злотыхъ шесть-семь... И ровно черезъ недѣлю...

Грабовскій окинулъ его полунасмѣшливымъ взглядомъ и вынулъ деньги изъ кошелька.

— Благодарю васъ, шановный пане... Панъ Болеславъ Грабовскій? Не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Благодарю!—Антекъ протянулъ руку, съ кривыми, грязными пальцами.—Черезъ недѣлю вамъ возвращу... Прощайте, пане!

Онъ приложилъ руку къ шапкѣ и скрылся въ снѣжномъ туманѣ, между могилами.

Панъ Болеславъ посмотрѣлъ ему вѣдѣ, тряхнулъ головой и, поплотиѣй завернувшись въ шубу, вышелъ изъ воротъ кладбища... Мятель выла и бушевала... Грабовскій шелъ, утопая, порой, чуть не по колѣна съ сугробахъ, и не веселыя мысли толпились у него въ головѣ...

— Панъ Болеславъ! окликнулъ его вдругъ чей-то знакомый голосъ.

Онъ обернулся. Его догоняли сани, запряженные парой бойкихъ лошадокъ. Въ саняхъ сидѣли: панъ Ромуальдъ съ женою и Стась.

— Аа! удивился Грабовскій. — А я думалъ, что вы ужъ давно дома...

— Да, вотъ, у Ядвиги страшно озябли ноги, и мы завернули въ сторожку, погрѣлись тамъ... Садитесь-ка сюда къ намъ!

— А я не стѣсню васъ?

— Нисколько! Подвѣсья немного, Стась. Такъ!

Грабовскій залѣзъ въ сани и усѣлся. Панасъ дернулъ возжами, чмокнулъ, и лошадки опять побѣжали впередъ.

— Не знаю, что дѣлать съ мальчикомъ! говорилъ панъ Ромуальдъ, дорогой.

— А что?

— Да все, вотъ, плачетъ, тоскуеть...

— Утѣшите его, Болеславъ! шепнула пани Ядвига.

Грабовскій взглянулъ на Стася. Тотъ плакалъ.

— Послушай, Стасю, заговорилъ онъ. — Ты забываешь, что говорилъ я тебѣ не разъ, что говорилъ тебѣ покойный ксендзь-прѣбощъ...

Мальчикъ поднялъ на него полные слезъ глаза.

— Ты помнишь, я говорилъ тебѣ, и говорилъ не далѣе, какъ вчера, что прѣбощъ долженъ былъ умереть... Да, долженъ... Во первыхъ, онъ былъ совсѣмъ большой человекъ. Его здоровье ужъ много лѣтъ было въ конецъ расшатано; а во вторыхъ... во вторыхъ, Стась, онъ былъ слишкомъ хорошъ и добръ, чтобъ жить долго... Такіе люди — не отъ міра сего, и Богъ ихъ беретъ къ себѣ... Ты понимаешь? — Да, прѣбощъ былъ старъ и дряхлъ, милый мой, а ты еще слишкомъ молодъ, и жизнь передъ тобой впереди... Такъ не тоскуй-же и не горюй, голубчикъ!.. Не забывай, что говорилъ тебѣ покойный ксендзь... Учись и учись, мой милый; старайся, чтобъ жизнь твоя была такъ-же свѣтла и чиста, какъ и жизнь прѣбоща. — Будь добрымъ, хорошимъ, честнымъ, люби людей, — вѣдь это его завѣтъ тебѣ, — и онъ будетъ радоваться за тебя на томъ свѣтѣ!..

И долго и много еще говорилъ панъ Болеславъ. Стась молча слушалъ. Лошадки бодро бѣжали впередъ, а мятель выла и бушевала и наметала на ихъ пути цѣлыя горы снѣга, который скоро опять разносило вѣтромъ... А вонъ и Маювка... Старый Панасъ привсталъ и взмахнулъ кнутомъ...

Святки подходили къ концу; оставался всего только одинъ день праздниковъ... Былъ ясный, морозный вечеръ. Сквозь стекла оконъ, слегка подернутыя инеемъ, глядѣла луна. Въ залѣ ярко пылала печь. Стась, грустный, унылый, сидѣлъ у окна и смотрѣлъ на улицу. Но тамъ ничего не было видно; только дымокъ кой-гдѣ подымался изъ трубъ и разстилался въ тихомъ, морозномъ воздухѣ. Панъ Ромуальдъ, въ домашнемъ тепломъ жупанѣ, съ трубкой въ рукѣ, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ и задумчиво крутилъ усы...

— Да, ты очень меня огорчилъ, мальчикъ! говорилъ онъ, останавливаясь передъ Стасемъ. Тотъ опустилъ глаза. — Признаться, я никогда не ожидалъ отъ тебя такого поступка!

— Но что-же я сдѣлалъ дурного, папочка? прошепталъ Стась.

— Какъ? Что ты сказалъ? Что сдѣлалъ дурного?.. Гм! — Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся. — Такъ, ты, значить, считаешь себя совершенно правымъ? — Вотъ какъ!.. — Во-первыхъ, ты выпустилъ стараго Павлюка. — А знаешь-ли ты, что такое этотъ Павлюкъ! — Вѣдь это разбойникъ, злодѣй, кровопийца, такой, какого не знали въ польской Украинѣ съ самыхъ временъ Хмельницкаго!.. Это не человѣкъ — звѣрь... Нѣтъ, хуже звѣря... И звѣрь иногда можетъ чувствовать состраданіе, жалость: медвѣдь, говорятъ, никогда не трогаетъ женщинъ... Павлюкъ не знаетъ ни жалости, ни состраданія... Онъ рѣжетъ всѣхъ, безъ разбора: и женщинъ и стариковъ, и дѣтей... Предъ нимъ дрожить и трепещетъ чуть-ли не вся Украина... — И знаешь-ли, сколько онъ на своемъ вѣку пролилъ крови?.. Да, сколько крови... Вѣдь еслибъ ее можно собрать было, — она затопила-бы всю Маювку!.. И вотъ такого злодѣя и душегуба ты выпустилъ, и далъ возможность ему опять жечь, рѣзать, вѣшать... Что-жъ, хорошо ты сдѣлалъ?..

— Но, папочка...

— Что?

— Панъ Болеславъ мнѣ говорилъ, что были злодѣи, такіе-же, какъ Павлюкъ... Они раскаивались потомъ, поступали въ монастыри, замаливали тамъ грѣхи...

Панъ Ромуальдъ усмѣхнулся.

— И ты думаешь, что и Павлюкъ тоже раскается? Что онъ бросятъ ножъ и возьмется за четки?

— Да, папочка, я такъ думаю... я увѣренъ...

— Гм... Скорѣе голодный волкъ пойдетъ въ стадо и будетъ ласкаться и лизать овецъ, чѣмъ этотъ закоренѣлый грѣшникъ раскается!..

Панъ Ромуальдъ умолкъ и опять заходилъ по комнатѣ.

— Да, знаешь, что сдѣлалъ ты, Стась? опять продолжалъ онъ, останавливаясь передъ мальчикомъ.— Ты совершилъ *преступленіе* передъ обществомъ... Ты понимаешь это?— Положимъ, я знаю, тобой руководило доброе чувство: тебѣ стало жаль этого стараго грѣшника... Точно, онъ былъ до крайности жалокъ... Ты зналъ, что его ожидала позорная, страшная казнь... Но развѣ не заслужилъ онъ ее?

Стась молчалъ.

— Да, ты сдѣлалъ такое дѣло, за которое взрослый могъ заплатить-бы пожизненнымъ заключеніемъ, даже болѣе... Но ты — ребенокъ... И это еще не все, Стась... Ты сдѣлалъ еще одно гадкое, безчестное дѣло...

— Папочка!..

— Слушай!.. Ты нарушилъ права гостепріимства... Да!.. Ты, точно заправскій воръ, ночью всталъ потихоньку съ постели, пробрался въ спальную пана Зарембы и укралъ у него изъ подъ подушки ключъ.— Да, Стась, *укралъ!*.. Такой поступокъ на всѣхъ языкахъ называется воровствомъ...

Яркая краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Стася; слезы блеснули у него въ глазахъ... — Панъ Ромуальдъ опять заходилъ по комнатѣ.

— И все это требуетъ наказанія, Стась, наказанія!.. говорилъ онъ.— И я даже не знаю, какъ наказать тебя... Ты поступилъ гадко, скверно; ты согрѣшилъ и передъ людьми и передъ Богомъ, и долженъ раскаяться. Такъ вотъ... Ты обратись къ о. Бенедикту и по-

проси, чтобъ онъ наложилъ на тебя *покуту* *)... Пусть онъ заставитъ тебя читать *Miserere*, и ты читай его много и много разъ, тамъ у себѣ въ коллегіи, во все время Пасхи... На Пасху ты не пріѣдешь домой...

Крупныя слезы потекли по щекамъ Стася. Онъ поднялъ глаза на отца. Но лицо того было мрачно, серьезно.

— Ну, а теперь ступай, Стась... Простись съ Маювкой, съ твоими знакомыми,—ты не увидишь ужъ ихъ до лѣта...

Стась молча всталъ и вышелъ изъ комнаты.

Весь дворъ былъ залитъ свѣтомъ луны,—и все здѣсь было такъ-же, какъ лѣтомъ, все на своемъ мѣстѣ... — Конюшня, амбары, ледникъ, колодезь, съ привязаннымъ къ валу желѣзнымъ ведромъ; костры дровъ у забора... А вонъ и калитка въ садъ... Теперь тамъ мрачно, пустынно... Деревья голая, обнаженные, и снѣгъ повсюду, одинъ только снѣгъ... Засыпалъ онъ и крышу бесѣдки, и клумбы, и всѣ дорожки, тропинки... А вонъ старый кудлатый песъ, Вѣрный, вылѣзъ изъ своей кануры и подошелъ къ Стасю, помахивая хвостомъ. Мальчинокъ молча его погладилъ.

— Паниченьку!.. послышался вдругъ чей-то голосъ.

Стась обернулся. Изъ нижняго, подвального этажа по лѣсенкѣ вылѣзалъ его старый другъ и пріятель, Охримка, сынъ повара. Онъ какъ-то лукаво подмигивалъ Стасю и дѣлалъ ему какіе-то таинственные знаки.

— Глядите-ка, что я вамъ покажу, паниченьку, шопотомъ говорилъ онъ и тревожно оглядывался по сторонамъ.—Подите-ка, вотъ, сюда!.. Давно ужъ собирался, да все васъ поймать не могъ...

И Стась манишально какъ-то послѣдовалъ за Охримкой.

Мальчишка, все такъ-же оглядываясь, прошелъ черезъ дворъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ, на сѣноваль. Стась тоже полѣзъ за нимъ.

*) Эпитимью.

— Смотрите-ка, вотъ, смотрите! радостно говорилъ Охримка. Онъ поконался немного въ сѣнѣ и вытащилъ оттуда небольшой ящикъ съ дырочками.

— Ну, что-же у тебя тамъ? какъ-то разсѣянно спросилъ Стась.

— А, вотъ, взгляните!

Охримка отворилъ ящичекъ. Онъ весь былъ усыпанъ внутри опилками, сверху выложенъ мхомъ. А въ ящикѣ сидѣла мышка. Тутъ-же разбросаны были хлѣбныя крошки, и стоялъ черепокъ съ водой.

— Гм... Чтожь тутъ такого, мышъ! — равнодушно говорилъ Стась.—Зачѣмъ ты ее тутъ держишь?

— Да это не простая, паниченьку, мышъ,—ученая!

— Какъ такъ ученая?

— А, вотъ, взгляните!

Охримка свистнулъ какъ-то особенно, и мышка вскочила на заднія лапки. Онъ поднялъ соломенку и крикнулъ: „саблю“! — И мышка взяла соломенку, точь въ точь какъ жолнеры сабли. Стась улыбнулся.

— Да это еще не все, паниченьку... Она и еще кой что знаетъ, говорилъ Охримка, и даже захлебывался отъ восторга. — Смотрите-ка! — Онъ вытащилъ изъ кармана веревочку и опустилъ ее надъ ящичкомъ. Мышь тотчасъ-же вскарабкалась по ней, пробѣжала по вытянутой рукѣ Охримки и скрылась за воротникомъ его свитки.

— Вотъ, вѣдь, она какая, шельма... ученая!.. говорилъ Охримка и радостно скалилъ свои бѣлые, точно слоновая кость, зубы. — Да, правду сказать, и возни-же мнѣ было съ ней!.. Четыре мѣсяца я съ ней бился, изо дня въ день... И ничего-то сперва не понимала, глупая... Ну, а потомъ поняла, — вышколилъ!..

Онъ вытащилъ изъ-за воротника мышку и пустилъ ее опять въ ящикъ.

— Вы только отцу, ради Бога, не сказывайте, паниченьку! робко говорилъ онъ.—Страхъ, что будетъ, какъ онъ узнаеть!..—Ты чѣмъ, скажетъ, тутъ занимаешься? А?..

— Зачѣмъ-же сказывать!..

— Да, ужь не говорите!.. Онъ, вѣдь, у меня страхъ какой строгій... Чуть что немного—драть!..

— Ну, прячься-же, прячься скорѣй, — идуть!.. крикнулъ вдругъ онъ. И мышка тотчасъ-же зарылась въ мохъ.

Стасъ засмѣялся.

Охримка закрылъ ящичекъ и опять упряталъ его подъ сѣно.

— А вы, паниченьку, говорятъ, скоро ѣдете?

— Да, завтра...

— Гм... Недолго-же вы у насъ погостили!.. И скучно-же вамъ, поди, будетъ тамъ?

Стасъ промолчалъ. Охримка тоже умолкъ на минутку. Потомъ онъ робко какъ-то и изъ подлѣбья взглянулъ на Стася.

— А правда, паниченьку, заговорилъ онъ, — что, будто-бы, вы стараго Павлюка выпустили?..

Стасъ нахмурился.

— Да, правда, пробормоталъ онъ.

— Пра-авда? протянулъ Охримка. — А я думалъ, брешуть... Зачѣмъ-же вы его выпустили, паниченьку?..

— А затѣмъ, что я не хотѣлъ, чтобъ его повѣсили или посадили на колъ! рѣзко проговорилъ Стасъ. — Мнѣ жалко его стало, Охримка, жалко!.. мягче добавилъ онъ.

— Та-акъ! протянулъ Охримка. — Известно, жаль... Какой ужь онъ тамъ ни есть, а все человѣкъ тоже... Вотъ видите-ли, паниченьку...—Онъ оглянулся и началъ чуть слышнымъ шопотомъ. — Вы только не сказывайте никому, сохрани Богъ!.. У насъ о немъ, о Навлюкѣ-то, разно толкують... Иные, вонъ, говорятъ, что онъ Богомъ проклятъ, и продалъ душу нечистому; что, будто, и смерть его не беретъ... Ребята у насъ его страхъ какъ боятся, — пуще огня!.. Ну, а другіе, вонъ, говорятъ, что онъ, будто, за вѣру стоитъ православною, за народъ христіанскій, какъ батька Богданъ... Не знаю, правда-ли только?—И онъ вопросительно поглядѣлъ на Стася. Но тотъ молчалъ.

— Такъ, вотъ, онъ бѣжалъ, значить, опять продолжалъ Охримка.—Теперь опять станетъ разбойничать,—рѣзать, да грабить панибѣ...
 — Нѣтъ, не станетъ! рѣзко перебилъ Стась. — Павлюкъ раскается. Онъ уйдетъ въ монастырь и будетъ замаливать тамъ грѣхи...
 Охримка вытаращилъ на него глаза.

— Въ монастырь... грѣхи... забормоталъ онъ. — Да какъ-же, паниченъку?.. Вѣдь онъ, говорятъ, проклятъ Богомъ, и Богъ не приметъ его молитвъ...

— А ты слыхалъ о разбойникѣ на крестѣ, Охримка?

— Нѣтъ, не слыхалъ, паниченъку... Это какой-же?
 — А вотъ какой...—И Стась разсказалъ. Охримка слушалъ его молча и съ удивленіемъ.

— А ты слыхалъ о разбойникѣ на крестѣ, Охримка?

— Нѣтъ, не слыхалъ, паниченъку... Это какой-же?

— А вотъ какой...—И Стась разсказалъ. Охримка слушалъ его молча и съ удивленіемъ.

— Такъ, вотъ, говорилъ Стась.—И что-же сказалъ ему Іисусъ Христось, когда тотъ раскаялся?—„Ты будешь со Мною въ раю!“ сказалъ Онъ... — Да, нѣтъ на свѣтѣ, Охримка, такого грѣшника, котораго-бы Господь не простилъ, не помиловалъ... Проститъ онъ и Павлюка...

Охримка молчалъ и крутилъ соломенку между пальцами.

— Нѣтъ, Павлюка не проститъ Богъ!.. съ полной увѣренностью заговорилъ онъ.—Кого Онъ разъ проклялъ, такъ тотъ ужъ...

— Молчи! рѣзко перебилъ Стась. — Ты ничего тутъ не понимаешь!..

И Охримка умолкъ и точно какъ-то весь сѣѣжилъ...

... И опять стоитъ у крыльца повозка, запряженная парой бодрыхъ, сытыхъ лошадокъ. Старый Панасъ сидитъ на козлахъ и старательно урезониваетъ ворошка, который пошаливаетъ...

И опять въ залѣ собралось то-же общество, какъ и осенью, при проходахъ Стася въ коллегію. Тутъ и панъ Ромуальдъ, въ дорож-

номъ костюмѣ, совсѣмъ ужь готовый въ путь; и пани Ядвига, съ заплаканными глазами; и Зося съ мужемъ. Но тогда не было пана Грабовскаго, а теперь онъ тоже присутствуетъ здѣсь, и не обращаетъ никакого вниманія на косые взгляды, которые кидаетъ на него, порою о. Бенедиктъ. Стась, грустный, задумчивый, стоитъ возлѣ монаха и молча выслушиваетъ его наставленія.

— Такъ вотъ, строгимъ, суровымъ тономъ говоритъ тотъ.— Помни, что я говорилъ тебѣ... Ты долженъ каждый день, утромъ и вечеромъ, прочитывать *Miserere*, по пяти разъ, вплоть до Пасхи, и, кромѣ того, разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ, выполнять полный *ружѣнецъ*... Ты понялъ меня, надѣюсь?

— Да, о. Бенедиктъ...

— То-то... Ну, а теперь, — Господь да помилуетъ и спасетъ тебя! — И онъ перекрестилъ мальчика. — И да простишь Онъ тяжкій твой грѣхъ... Молись, Стась!..

— Пора, однако! панъ Ромуальдъ всталъ. — Ты, Ядичка, ужь безъ слезъ, пожалуйста! Не на вѣкъ, вѣдь, разстаетесь...

Пани Ядвига прижала ко груди сына; слезы ручьемъ текли у нея по щекамъ...

— Ну, съ Богомъ!.. Прощай, Стась... До свиданія! — И панъ Болеславъ обнялъ плачущаго мальчика. — Учись, другъ мой, учись! Будь человѣкомъ... Люби людей! — И онъ крѣпко сжалъ ему руку. — И не тоскуй о прѣбощѣ... Ни подъ какимъ видомъ!.. Онъ будетъ радоваться за тебя на томъ свѣтѣ, если ты только будешь добрымъ, хорошимъ, честнымъ... Прощай!..

Панасъ дернулъ возжами, и лошади тронулись... Вотъ выѣхали онъ за ворота и побѣжали бодрой рысцой по занесенной снѣгомъ дорогѣ... Пани Ядвига стояла у воротъ и махала бѣлымъ платкомъ... — Деревня скрылась вдали, и дорога пошла темнымъ и мрачнымъ лѣсомъ...

Да, далеко до Кіева. — долгій путь! И чтѣ-то тамъ будетъ со Стасемъ? Гдѣ помѣститъ его панъ Ромуальдъ (не у Вериги только) —

и какво ему будетъ жить между другихъ, незнакомыхъ ему, людей? Какъ будетъ учиться Стась, какъ кончить онъ курсъ въ коллегіи, и куда потомъ направить свой путь?.. Будеть-ли всегда помнить онъ завѣты ксендза-прѣбоща и пана Болеслава Грабовскаго?—Но будущее задернуто пока отъ насъ темною, непроницаемою завѣсой... Быть можетъ, потомъ, когда нибудь, мы приподнимимъ эту завѣсу и посмотримъ, что тамъ за нею творится... — Да, мы, надѣюсь, встрѣтимся еще разъ со Стасемъ и другими героями нашей повѣсти...

Изданія А. Ф. Девріена.

(С.-Петербургъ, Вас. О-въ, Румянцевская площ., д. 1/3).

Изъ жизни нашихъ предковъ. Историческіе очерки и картины для юношества *А. П. Смирнова*. Съ рис. А. Е. Земцова и М. Т. Михайлова. 3-е изд. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 1 р. 50 к.

Осада Казани. — Серебряный рубль. — Темные люди. Три историческихъ разсказа *А. П. Смирнова*. Съ предисловіемъ *К. С. Баранцевича*. Рис. худ. Э. К. Соколовскаго. Цѣна въ иллюстр. обложкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 1 р. 75 к.

Учен. Комит. М-ва Нар. Просв. допущено въ ученич. бібліотеки низшихъ и средн. учебн. завед. и въ безплатныя нар. читальни и бібліотеки.

Суета суетъ. Историческая повѣсть для юношества изъ русской жизни прошлаго столѣтія. *С. М. Макаровой*. Съ рис. Н. Н. Каразина и А. Е. Земцова и съ портретами по современнымъ гравюрамъ. 3-е изд. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 1 р. 50 к.

Грозная туча. Историческая повѣсть для юношества изъ временъ отечественной войны. *С. М. Макаровой*. Изд. 5-е. Со многими рис. Н. Н. Каразина и съ портрет. Въ коленкоровомъ перепл. Цѣна 3 р. 75 к.

1-ое изд. рекомендовано для классн. бібліот. и подарковъ воспитанницамъ III и IV клас. въ гимназ. и инстпт. вѣдом. учрежденій Императрицы Маріи.

Дѣти-крестоносцы. Историческая повѣсть для юношества. *Евгенія Гаршина*. Съ рис. *Е. Е. Баумартенъ*. 4-е изд. Цѣна въ обложкѣ 60 к., въ папкѣ 85 к.

Учен. Комит. М-ва Нар. Просв. допущено въ ученич. младш. и средн. возраста бібліотеки средн. учебн. завед. М-ва.

Слѣпой допрачей. Историческіе разсказы для юношества. *О. И. Роговой*. Съ рис. Л. Бакста и Ф. Казачинскаго. 2-е изд. Въ перепл. Цѣна 2 р. 50 к.

Книга эта допущена Учен. Комит. Министерства Нар. Просвѣщ. въ народныя читальни.

Богданъ Хмельницкій. Историческая повѣсть для юношества. *О. И. Роговой*. Съ 9-ю хромолитографіями и другими иллюстраціями по акварелямъ академика *М. О. Микъшина*. 2-е изд. Одинъ большой томъ, въ роскошномъ переплетѣ. Цѣна 4 р.

1-е изд. рекомендовано для бібліотекъ старшихъ ротъ кадетскихъ корпусовъ.

Сынъ гетмана. Историческая повѣсть для юношества *О. И. Роговой*. Съ иллюстраціями Л. Бакста. 3-е изд. Въ роскошн. коленкор. перепл. Цѣна 2 р. 50 к.

Послѣдній изъ Черноевичей. Повѣсть изъ быта Черногоріи. *Прокопія Хохолушка*. Переводъ съ чешскаго М. А. Ляликой. Съ рисунк. художника Н. И. Ткаченко. Цѣна 45 к., въ папкѣ 60 к.

Учен. Комит. М-ва Нар. Просв. допущено въ ученич. библ. средн. возр. мужск. и женск. гимназій, реальныхъ училищъ и городскихъ и въ безплатныя народн. читальни и библ. — Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано въ ротныя бібліотеки кадетск. корпусовъ.

Изданія А. Ф. Девриена.

(С.-Петербургъ, Вас. О-въ, Румянцевская площ., д. 1/3).

Юрій Збигонь — молодой чехъ. Повѣсть для юношества. *М. Ляммой*. Съ 13-ю рисунк. Е. Е. Баумгартенъ. Въ иллюстр. перепл. Цѣна 2 р.

Афрайя, герой лапландцевъ. Разсказъ изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ въ прошломъ столѣтїи. Передѣлано для юношества *Отто Говманомъ*, изъ романа *Ө. Мюгге*. Перев. съ нѣм. *О. Роговой*. 2-е изд. Съ 6-ю хромолит. рис. Въ перепл. Ц. 3 р. 1-е изд. допущено для ученич. библиот. учебн. зав-д. вѣдом. Императрицы Марїи.

Корень зла. Историческая повѣсть *П. Н. Полевого*, передѣланная для русскаго юношества. Съ 18-ю гравюрами *А. Земцова* и *К. Лебедева*. 2-е изд. Въ коленкор. перепл. Ц. 3 р. 75 к.

Избрашникъ Божїй. Историческая повѣсть начала XVII в. Сочин. *П. Н. Полевого*. Съ 12-ю автотипїями по рисунк. художника *К. В. Лебедева*. Ц. въ коленкор перепл. 3 р.

Учен. Комит. М-ва Нар. Пров. допущено въ учен. библ. мужскихъ и женскихъ гимназїй, реальныхъ училищъ и городскихъ, а также въ безплатн. нар. читальни и библиотеки.

Учен. Комит. вѣд. Императрицы Марїи допущено въ ученич. библиотеки. Главн. Управл. военно-учебн. завед. рекомендовано для приобрѣт. въ роти. библ. кад. корпусовъ.

Будееникъ. Историческая повѣсть для юношества *П. Н. Полевого*. Съ 12-ю отдѣльными рисунками акад. *К. В. Лебедева*. Цѣна въ коленк. пер. 3 р.

Подъ звонъ мечей. Народныя сказанїя Сѣвера и Запада Европы: Кельтїйскїя, Скандинавскїя, Германскїя и Финскїя—въ изложенїи *П. Н. Полевого*. Съ рис. Г. Доре, Н. Н. Каразина, Шпюррь-Фонъ-Карольсфельда, Е. Гарнака и друг. Цѣна въ иллюстрированной обложкѣ 4 р., въ коленк. пер. 4 р. 75 к.

Допущено Учен. Ком. Мин. Нар. Пр. въ учен. библ. средн. учебн. заведений.

Севастополь и его славное прошлое. Сочин. *А. П. Валуевой* (Мушгъ). Съ 30 политип. въ текстѣ и 4-мя отдѣльными рисунками въ краскахъ по оригиналамъ художника *Н. Самокиша*. Цѣна въ обложкѣ 2 р. 75 к., въ коленк. перепл. 3 р. 50 к.

Учен. Комит. при Святѣйшемъ Синодѣ допущено въ ученич. библ. духовныхъ семинарїй, мужскихъ духовныхъ и женскихъ епархіальныхъ училищъ.

Одобрено Учен. Комит. Мин. Нар. Пров. для ученич. библ. всѣхъ вообще средн. завед. и допущено въ безплатныя читальни.

Учебн. Комит. вѣдомства Императрицы Марїи рекомендовано для учен. библиот. средн. и старш. возр. средн. учебн. завед.

Полный каталогъ изданїй А. Ф. Девриена
высылается по требованїю бесплатно.

